ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

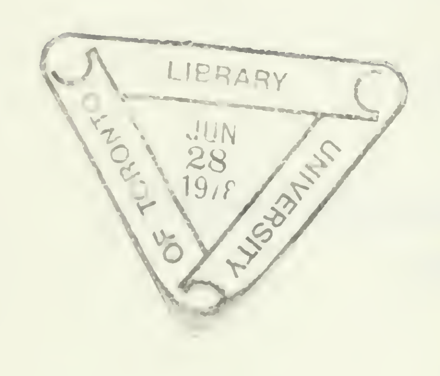
Я. ГРОТА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ТРЕТЬЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.



Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, февраль 1885 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Выпуская свои *Филологическія Разысканія* третьимъ изданіемъ, замѣчу только, что въ первый томъ вошло нѣсколько новыхъ статей, написанныхъ мною въ послѣдніе годы; сверхъ того прибавлена одна статья болѣе отдаленнаго времени („Объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка"), которая при двухъ первыхъ изданіяхъ была упущена изъ виду.

Относительно перемѣнъ, сдѣланныхъ во второмъ томѣ, отсылаю читателей къ помѣщенному тамъ предисловію.

Я. Гротъ.

Декабрь 1884.

СОДЕРЖАНІЕ

МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

От автора . . . . III.

Народный и литературный языкъ.

Толковый словарь живаго великорусскаго языка, В. И. Даля 1

Заимствованія изъ другихъ языковъ. — Петръ Великій и Ломоносовъ. — Карамзинъ и его противники. — Допущеніе народнаго языка въ литературу. — Успѣхи народности. — Взглядъ Даля. — Прежніе труды его. — Очеркъ его біографіи. — Ходъ его занятій по словарю. — Отношеніе его къ литературному языку. — Отношеніе между народною и образованною рѣчью. — Иностранныя слова. — Неологизмы. — Заимствованія изъ областныхъ нарѣчій. — Очищеніе языка. — Взглядъ Даля на свою задачу. — Планъ, составъ и предѣлы его словаря. — Придуманныя имъ самимъ новыя слова. — Расположеніе словъ по гнѣздамъ. — Примѣры невѣрнаго расположенія словъ въ гнѣздѣ. — Словопроизводство Даля. — Грамматическая часть въ словарѣ. — Правописаніе его. — Окончаніе именъ средняго рода на *іе* и *ье*. — Примѣры въ словарѣ. — Пословицы и поговорки. — Словотолкованіе. — Вещественныя толкованія. — Слова, относящіяся къ ботаникѣ и зоологіи. — Общее заключеніе.

Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка 61

Справедливо ли онъ считается преобразователемъ языка? Мнѣніе современниковъ. — Нынѣшній взглядъ. — Въ чемъ заслуга Карамзина. — Начатки измѣненій до него. — Языкъ Фонъ-Визина и Крылова. — Письменный языкъ въ концѣ XVIII вѣка. — Сохацкій и Подшиваловъ. — «Московскій Журналъ». — Языкъ современн. писателей. — Журналы Крылова. — Журналъ Туманскаго. — Стилистика Подшивалова. — Подражатели Карамзина. — Шишковъ и его полемическіе пріемы. — Его обвинительные пункты. — Пріемы Карамзина. — Отзывъ Макарова. — Составленіе новыхъ словъ. — Языкъ и слогъ Карамзина. — Въ чемъ заключалось его подражаніе иностранцамъ. — Главныя основанія его синтаксиса. — Особенности рѣчи его. — Ограниченіе славянизмовъ. — Введеніе иностранныхъ словъ. — Употребленіе прежнихъ словъ въ новомъ значеніи. — Новыя слова. — Свидѣтельства Давыдова и Дмитріева. — Выводы.

Приложенія къ предыдущей статьѣ:

I. Отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ профессорами Московскаго университета 118

II. Замѣчанія Карамзина о языкѣ, изъ разборовъ его въ «Московскомъ Журналѣ» 120

III. Крыловъ противъ Карамзина 124
IV. Отрывокъ изъ Бюффона въ переводахъ Малиновскаго, Лепехина и Карамзина 127
V. Образчики языка изъ журналовъ начала 1790-хъ годовъ . 128
IV. Образчики языка Карамзина въ первое время его авторства 131

Областные словари 133

Богатство нѣмецкой литературы пособіями по діалектологіи.— Нѣмецкій языкъ. — Швейцарское нарѣчіе. — Словарь баварскаго нарѣчія, Шмеллера.—Швабскій словарь и др.—Выводы.—«Опытъ областного великорусскаго словаря». — Правила при составленіи его. — Польза его.

По поводу нѣмецкой брошюры Клауса Грота о мѣстныхъ нарѣчіяхъ 152

Словарь областного Архангельскаго нарѣчія, составленный А. Подвысоцкимъ 154

Къ соображенію будущихъ составителей русскаго словаря.

I. Шведскій академическій словарь 173

Шведская академія. — Труды ея секретаря Бескова. — Составъ академіи.—Ея труды по языку.—Планъ составленія словаря.— Приготовительные труды. – Сторонніе сотрудники. — Средства академіи. — Выборъ главнаго сотрудника. — Первый выпускъ словаря. — Причины медленности изданія.

II. Программа словаря братьевъ Гриммовъ 196

Общая идея.— Академическіе словари.— Исторія словарей.— Расположеніе словаря.—Назначеніе его.—Объемъ и границы словаря.— Прежніе нѣмецкіе словари.— Иноземныя слова.— Собственныя имена.—Техническіе термины.— Непристойныя слова.— Источники словаря.—Подтвержденіе словъ примѣрами.— Грамматическая терминологія.— Опредѣленіе словъ.— Средства къ образованію словъ.— Частицы.— Словотолкованіе.— Словоизслѣдованіе. — Бытовая сторона объясненій. — Форма буквъ и печать. — Исторія шрифтовъ. — Правописаніе. — Удареніе. — Раздѣленіе труда. — Сторонняя помощь.

III. Словарные труды Датчанъ 245

IV. Русско-Французскій словарь г. Макарова 248

Степень его полноты. — Выдержки. — Фразеологія.

V. Планъ словаря въ новомъ родѣ 255

Приложеніе къ статьѣ: Къ соображенію будущихъ составителей русскаго словаря. Мнѣніе Сперанскаго о новомъ изданіи славяно-россійскаго словаря 257

Замѣтка о названіяхъ мѣстъ 261

Объясненіе географическихъ именъ.— Географическіе словотолкователи. — Переводныя названія въ русской лѣтописи. — Передѣлан-

ныя имена.— Русскія и финскія названія.— Пермь и названія финскихъ народовъ. — Ладога и Нева.— Ильмень, Кивачъ.— Колывань.

Откуда слово Кремль 281

Псковской Кромъ. — Московскій Кремникъ. — *Кром* въ названіи народовъ. — Форма слова *Кремль*. — Этимологія словъ *кромъ* и *кремль*. — Предположеніе о заимствованіи съ греческаго.

Замѣтка о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ русскаго языка 292

Начало гравированія въ Россіи. — Слово грыдоровать. — Книгопечатные термины.

О произношеніи буквъ Э, Е, Ѣ 296

Etymologische Beiträge und die Aussprache des betonten russischen e, von Dr. Fr. Haag 301

О нѣкоторыхъ особенностяхъ къ системѣ звуковъ русскаго языка 305

Видоизмѣненіе гласнаго отъ послѣдующаго звука.— Русская азбука.— Азбучная схема г. Бетлинга.— Вопросъ о мягкости гортанныхъ звуковъ. — Два звука буквы *г*. — Взаимная смѣна звуковъ *а* и *о*. — Этимологія слова *плевать*.— Этимологія слова *слюна*.— Умягченіе согласныхъ передъ мягкими звуками.— Умягченіе шипящихъ.— Способъ присоединенія нѣкоторыхъ суффиксовъ. — Объ умягченіи звуковъ *л* и *н*. — Выводъ относительно вліянія послѣдующаго звука на предыдущій гласный.

Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка 335

О спряженіи русскаго глагола и о важности въ немъ ударенія 354

Основныя формы спряженія.—Третье лицо множ. ч.—Образованіе другихъ формъ. — Удареніе причастной формы. — Несоотвѣтствіе формъ въ нѣкоторыхъ глаголахъ.— Значеніе основныхъ формъ.— Законъ умягченія звуковъ въ спряженіи. — Значеніе основныхъ формъ въ словаряхъ.

О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ 372

Въ какихъ глаголахъ оно встрѣчается.—Глаголы на *оть* и *ить*.— Отличительное свойство первообразныхъ глаголовъ.—Условія ударенія въ глаголахъ.— Знаки ударенія въ древнихъ текстахъ.— Примѣчанія.

О русскомъ удареніи вообще и объ удареніи именъ существительныхъ 388

Общія замѣчанія о сущности русскаго ударенія. — Трудность изслѣдованія.

I. Удареніе въ именительномъ падежѣ 391

Первообразныя и производныя слова. — Предложныя имена. — Производственныя окончанія мужескаго рода. — *окъ* и *скъ*. — *ецъ*. — *икъ*. — *щикъ*, *чикъ* и др. — *тель*. — Окончаніе женскаго рода. — *ица*. — *ина*. — *ота*, *ета* и др. — Окончаніе средняго рода. — *ніе*, *тіе*. — *ство*, *ствіе*. — *ище*.— *ло*, *со*, *но*, *ро*, *ко* и др.— Общіе выводы

относительно ударенія существительныхъ.—Примѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ.

II. О переходѣ ударенія именъ существительныхъ въ косвенныхъ падежахъ 437

Имена мужескаго рода.—Имена женскаго рода.—Имена средняго рода.—Имена муж. и жен. рода на *ь*.

III. По поводу нѣмецкой брошюры г. Кайслера о русскомъ удареніи 452

Цѣль и содержаніе брошюры.—Общія замѣчанія объ удареніи.—Русское удареніе. — Различное протяженіе слоговъ. — Подвижность ударенія. — Первобытная свобода его. — Перенось его во флексіяхъ. — Неуловимость законовъ его. — Взгляды Бопша и Бенлева. — Подвижность въ глаголахъ.—Вліяніе предлоговъ.—Предложные глаголы. — Случаи двоякаго ударенія. — Заключеніе.

Замѣтка о нѣкоторыхъ формахъ именныхъ флексій 474

Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ. И. Бодуэна-де-Куртенэ 480

Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка. Е. Бѣляскаго 485

По вопросу о значеніи подлежащаго въ предложеніи 498

О названіяхъ аиста въ Россіи 504

Разнообразіе названій. — Названіе у нижне-германскихъ народовъ.—Названіе одного изъ днѣпровскихъ пороговъ.— Примѣры названій мѣстъ на двухъ языкахъ. — Выводъ. — Примѣчанія.

О словѣ «шпильманъ» въ старинныхъ русскихъ памятникахъ 516

Объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка. 520

Матеріалы для русскаго словаря.

I. Дополненія и замѣтки къ толковому словарю Даля 536

II. Слова областного словаря сходныя съ скандинавскими 571

III. Слова областного словаря сходныя съ финскими 584

IV. Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ 589

V. Слова взятыя съ польскаго или чрезъ посредство польскаго . 609

Указатели:

I. Указатель именъ и предметовъ.

II. Лексическій указатель:

1. Русскія слова и имена.
2. Иностранныя слова и имена.

НАРОДНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Толковый словарь живаго великорускаго языка, В. И. Даля[1].

Четыре части въ большую четвéртку; LIV и 2388 стр. (не считая прибавленій). Москва. 1863—1866.

Чтобы лучше выяснить идею и цѣль Словаря Даля, нужнымъ считаю напередъ взглянуть на ходъ развитія русскаго письменнаго и вообще образованнаго языка.

Русскій языкъ не избѣгъ судьбы большей части языковъ: въ различныхъ соприкосновеніяхъ съ другими націями народъ русскій, особливо же грамотная часть его, заимствовалъ у нихъ множество словъ, которыя болѣе или менѣе тѣсно и прочно сродились съ его языкомъ. Такія заимствованія происходятъ во всякое время, по мѣрѣ потребности, вслѣдствіе усвоенія извнѣ новыхъ понятій и знакомства съ новыми предметами; но бываютъ эпохи, когда заимствуются цѣлыя сферы новыхъ идей, а оттого и цѣлые разряды словъ. Подобныхъ эпохъ въ жизни русскаго народа было нѣсколько. Оставляю въ сторонѣ заимствованія, сдѣланныя издревле, во время вѣкового сожительства или сосѣдства съ племенами германскими, чудскими и татарскими, которое влекло за собою обмѣнъ предметовъ вседневнаго быта и ихъ названій: разу-

[1] На основаніи этого разбора покойному В. И. Далю присуждена Ломоносовская премія въ 1870 году.

мѣю только такіе событія или перевороты, которые, пробуждая неизвѣстныя прежде духовныя потребности, заставляли брать и готовыя слова для означенія соотвѣтственныхъ понятій. Главными событіями этого рода были для Россіи: введеніе христіанской вѣры, учрежденіе школъ по польскому образцу, сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ, и наконецъ преобразованія Петра Великаго со всѣми ихъ, еще и нынѣ продолжающимися, послѣдствіями. Естественно, что при заимствованіи извнѣ понятій, обычаевъ, обрядовъ, изобрѣтеній и учрежденій, языку трудно поспѣвать за развитіемъ идей, и онъ пользуется самымъ легкимъ способомъ обогащенія, т. е. беретъ нужныя слова изъ другихъ языковъ. При этомъ, однакожъ, онъ слѣдуетъ троякому пути: либо усвоиваетъ себѣ чужія слова безъ всякаго измѣненія (кромѣ окончаній, по требованіямъ языка), напр. *библія*, *икона*, *генералъ*, *солдатъ*, *протестъ*, *прогрессъ*; либо передѣлываетъ ихъ по-своему, напр. *церковь*, *налой*, *кадило*, *просвира*, *исполать*, *футляръ*, *тарелка*; либо наконецъ переводитъ слово и употребляетъ словосоставленія по чужеязычному образцу, напр.: *благословлять*, *провидѣніе*, *побѣдоносный*, *землеописаніе*, *любомудріе*, *вліяніе*, *трогательный*, *послѣдовательность*, *цѣлесообразный*.

Удобство подобныхъ заимствованій, особенно перваго изъ показанныхъ трехъ способовъ, допускающаго введеніе любого иностраннаго слова съ придачею ему только своенароднаго окончанія, во всѣ времена легко порождало злоупотребленія, которыя въ свою очередь нерѣдко вызывали противодѣйствіе. Полнѣйшую свободу въ этомъ отношеніи позволялъ себѣ самъ Петръ Великій, безпрестанно употреблявшій (иногда съ обозначеніемъ русскаго перевода) иностранныя слова, какъ-то: *баталія*, *викторія*, *фортеція*, *ассамблея*, *амбиція*, *имперіумъ*, и составлявшій въ томъ же родѣ собственныя имена: *Петербургъ*, *Кронштадтъ*, *Ораніенбаумъ*, *Катерингофъ*. Такъ же точно обращались съ языкомъ современные Петру писатели и переводчики. Во время господства иноплеменниковъ, наставшаго послѣ смерти Петра, дѣло не могло измѣниться къ лучшему. При Елизаветѣ же Петровнѣ произо-

шло патріотическое движеніе, которое въ литературѣ отразилось дѣятельностью Ломоносова. Главный протестъ противъ искаженія языка заявилъ онъ въ своемъ знаменитомъ разсужденіи *О пользѣ книгъ церковныхъ*, указывая на чтеніе ихъ какъ на вѣрнѣйшее средство уберечься отъ излишняго пристрастія къ иноземнымъ языкамъ. «Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Словенскаго языка съ Россійскимъ», говоритъ онъ, «отвратятся дикія и странныя слóва нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ..... Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется»[1]... Но Ломоносовъ, очищая лексическій составъ письменнаго языка, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго утвердилъ введенную еще до него духовными писателями совершенно несвойственную русской рѣчи латинскую конструкцію.

Послѣдователи Ломоносова, усвоивъ себѣ его уваженіе къ церковно-славянскимъ книгамъ, но не обладая его сдержанностью въ обращеніи съ языкомъ, обезобразили письменную рѣчь злоупотребленіемъ славянизмовъ. Это вызвало другую крайность: тѣ, которыхъ не удовлетворялъ такой слогъ, обратились къ новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ и стали въ нихъ искать себѣ образцовъ, особенно во французскомъ. Такъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, рядомъ съ языкомъ славяномановъ образовался, въ противоположность ему, «французскій штиль», и явились двѣ враждебныя школы, которыя не могли долго существовать одна возлѣ другой. Побѣдить должна была та изъ нихъ, на сторонѣ которой окажется болѣе здраваго смысла, вкуса и таланта. Эти преимущества соединилъ въ себѣ Карамзинъ: чуждаясь крайностей того и другого направленія, но склоняясь ко второму, болѣе современному, онъ удержалъ изъ него все то, что

[1] *Соч. Ломоносова*, изд. Смирд. Спб. 1847, т. I, стр. 533.

было согласно съ духомъ родного слова, сталъ писать очищеннымъ разговорнымъ языкомъ, усвоилъ себѣ естественный складъ рѣчи и вмѣстѣ то изящество выраженія, которому научился у лучшихъ европейскихъ писателей.

Понятно, что приверженцы славянщины не хотѣли безъ отчаянной борьбы уступить непріятелю спорное поле, и вотъ изъ рядовъ ихъ вышелъ рьяный борецъ за сохраненіе стараго слога. Шишковъ не хотѣлъ видѣть, что Карамзинъ и лучшіе изъ его послѣдователей, не изгоняя вполнѣ иностранныхъ словъ, вводя даже вновь такія, которыя казались имъ необходимыми, старались однакожъ избѣгать варваризмовъ и по возможности замѣнять русскими тѣ иноязычныя слова, для которыхъ можно было на родномъ языкѣ удачно пріискать соотвѣтствующія. Хотя въ сущности всѣ нововведенія карамзинской школы были равно ненавистны Шишкову, но онъ напалъ на нее особенно съ той стороны, съ которой она казалась ему всего болѣе уязвимою, именно со стороны заимствованій изъ другихъ новѣйшихъ языковъ. Осмѣивая встрѣчавшіяся въ *новомъ слогѣ* французскія слова, Шишковъ преслѣдовалъ и вообще всякіе неологизмы, напр. слова, составленныя по образцу иностранныхъ (*вліяніе, трогательный*), а также употребленіе прежнихъ словъ въ новомъ обширнѣйшемъ значеніи (*развитіе, потребность, переворотъ*) и вмѣсто того предлагалъ древнія слова, непонятныя современному русскому человѣку и дикія для его слуха, а по тому самому противныя даже ломоносовской теоріи письменнаго языка, какъ напр. *непщевать, гобзованіе, углъбать, присно текущій, умодѣліе* и т. п. Извѣстно, что нападенія Шишкова на новый слогъ имѣли только отрицательное дѣйствіе: ни одно изъ предложенныхъ имъ старинныхъ или имъ самимъ скованныхъ словъ и реченій не было принято, никто не сталъ выражаться такъ, какъ онъ совѣтовалъ; но его обвиненія заставили Карамзина и другихъ тогдашнихъ писателей обращать болѣе вниманія на свой письменный языкъ, быть осмотрительнѣе въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Мало того: Карамзинъ, трудясь надъ своей *Исторіей*, сталъ

глубже всматриваться въ языкъ лѣтописей и изъ него почерпать архаизмы, конечно не похожіе на тѣ, которые предлагалъ Шишковъ, но болѣе сообразные съ духомъ современнаго языка.

Однимъ только источникомъ литературной рѣчи мало воспользовался Карамзинъ — языкомъ народнымъ. Вслѣдствіе своего воспитанія и подъ вліяніемъ господствовавшаго издавна взгляда онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на эту область языка и считалъ простонародныя слова низкими или, какъ до него говорили, *подлыми*. Впрочемъ, сочиненія Карамзина большею частью относились къ такому роду литературы, который легко можетъ или, по крайней мѣрѣ, по тогдашнимъ понятіямъ могъ обходиться безъ помощи языка народнаго. Притомъ онъ еще не имѣлъ въ рукахъ памятниковъ этого языка, открытыхъ только въ позднѣйшее время. Однакожъ и этотъ элементъ рѣчи никогда не былъ вполнѣ исключенъ изъ нашей письменности. Еще въ древности нѣкоторые писатели, напр. Кириллъ Туровскій, Даніилъ Заточникъ, брали оттуда краски для своихъ произведеній. Послѣ Петра Великаго особенно Кантемиръ зналъ цѣну народной рѣчи и умѣлъ ею пользоваться. Ломоносовъ, раздѣливъ слогъ на три разряда, установилъ, что *низкій штиль* употребляетъ только чисто-русскія слова, какихъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ; по его теоріи такъ пишутся: комедіи, эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ — дружескія письма и описанія обыкновенныхъ дѣлъ; «простонародныя слова», замѣчаетъ онъ, «могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію»[1]. Впрочемъ Ломоносовъ допускаетъ «низкія слова» уже и въ среднемъ слогѣ. Самъ же онъ изрѣдка позволяетъ себѣ даже и въ одѣ употреблять простонародныя выраженія; такъ въ одѣ на взятіе Хотина послѣ вопроса:

«Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?»

слѣдуетъ стихъ въ тонѣ народнаго языка:

«*Никакъ* смиритель странъ Казанскихъ!»[2]

---

[1] *Соч. Лом.*, т. I, стр. 531.
[2] Тамъ же, стр. 38 (строфа 11).

Послѣ Ломоносова народный языкъ разрабатывали, по мысли его, въ комедіи, сатирѣ, шуточной сказкѣ и баснѣ. Въ такихъ сочиненіяхъ къ нему прибѣгали Сумароковъ, В. Майковъ, Богдановичъ, Фонвизинъ, Аблесимовъ, Княжнинъ и др. Изъ лирическихъ поэтовъ Державинъ, выросшій вблизи къ народу, сталъ вводить народный языкъ даже въ такой родъ стихотворства, который до него считалъ «высокій слогъ» своею необходимою принадлежностью; эта новость была въ связи съ тѣмъ, что онъ внесъ въ оду элементъ сатиры и шутки. Позднѣе, еще болѣе простора народному языку въ письменной рѣчи сталъ давать Крыловъ. О его раннемъ знакомствѣ съ этой сферой языка разительно свидѣтельствуетъ юношеское его произведеніе, недавно въ первый разъ изданное нашимъ Отдѣленіемъ, — комическая опера *Кофейница*, богатая выраженіями и поговорками, взятыми изъ народнаго быта [1]. Во всѣхъ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ Крыловъ оставался вѣренъ этому направленію, и потому неудивительно, что онъ, издавая журналъ въ одно время съ Карамзинымъ, сдѣлался противникомъ его. Замѣчательно, какъ оба эти писателя впали въ противорѣчіе съ самими собою: Крыловъ, отличаясь безыскуственною простотою языка, былъ усерднымъ защитникомъ ложно-классической французской драмы; а Карамзинъ, считая простонародное низкимъ, былъ смолоду горячимъ почитателемъ Шекспира и Лессинга. Но Крыловъ долго не могъ попасть на вкусъ современниковъ, и, прежде нежели понялъ настоящее свое призваніе, на многіе годы оставилъ литературу.

Между тѣмъ проза Карамзина стала для всѣхъ образцомъ письменнаго языка. На ней построена была грамматика Греча, получившая на цѣлыя десятилѣтія законодательную силу. Авторитетъ этой, во многомъ произвольной и условной грамматики имѣлъ свою вредную сторону, задержавъ развитіе литературной рѣчи, скованной ея стѣснительными правилами. Въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ надъ нашимъ языкомъ тяготѣло что-то похожее

[1] См. т. VI *Сборника Отдѣл. русск. языка и словеск.*

на пуризмъ Французской академіи. Свободное его творчество было подавлено. Немногіе только писатели отваживались итти своимъ путемъ. Первое между ними мѣсто занималъ возвратившійся на литературное поприще въ началѣ столѣтія Крыловъ; но онъ писалъ только басни, а эта тѣсная область поэзіи считалась состоящею на особыхъ правахъ. Одновременно въ другой сферѣ умственной дѣятельности подготовлялось движеніе, которое не могло остаться безъ вліянія на успѣхи народнаго языка въ художественной литературѣ. То, что во всѣхъ странахъ являлось предвѣстьемъ самостоятельнаго творчества, стало обнаруживаться и у насъ, — уваженіе къ народности, вкусъ къ произведеніямъ народной словесности, охота къ собиранію и записыванію ихъ. Въ 1804 г. изданы были въ первый разъ «Древнія русскія стихотворенія»; Мерзляковъ, а за нимъ Дельвигъ и Цыгановъ сочиняли пѣсни въ духѣ народныхъ; Востоковъ переводилъ пѣсни Сербовъ и разбиралъ составъ русскаго народнаго стиха; собранія пословицъ выходили уже давно; Снегиревъ задумывалъ ученую разработку ихъ и пролагалъ путь Сахарову. Общество любителей Россійской словесности, въ Москвѣ, собирало и печатало областныя слова.

Возникавшая любовь къ народности, которая вызывала всѣ эти начинанія и труды, не могла не отразиться и на изящной литературѣ. Рядомъ съ Крыловымъ, и конечно не совсѣмъ независимо отъ его вліянія, пошелъ Грибоѣдовъ въ своей оригинальной комедіи. Въ то же время Пушкинъ уже заявлялъ, что «разговорный языкъ простого народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій», и доказывалъ на дѣлѣ, что самъ «прислушивался къ московскимъ просвирнямъ», которыя, по его замѣчанію «говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ[1]». А вскорѣ и своенравный Гоголь сталъ писать прозою, хотя и небрежной, но замѣчательно оригинальной и рѣзко запечатлѣнной особенностями рѣчи народной.

---

[1] *Соч. Пушкина*, томъ V, Спб. 1855 г., стр. 43.

Около того же времени услышали въ первый разъ имя еще довольно молодого человѣка, избравшаго область литературы, которая до тѣхъ поръ не имѣла у насъ особаго представителя, — разсказы изъ быта народнаго и солдатскаго. Это былъ тотъ самый писатель, который нынѣ трудомъ совершенно другого рода подаетъ намъ поводъ говорить о судьбахъ русскаго языка. Стараясь быть вѣрнымъ пересказчикомъ народныхъ вымысловъ, онъ въ то же время хотѣлъ доказать, что вся пишущая братья выражается совсѣмъ не по-русски, что надобно перестроить весь литературный языкъ по образцу народнаго. Въ оцѣнкѣ послѣдняго никто еще не шелъ такъ далеко. И прежде были конечно писатели, считавшіе полезнымъ и нужнымъ знакомство съ народнымъ языкомъ для извѣстныхъ литературныхъ цѣлей: Даль первый сталъ утверждать, что безъ народнаго языка нельзя ступить ни одного правильнаго шагу въ авторскомъ дѣлѣ. Естественно, что онъ, отстаивая эту идею, не избѣгъ нѣкоторыхъ крайностей. Какъ нѣкогда Шишковъ провозглашалъ церковно-славянское нарѣчіе исключительнымъ источникомъ обогащенія русскаго языка, такъ въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ Даль выставлялъ такимъ единственнымъ источникомъ языкъ народный. «Если», говорилъ онъ, «въ книгахъ и высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ — родникъ или рудникъ — но онъ за то неисчерпаемъ. Это живой языкъ русскій, какъ онъ живетъ понынѣ въ народѣ. *Источникъ одинъ* — языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи и всѣ живыя и мертвыя славянскія нарѣчія[1]». Подобно Шишкову, Даль составлялъ новыя слова, предлагая ихъ для замѣны или дополненія прежнихъ, и въ этомъ не всегда былъ счастливѣе Шишкова. Но, показавъ точку сближенія между обоими писателями, спѣшу однакожъ оговориться: путь, избранный Далемъ, былъ прямѣе и безукоризненнѣе: Даль не велъ пристрастной полемики, не ставилъ того или другого писателя цѣлью

---

[1] «Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ» въ *Москвит.* 1842, ч. I, стр. 540.

своихъ нападеній, никого не винилъ въ безвѣріи и недостаткѣ патріотизма за употребленіе иностранныхъ словъ и наконецъ старался доказать свою теорію болѣе дѣломъ, нежели разсужденіями: онъ писалъ народнымъ языкомъ повѣсти и разсказы, заимствованные у народа. Эти произведенія, по собственному его свидѣтельству, составляли для него не цѣль, а средство. «Не сказки по себѣ», говоритъ онъ, «были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода — и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ»[1]. Предупреждая мысль, будто онъ ставитъ свои сказки въ примѣръ слога и языка, нашъ авторъ далѣе прибавляетъ: «онъ (*сказочникъ*) хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ — и право не съ хазоваго конца[2] — образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ, рано или поздно, безъ нихъ не обойтись».

Такимъ образомъ мы видимъ, что словарь Даля тѣсно примыкаетъ къ прочимъ трудамъ его и есть плодъ той же идеи, изъ которой проистекло все его авторство; на прежнія произведенія его должно смотрѣть только какъ на приготовительныя работы къ дѣлу, которымъ онъ завершилъ свою дѣятельность на пользу языка. Если мы вспомнимъ, что Даль началъ свои наблюденія надъ нимъ еще до 1820 года, когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, то нельзя будетъ не подивиться, какъ счастливая мысль отмѣчать простонародныя выраженія могла зародиться въ головѣ столь молодого человѣка въ такое время, когда у насъ, вообще говоря, еще мало обращали вниманія на народную сло-

---

[1] Тамъ же, стр. 549 и 550.

[2] Въ *Словарѣ* Даля принято для этого понятія и слово *казовый*. Непонятно, зачѣмъ тутъ допускать татарское происхожденіе отъ слова *хазъ*, когда этимологія отъ глагола *казать* такъ естественна. Замѣтимъ, что на нѣмецкомъ языкѣ есть совершенно такъ же образованное названіе того же предмета — Schau-Ende.

весность. Желая дать возможность полнѣе и вѣрнѣе судить о разсматриваемомъ трудѣ, предложу нѣсколько собранныхъ мною и до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ біографическихъ извѣстій объ авторѣ. Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что рѣчь идетъ не о начинающемъ литераторѣ, а о писателѣ, давно пользующемся у насъ почетною извѣстностью.

Вл. Ив. Даль родился 10-го ноября 1801 года въ Луганѣ (Екатериносл. губ.), гдѣ отецъ его, родомъ датчанинъ, занималъ мѣсто врача по горному вѣдомству. Этотъ ученый иностранецъ, принявъ въ 1797 г. русское подданство, горячо полюбилъ новое свое отечество, изучилъ русскій языкъ какъ родной и воспитывалъ дѣтей своихъ въ патріотическомъ духѣ, при всякомъ случаѣ напоминая имъ, что они Русскіе: въ 12-мъ году онъ жалѣлъ, что они еще слишкомъ молоды и негодны для службы. Самъ онъ въ молодости кончилъ курсъ въ германскомъ университетѣ по двумъ или тремъ факультетамъ и зналъ нѣсколько языковъ; онъ былъ вызванъ въ Россію къ концѣ царствованія Екатерины II на службу при Публичной библіотекѣ. Замѣтивъ въ Петербургѣ, что у насъ слишкомъ мало врачей, онъ отправился опять за-границу, изучилъ медицинскія науки и, воротясь въ Россію, женился на дочери г-жи Фрейтахъ, которая переводила на русскій языкъ Гинтера и Иффланда[1]. Въ качествѣ врача онъ сперва состоялъ при войскѣ, расположенномъ въ Гатчинѣ, потомъ перешелъ въ Петрозаводскъ, а оттуда въ названный уже городъ, по имени котораго, какъ своей родины, Владиміръ Ивановичъ принялъ впослѣдствіи столь памятный псевдонимъ *Казака Луганскаго*. Изъ Лугани отецъ его былъ переведенъ главнымъ докторомъ и инспекторомъ Черноморскаго флота въ Николаевъ. Отсюда, въ 1814 г., отправилъ онъ двухъ сыновей своихъ въ Морской корпусъ. Пробывъ тамъ пять лѣтъ, Вл. Ив. поѣхалъ мичманомъ обратно въ Николаевъ. Къ морской службѣ онъ не чувствовалъ никакого призванія, тѣмъ болѣе что не переносилъ качки въ морѣ; но получивъ воспитаніе на

[1] См. Смирдинскую *Роспись*, №№ 7207 и 7268.

казенный счетъ, онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться морякомъ: попытки его перейти въ инженеры, въ артиллерію или хоть въ армію были безуспѣшны. По кончинѣ отца, переведенный въ Кронштадтъ (1823), онъ въ отчаяніи не зналъ, что́ дѣлать. Между тѣмъ мать его съ младшимъ сыномъ уѣхала въ Дерптъ для воспитанія его и, по ея вызову, Владиміръ Ивановичъ, выйдя въ отставку, отправился туда же. Тамъ онъ снова принялся за ученіе и въ 1825 г. поступилъ въ казеннокоштные студенты по медицинскому факультету. Но прежде нежели онъ успѣлъ кончить курсъ, вспыхнула война 1829 г., и всѣхъ студентовъ, годныхъ къ военной службѣ, велѣно было выслать въ армію. Даль попалъ въ число троихъ, которымъ позволили тутъ же держать экзаменъ на доктора. До 1832 г. онъ находился въ Турціи и Польшѣ и много занимался операціями; потомъ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и здѣсь былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Вступленіе его на литературное поприще въ 1833 г. съ книжкою сказокъ ознаменовалось прискорбнымъ обстоятельствомъ, которое однакожъ много способствовало къ быстрому распространенію извѣстности новаго автора. За одно превратно растолкованное мѣсто этой книги онъ подвергся аресту, и хотя вскорѣ былъ вполнѣ оправданъ, но долго не могъ являться въ литературѣ подъ своимъ именемъ. Черезъ нѣсколько времени Вас. Ал. Перовскій пригласилъ его въ Оренбургъ чиновникомъ для особыхъ порученій; въ 1841 г., отходивъ хивинскій походъ, Даль переѣхалъ въ Петербургъ на службу по министерству удѣловъ, а потомъ и внутреннихъ дѣлъ. Послѣднія десять лѣтъ своего служебнаго поприща, съ 1849 г., онъ провелъ въ Нижнемъ управляющимъ удѣльной конторы. Въ 1859, вышедъ въ отставку и поселившись въ Москвѣ, онъ рѣшился посвятить все свое время составленію и изданію давно-подготовляемаго имъ словаря. Во всю свою жизнь Даль не пропускалъ случаевъ поѣздить по Россіи и знакомиться съ бытомъ народа: смѣсь французскаго съ нижегородскимъ была ему ненавистна почти съ самаго дѣтства. Обстоятельства особенно благопріятствовали удовлетворенію его любо-

знательности: служа во флотѣ, а потомъ завѣдывая больницей, онъ имѣлъ возможность обращаться съ людьми изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи и расспрашивать ихъ объ особенностяхъ языка въ каждой. Этимъ способомъ онъ могъ значительно дополнить и расширить свѣдѣнія, добытыя имъ пребываніемъ въ разныхъ краяхъ отечества. Разнородность службы, которую онъ проходилъ, а сверхъ того любимыя занятія по естественнымъ наукамъ и нѣкоторымъ ремесламъ позволили ему охватить обширный и многообразный кругъ человѣческихъ знаній и нагляднаго знакомства съ бытомъ разныхъ состояній и сословій.

Въ 1819 г., проѣзжая по Новгородской губ. на пути въ Николаевъ, Даль услышалъ въ первый разъ слово *замолаживаетъ* (говорится о небѣ, въ смыслѣ *заволакиваетъ*, по сравненію съ начинающимъ бродить тѣстомъ). Записавъ это слово, онъ положилъ чуть ли не первый камень будущаго словеснаго зданія, и уже не пропускалъ дня, чтобы не вносить въ свои замѣтки новаго слова, оборота, поговорки. Ко времени турецкой кампаніи 1829 г. эти матеріалы достигли уже обширныхъ размѣровъ; находясь при арміи полковымъ врачемъ, Даль, въ ожиданіи обильной жатвы для своихъ записокъ, взялъ всѣ прежнія тетради ихъ съ собою; вдругъ, навьюченный ими верблюдъ, перехода за два до Адріанополя, пропадаетъ. Что долженъ былъ чувствовать страстный собиратель, внезапно лишавшійся плодовъ десятилѣтняго труда? Къ счастію, казаки гдѣ-то перехватили верблюда и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь[1]. Драгоцѣнныя замѣтки были спасены и продолжали нарастать еще цѣлыхъ 30 лѣтъ. «Жадно хватая на лету родныя речи[2], слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая или лазутчика, этотъ записывалъ ихъ... Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось

---

[1] *Толковый Словарь*, т. I, «Напутное слово», стр. III.

[2] Предупреждаю разъ навсегда, что во всѣхъ выпискахъ изъ напечатанныхъ при Словарѣ статей сохраняю правописаніе автора.

съ языка, — а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ-либо замѣчательное слово — а слова этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто руское[1]». Вотъ какъ самъ составитель *Толковаго Словаря* описываетъ намъ часть процесса своихъ приготовительныхъ работъ. Тутъ же онъ отдаетъ отчетъ въ главной мысли, руководившей имъ съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнитъ: «его тревожила и смущала несообразность писменаго языка нашего съ устною речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотѣйствомъ, а слѣдовательно и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку: какъ говоритъ книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый, — и нечего и говорить о томъ, что перевѣсъ, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи всилахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно»[2].

Въ этихъ словахъ лежитъ ключъ ко всей литературной дѣятельности Даля. Чѣмъ болѣе онъ подмѣчалъ и записывалъ, тѣмъ болѣе крѣпло его убѣжденіе въ негодности нашей письменной рѣчи. Стараясь, въ своихъ расказахъ, употреблять языкъ близкій къ народному, иногда нанизывая въ нихъ цѣлыми страницами пословицы и поговорки, онъ сверхъ того, по временамъ, излагалъ теоретически свои взгляды на русскую народную литературу и языкъ. Любопытно, что первая его статья по этому предмету написана по-нѣмецки и напечатана въ Dorpater Jahrbücher 1835 г. (№ 1). Давъ ей заглавіе «Über die Schriftstellerei des russischen Volks» (объ авторствѣ русскаго народа), онъ начинаетъ осужденіемъ подражательной нашей литературы, возстаетъ

[1] Словарь, ч. I, стр. III.
[2] Тамъ же.

противъ искаженія языка на чужеземный ладъ и, переходя къ народной литературѣ, останавливается особенно на содержаніи нѣкоторыхъ лубочныхъ картинъ. Позднѣе онъ помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* 1842 (ч. I, № 2, и ч. V, № 9): «Полтора слова о нынѣшнемъ рускомъ языкѣ» и «Недовѣсокъ къ статьѣ: *Полтора слова*». Далѣе, въ началѣ разсматриваемаго словаря мы находимъ еще три статьи Даля по тѣмъ же вопросамъ: 1) *О нарѣчіяхъ рускаго языка*, написанную въ 1852 году по поводу изданія академическаго областного словаря; 2) *О рускомъ словарѣ*, читанную 1860 г. въ Обществѣ любителей Россійской словесности, и 3) *Напутное слово*, читанное тамъ же въ 1862 г. и составляющее собственно предисловіе къ *Толковому Словарю*. Наконецъ нѣсколько замѣтокъ подобнаго содержанія помѣщено Далемъ въ газетѣ Погодина *Русскій* (1868 г. №№ 25 и 31).

Въ этихъ разновременныхъ статьяхъ вполнѣ высказались понятія автора о языкѣ, и потому онѣ очень важны для сужденія о словарномъ трудѣ его. Всѣ онѣ развиваютъ извѣстное уже намъ убѣжденіе Даля, что нашъ литературный языкъ, ко вреду своему, слишкомъ удалился отъ народнаго и, принявъ чуждый ему складъ вслѣдствіе множества заимствованій, совершенно утратилъ первоначальный характеръ силы, выразительности и сжатости. Впрочемъ Даль допускаетъ исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ писателей: уже и въ первой статьѣ своей онъ указываетъ на Крылова и Грибоѣдова; въ *Напутномъ же словѣ* говоритъ: «Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ извѣстныхъ даровитыхъ писателей: не ясно ли, что они избѣгали чужеречій, что старались, каждый по своему, писать чистымъ рускимъ языкомъ»[1]? Что касается

[1] Словарь, ч. I, стр. I. Въ другомъ мѣстѣ Даль не вполнѣ освобождаетъ и Пушкина отъ повальнаго упрека, утверждая, что «нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ — и много, тяжко — противъ роднаго языка. Самъ Пушкинъ», прибавляетъ онъ, «говоритъ въ прозѣ иногда такъ: *обѣ онѣ должны были выдти въ садъ, черезъ заднее крыльцо, за садомъ найдти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать — онъ помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкой* и проч. «Все это», находитъ Даль «не по-русски». (*Москвит.* 1842, ч. I, № 2, стр. 545 и 546).

до языка, которымъ самъ онъ писалъ, то Даль не только не выдаетъ его за образецъ, но сознаетъ и ошибки, въ которыя онъ впадалъ: онъ въ позднѣйшее время убѣдился, что для народности въ литературѣ недостаточно одного подбора словъ и выраженій изъ языка простонародья. При всемъ томъ, исходная точка Даля въ воззрѣніи на нашъ литературный языкъ осталась прежняя. Онъ до конца находилъ, «что живой народный языкъ, сберегшій въ жизненной свѣжести духъ, который придаетъ языку стойкость, силу, ясность, цѣлость и красоту, долженъ послужить источникомъ и сокровищницей для развитія образованной, разумной руской речи *взамѣнъ* нынѣшняго языка нашего, каженика»[1].

Въ чемъ же, по мнѣнію Даля, заключается несостоятельность нынѣшняго нашего письменнаго языка? Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ видно, что онъ сюда относитъ: 1) ошибочное употребленіе одного слова вмѣсто другого по незнанію настоящаго значенія ихъ (*обознаться* вм. *опознаться*, *обыденный* вм. *обиходный*[2]; 2) употребленіе словъ и реченій растянутыхъ, описательныхъ, составленныхъ по иностранному, вм. болѣе краткихъ и мѣткихъ, имѣющихся въ народномъ языкѣ (*путеводитель въ пустынѣ* вм. *степной вожакъ*, *собственный* вм. *свой*, *могущество* вм. *мочь*, *могута*; *усовершенствованіе*, *семейственный* вм. *усовершеніе*, *семейный* и проч.), и 3) заимствованіе множества чужеязычныхъ словъ съ передѣланными только на русскій ладъ окончаніями, употребленіе цѣлыхъ нерусскихъ оборотовъ, сочетаніе словъ и построеніе рѣчи по нерусскимъ формамъ мышленія. Слѣдующій примѣръ можетъ дать болѣе ясное понятіе о томъ, чего желалъ Даль. Когда Жуковскій, въ свитѣ великаго князя Александра Николаевича, въ 1837 г. проѣзжалъ черезъ Уральскъ, то

[1] Словарь, ч. I, стр. II.

[2] *Обознаться* значитъ ошибиться; а *опознаться* — оріентироваться; *обыденный*, какъ ясно показываетъ его происхожденіе, можетъ значитъ только однодневный (*обыденка* = эфемера). Прибавлю отъ себя, что такимъ же образомъ въ нашу новѣйшую литературу вкралось неправильное пониманіе слова *витать*, которому обыкновенно придаютъ смыслъ какого-то движенія въ вышинѣ (*носиться*, planer), тогда какъ оно просто значитъ *жить*, *пребывать*: ср. лат. vita и предложн. глаголъ об(в)итать.

Даль, въ то время тамъ находившійся, завелъ съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ разговоръ о любимой своей темѣ и между прочимъ представилъ ему такой образчикъ двоякаго способа выраженія: 1) на общепринятомъ языкѣ: «Казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него напасть»; и 2) на языкѣ народномъ: «Казакъ сѣдлалъ у́торопь, посадилъ безконнаго товарища на за́бедры и слѣдилъ непріятеля въ на́зерку, чтобы при спопутности на него ударить»[1]. Жуковскій, мало сочувствуя послѣднему способу выраженія, замѣтилъ, что такъ можно говорить только съ казаками и притомъ о близкихъ имъ предметахъ.

Нельзя отрицать справедливости той мысли, что языкъ народный во многихъ случаяхъ выражается своеобразнѣе и удачнѣе литературнаго; но, замѣтивъ это, Даль упустилъ изъ виду, что несходство между тѣмъ и другимъ есть явленіе общее всѣмъ языкамъ, а не исключительная принадлежность русскаго. Вездѣ языкъ, по мѣрѣ своего развитія въ образованной рѣчи, болѣе и болѣе даетъ перевѣсъ отвлеченному мышленію надъ наглядной изобразительностью[2]; вездѣ общіе всему человѣчеству логическіе законы въ большей или меньшей степени вытѣсняютъ изъ письменнаго языка непосредственную своебразность народныхъ представленій, выражающуюся въ идіотизмахъ, и потому-то вездѣ литературная рѣчь мало по малу усвоиваетъ себѣ множество синтактическихъ оборотовъ, общепринятыхъ въ образованнѣйшихъ языкахъ[3]. Этотъ какъ бы космополитическій языкъ похожъ, по

---

[1] *Москвит.* 1842, № 2, «Полтора слова» и проч., стр. 552, 553.

[2] *Историч. грамматика* Буслаева, М. 1863, ч. II, стр. 21 и 77.

[3] Замѣчательно умно и вѣрно сказалъ князь Вяземскій еще въ 1825 году: «Новые набѣги въ области мысли требуютъ часто и новаго порядка. Отъ нихъ книжный синтаксисъ, условная логика частнаго языка могутъ пострадать, но есть синтаксисъ, есть логика общаго ума, которые, не во гнѣвъ ученымъ будь сказано, также существуютъ». (*Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго*, т. I. стр. 197).

остроумному сравненію одного писателя, на бумажныя деньги, повсюду легко замѣняющія золотую и серебряную монету. Такое явленіе въ языкахъ есть необходимое слѣдствіе постояннаго обмѣна идей, происходящаго путемъ литературы, и слишкомъ жалѣть объ этомъ результатѣ нельзя безъ умаленія цѣны самаго факта, изъ котораго онъ проистекаетъ.

Но свобода заимствованій должна имѣть свои разумные предѣлы, особенно должна она ограничиваться уваженіемъ къ духу родного языка. Даль не безъ основанія упрекаетъ нашу книжную рѣчь въ злоупотребленіи этою свободой. Въ послѣднія десятилѣтія, начиная съ 40-хъ годовъ, — по мѣрѣ того какъ русское общество научалось придавать *вещамъ* болѣе цѣны, чѣмъ *именамъ*, — у насъ стали слишкомъ пренебрегать чистотою языка и слишкомъ мало стѣсняться въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Такимъ образомъ въ печати появилось множество выраженій, искуственно привитыхъ къ русскому языку, напр. *разсчитывать на кого* или *на что*, *дѣлать кого несчастнымъ*, *имѣть жестокость*, *предшествовать кому*, *предпослать что чему*, *пройти молчаніемъ*, *раздѣлять чьи-либо мысли* или *чувства*, *прежде нежели сказать*, *слишкомъ уменъ чтобы не понять*, *имѣть что возразить*, *имѣть что-нибудь противъ*[1]. Въ разговорѣ и на письмѣ сдѣлались ходячими слова: *фактъ*, *результатъ*, *интересный*, *серьезный*, *компетентный*, *лояльный*, *солидный*, *солидарный*; не избѣгли мы даже *шансовъ*, не говоря уже о цѣломъ легіонѣ глаголовъ подобныхъ слѣдующимъ: *импонировать*, *импровизировать*, *изолировать*, *игнорировать*, *бравировать*, *фор-*

[1] Въ ближайшее къ намъ время къ этимъ оборотамъ присоединилось еще много другихъ, напр. *считаться съ чьмъ* (tenir compte de quelque chose), *человѣкъ такого закала* (un homme de cette trempe), *разъ онъ взялся — непремѣнно сдѣлаетъ* (une fois qu'il s'en est chargé...) и проч., или слова: *вліять*, *вліятельный*, *немыслимый* (undenkbar). Прежде слово *вліять* имѣло только собственное значеніе, напр. у М. Н. Муравьева: «Многія дамы, украшенія пола своего, *вліяли* природныя и неподражаемыя пріятности ихъ разума въ сочиненія, повидимому легкія и нетщательныя». — Французское слово *sale* въ переносномъ смыслѣ стали переводить *сальный*, изъ котораго въ томъ же значеніи образовалось существительное *сальность* (!).

мулировать, *вотировать*, *конкурировать*, *резюмировать*, *протестировать*. Послѣдній разрядъ словъ особенно неудаченъ, такъ какъ тутъ мы видимъ иногда двойное искаженіе: французское слово видоизмѣнено сперва нѣмецкою формою его окончанія (iren). Чтобы уменьшить безобразіе, нѣкоторые стали отбрасывать слогъ *ир* и говорить напр. *формуловать*, *цитовать*, по образцу болѣе старыхъ глаголовъ: *атаковать*, *арестовать*, *командовать*, *пробовать*. Къ сожалѣнію, это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможно, да и отъ такой передѣлки мало прибыли, когда словов сетаки остается иностраннымъ.

Замѣтимъ однакожъ, что одновременно съ вторженіемъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, русскій литературный языкъ не переставалъ развиваться и изъ собственныхъ своихъ источниковъ, чего Даль вовсе не принялъ въ соображеніе, хотя однажды и вырвалось у него замѣчанье: «Сколько введено русскихъ словъ на нашей памяти, начиная съ Карамзина!»[1]. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ сравнить любую нынѣшнюю книгу или газету съ тѣмъ, что писалось лѣтъ 30—40 тому назадъ, даже и лучшими изъ тогдашнихъ литераторовъ: въ каждомъ современномъ намъ сочиненіи найдется множество русскихъ словъ и оборотовъ, которыхъ не знали ни Карамзинъ, ни слѣдовавшіе за нимъ писатели. Все это пріобрѣтенія, усвоенныя языку путемъ, по большей части правильнымъ и законнымъ. Изъ какихъ же источниковъ, сверхъ иностранныхъ языковъ, наша письменная рѣчь обогащается? Частью изъ старинныхъ памятниковъ, по примѣру пользующихся ими хорошихъ писателей (такъ еще Карамзинъ возстановилъ слово *сторонникъ*, нынѣ часто употребляемое; такъ же введены недавно: *рознь* въ смыслѣ несогласія, *строй*, *людъ* и т. п.), частью изъ самого живого языка, пользуясь существующими уже словами или корнями для новыхъ словообразованій и сочетаній; такъ возникли слова: *научный*, *проявленіе*, *дѣятель*, *даровитый*, *отчетливый*, *настроеніе*, *творчество*, *сопоставленіе*, *сдержан-*

---

[1] *Москвит.* 1842, № 9, «Недовѣсокъ» и пр., стр. 91.

ность, *голосованіе*, *плоскогорье* и проч. Нѣкоторыя старыя слова стали употребляться въ новомъ значеніи, напр. *разборъ* вм. *рецензія*; *сложиться*, вм. *устроиться* (напр. объ обстоятельствахъ), *печать* вм. *пресса*, *пробѣлъ*, *насущный* (въ переносномъ смыслѣ). Изъ прежнихъ словъ иныя вовсе оставлены, напр.: *сведать* (которое любилъ Карамзинъ), *содѣлывать*, *прилежность*, *сорадованіе*, *примѣчанія достойный*, *въ разсужденіи чего*; другія урѣзаны, напр. вмѣсто *надобно*, *чувствованіе* стали не только говорить, но и писать *надо*, *чувство*. Даль не одобряетъ появившихся въ 40-хъ годахъ словъ: *возникновеніе*, *исчезновеніе* и т. п. Они однакожъ ничѣмъ не хуже болѣе старыхъ образцовъ своихъ: *отдохновеніе*, *прикосновеніе*, *дуновеніе* и пр.; они вызваны потребностью въ логическомъ отвлеченіи и могутъ быть терпимы, если только образованы правильно, а не такъ, какъ напр. слово *упоминовеніе*, не оправдываемое законами этимологіи[1]. Еще безобразнѣе и неправильнѣе не старое слово *вдохновлять*[2]. Но за исключеніемъ немногихъ случаевъ этого рода, современный литературный языкъ вообще стремится къ упрощенію, къ большему и большему сближенію съ языкомъ разговорнымъ, отбрасывая постепенно слова́ тяжелыя, напыщенныя, слишкомъ искуственныя въ ихъ образованіи, каковы напр. отживающія свой вѣкъ слова́: *преуспѣяніе*, *спосиѣшествовать*, *преткновеніе* и имъ подобныя. Нельзя даже сказать, чтобы литературный языкъ и до сихъ поръ вовсе не заимствовался изъ народнаго, откуда, напр., введены слова *починъ* (или *зачинъ*,) *бытъ*, *суть* (сущность), *проходимецъ* и др. Нѣкоторыя изъ лучшихъ нашихъ писателей уже показали опыты глубокаго знанія народнаго языка, которое, отражаясь въ ихъ сочиненіяхъ, не остается безъ дѣйствія на всю литературу. Не упоминая о

[1] Отъ *упомянуть* существительное было бы *упомяновеніе*; отъ *упоминать* — *упоминаніе*.

[2] Отъ гл. *вдохнуть* произошло причастіе *вдохновенный* (какъ отъ *обыкнуть* — *обыкновенный*), а отъ причастія, уже совершенно наперекоръ грамматикѣ и логикѣ, образовано *вдохновить*, *вдохновлять*, какъ будто это то же, что *благословить* — *благословенный*! Несмотря на то, и тѣ двѣ формы благополучно принялись.

живыхъ, укажу только на покойнаго С. Т. Аксакова: его проза — образецъ чисто-русскаго языка, богатаго народными, кстати употребленными идіотизмами.

Итакъ положеніе нашего литературнаго языка повидимому далеко не такъ отчаянно, какъ оно кажется Далю. Въ подтвержденіе того можетъ служить и собственная его проза: въ ней можно бы ожидать усильнаго приближенія къ тому идеалу слога, который авторъ себѣ составилъ; но на самомъ дѣлѣ она не многимъ отличается отъ того, что̀ вообще пишется у насъ людьми, несовсѣмъ равнодушными къ чистотѣ языка. Правда, у него попадаются слова и реченія, которыхъ мы не встрѣтимъ у другихъ писателей; но это однѣ частности, мало замѣтныя въ цѣломъ, представляющемъ общій характеръ современной намъ письменной рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что она можетъ почерпнуть еще много живыхъ силъ изъ языка народнаго; тѣмъ не менѣе однакожъ требованія и ожиданія Даля въ этомъ отношеніи преувеличены. Это становится яснымъ изъ слѣдующихъ словъ его: «Народныя слова *прямо могутъ* переноситься въ письменный языкъ, *никогда* не оскорбляя его грубою противу самого себя ошибкою, а напротивъ *всегда* направляя его въ природную свою колею, изъ которой онъ у насъ соскочилъ» (не вѣрнѣе ли было бы: *выскочилъ?*) «какъ паровозъ съ рельсовъ: онѣ оскорбятъ развѣ только изрусѣвшее ухо чопорнаго слушателя»[1]. Здѣсь авторъ упускаетъ изъ виду, что у каждой сферы языка есть свой характеръ, свой тонъ, который поддерживается не только цѣлымъ составомъ рѣчи, оборотами, но и отдѣльными словами. Поэтому переносить слова изъ одной сферы въ другую не всегда удобно: слово должно быть всегда сообразно съ настроеніемъ духа и ума говорящаго, съ тѣмъ оттѣнкомъ, какой онъ хочетъ придать выражаемому понятію. Вотъ почему нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя и даже общеупотребительныя слова народнаго языка не всегда пригодны въ рѣчи образованнаго класса. Такъ глагола *плясать* мы не можемъ во

[1] Словарь, ч. I, стр. xvi.

всѣхъ случаяхъ употреблять вмѣсто иноязычнаго синонима его *танцовать*, и если бъ обычная фраза: «дама, съ которою я танцовалъ», приняла въ разговорѣ форму: «женщина, съ которой я плясалъ», то едва ли кто изъ слушателей могъ бы удержаться отъ невольной улыбки. Другой примѣръ: многіе еще помнятъ, какъ при началѣ построенія московской желѣзной дороги, народъ прозвалъ ее *чугункою* и какъ это слово всѣмъ показалось удачнымъ. Почему же оно, несмотря на то, не вошло въ общее употребленіе? потому что съ нимъ, для образованнаго человѣка, связывается понятіе чего-то наивнаго, несовмѣстнаго съ общимъ характеромъ его рѣчи. Всего поразительнѣе въ этомъ отношеніи прекрасное слово *спасибо*, котораго, къ сожалѣнію, мы удостоиваемъ только простолюдиновъ; вмѣсто него даже городская прислуга, желая щегольнуть своею образованностью, стала употреблять безобразное *мерси*.

Еще труднѣе дать ходъ областному слову, непонятному и новому для насъ по своему звуковому составу: таковы, напр., *уповодъ* и *выть*, на которыя Даль указываетъ какъ на весьма полезныя, объясняя: «*Уповодъ*, это срокъ или продолжительность отъ *выти* до *выти*, т. е. отъ ѣды до ѣды. Во днѣ, смотря по числу *вытей*, коихъ лѣтомъ бываетъ одною болѣе, чѣмъ зимою, три или четыре *уповода*, каждый часа въ четыре»[1]. Какъ ни нужно было бы намъ въ самомъ дѣлѣ слово, соотвѣтствующее французскому repas, мало надежды, чтобы сѣверно-русское *выть* когда-нибудь сдѣлалось общеупотребительнымъ, хотя оно нѣкогда въ другомъ значеніи (доля, участокъ)[2] и было знакомо всему народу, какъ показываетъ образованное отъ него старинное сущ. *повытчикъ*. Такъ же мало будущности можно предсказать и нѣкоторымъ другимъ предлагаемымъ Далемъ словамъ: правда, они

[1] Словарь, ч. I, стр. XXIV.

[2] Слово *выть*, въ финскомъ *vuitti*, употребляется по всей Кареліи въ значеніи: часть, доля. Слову *уповодъ* въ фин. языкѣ соотвѣтствуетъ *rupeama*, также означающее рабочее время между двумя пріемами пищи или роздыхами (профес. Ahlqvist въ п. ко мнѣ отъ 3/15 іюля 1873).

заключаютъ въ себѣ корень уже извѣстный, но образованіе ихъ не отвѣчаетъ условію общепонятности. Вмѣсто горизонтъ рекомендуетъ онъ, напр., *завѣсъ, закрой, озоръ, овидь;* вм. резонансъ — *отбой, голкъ, наголосокъ;* вм. адресовать, адресъ — *насылать, насылъ, насылка;* вм. кокетка — *миловидница, красовитка, жеманница, хорошуха, казотка;* вм. атмосфера — *колоземица, мироколица;* вм. пуристъ — *чистякъ;* вм. эгоизмъ — *самотство, самотность.* Замѣтимъ впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ не народныя, а придуманныя самимъ Далемъ. Но чтобы какое-нибудь новое слово, — будетъ ли оно заимствовано у народа, или составлено писателемъ, — пошло въ ходъ, для этого оно должно быть, по своему составу, совершенно просто, естественно, непринужденно: новизна его не должна бросаться въ глаза. Такъ на нашей памяти принялись слова: *даровитый, дѣятель, представитель, научный, паровозъ, обусловливать, сдержанность, заподозрѣть, починъ, вліятельный*[1]. Однакожъ и они до сихъ поръ не всѣ еще пріобрѣли несомнѣнное право гражданства.

Что касается словъ иностранныхъ въ русскомъ языкѣ, то присутствіе ихъ неразрывно связано съ самымъ ходомъ нашего образованія, которое постоянно питалось плодами западной жизни. Слѣдствіемъ быстрыхъ нововведеній было то, что не мало

[1] Ходъ введенія подобныхъ словъ бываетъ обыкновенно такой: вначалѣ слово допускается очень немногими; другіе его дичатся, смотрятъ на него недовѣрчиво, какъ на незнакомца; но чѣмъ оно удачнѣе, тѣмъ чаще начинаетъ являться. Мало по малу къ нему привыкаютъ, и новизна его забывается: слѣдующее поколѣніе уже застаетъ его въ ходу и вполнѣ усвоиваетъ себѣ. Такъ было напр. съ словомъ *дѣятель*; нынѣшнее молодое поколѣніе, можетъ быть, и не подозрѣваетъ, какъ это слово, при появленіи своемъ въ 30-хъ годахъ, было встрѣчено враждебно бо́льшею частью пишущихъ. Теперь оно слышится безпрестанно, входитъ уже и въ правительственные акты; а было время, когда многіе, особенно изъ людей пожилыхъ, предпочитали ему *дѣлатель* (см. напр. сочиненія Плетнева). Иногда случается однакожъ, что и совсѣмъ новое слово тотчасъ полюбится и войдетъ въ моду. Это значитъ, что оно попало на современный вкусъ. Такъ было въ самое недавнее время съ словами: *вліять* (и *повліять*), *вліятельный*, *относиться къ чему-либо* такъ или иначе и др.

пришлыхъ словъ проникло даже въ языкъ народный; такъ по всей Россіи простолюдины употребляютъ слова: *манера*, *фасонъ*, *мастеръ*, *матерія*, *матерьялъ*. *капиталъ*. *музыка*. *оказія*, *коммиссія*, *азартъ*, которыхъ народъ и не думаетъ замѣнять своими и изъ коихъ нѣкоторыя — и именно три послѣднія — получили на русскомъ языкѣ новое, самостоятельное значеніе. Въ городахъ необразованный и полуграмотный классъ особенно любитъ, безъ всякой надобности, щеголять иностранными словами, и вмѣсто всѣмъ извѣстныхъ русскихъ словъ употребляетъ напр. *фрыштыкъ*, *фартукъ*, *персона*, *кувертъ*, *партикулярный* и т. д. Если отсюда поднимемся въ высшіе слои, то найдемъ, что не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ литературѣ употребленіе чужеземныхъ словъ было издавна и до сихъ поръ остается отчасти дѣломъ моды, отчасти же происходитъ отъ привычки нашей думать на иностранныхъ языкахъ и искать на своемъ выраженій для чуженародныхъ мыслей. Мѣняются слова, но сущность все та же. Петровскія *фортеціи* и *викторіи* позднѣе уступили мѣсто *сложамъ*, *резонамъ*, *эстимъ*, а еще позднѣе пошли въ ходъ *эксплуатаціи*, *инсинуаціи*, *пертурбаціи*, *шансы* и *принципы*, которыя вѣроятно въ свою очередь исчезнутъ и очистятъ путь новымъ пришельцамъ изъ романскихъ языковъ. Число иноземныхъ словъ, вторгшихся и еще вторгающихся къ намъ вмѣстѣ съ новыми понятіями, изобрѣтеніями и учрежденіями, заимствуемыми съ запада, такъ велико, что изгнать ихъ, даже и въ отдаленномъ будущемъ, едва ли удастся. Между ними есть и такія, которымъ легко найти вполнѣ соотвѣтственныя русскія слова и которыя, несмотря на то, всѣми употребляются предпочтительно, только потому, что мы къ нимъ уже привыкли и что они по своей общеизвѣстности кажутся намъ удобнѣе; такъ вм. дуэль мы не говоримъ *поединокъ*[1],

[1] Въ оправданіе этого можно, конечно, сказать, что древній *поединокъ* обставленъ такими особенностями, которыя не подходятъ къ слову *дуэль*; но отчего же мы въ другихъ случаяхъ допускаемъ еще болѣе рѣзкіе анахронизмы, употребляя напр. *стрѣлять*, *выстрѣлъ* (отъ *стрѣла*) въ примѣненіи къ огнестрѣльному оружію?

и оставляемъ въ сторонѣ слова: *врачъ*, *станъ*, *преобразованіе*, употребляя на мѣсто ихъ: медикъ или докторъ, лагерь, реформа. Иными же русскими словами, напр. *купецъ*, *гостиница*, мы рѣдко пользуемся потому, что съ ними соединяются такіе оттѣнки понятій или бытовыхъ особенностей, которые чужды соотвѣтствующимъ иностраннымъ словамъ: *негоціантъ*, *отель* и проч. Употребленіе въ такихъ случаяхъ русскихъ словъ показалось бы неумѣстнымъ пуризмомъ. Изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ, какъ и изъ многихъ общеизвѣстныхъ, но мало употребительныхъ народныхъ реченій, видно, что слабое вліяніе языка народнаго на образованный происходитъ не столько отъ незнанія туземныхъ словъ или отъ трудности пріискивать ихъ, сколько отъ совершенно другихъ, болѣе глубокихъ причинъ. Вотъ и еще примѣръ тому: всѣмъ извѣстно, какъ нашъ народный языкъ богатъ названіями родства; ознакомиться съ ними всякому было бы нетрудно; однакожъ мы видимъ, что напротивъ того ихъ избѣгаютъ, и въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ *бофреры* и *бельсёры* еще не скоро уступятъ первенство *шурьямъ* и *зятьямъ*, *невѣсткамъ* и *золовкамъ*, которыхъ названія переносятъ насъ въ слишкомъ чуждую намъ и темную область русской жизни[1]. Отсюда мы прямо приходимъ къ тому важному выводу, что народному языку болѣе значенія и вліянія можетъ дать только народное образованіе. Пусть бездна, отдѣляющая у насъ одну часть націи отъ другой, будетъ постепенно исчезать передъ успѣхами просвѣщенія въ массахъ: однимъ изъ благотворныхъ послѣдствій этого будетъ конечно и бо́льшее единство въ языкѣ цѣлой націи, и высшіе слои ся научатся лучше цѣнить сокровища народной рѣчи.

Нельзя не согласиться съ Далемъ, что нашъ образованный языкъ слишкомъ злоупотребляетъ легкостью заимствованія иностранныхъ словъ: на писателяхъ лежитъ прямой долгъ стараться о замѣнѣ ихъ, по возможности, русскими. Это всегда и сознавали

---

[1] Финскій языкъ также богатъ названіями родства, но и тамъ они мало по малу приходятъ въ забвеніе, такъ что теперь уже вм. *kyty*, шуринъ, говорятъ либо: *waimonveli*, женинъ братъ, либо *lanko*, зять вообще. (Ahlqvist).

лучшіе представители слова. Несправедливо слагать съ себя въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, ссылаясь на исторію. Естественно, что при быстро совершающейся внутри общества работѣ некогда, для каждаго новаго понятія, тотчасъ же придумывать и своенародное слово; но это не значитъ, чтобы мы навсегда уже были освобождены отъ заботы о томъ. Патріотическое стремленіе писателей къ очищенію своего языка отъ пестрой иноземной примѣси можетъ также составить фактъ въ движеніи общественнаго сознанія, и притомъ фактъ, достойный полнаго вниманія исторіи. Былъ же этотъ фактъ въ умственной жизни нѣкоторыхъ другихъ народовъ. У Нѣмцевъ еще въ 17-мъ столѣтіи образовались ученолитературныя общества, главною цѣлію которыхъ было изгнаніе чуждыхъ стихій изъ языка; Чехи, въ слѣдствіе особенныхъ политическихъ обстоятельствъ, замѣнили большую часть вошедшихъ къ нимъ нѣмецкихъ словъ своими, и во многихъ случаяхъ очень удачно; но при этомъ оказалось также, какъ опасно обращаться съ языкомъ самовольно, безъ надлежащаго пониманія дѣла и осторожности: людьми непризванными введено въ чешкій языкъ съ другой стороны множество крайне неловко составленныхъ словъ, не отвѣчающихъ ни духу, ни законамъ языка. Тѣмъ не менѣе примѣръ Чеховъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе; вообще славянскіе языки, какъ сознаетъ и Даль, могутъ служить немаловажнымъ пособіемъ для обогащенія русскаго. Изученіе народнаго языка полезно какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; но заимствованія изъ него въ языкъ образованный должны дѣлаться сами собой, естественно и незамѣтно. Насильственное же введеніе народныхъ словъ и оборотовъ едва ли можетъ быть успѣшно, и писатель, который будетъ употреблять ихъ неосмотрительно, подвергнется опасности остаться непонятнымъ большинству читателей.

Итакъ, не вполнѣ соглашаясь съ нашимъ авторомъ въ его взглядѣ на современную литературную рѣчь и на легкость исправленія ея посредствомъ языка народнаго, нельзя однакожъ не отдать полной справедливости его заботѣ объ очищеніи нашего

письменнаго языка и не признать всей важности какъ обширнаго словаря его, такъ и положенной въ основаніе этого труда идеи.

Приступая къ разсмотрѣнію *Толковаго Словаря* со стороны научныхъ требованій, мы не должны упускать изъ виду взгляда самого автора на свою задачу и на средства свои къ ея выполненію. Онъ прямо говоритъ [1], что, предпринимая работу словаря, считалъ ее для себя непосильной и что, обсудивъ безпристрастно свои познанія, нашелъ ихъ недостаточными для глубокаго ученаго труда: «и именно», поясняетъ онъ, «недоставало общихъ познаній языковѣденія и основательнаго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и нарѣчій; недоставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаньемъ своего языка, то есть, научнаго знанія граматики». Послѣ такой добросовѣстной исповѣди автора мы не имѣли бы и права подвергать его словарь строгой ученой критикѣ, еслибъ на насъ не лежала обязанность, для полноты нашего разбора, прежде всего рѣшить, въ какой мѣрѣ трудъ Даля удовлетворяетъ требованіямъ науки. Предпринимаемъ эту оцѣнку тѣмъ охотнѣе, что знаемъ, какъ почтенный авторъ дорожитъ серьезнымъ судомъ и правдой, высказанной безъ лицепріятія, для пользы одного дѣла.

Словарю своему онъ далъ заглавіе: *Толковый Словарь живаго Великорускаго языка*. Словарь одного живого языка въ сущности невозможенъ, ибо многое современное находитъ объясненіе только въ прошломъ, въ древности; языкъ нельзя себѣ представить существующимъ только въ данную эпоху, и потому всѣ ученые лексикографы представляютъ въ своихъ словаряхъ языкъ на извѣстномъ протяженіи времени, присовокупляя еще и изъ болѣе отдаленнаго прошлаго: 1) слова, служащія къ объясненію современнаго, 2) такія древнія слова, которыхъ возстановленіе было бы желательно (такъ поступаетъ напр. и Шв. академія: см. ея словарь на б. А). Такъ отчасти поступилъ и Даль, несмотря на слово *живой* въ заглавіи. Какъ бы ни было, мы не видимъ здѣсь слова *народ-*

---

[1] Словарь, ч. I, стр. IV.

ный, хотя понятіе его и составляетъ господствующее начало всего труда. Причина этого умолчанія заключается въ томъ, что планъ словаря обширнѣе: онъ долженъ былъ обнять весь запасъ великорусскаго языка, какъ онъ является въ устной рѣчи, въ литературныхъ произведеніяхъ и отчасти даже въ памятникахъ древней письменности, но *живой* языкъ вообще составлялъ главную задачу нашего лексикографа. Изъ этой области русскаго языка онъ вносилъ «слова, речи и обороты всѣхъ концевъ Великой Руси», впрочемъ, какъ самъ онъ оговаривается, «не для безусловнаго включенія ихъ въ письменую рѣчь, а для изученья, для знанія и обсужденія ихъ, для обсужденія самаго духа языка и усвоенія его себѣ, для выработки изъ него постепенно своего, образованнаго языка. Читатель, а тѣмъ наче писатель, сами разберутъ, что и въ какомъ случаѣ можно включить и принять въ образованый языкъ»[1]. Прислушиваясь къ говору простонародья изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга краевъ Россіи, Даль убѣдился, что за исключеніемъ не слишкомъ большого числа мѣстныхъ словъ, на всемъ обширномъ пространствѣ, гдѣ обитаетъ великорусское племя, господствуетъ собственно, несмотря на частныя видоизмѣненія, одинъ и тотъ же народный языкъ. Извѣстно, что еще Ломоносовъ замѣтилъ: «Народъ Россійскій, по великому пространству обитающій, не смотря на дальное разстояніе говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ тогожъ Нѣмецкаго народа[2]». Единство русскаго народнаго языка даетъ ему еще болѣе права на наше вниманіе. Но кромѣ того неоспоримо, что и мѣстныя слова, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ недостаетъ словъ въ языкѣ письменномъ, могутъ быть пригодны для всеобщаго употребленія. Поэтому Даль не пренебрегалъ и мѣст-

[1] Словарь, ч. I, стр. v.

[2] *Соч. Ломоносова*, т. I, «О пользѣ книгъ церковныхъ», стр. 532.

ными словами, когда они казались ему заслуживающими извѣстности: дѣйствуя такъ, онъ былъ тѣмъ болѣе правъ, что вообще не легко опредѣлить границы распространенія слова. Въ этомъ отношеніи, для Даля было чрезвычайно важно изданіе нашимъ Отдѣленіемъ, въ 1852 году, *Опыта областнаго великорусскаго словаря*. Пользу его для своихъ работъ самъ онъ сознаетъ безпристрастно: хотя онъ и не упускаетъ случаевъ, при самомъ текстѣ своего словаря, строго и рѣзко выставлять недостатки какъ областного, такъ и другихъ академическихъ словарей, однакожъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*, уступая чувству справедливости, онъ говоритъ: «Первое признательное слово мое по сему дѣлу должно быть обращено къ словарямъ Академіи, общему, на коемъ весь трудъ основанъ, и областнымъ, коими запасы мои пополнены»[1]. *Опытъ областнаго словаря*, представившій Далю первый шагъ къ осуществленію его давнишней и любимой мысли, помогъ, кажется, и окончательному ея развитію. По поводу его изданія Даль написалъ въ 1852 г. обширную статью *О нарѣчіяхъ русскаго языка*; не касаясь здѣсь изложенныхъ въ ней частныхъ воззрѣній автора на этотъ предметъ, которыя потребовали бы особаго разсмотрѣнія, приведу оттуда только одну общую, замѣчательно вѣрную мысль: «Мы вобще большею часть ошибаемся, отмѣчая слово курскимъ, нижегородскимъ, потому только, что въ первый разъ его тамъ слышали... Въ общемъ Академическомъ словарѣ отмѣчены областными такія слова, которыя донынѣ входу почти повсемѣстно.... Также точно въ словарѣ областномъ приписаны одной губерніи слова̀ довольно общія.... Изъ этого слѣдуетъ, что намъ еще едва ли можно отдѣлить словарь нарѣчій отъ словаря народнаго языка, и что именно трудъ нашъ тогда только достигнетъ цѣли своей, когда ознакомитъ насъ сколь можно ближе съ языкомъ народнымъ и со всѣми мѣстными особенностями его»...[2]. Эту-то плодотворную мысль Даль и положилъ въ основу своего словаря.

---

[1] Словарь, ч. I, стр. XIII.

[2] Словарь, ч. I, стр. LI.

Мы уже знаемъ, какой матеріалъ онъ предпринялъ разработать; посмотримъ теперь, какіе предѣлы онъ себѣ намѣтилъ и какъ соблюлъ ихъ. Полнота словаря живого языка можетъ быть только относительная; слѣдовательно, если смотрѣть съ высшей, не просто практической точки зрѣнія, такая полнота тогда только можетъ имѣть научную цѣну, когда въ стремленіи къ ней видно какое-нибудь теоретическое начало. Нѣтъ сомнѣнія, что Даль, переливъ въ свой трудъ все, что для его цѣли было годно изъ напечатанныхъ до него русскихъ словарей, и прибавивъ къ этому массу словъ, имъ самимъ собранныхъ, далъ намъ самый полный русскій словарь изъ всѣхъ, какіе мы до сихъ поръ имѣемъ: по собственному его показанію, число прибавленныхъ имъ словъ (считая, разумѣется, не одни новыя, малоизвѣстныя, но и весьма обыкновенныя второобразныя, только прежде не отмѣченныя) можетъ простираться отъ 70 до 80-ти тысячъ. Но если мы спросимъ, какимъ собственно правиломъ руководствовался Даль, принимая изъ народныхъ или мѣстныхъ словъ одни и отбрасывая другія, то едва ли получимъ удовлетворительный отвѣтъ. Иногда онъ вноситъ мѣстныя слова не великорусскія, напр. *вовкулака* (очевидно имѣющее малороссійскую форму), или даже и вовсе не-русскія, а инородческія, т. е. финскія, татарскія и т. п., каковы, напр., архангельскія слова: *конда* и *мянда* (особые виды сосны) или кавказское *аба* (толстое и рѣдкое бѣлое сукно). Кажется, что и вообще исключительно мѣстныя, хотя бы и русскія, названія предметовъ, которыя не могутъ имѣть примѣненія въ общеупотребительномъ языкѣ и потому не отвѣчаютъ главной идеѣ Даля, должны бы оставаться достояніемъ областныхъ словарей. Иначе словарь народнаго языка подвергнется опасности вмѣстить въ себѣ случайное извлеченіе изъ областныхъ словарей разныхъ мѣстностей. Впрочемъ такихъ мѣстныхъ названій у Даля, сравнительно, немного; за то какое безчисленное множество собралъ онъ дѣйствительно общенародныхъ словъ, которыхъ образованный языкъ до сихъ поръ не зналъ: между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ большое количество словъ, относящихся до естествовѣдѣнія, ме-

дицины, ремеслъ и промысловъ, названій, отчасти только въ народѣ обращающихся, напр. *гусачíха*, *гусáковая перепонка*, предлагаемое Далемъ вмѣсто употребляемаго нынѣ искуственнаго слова грюдобрюшная преграда. Рядомъ съ словами народнаго языка помѣщены имъ также слова иноязычныя, и притомъ не только пользующіяся правомъ давности, но и вновь вводимыя (разумѣется, не всѣ, а только болѣе употребительныя). За это онъ, какъ намъ кажется, не заслуживаетъ упрека, ибо, каковы бы ни были эти слова, никто не можетъ отрицать, что они находятъ себѣ мѣсто въ современномъ живомъ языкѣ, хотя и нельзя поручиться за долговѣчность многихъ изъ нихъ.

Далѣе авторъ заимствовалъ изъ словаря академическаго также многія церковно-славянскія и старинныя русскія слова, занесенныя туда изъ письменныхъ памятниковъ, и притомъ не только тогда, когда они въ другомъ значеніи донынѣ употребительны, но и тогда, когда они принадлежатъ исключительно древнему языку. При тѣсной и неразрывной связи, существующей у насъ между языкомъ настоящаго и давнопрошедшаго времени, понятно, что лексикографу *живого языка* трудно и даже совершенно невозможно быть послѣдовательнымъ и ограничиваться однимъ современнымъ языкомъ. Какъ напр. поступать ему съ словами: *длань*, *здать*, *ристать*, *осклаблятися*, *стогнъ*, *паволока*, *стольникъ*, *кравчій*, съ формами: *младой*, *драгой*, *златой*, *гладъ*, *стражъ?* Даль рѣшился сохранять не только такія слова, но и другія менѣе нужныя, напр. *скирбь*, *скнипа*, *гобзовать*, *угобжать*, *вуй*, *стрый*, *средовѣкъ*, *спона*, отмѣчая ихъ иногда приниской *црк.* или *стар.* и присоединяя къ нимъ тѣ же примѣры, какіе приведены въ академическомъ словарѣ изъ древнихъ памятниковъ. Нельзя не признать этого справедливымъ въ отношеніи къ старинымъ словамъ, еще употребляемымъ въ новомъ письменномъ языкѣ или имѣющимъ значеніе корней; но что касается такихъ словъ, которыя рѣдко встрѣчаются и въ памятникахъ, какъ напр. *скирбь* (связка), то кажется, не было основанія давать имъ мѣсто въ словарѣ живого языка, ибо большинства подобныхъ словъ мы

у Даля все-таки не найдемъ, напр. *непщевать, склабиться*. Такимъ образомъ, отдавая полную справедливость лексическому богатству словаря Даля, мы должны однакожъ замѣтить, что у него трудно отыскать какое-либо строго опредѣленное, однообразное теоретическое начало, подъ которое подходили бы всѣ принятыя имъ слова. Относительно задачи автора, обозначенной въ самомъ заглавіи словаря названіемъ «живого великорускаго языка», можно упрекнуть его въ излишествѣ, такъ что многія слова попадаются тамъ совершенно неожиданно для пользующагося имъ; конечно, всякая такая случайная находка можетъ быть тому или другому читателю очень пріятна; но надобно, чтобы всякій, обращаясь къ словарю, заранѣе зналъ, что́ онъ можетъ найти въ немъ и чего искать не долженъ.

Даля не разъ упрекали еще въ томъ, что въ словарѣ его встрѣчаются слова сомнительныя и такія, которыя составлены имъ самимъ, однакоже занесены безъ всякихъ оговорокъ. Упрекъ этотъ такъ важенъ, что мы не можемъ оставить его безъ разсмотрѣнія.

Возражая на такое обвиненіе, самъ Даль сознается, что «при *толкованіяхъ*, а иногда и *въ числѣ производныхъ словъ* могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а можетъ-быть даже и не говорились»: — «въ переводахъ чужихъ словъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «могутъ попадаться въ словарѣ изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемыя на общій судъ; но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ *сочиненныхъ много словъ нѣтъ:* въ красную строку, въ число реченій, набираемыхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова читаныя или слышаныя имъ». Къ числу словъ, составленныхъ самимъ авторомъ, разумѣется изъ соединенія уже извѣстныхъ словъ, относятся, напр., имена сущ.: *ловкосиліе* (при словѣ гимнастика), *міроколица* (при сл. атмосфера), *глазоемъ* (при сл. горизонтъ), *насылъ, насылка* (при сл. адресъ). Даль и прежде уже, въ статьяхъ своихъ, предлагалъ подобныя новосоставленныя слова; теперь онъ считалъ долгомъ *словарника* (употребляю его слово) «не-

ревести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ и выставить тутъ же всѣ равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія рускаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это, или его нѣтъ... «Если», говоритъ онъ, «предлагаемыя слова не сыщутъ одобренія и пріема у писателей, то, можетъ быть, дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута»[1]. Попытка замѣнять чужія слова своими, стараніе изгонять варваризмы конечно заслуживаетъ всякаго уваженія, какъ и все то, что Даль говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи (ч. I, стр. XI—XII): однакожъ мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ, которое уже было выражаемо другими, что всѣ вновь придуманныя самимъ авторомъ слова должны бы быть отмѣчены особенными знаками. Даль совершенно справедливо разсуждаетъ о трудности указывать всякій разъ лицо, отъ котораго то или другое слово было слышано; но что́ бы онъ ни возражалъ противъ приведеннаго требованія, мы находимъ, что никакое новое слово (какъ напр. *міроколица*) не могло быть составлено имъ безсознательно, и потому не понимаемъ, что́ мѣшало ему отмѣчать такія слова. Отъ несоблюденія этого пользующійся словаремъ поставленъ въ большое затрудненіе. Чтобы убѣдиться, ходитъ ли въ народѣ такое-то слово, употребленное Далемъ въ толкованіяхъ и кажущееся по чему-либо сомнительнымъ, необходимо каждый разъ справиться, стоитъ ли это слово въ красной строкѣ. Но въ красной строкѣ помѣщены только слова относительно первообразныя; а затѣмъ между производными отъ нихъ, напечатанными также крупнымъ шрифтомъ, иногда встрѣчаются опять-таки сомнительныя слова (напр. *насылъ, насылка* въ смыслѣ «адресъ»), ничѣмъ не отличенныя отъ словъ вполнѣ достовѣрныхъ.

Для большей ясности разсмотримъ слѣдующій примѣръ. Въ толкованіи слова *горизонтъ* помѣщены у Даля между прочимъ слова: *небоземъ, глазоемъ, зрѣймо, завѣсь, закрой* касп., *озоръ*.

[1] Словарь, ч. I, стр. X и XII, и ч. IV: «Отвѣтъ на приговоръ», стр. 1—4.

овидь арх. Ищемъ этихъ объяснительныхъ словъ, каждаго въ своемъ мѣстѣ, и находимъ: слово *зрѣймо* съ отмѣткою *стар.* и съ толкованіемъ: «видо́къ, видки, разстояніе, на какое видитъ глазъ»; но это уже не то, что горизонтъ; словъ *небозёмъ* и *глазоемъ* не находимъ вовсе; при словѣ *за́вѣсь*, подъ глаг. *завѣшивать*, не встрѣчаемъ значенія «горизонтъ»: слово же *озоръ* показано въ трехъ значеніяхъ: 1) соглядатай; 2) дозоръ; 3) горизонтъ. Итакъ, повидимому, мы вправѣ заключить, что имена *небозёмъ* и *глазоемъ* составлены самимъ Далемъ, *завѣсь* предлагается имъ въ новомъ значеніи, *озоръ* же употребляется такъ въ народѣ. Но тутъ новое сомнѣніе: слово *озоръ* отмѣчено рязанскимъ; спрашивается, относится ли эта отмѣтка только къ первому его значенію, или ко всѣмъ тремъ; весьма любопытно было бы знать, въ какихъ мѣстностяхъ *озоръ* употребляется въ смыслѣ горизонта. Далѣе подъ словомъ «горизонтъ» предлагаются для замѣны его еще два мѣстныя слова: *закрой*, касп., и *о́видь*, арх.; но изъ нихъ мы второго вовсе не находимъ въ азбучномъ порядкѣ, а первое приведено подъ глаголомъ *закрывать*, какъ астрах., между прочимъ въ такомъ значеніи: «разстоянье, на которомъ въ морѣ предметъ скрывается изъ виду; 12-15 верстъ»: это опять не совсѣмъ то же, что́ горизонтъ, и едва ли можетъ соотвѣтствовать выражаемому послѣднимъ понятію. Такимъ образомъ читатель лишенъ положительнаго и вполнѣ надежнаго руководства для повѣрки и оцѣнки словъ, предлагаемыхъ авторомъ въ толкованіяхъ. Когда употребленное въ объясненіяхъ слово пропущено въ алфавитной номенклатурѣ, то мы въ недоумѣніи, отъ того ли это, что оно придумано самимъ лексикографомъ, или пропускъ произошелъ случайно. Когда же такое пояснительное слово стоитъ еще и въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, но безъ означенія, откуда оно родомъ, то мы опять не можемъ быть вполнѣ увѣрены въ его дѣйствительномъ существованіи. Такъ изъ словъ, предлагаемыхъ Далемъ для перевода имени *атмосфера*, мы правда встрѣчаемъ *колоземицу* подъ словомъ *коло*, но, не видя, изъ какой мѣстности оно заимствовано, сомнѣваемся, точно ли это — народное слово, тѣмъ болѣе что при немъ находимъ только

примѣръ изъ области науки: «Дознано, что у луны колоземицы нѣтъ». Другое въ томъ же значеніи предлагаемое слово: *міроколица* не помѣщено въ номенклатурѣ, и мы слѣдовательно въ правѣ думать, что оно принадлежитъ самому Далю; но опять насъ приводитъ въ сомнѣніе то, что оно встрѣчается подъ словомъ *вода* въ слѣдующей фразѣ: «испаренія водныя наполняютъ міроколицу въ видѣ облаковъ» и проч. Казалось бы, что если это слово — придуманное, то не слѣдовало употреблять его иначе, какъ при самомъ словѣ *атмосфера*, къ переводу котораго оно должно служить. Изъ личнаго объясненія съ авторомъ мы знаемъ, что слова́ *колоземица* и *міроколица* имъ самимъ составлены.

Обратимся теперь къ способу расположенія словъ у Даля. Чисто азбучный порядокъ, въ которомъ, по его выраженію, каждое слово объясняется само по себѣ, казался ему «тупымъ и сухимъ»; а корнесловный, «подбирающій слова цѣлыми ватагами подъ одинъ корень», слишкомъ труднымъ и неизбѣжно ведущимъ къ произволу. Поэтому Даль придумалъ средній путь: онъ рѣшился собрать по *семьямъ* или *гнѣздамъ* всѣ очевидно сродственныя слова, устранивъ однакоже предложныя и тѣ производныя, въ коихъ измѣняются начальныя буквы[1].

Возьмемъ для примѣра слово *садъ*. Мы найдемъ его не въ красной строкѣ, а середи сплошныхъ строкъ, составляющихъ гнѣздо, которое идетъ отъ глагола *сажать, садить*. Въ томъ же гнѣздѣ помѣщены слова: *сажанье, садка, садокъ, сажалка* и пр. Совсѣмъ другую отрасль того же корня составляетъ глаголъ *сидѣть* съ своими производными: *сидка, сидячій, сидень, сидѣлецъ* и т. д., а потому вся эта отрасль и отдѣлена въ особое гнѣздо. Предложныя слова *посадка, присядка, всадникъ, осада* и проч., какъ начинающіяся другими буквами, стоятъ опять каждое въ своемъ гнѣздѣ; гнѣзда же по большей части начинаются глаголами, каковы для этихъ словъ: *посадить, присѣдать, всаживать, осаживать*. Такъ же точно въ отдѣльныхъ гнѣздахъ стоятъ на-

---

[1] Слов., ч. I, стр. VIII.

прим. слова *грузъ, грязь, погружать, погрязнуть*, или: *трясти, трусъ, отряхать, растряхивать.*

Нельзя не отдать полной справедливости этой разумной и удобной системѣ. Но правильное примѣненіе ея къ дѣлу не такъ легко, какъ оно кажется, потому что требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго филологическаго образованія. Доказательствомъ трудности этой задачи служитъ то, что и такой рѣдкій практическій знатокъ языка, каковъ Даль, часто ошибается какъ въ распредѣленіи гнѣздъ, такъ и въ размѣщеніи словъ въ томъ или въ другомъ гнѣздѣ. Къ одному и тому же гнѣзду онъ относитъ иногда слова различнаго происхожденія, и наоборотъ, слова близкія одно къ другому по корню и составу разноситъ, вопреки своему плану, въ разныя гнѣзда; наконецъ слова́, собранныя въ томъ же гнѣздѣ, часто слѣдуютъ одно за другимъ въ порядкѣ ни на чемъ не основанномъ, что́ неминуемо затрудняетъ отысканіе ихъ, тѣмъ болѣе, что и шрифтъ не всегда употребляется согласно съ заявленными авторомъ правилами.

Все это легко доказать примѣрами:

1. Примѣры невѣрнаго распредѣленія гнѣздъ.

Слова *гудить, густи* и *гусли* поставлены каждое въ главѣ особаго гнѣзда, тогда какъ два послѣднія должны бы стоять подъ первымъ въ одномъ гнѣздѣ.

Слово *крица* есть только другая форма слова *кра* и не должно было составить отдѣльнаго гнѣзда.

То же надобно сказать о словахъ: *дикій* и *дичь, горнъ* и *горшокъ*, изъ которыхъ каждое ошибочно служитъ у Даля началомъ отдѣльнаго гнѣзда (*горшокъ* относится къ *горну* такъ же, какъ *корешокъ, гребешокъ, плетешокъ, черешокъ* къ словамъ: *корень, гребень, плетень, черенъ*[1]); *ворота* и *воротить; вязать* и

[1] Въ одномъ изъ своихъ *Прибавленій* (ч. I) Даль, правда, сближаетъ *горшокъ съ горномъ*; но думаетъ, что *горшокъ* есть сокращеніе изъ *горшекъ*. На

вясло; везти и *весло*[1]; *мазать* и *масло*. Незначительное измѣненіе согласныхъ въ серединѣ этихъ словъ не должно было служить препятствіемъ къ соединенію ихъ въ одно гнѣздо, такъ какъ въ другихъ случаяхъ Даль сближаетъ слова, гораздо болѣе расходящіяся по звуковому составу, а въ совершенно сходномъ случаѣ правильно ставитъ въ одно гнѣздо слова́ *перевязать* и *перевясло*. Соединяетъ же онъ равнымъ образомъ *весна* и *вешній, вешня, вешня́къ; великій* и *величать, величіе, вельможа*; даже *закладывать* и *залогъ* (между тѣмъ *налагать* и *накладывать, прилагать* и *прикладывать, отлагать* и *откладывать* и т. д. помѣщены, какъ и слѣдовало, въ разныхъ гнѣздахъ).

2. Примѣры невѣрнаго размѣщенія словъ въ гнѣздѣ.

Глаголъ *здать* поставленъ въ гнѣздѣ, начинающемся съ имени *зданіе*, тогда какъ послѣднее — отглагольное существительное. Въ связи съ этимъ замѣчу, что остальныя слова, произведенныя отъ того же корня, какъ *зиждитель, зиждительный* и проч., отнесены къ особому гнѣзду подъ глаголомъ *зиждить*, котораго вовсе несуществуетъ. Настоящее время *зижду, зиждешь* и т. д. есть отрасль глагола *здать*. Но если и допустить въ новомъ языкѣ такую неправильно образованную форму какъ *зиждить* (по примѣру *жаждать* вм. *жадать*), то все же она должна бы помѣщена быть, разумѣется съ оговоркою, подъ глаголомъ *здать*. Въ алфавитномъ же порядкѣ, въ красной строкѣ, она могла быть поставлена только со ссылкою: см. *здать*. Такъ же точно слѣдовало поступить съ словомъ *зодчій*, которое равнымъ образомъ происходитъ отъ *здать*, а не ставить его въ новомъ гнѣздѣ подъ словомъ *зодчество*. Изъ этихъ же двухъ существительныхъ послѣднее конечно далѣе отъ корня чѣмъ *зодчій*.

самомъ же дѣлѣ буква *я* тутъ просто превращается въ *ш*, какъ въ словахъ: *головня, головешка, дровни, дровешки, польно, польшко*, или, у простонародья, не *трошь* (вм. не тронь).

[1] Производство слова *весло* (вм. *везтло*) отъ *везти* не ново: оно указано еще Добровскимъ въ его Etymologikon (стр. 7 и 59), и принято Гейземъ.

Такая же мнимая глагольная форма какъ *зиждить* есть форма *зыбить*, поставленная Далемъ возлѣ истинной: *зыба́ть*[1]. По мнѣнію его, настоящее: *зыблю, зыблешь* относится къ первой формѣ, а *зыбаю, зыбаешь* ко второй. Но Даль не принялъ въ соображеніе, что есть цѣлый разрядъ глаголовъ, въ которомъ формы настоящаго вр. и неопред. наклоненія находятся между собою въ такомъ точно отношеніи, какъ *зыблю* и *зыбать*; именно глаголы: *колебать, дремать, сыпать, капать, вязать, мазать, плакать, чесать, пахать* и проч. Во всѣхъ нихъ согласная, стоящая въ неопред. накл. передъ окончаніемъ *ать*, умягчается въ настоящемъ времени (б′ = бл, м′ = мл, п′ = пл, з′ = ж, к′ = ч, с′ = ш, х′ = ш).

Когда гнѣздо начинается предложнымъ глаголомъ, то этотъ глаголъ у Даля всегда ставится въ несовершенномъ видѣ, напр. *скашивать, скрещивать, умаливать* (при *умалять* и *умолять*), *устаивать, устраивать.* Это неудобно, потому что затрудняетъ пріискиваніе словъ, выставляя на первый планъ форму болѣе видоизмѣненную чѣмъ ближайшій къ корню совершенный видъ: *скосить, скрестить, устоять, устроить.* Лучше было бы предпочесть противоположный порядокъ, такъ какъ гораздо рѣже случается, чтобы наоборотъ корень цѣлѣе оставался въ несовершенномъ видѣ; это бываетъ только въ глаголахъ на *сть* и *чь: падать, пасть; сберегать, сберечь; протекать, протечь.* Въ несоверш. же видѣ нѣкоторые предложные глаголы и вовсе не употребительны (напр. отъ *хлынуть, поблѣднѣть, побѣжать, поздоровилось*). Впрочемъ понятно, что какой бы единообразный порядокъ ни выбрать, — а это необходимо, — каждый имѣлъ бы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свою невыгодную сторону; замѣченное же нами неудобство метода Даля въ отношеніи къ предложнымъ глаголамъ уменьшается тѣмъ, что и совершенный видъ всегда стоитъ у него отдѣльно со ссылкою на несовершенный.

---

[1] Любопытно, что и нѣкоторые изъ лучшихъ писателей нашего времени, по такому же недоразумѣнію, неправильно употребляютъ въ неопр. накл. формы *зиждиться* и *зыблиться*: см. въ стихотвореніяхъ гр. А. К. Толстого. Въ словарѣ же Даля мы находимъ еще *обгемлить* рядомъ съ *обнимать!*

3. Примѣры словъ, попавшихъ не въ свои гнѣзда.

Дышло, помѣщенное подъ словомъ *дыхать*, должно стоять отдѣльно, какъ слово германское (Deichsel, древнецѣм. dihsila, англос. disl, голл. dyssel), перешедшее къ намъ, безъ сомнѣнія, черезъ Польшу (dyszel).

Колѣть произведено отъ слова *колъ* и опредѣлено такъ: «цѣпенѣть, коченѣть, замерзать коломъ». Но оно совершенно другого происхожденія, какъ видно изъ финскаго кореннаго слова kuoli = смерть, и англ. to kill — убивать. Слово же *колъ*, означающее «завостреный шестъ», находится въ очевидной связи съ первообразнымъ глаголомъ *колоть*, подъ которымъ оно и должно было найти мѣсто, такъ же какъ *ломъ* правильно поставлено подъ *ломать*. Между *колѣть* и *колъ*, въ этимологическомъ смыслѣ, нѣтъ никакого соотношенія.

Цѣпъ пріурочено къ слову *цѣпь*, но имѣетъ совершенно самостоятельный корень (сканд. käpp, палка), какъ и самостоятельное значеніе: Шимкевичъ справедливо раздѣлилъ эти два имени въ своемъ *Корнесловѣ*.

Потолокъ попалъ въ гнѣздо глагола *поталкивать, потолкать*, тогда какъ ближе относится къ семейству глагола *толочить* (топтать), такъ же какъ *притолока*, отнесенное Далемъ къ глаголу *приталкивать*. Нѣтъ сомнѣнія, что *толо́къ* есть русская, полногласная форма славянскаго слова *тлакъ*, которое у Хорутанъ значитъ *полъ* (Boden, Estrich; ср. русское *тло* = основаніе). Отвергать это потому, что *потолокъ* по значенію противоположенъ *полу* было бы несправедливо: *потолокъ* въ отношеніи къ пространству, находящемуся надъ нимъ подъ крышей, составляетъ именно *полъ*. Такъ точно у Нѣмцевъ Boden, означающее исподъ, основаніе, полъ, перешло въ значеніе чердака или чердачнаго пола (см. словарь Гримма, т. II, стр. 214). Помѣстивъ *потолокъ* въ гнѣздѣ глагола *поталкивать*, Даль въ другихъ мѣстахъ выражаетъ догадку, что это существительное, быть можетъ — искаженное говоромъ *подволокъ*, слово, имѣю-

щее въ Арх. губ. то же значеніе. Но по какому же фонетическому закону было бы возможно такое превращеніе? Для этого нѣтъ ни данныхъ, ни аналогіи въ цѣлой области славянскихъ языковъ.

Маститый отнесено къ гнѣзду *мастика*, тогда какъ должно бы стоять подъ словомъ *мастъ*, которое значитъ жиръ, тукъ (см. Павскаго, *Разсужд.* II, стр. 113, § 94).

Названное нами мимоходомъ слово *тло* неправильно отнесено къ глаголу *тлѣть*. Въ эту ошибку впалъ и академическій словарь, по которому *тло* то же, что *тлѣнъ*. *Тло*, какъ выше замѣчено, заключаетъ въ себѣ корень глагола *толочить* и значитъ просто: основаніе, дно. Это видно между прочимъ изъ его народнаго употребленія въ смыслѣ *дно улья* (что̀ означено и Далемъ по акад. областному словарю). Еще болѣе убѣждаетъ въ томъ сравненіе съ другими славянскими языками: у Хорутанъ tla, множ. ч., съ предлогомъ do (do tal) значитъ: до основанія (bis auf den Boden, *Murko*); польское tło значитъ полъ, грунтъ, der Fussboden, der Boden (*Linde*); наконецъ, и въ церк.-слав. *тъла* или *тълѧ* (множ.) = pavimentum, помостъ (*Востоковъ*). Въ выраженіи «сгорѣть до тла» нѣтъ никакого соотношенія съ понятіемъ *тлѣнія*: оно равносильно выраженію: «сгорѣть до основанія».

Въ упомянутыхъ выше двухъ родственныхъ гнѣздахъ: *садить* и *сидѣть*, опять не все на своемъ мѣстѣ. Такъ глаголъ *сѣсть* отнесенъ къ первому изъ этихъ гнѣздъ, а не къ послѣднему, что̀ было бы конечно правильнѣе. Сдѣлано это по сходству значенія глаголовъ *садиться* и *сѣсть*, которые потому и поставлены рядомъ, и примѣры на тотъ и другой смѣшаны; но основаніемъ распредѣленія гнѣздъ должно служить сродство не логическое, а корнесловное.

Слово *просторъ* отнесено къ гнѣзду *простой*, а въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ одному корню съ гл. *простирать*, который образуетъ у Даля гнѣздо, вмѣщающее только существительныя *простираніе*, *простертіе*, *простирало*, *простиратель*. Туда не включено даже и слово *пространный*, которое съ сущ.

пространство опять отдѣлено въ особое гнѣздо. Очевидно, что всѣ эти предложныя слова въ близкомъ родствѣ съ простымъ существительнымъ *страна*, *сторона*.

Впрочемъ, при указанiи подобныхъ промаховъ въ словарѣ Даля надобно быть осторожнымъ, потому что многiе изъ нихъ, очевидно, произошли не отъ недостатка познанiй у составителя, а просто по недосмотру, иногда и независимо отъ самого автора, по винѣ типографiи, помѣстившей напримѣръ слово *утопiя* въ гнѣздѣ глагола *утопить*, нелѣпость, которой конечно не допустилъ бы Даль, если бъ во-время ее замѣтилъ. Зная, что онъ отъ начала до конца работалъ одинъ и тѣмъ болѣе спѣшилъ, что силы, потрясенныя болѣзнью, начинали ему измѣнять, мы не можемъ не смотрѣть съ нѣкоторымъ снисхожденiемъ на подобные недосмотры.

Но вообще словопроизводство, или корнесловiе (этимологiя въ обширномъ смыслѣ), составляетъ самую слабую сторону разбираемаго словаря. Въ предисловiи своемъ Даль справедливо говоритъ, что «знанiе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученiя всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ, и при всемъ томъ корнесловный порядокъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произволу не обойдешься... Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучiю, много вредитъ изученiю языка, лишая слова природной связи и жизни». При такомъ вѣрномъ пониманiи дѣла Даль, не довѣряя своимъ силамъ и знанiямъ (о которыхъ онъ самъ отзывается съ такою скромностью), отказался отъ этимологическаго порядка и заявляетъ, что «онъ старательно избѣгалъ ошибочнаго производства (чему множество примѣровъ у Рейфа) и боялся приговоровъ въ такомъ темномъ дѣлѣ»[1]. Нельзя не пожалѣть, что авторъ *Толковаго Словаря*, разсуждая такъ здраво о трудностяхъ этимологiи, часто безъ всякой надобности выражаетъ по этому предмету догадки, которыхъ не можетъ одобрять наука. Къ чему напр. при словѣ *казакъ*, начинающемъ гнѣз-

[1] Сл., ч. I, стр. IV, VI, VIII—IX.

до, онъ ставитъ въ скобкахъ: «изъ всѣхъ производствъ самое толковое отъ гл. *казать, — ся*, гарцевать; но вѣроятно, это сл. азіятское». Если послѣднее вѣроятно, какая же надобность въ приведенномъ напередъ предположеніи? Такъ же непонятно, зачѣмъ противъ глаг. *обруснить* сдѣлана выноска: «не отъ этого ли *брусника?*» или зачѣмъ при словѣ *телега* поставлено въ скобкахъ: «отъ *тал*, доля, и *иго: пол-ига*, одноконный, оглобельный возъ». Не болѣе основательно при словѣ *вьюнецъ*[1] подъ *вьять* или *віять* примѣчаніе: «не переиначено ли изъ вѣнецъ?» или при словѣ *истинъ* (подъ истекать): «здѣсь сходится производство отъ течь, тыкать и тнуть». Даль вообще любитъ видѣть въ одномъ словѣ нѣсколько корней, и при существ. *перетонъ* опять замѣчаетъ: «здѣсь три корня: тнуть, тѣнь и тонкій». При словѣ *гуртъ* указано въ скобкахъ для поясненія: *горнуть*; этотъ же глаголъ, ошибочно помѣщенный подъ *горнъ*, зн. загребать, воротить. Но *гуртъ* есть герм. слово (шв. hjord, нѣм. Heerde) и значитъ первоначально стадо рогатаго скота. Можно бы привести еще множество примѣровъ такого невѣрнаго пониманія производства словъ, но для нашей цѣли и этихъ указаній достаточно.

Подобно корнесловію, и грамматика не всегда можетъ быть довольна обращеніемъ съ нею Даля. Свой взглядъ на нее онъ самъ объясняетъ въ предисловіи: по его словамъ, «онъ съ нею искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее (*ея*) не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта», прибавляетъ онъ, «основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской граматикѣ латынскую и нѣмецкую, а русской не находилъ»[2]. Изъ этихъ

---

[1] Слово *вьюнецъ* (зн. новобрачный) есть не что иное какъ юнецъ съ прибавленіемъ *в* въ началѣ: оно должно было стоять отдѣльно со ссылкою на прилаг. *юный*, подъ которымъ мы у Даля дѣйствительно находимъ между прочимъ: *юнецъ, юница* (новобрачные).

[2] Сл., ч. I, стр. IV.

словъ становится яснымъ, что подъ грамматикой Даль разумѣетъ не вообще науку о законахъ языка, а какой-нибудь или какіе-нибудь отдѣльные труды по этой наукѣ. Но что же мѣшало ему понимать законы языка по-своему и основать на нихъ свою особую грамматику? Самъ же онъ называетъ себя *ученикомъ живого русскаго языка*; а съ помощію такого разумнаго учителя внимательный и способный ученикъ могъ бы разъяснить многія тайны, для другихъ непроницаемыя. Насколько грамматика входитъ въ словарное дѣло, Даль въ нѣкоторыхъ случаяхъ и оказалъ ей по крайней мѣрѣ отрицательную услугу, отвергнувъ наприм. обозначеніе при каждомъ глаголѣ залога его, что̀ всѣ прежніе словари наши считали одною изъ своихъ непремѣнныхъ обязанностей. Но еще Востоковъ въ своей грамматикѣ (Спб. 1839, § 57) мимоходомъ замѣтилъ, что залоги «различаются не по окончаніямъ, а *по значенію*, какое глаголъ получаетъ *въ употребленіи* съ другими словами». Отсюда уже ясно, что невозможно при каждомъ глаголѣ a priori означать свойственный ему залогъ. Тѣмъ не менѣе никто до автора *Толковаго Словаря* не воспользовался на дѣлѣ скромною, но многозначительною замѣткою Востокова. Несообразности, вкравшіяся оттого въ академическій словарь, навели Даля на мысль совершенно исключить изъ своего словаря, при глаголахъ, всякое наименованіе залога. Стараясь вообще замѣнять теорію практикой, онъ относительно этого предмета въ *Напутномъ словѣ* оговаривается слѣдующимъ образомъ: «Граматическія указанія въ словарѣ вобще скудны, потому что оказываются то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшній граматикѣ своей не поддается. Приложеніе слова къ дѣлу, отношенія его въ строеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ»... Такъ, между прочимъ, «при каждомъ коренномъ глаголѣ показаны примѣры сочетанія его со всѣми подходящими къ нему предлогами»[1].

[1] Сл., ч. I, стр. VIII.

Напр. подъ глаголомъ *строить* находимъ фразы: «Выстроить домъ; войска выстроились. Я достраиваюсь. Нельзя застраивать улицы. Настроить клѣтушекъ. Надстроить вышку. Онъ хорошо обстроился» и т. д. Хотя все это по-настоящему разные глаголы, однакожъ такое указаніе предложныхъ словъ при простомъ, изъ котораго они составлены, должно быть признано дѣйствительно полезнымъ.

Между грамматическими недоразумѣніями Даля нельзя умолчать о слѣдующемъ: слово *пѣши* принимается имъ за нарѣчіе того же значенія, какъ *пѣшкомъ*. Это ясно выражено имъ между прочимъ подъ прилаг. *пѣшій*: «кто не ѣдетъ, идетъ на своихъ ногахъ, идетъ *пѣши, пѣшкомъ*». Такое пониманіе формы *пѣши* видно и изъ другихъ мѣстъ словаря. Отъ вниманія Даля ускользнуло, что *пѣши* не что иное, какъ прилаг. множ. числа, въ единственномъ же ставится точно такъ же *пѣшъ*, *пѣшій*. Такъ Ломоносовъ говоритъ: «Не хотимъ ни *пѣши*, ни на коняхъ итти съ вами» (Соч. его, ч. III, стр. 165). Въ Ипат. спискѣ: «*пѣшь* ходя» (155)[1]. У Державина (*Къ Калліопѣ*, 2 ак. изд., т. III, стр. 75):

. . . . . «пловцомъ пущусь охотно
Въ ярящійся Босфоръ, въ пески ливійски *пѣшъ*»,

или у него же (*Жилище богини Фригги*, тамъ же, стр. 81):

«*Пѣши* въ бубны рыцари стучатъ».

Нигдѣ и никогда форма *пѣши* не служила нарѣчіемъ.

Отдѣльно поставлено слово *нейстечко*, котораго совсѣмъ не существуетъ. Въ другомъ мѣстѣ оно приведено правильно: *нъщечко*.

Вниманія заслуживаетъ, что между словами, пропущенными въ словарѣ Даля, значительное число составляютъ грамматиче-

---

[1] Въ *Историч. грамматикѣ* г. Буслаева (изд. 1863, § 228) указаны и нѣкоторыя другія прил., употребляемыя такимъ образомъ какъ бы вм. нарѣчій: *правъ*, *прямъ*, *радъ*, *добръ* и проч.

Даль пишетъ: «За нужду *пѣши* пойдешь», вм. *пѣшій*, см. подъ словомъ *нужда*, Сл., ч. II, стр. 1142. — Подъ словомъ *идти* также приведенъ примѣръ «*я шелъ пѣши*» (стр. 632).

скіе термины: такъ напр. вы здѣсь не найдете грамматическаго объясненія словъ: *приставка*, *подъемъ*, *перебой* (звуковъ), *наращеніе*, *общій* (въ смыслѣ залога), и вовсе не найдете словъ: *суффиксъ*, *агглутинація*, *лексическій*, *флексія*, *фонетическій* и проч. Самые же общеизвѣстные грамматическіе термины, не пропущенные Далемъ, обставляетъ онъ иногда слишкомъ произвольными замѣчаніями; напр. подъ словомъ *наклоненіе* онъ говоритъ, что у насъ принято три наклоненія и прибавляетъ: «*одно личное, другое безличное, третье приказываетъ*». Почему же здѣсь первыя два названы по внѣшнему признаку, а послѣднее по значенію (впрочемъ, также оспариваемому иными)? Притомъ же Даль здѣсь забылъ истину, очень хорошо имъ самимъ сознанную и выраженную такъ: «словарникъ не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ»[1].

Отношеніе Даля къ грамматикѣ обнаруживается особенно изъ замѣчаній, которыми онъ объясняетъ принятую имъ своеобразную ороографію. Этого предмета мы также не можемъ оставить безъ вниманія. По приведенному сейчасъ правилу лексикографъ не долженъ бы и въ отношеніи къ правописанію позволять себѣ слишкомъ рѣзкихъ нововведеній; въ противномъ случаѣ, при употребленіи словаря будутъ возникать неизбѣжныя затрудненія и недоумѣнія.

Справедливо предположивъ себѣ «охранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова»[2], Даль относительно иноязычныхъ словъ считаетъ это начало совершенно ненужнымъ и пишетъ ихъ только по слуху, вовсе не заботясь о ихъ первоначальной ороографіи. Согласимся однакожъ, что и иностранное слово будетъ во многихъ случаяхъ понятнѣе, если не потеряетъ на письмѣ всѣхъ признаковъ своего происхожденія. Разумѣется, что мы обязаны сохранять правописаніе чужого слова лишь настолько, насколько это позволяютъ средства нашей азбуки. Но читатель конечно никогда не будетъ въ проигры-

[1] Сл., ч. I, стр. XI.

[2] Тамъ же, стр. XII и далѣе.

нѣ, если онъ по нашему правописанію будетъ въ состояніи хотя отчасти возстановить первоначальную орѳографію заимствованнаго слова или имени. Мы напр. пишемъ то *штатъ* (какъ въ прил. *заштатный*), то *штадтъ* (какъ въ названіи *Кронштадтъ*); ужели же было бы лучше писать во всѣхъ случаяхъ, по примѣру Даля, единообразно *штатъ?*

Далѣе, онъ принялъ за общее правило не сдваивать буквъ, т. е. не писать рядомъ двухъ *с*, двухъ *н*, двухъ *о*: ему показалось, что наше одно *с* не мягче иностраннаго двойнаго *ss*, и что сдваивать *с* противно русскому языку (а какъ же произошли слова: *ссора, ссадить, ссылка, изсохнуть, разсъять?*). Поэтому онъ пишетъ: *класъ* (вм. *классъ*), *каса, маса, шосе*, и даже *Росія; руской, францускій, бесвязно, бестыдно, раставлять*. Онъ не сдваиваетъ обыкновенно и буквы *н* въ причастіяхъ страдательныхъ, исключая случаи, «гдѣ этого неуступчиво требуетъ произношеніе»[1]; такъ онъ пишетъ: *опредѣленый, дѣланый, своевременый*, и — *данный, бездыханный, деревянный, совершенный, сокращенный*; очевидно, что тутъ между обоими случаями невозможно провести ясной границы. Вмѣсто *выжжешь, выжженый*, онъ по тому же соображенію пишетъ *вызжешь* (забывая, что корень слова *жг* и что *г* неминуемо переходитъ въ *ж*); далѣе на томъ же основаніи мы находимъ у него: *вобще, воображеніе, воружать, сотвѣтствовать*, но — не рѣшаясь слѣдовать этому во всѣхъ случаяхъ, онъ въ то же время пишетъ: *сообщать, соображеніе, соотечественникъ*. Иногда Даль предлагаетъ въ пользу выговора ужъ слишкомъ большія уступки: такъ онъ не разъ замѣчаетъ, что для отличія глаголовъ *стоя́ть* и *сто́ить* можно бы, не стѣсняясь грамматикой, писать какъ говорится: *сто́ютъ* и *сто́ющій*, и даже: онъ *сто́етъ*[2].

---

[1] Сл., ч. I, стр. 2.

[2] Сл., ч. I, стр. 372, 373, 427.

— Подобныя грамматическія замѣтки Даля обыкновенно помѣщаются имъ въ выноскахъ. Въ одной изъ нихъ предлагается вопросъ, на который отвѣту въ выноскѣ же. Принявъ за правило писать въ предложномъ падежѣ: *На*

Вообще, въ словарѣ всего менѣе удобно вводить новую ороографію.

Прежде нежели будемъ говорить о толкованіи словъ у Даля, обратимся къ весьма существенной и обширной составной части его словаря, къ примѣрамъ. Примѣрами служатъ въ немъ частью

безлюдьи, на безмірьи, а не на безлюдьѣ, на безмірьѣ, и утверждая, что русское ухо требуетъ здѣсь звука *и*, Даль замѣчаетъ: «Говоримъ же мы и «пишемъ: *при окончаніи*, если произвольно оканчиваемъ слово въ им. пад. на «*іе*; а если то же слово кончаемъ на *ье*, то требуемъ въ пред. пад. *ѣ*; для чего «это?» (Сл., ч. I, стр. 57).

Чтобы основательнѣе рѣшить этотъ вопросъ, надобно вспомнить, что имена на *е* бываютъ двоякія: одни передъ этимъ окончаніемъ имѣютъ согласную (*поле, море*), другія гласную *і*, то полную (*іе*), то сокращенную въ *ь* (*ье*).

Имена какъ *поле, море* склоняются подобно именамъ на *о* и потому въ предл. падежѣ принимаютъ *ѣ*: въ *полѣ*, въ *морѣ*.

Имена на *ье* склоняются точно такъ же, что̀ всего виднѣе тогда, когда на послѣдній слогъ падаетъ удареніе: *копьё, ружьё, питьё, питьё, житьё, бытьё*; въ предл. падежѣ мы говоримъ и пишемъ: *на копьѣ, въ ружьѣ, при питьѣ, въ питьѣ, о житьѣ-бытьѣ*. Поэтому слѣдуетъ писать: *въ платьѣ, въ зельѣ*.

Окончаніе *іе* — собственно цркв. славянское, и потому въ предл. падежѣ такихъ именъ сохраняется также форма первоначальная (*іи*), которая впрочемъ по закону уподобленія звуковъ не противна и русскому слуху (*при окончаніи, о равновѣсіи, въ сочувствіи*). Какъ скоро предпослѣдняя буква *і* сокращается въ *ь*, то собственно исчезаетъ и причина измѣненія *ѣ* въ *и*, а потому и можно позволять себѣ писать, какъ напр. Крыловъ въ этомъ стихѣ:

«Миръ курамъ далъ лиса, постится *въ подземельѣ*». (*Моръ звѣрей*).

Но такъ какъ наше ухо уже привыкло къ окончанію *іи* и сокращеніе *і* въ *ь* въ другихъ падежахъ остается безъ вліянія на прочія буквы, то мы и въ этомъ случаѣ склонны сохранять въ предл. пад. окончаніе *ьи*. Это окончаніе, какъ менѣе отступающее отъ полнаго первоначальнаго, многимъ кажется даже правильнѣе и потому вообще предпочитается (напр. пишутъ: *о здоровьи, о самовластьи, на новосельи, на жалованьи*). Форма же *ьѣ* (безъ ударенія) въ предлож. пад. остается принадлежностью только немногихъ чисто-русскихъ именъ существит. (въ *платьѣ, на раздольѣ*), или употребляется въ стихахъ подъ рифму именительному падежу (такъ у Крылова *въ подземельѣ* поставлено въ созвучіе слову *веселье*). Что языкъ дѣйствительно допускаетъ и ту и другую форму, видно опять изъ такихъ словъ, гдѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ: говорятъ одинаково и *въ забытьѣ* и *въ забытьи*.

Указанное выше правило измѣненія *и* въ *ѣ* послѣ *ь* подтверждается и именами, кончающимися въ имен. пад. на *ія*. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр., *въ молніи, къ Софіи, при Наталіи*; а при сокращеніи *і* въ *ь*, говорятъ и пишутъ: *къ Софьѣ, при Натальѣ*. Для повѣрки этого стоитъ равнымъ образомъ только взять слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, напр. *судья, скуфья, семья*; мы говоримъ; *къ судьѣ, въ скуфьѣ, о семьѣ*, а не *къ судьи* и т. д.

фразы, составленныя самимъ лексикографомъ; частью, впрочемъ въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ, выписки изъ писателей съ указаніемъ ихъ именъ, или извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ; примѣры послѣднихъ двухъ разрядовъ всегда заимствуются Далемъ уже готовые изъ академич. словарей. До какой степени онъ не считалъ необходимымъ пользоваться для своей цѣли непосредственно книжною литературой, видно изъ того, что онъ не извлекъ всѣхъ словъ даже изъ такихъ писателей, которые, прибѣгая часто къ народному языку, должны бы имѣть особенное право на его вниманіе. Въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова и даже Крылова есть слова, которыхъ нельзя найти въ словарѣ Даля. Не воспользовался онъ также областными словами, собранными въ разныхъ отдѣльныхъ сборникахъ и другихъ изданіяхъ, напр. въ изданіяхъ Географическаго общества, въ *Морскомъ Сборникѣ*, въ *Изслѣдованіяхъ* Н. Я. Данилевскаго о рыболовствѣ въ Россіи. Нѣкоторые примѣры берутся Далемъ изъ слышанныхъ имъ разговоровъ, разсказовъ или анекдотовъ, при чемъ передаются и самые анекдоты, напр. подъ словами: *апропо*, *прислонивать*, *пила*, *пристрѣливать*, *стричь*, *книга*.

Безъ всякаго сравненія значительнѣйшую часть примѣровъ въ словарѣ Даля составляютъ пословицы и поговорки. Въ этомъ отношеніи трудъ его представляетъ, собственно говоря, двойной словарь: словарь языка и вмѣстѣ словарь пословицъ; слѣдовательно, одною половиной своей онъ повторяетъ сборникъ, уже прежде изданный Далемъ отдѣльно[1]. Нѣтъ сомнѣнія, что въ пословицахъ выражаются не только умъ и міровоззрѣніе народа, но и языкъ его со всѣми своими особенностями; онѣ служатъ важнымъ средствомъ для точнаго опредѣленія значенія словъ и для историческихъ надъ ними наблюденій, и потому въ словарѣ, гдѣ на первый планъ поставленъ языкъ народный, пословицы и поговорки весьма умѣстны. Но для объясненія слова нѣтъ надоб-

---

[1] *Пословицы русскаго народа* М. 1862 (б. 4-ка; XL, 1095 и 6 стр.). Но здѣсь порядокъ размѣщенія пословицъ — систематическій, т. е. по предметамъ, къ которымъ онѣ относятся.

ности собирать всѣ пословицы, гдѣ оно встрѣчается; нужно было бы только имѣть при каждомъ словѣ выборъ тѣхъ пословицъ, гдѣ оно употреблено съ различнымъ оттѣнкомъ значенія. Впрочемъ, конечно, нельзя отвергать интереса и пользы обзора всѣхъ случаевъ, въ которыхъ обнаружилась игра народнаго ума надъ тѣмъ или другимъ представленіемъ; но это къ изученію языка прямо не относится. Такая полнота собранія пословицъ въ словарѣ имѣетъ только то неудобство, что слишкомъ увеличиваетъ объемъ его, а слѣдовательно уменьшаетъ его доступность, вредитъ его распространенію. Мы не будетъ слишкомъ строго судить Даля за то, что нѣкоторыя пословицы у него повторяются въ двухъ разныхъ мѣстахъ словаря, напр. извѣстная пословица: «Не всякое лыко въ строку», помѣщена подъ обоими употребленными въ ней именами. Пословица: «Борода съ возъ, а ума съ наконыльника нѣтъ» попадается и подъ словомъ *борода*, и подъ словомъ *накопыльникъ*. Дважды помѣщены также пословицы: «Кукушка безъ гнѣзда за то, что завила его на Благовѣщенье» и «Пей-ка, на днѣ копейка: еще попьешь, грошъ найдешь»; при послѣдней каждый разъ повторено и объясненіе: «отъ свадебнаго обычая класть въ вино за окупъ невѣсты деньги». Къ сожалѣнію, объясненія при пословицахъ слишкомъ рѣдки у Даля: ихъ часто не находишь даже и при такихъ пословицахъ, которыя не всѣмъ понятны, напр. не пояснены слѣдующія: «Нужда велитъ калачи ѣсть», или: «На людяхъ и смерть красна». Нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя поговорки пропущены Далемъ, напр. эта: «пьянъ какъ стелька»; а между тѣмъ при словѣ *стелька* мы находимъ толкованіе «мертвецки пьяный человѣкъ». Тутъ недоразумѣніе: въ этой поговоркѣ *стелька* сохраняетъ именно то значеніе, какое на первомъ мѣстѣ указываетъ Даль: «постилка на подошву внутри обуви»; съ нею-то и сравнивается пьяный, потому что онъ пропитанъ влагой такъ, какъ эта настилка, когда промокнетъ обувь[1]. Такія же

[1] При словѣ *стелька* мы не находимъ еще одного значенія, указаннаго Далемъ въ другомъ мѣстѣ, именно подъ словомъ *карьеръ* сказано: «скачка во весь опоръ, стелька».

недомолвки и повторенія представляетъ словарь и въ другихъ случаяхъ: одна и та же поговорка или реченіе повторяются иногда подъ однимъ и тѣмъ же словомъ; по два раза помѣщены, напр. подъ *гнѣздо:* «гнѣздо цѣло, а птицы у(вы)летѣли»; подъ словомъ *охота:* «охота пуще неволи», или подъ *чай:* «чай съ позолотой» (съ ромомъ). Сло́ва же *позолота* мы не находимъ въ азбучномъ порядкѣ.

Всего страннѣе, что иногда подъ словомъ поставлены такіе примѣры, гдѣ этого слова вовсе нѣтъ, и они относятся къ нему только по смыслу или по переводу слова. Напр. подъ словомъ *трауръ* читаемъ примѣры: «Онъ въ жалевомъ ходитъ. Семья эта въ печали, въ жали, въ жаляхъ» и т. д. Всѣ примѣры приведены тутъ на сущ. *жаль*, которое находится только къ толкованіи слова *трауръ*. Между тѣмъ такое значеніе слова *жаль* объяснено только однимъ примѣромъ на настоящемъ мѣстѣ, въ гнѣздѣ глагола *жалѣть*. Такимъ же образомъ подъ словомъ *май* мы находимъ между прочимъ собраніе примѣровъ на имя *Никола*, потому только, что Николинъ день бываетъ въ маѣ. Такіе примѣры встрѣчаются еще подъ словами: *быза* и *постъ*. Названіе *бызы* означаетъ въ народѣ 13-е іюня, Акулинин день, а потому подъ словомъ *быза* и помѣщены примѣры на имя *Акулина*, и тутъ же находимъ напечатанныя шрифтомъ примѣровъ поясненія: «Мірская каша для нищей братіи. Праздникъ кашъ». Подъ словомъ *постъ* помѣщенъ примѣръ на имя *Предтечи* на томъ основаніи, что *Предтечу* иногда называютъ *Иваномъ постнымъ*. И затѣмъ, шрифтомъ же примѣровъ, прибавлено: «Послѣднее солнце на льны. Коли журавли на Кіевъ пошли, — ранняя зима». При этомъ случаѣ насъ еще поражаетъ то, что въ главѣ гнѣзда поставлено не имя *постъ*, какъ бы слѣдовало, а глаголъ *поститъ*, *постовать*, *поститься*, *постничать*: слово *постъ* мы тутъ даже не безъ труда отыскиваемъ, потому что оно стоитъ послѣднимъ въ ряду слѣдующихъ за глаголами и примѣрами существительныхъ: «пощенье, постованье, постничанье, постъ». Впрочемъ на подобныхъ отступленіяхъ отъ правильнаго порядка въ размѣ-

щеніи словъ мы не будемъ останавливаться, потому что они встрѣчаются безпрестанно.

Тотъ же недостатокъ системы замѣчается у Даля нерѣдко и въ толкованіи словъ. Переходя къ этой важной статьѣ словаря, вспомнимъ, что́ составитель его говоритъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*: «При объясненіи и толкованіи слова вобще избѣгались сухія, безплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя»[1]. Изъ этихъ строкъ видно, что Даль при объясненіи словъ особенно заботился 1) о простотѣ и наглядной ясности толкованій, и 2) о подборѣ возможно бо́льшаго числа синонимовъ. Такъ, къ прилагательному *бодрый* приставлены слѣдующія слова: «свѣжій собою на видъ, бойкій, живой, не сонный, не вялый, бдительный, смѣлый, мужественный, дюжій, здоровый, сильный, осанистый, видный, молодцоватый». Здѣсь насъ поражаютъ двѣ вещи: во 1-хъ, присутствіе нѣкоторыхъ словъ, по значенію слишкомъ мало подходящихъ къ объясняемому, каковы: дюжій, осанистый, видный; во 2-хъ, ненадлежащій порядокъ словъ: на первомъ мѣстѣ поставлено: *свѣжій на видъ*, слѣд. прежде всего выставлено наружное, второстепенное значеніе, а не внутреннее и первичное, лежащее въ самомъ понятіи прилаг. *бодрый* (отъ бдѣть); между тѣмъ это второстепенное значеніе повторяется въ концѣ словомъ, имѣющимъ гораздо обширнѣйшій смыслъ: *видный*; ясно, что слова́ «свѣжій на видъ»

[1] Сл., ч. I, стр. IX.

и «видный» должны бы стоять рядомъ въ объясненіи прилаг. *бодрый*. Посмотримъ, какъ это же слово объяснено въ академическомъ словарѣ. Тамъ мы читаемъ: «1) Бдительный. *Бодрая стража*. 2) Неустрашимый, храбрый, смѣлый. *Бодрый воинъ*. 3) Имѣющій горделивую поступь. *Бодрый конь*. 4) Имѣющій достаточныя силы. *Ему минуло 70 лѣтъ, однако онъ еще бодръ*». Сравнивая съ этимъ толкованія Даля, находимъ, что онъ пріискалъ, правда, нѣсколько новыхъ соотвѣтствующихъ слову *бодрый* синонимовъ, но поставилъ ихъ не въ надлежащей постепенности, которая удовлетворительно соблюдена въ академ. словарѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы открываемъ, что примѣры у Даля собраны уже не въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены оттѣнки значенія, а размѣщены совершенно случайно, именно: *Бодрый всадникъ на бодромъ конѣ. Сиди бодро, всю ночь не дремли. Иди бодрѣе, не робѣй. Онъ еще бодрый старикъ*, не хилой. *Духъ бодръ, да плоть немощна. Бодрый самъ натечетъ, на смирнаго Богъ нанесетъ. Садился, бодрился, а сѣлъ свалился*. Здѣсь неумѣстенъ только послѣдній примѣръ, въ которомъ вмѣсто прилаг. *бодрый* мы неожиданно встрѣчаемся съ глаголомъ *бодриться*. Не будемъ винить Даля за то, что въ примѣрахъ на прилагательное іоставлены здѣсь нарѣчія: *сиди бодро, иди бодрѣе*; положимъ, что это все равно, такъ какъ въ основномъ значеніи обѣихъ частей рѣчи въ настоящемъ случаѣ нѣтъ различія.

Часто Даль, при подборѣ синонимовъ, ставитъ и областныя выраженія, полагая, что они «большею частью могутъ войти въ общій расхожій запасъ». Такъ при словѣ *говорить* онъ въ числѣ другихъ «однослововъ» помѣщаетъ: «баять, гуторить, бакулить, голдить, го́лчить *влг.* говчить». Такое собраніе провинціализмовъ можетъ, пожалуй, представлять для любителя свою занимательную сторону; но общепрактической пользы оно не имѣетъ.

Возьмемъ теперь случай совсѣмъ другого рода. Какъ объясняетъ Даль, напр., глаголъ *ткать?* Развернемъ прежде акад. словарь. Вотъ какъ тамъ объяснено это дѣйствіе: «Дѣлать на ткальномъ стану нераспускаемую связь изъ нитей; производить

ткань». Это объясненіе новый *Толковый Словарь* поправляетъ слѣдующимъ образомъ: «Работать на ткацкомъ стану, пропускать утóкъ по основѣ, дѣлать изъ нитокъ полотно». Сравнивая толкованія въ обоихъ словаряхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ одинъ и тотъ же недостатокъ: они объясняютъ понятіе такими признаками, въ которыхъ встрѣчаются либо то же объясняемое слово въ другомъ видѣ, либо такія частности понятія, которыя не могутъ быть извѣстны тому, кто не знакомъ и съ общимъ его содержаніемъ. Оба лексикона забываютъ существенное правило, что неизвѣстное можетъ быть объясняемо только извѣстнымъ, и что въ противномъ случаѣ происходитъ такъ называемый на схоластическомъ языкѣ circulus in definiendo или idem per idem. Что скажетъ *ткальный* или *ткацкій станъ*, *утокъ* и *основа* тому, кто ищетъ значенія слова *ткать?* Такъ какъ слово это имѣетъ на всѣхъ языкахъ совершенно тожественное, вполнѣ опредѣленное значеніе, то посмотримъ, какъ оно объяснено однимъ изъ европейскихъ лексикографовъ. При словѣ Weben Гейзе говоритъ: «Посредствомъ накрестъ переплетенныхъ, протянутыхъ туда и сюда нитей изготовлять матерію, при чемъ въ натянутый строй пропускаются нити въ противоположномъ направленіи (ткать полотно, сукно, кружева)»[1]. Всякій согласится, что такое объясненіе правильнѣе, хотя конечно безъ нагляднаго знакомства съ производствомъ толкуемое слово все-таки не будетъ вполнѣ понятно: но такова вообще участь всѣхъ описаній сложныхъ техническихъ производствъ. По крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ той несообразности, которая неизбѣжна, когда послѣ предложенныхъ объясненій слова *ткать*, говорится: «*ткань* — все, что ткано: *ткальный*, *ткацкій* — ко тканію относящійся» и т. п. Непонятно, почему Даль произведеніемъ тканья назвалъ только полотно.

---

[1] Durch in einander gefügte, hin und her gezogene Fäden Zeug verfertigen, indem in einen ausgespannten Aufzug Fäden in entgegengesetzter Richtung eingeschossen werden (Leinwand, Tuch, Spitzen). Heyse. «Handwörterbuch der deutschen Sprache», Magdeburg. 1833—1849.

Приведенные примѣры показываютъ, что объясненія Даля не всегда достигаютъ той степени точности и опредѣленности, къ которой онъ стремился. Сюда относится и превратный иногда порядокъ толкованія разныхъ значеній слова. Такъ слово *цвѣтъ* начинается объясненіемъ: «кра́ска, родъ или видъ, масть, колеръ», а уже потомъ слѣдуетъ значеніе: «часть растенія». Очевидно, что послѣднее есть первоначальное понятіе слова, выражающееся и въ коренномъ глаголѣ *цвѣсти*; значеніе *краски* — позднѣйшее, развившееся изъ понятія о наружныхъ признакахъ цвѣтка. Въ акад. словарѣ эти разныя значенія расположены какъ слѣдуетъ.

Но въ словарѣ Даля есть родъ объясненій, который сообщаетъ этому труду особенную важность и вполнѣ оправдываетъ данное ему въ заглавіи названіе *толковаго*. Это реальныя, или вещественныя толкованія при такихъ словахъ, которыя относятся къ быту, къ нравамъ, обычаямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ промысламъ, торговлѣ, мореплаванію, наконецъ къ естественнымъ наукамъ. Въ этомъ-то, рядомъ съ богатствомъ запаса собранныхъ Далемъ словъ и примѣровъ, заключается главное, неотъемлемое достоинство его словаря. Доказательства этой заслуги почтеннаго автора такъ многочисленны, что затрудняешься выборомъ словъ, которыя могли бы самымъ убѣдительнымъ образомъ подтвердить такой отзывъ. Приведемъ однакожъ два-три примѣра.

Противъ слова *лапоть* въ академическомъ словарѣ мы находимъ самое коротенькое объясненіе: «Обувь, сплетенная изъ лыкъ, бересты или пеньки» и примѣръ: *плести лапти*. Эти полторы строки развиты у Даля такимъ образомъ: «Ла́поть, лапото́къ, лапти́шка, лапти́ца. Плетеная, короткая обувь, въ родѣ грубаго башмака, изъ лыкъ, иногда изъ бересты, шелюги, таловой, ивовой, вязовой коры: это *берестяники, шелюжники, бахоры, сту́пни, босовики*; изъ драни молодого распареннаго дуба (*чрн.*); есть и соломеные, *курск.*, и пеньковые *курпы*[1], *кру́тцы*, изъ оческовъ или изъ ветхихъ развитыхъ веревокъ, *шептуны*, и *волосяники*, изъ конскихъ гривъ и хвостовъ. *Лапоть* плетется въ 5 — 12 лыкъ,

---

[1] Не *курцы* ли? См. ниже.

на колодкѣ, кочедыкомъ, и состоитъ изъ *плетня́* (подошвы), *головы́* (переду), *обу́шника* (боковъ) и *запя́тника*; обушникъ или кайма сходится концами на запятникѣ, и связываясь, образуетъ *обо́рникъ*, родъ петли, въ которую продѣваются *оборы*. Поперечныя лыка, загибаемыя на обушникѣ, называются *ку́рицами*; въ *плетнѣ* обычно десять *курицевъ*. Иногда лапоть еще *подковыриваютъ*, проводятъ по плетню лыкомъ же или паклею; а *пи́саные лапти* украшаются узорною подковыркою».

Подъ словомъ *рукобитье* собраны слѣдующія подробности свадебныхъ обычаевъ: «Битье по рукамъ отцевъ жениха и невѣсты, обычно покрывъ руки полами кафтановъ, въ знакъ конечнаго согласія; конецъ сватовства и начало свадебныхъ обрядовъ: помолвка, сговоръ, благословенье, обрученье, заручение, большой пропой; мѣстами (*ярс.*) рукобитье бываетъ у отца жениха, гдѣ они ломаютъ пирогъ; но болѣе въ домѣ отца невѣсты, и тогда затѣмъ бываетъ еще другой сговоръ; въ такомъ случаѣ на *рукобитіи* опредѣляютъ *кладку* или *столовыя деньги*, отъ отца жениха, и приданое невѣсты, а на сговорѣ благословляютъ со священникомъ и вѣнчальными свѣчами; сама невѣста потчуетъ, раздаетъ дары, дѣвки величаютъ гостей и плачу поютъ. Черезъ день пиръ у жениха: *смотрятъ домъ или дворъ*; черезъ день пирушка у невѣсты, гости идутъ съ гостинцами; затѣмъ *дѣвичникъ*, гдѣ женихъ остается не долго, а уходитъ домой пировать съ товарищами. На *рукобитье* или на сговоръ ѣдутъ поѣздомъ: дьяконъ съ дружкой, священникъ съ женихомъ, тамъ поѣзжане, а последнею сваха съ большимъ пряникомъ». Находя столько подробностей свадебныхъ обрядовъ подъ словомъ *рукобитье*, можно только пожалѣть, что онѣ не помѣщены предпочтительно подъ словомъ *сватьба*, гдѣ читатель ничего подобнаго не находитъ. Въ такомъ случаѣ при словѣ *рукобитье* достаточно было бы одной ссылки на слово *сватьбу*, къ которому конечно скорѣе обратится всякій, кто пожелаетъ ознакомиться съ этимъ отдѣломъ народныхъ обычаевъ.

Слово *домовой* объяснено у Даля слѣдующимъ образомъ: «Домовой, домовикъ, дѣдушка, постѣнь, постень, ицукъ, до-

можилъ, хозяинъ, жировикъ; нéжить, другая половина (*олон.*), сусѣдко, батанушка; духъ хранитель и обидчикъ дома; стучитъ и водится по ночамъ, проказитъ, душитъ, ради шутки, соннаго; гладитъ мохнатою рукою къ добру и пр. Онъ особенно хозяйничаетъ на конюшнѣ, заплетаетъ любимой лошади гриву въ колтунъ, а нелюбую вгоняетъ въ мыло и иногда *осаживаетъ* ее, разбиваетъ параличемъ, даже протаскиваетъ въ подворотню. Есть домовой *сараешникъ, конюшникъ, бáенникъ,* и женск. банный *волосатка*: все это *нежить* ни человѣкъ, ни духъ, жильцы стихійные, куда причисляютъ и полеваго лѣшаго, кикимору, русалокъ (шутовокъ, лопастъ) и водянаго; но послѣдній всѣхъ злѣе и его нерѣдко зовутъ нечистымъ, сатаной. Домоваго можно увидать въ ночи на Свѣтлое Воскресенье въ хлѣву; онъ косматъ, но болѣе этой примѣты нельзя упомнить ничего; онъ отшибаетъ память». Затѣмъ слѣдуютъ поговорки.

Подобныя вещественныя толкованія въ словарѣ Даля относятся къ столь разнороднымъ предметамъ, что мы никакъ не можемъ взять на себя критической ихъ повѣрки: это потребовало бы особенныхъ разысканій, къ нашей задачѣ не относящихся; указываемъ только на тотъ обширный кругъ свѣдѣній о русскомъ народѣ, который охватилъ Даль въ своемъ словарѣ, а вмѣстѣ и на разнородность замѣтокъ, которыя онъ собралъ, изучая народный языкъ. Найдутся конечно и между ними многія, требующія поправокъ и дополненій; тѣмъ не менѣе однакожe самая масса ихъ, почерпнутая не изъ книгъ, а изъ непосредственнаго общенія съ народомъ и изъ нагляднаго знакомства съ предметами, составляетъ уже дѣло чрезвычайно важное какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Собраніе такихъ указаній должно быть высоко цѣнимо какъ основаніе для дальнѣйшихъ разысканій и болѣе полныхъ, приведенныхъ въ систему свѣдѣній.

Мы бы могли сдѣлать еще множество выписокъ въ свидѣтельство того, какъ богатъ словарь Даля объясненіями разныхъ сторонъ жизни русскаго народа и русской природы; но предѣлы

разбора заставляютъ насъ удовольствоваться предложенными примѣрами. Назовемъ лишь нѣсколько словъ, подъ которыми читатель можетъ самъ найти болѣе или менѣе подробныя и интересныя толкованія этого рода: баба (бабка), багренье, береза, бирка[1], бичева, бурлакъ, гвоздь, гряда, десятина, жало, замокъ, запѣвала, завѣщаніе, закромить, запой, изба, сайка, телега; дерево, бобръ, гора, горло, жало, лягушка, легкія, сыртъ, сусло, увалъ, учугъ; кладъ, кукушка, навье, нежить. Подъ словомъ *вѣтеръ* исчислены всѣ употребительныя въ Россіи названія вѣтровъ. Иногда къ толкованію слова, для большей ясности, присоединены чертежи. Такъ при словѣ *говядина* нарисованъ быкъ, съ означеніемъ названія каждой части его мяса. Такимъ же образомъ представлены въ своемъ мѣстѣ рисунки разныхъ сортовъ *шляпъ* и каждая форма отмѣчена свойственнымъ ей именемъ[2]. Слово *грибъ* сопровождается обширною номенклатурой всѣхъ видовъ этого растенія; при объясненіи *дерева* показаны всѣ разнообразныя части его и употребительныя въ народѣ названія ихъ.

Относительно словъ, принадлежащихъ къ области ботаники и зоологіи, Отдѣленіе сочло нужнымъ просить гг. академиковъ Рупрехта и Шренка высказать свое мнѣніе о достоинствѣ словаря Даля по этимъ частямъ. Ф. И. Рупрехтъ отозвался, что, приготовляя самъ къ изданію собранныя имъ русскія народныя названія растеній, онъ часто съ пользою обращался къ разбираемому нами словарю и въ этомъ отношеніи долженъ отдать ему предпочтеніе передъ словаремъ Академіи, который, не имѣя въ виду какой-либо спеціальной цѣли, построенъ главнымъ образомъ на языкѣ литературномъ. Л. И. Шренкъ въ подробной запискѣ о зоологическихъ названіяхъ словаря, заявилъ, что несмотря на отысканные въ немъ пропуски и промахи, авторъ однакоже и съ

---

[1] Правильнѣе: *бечева*, не имѣющая ничего общаго ни съ *бичемъ*, ни вообще съ гл. *бить*.

[2] Образцомъ подобныхъ иллюстрацій, очевидно, послужилъ Далю англійскій словарь американца Вебстера, о чемъ слѣдовало бы упомянуть въ *Напутномъ словѣ*. Впрочемъ такіе рисунки прилагаются у Даля только изрѣдка, въ видѣ исключенія.

этой стороны вообще заслуживаетъ одобреніе и благодарность[1].

Разсмотрѣвъ словарь съ разныхъ сторонъ, перейдемъ теперь къ общему о немъ заключенію. Хотя онъ и не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ строго-ученой критики, однакожъ его богатое содержаніе, лексическое и вещественное, въ значительной мѣрѣ искупаетъ указанные недостатки. Собранныя Далемъ сокровища языка и ума народнаго даютъ цѣлую массу новаго матеріала не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи. Въ послѣднемъ отношеніи заслуга автора уже публично засвидѣтельствована Географическимъ обществомъ, присудившимъ ему за словарь Константиновскую медаль. Къ труду этому будутъ обращаться всѣ, кому нужно изучать съ какой бы ни было стороны народную жизнь; онъ долженъ также сдѣлаться настольною книгою всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, кто хочетъ короче узнать его богатства, а тѣмъ болѣе, кто трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ. Но словарь Даля — книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякій любитель отечественнаго слова можетъ читать ее или хоть перелистывать съ удовольствіемъ. Сколько онъ найдетъ въ ней знакомаго, родного, любезнаго, и сколько новаго, любопытнаго, назидательнаго! Сколько вынесетъ изъ каждаго чтенія свѣдѣній драгоцѣнныхъ и для житейскаго обихода, и для литературнаго дѣла! Въ современной русской лексикографіи это безъ всякаго сравненія самый полный и многообъемлющій словарь; притомъ это трудъ, задуманный смѣло и оригинально, выполненный самостоятельно. Совершеніе подобнаго труда, при всѣхъ его недостаткахъ, есть подвигъ важный, рѣдкій въ нашей литературѣ: давно уже у насъ не было такого обширнаго и вѣскаго по русскому языку сочиненія, которое могло бы итти въ сравненіе съ этимъ. Едва ли скоро можно ожидать подобнаго. Составленіе словаря есть во-

---

[1] Отзывы гг. Рупрехта и Шренка см. въ VII томѣ *Сборника Отдѣленія русскаго яз. и слов.*

обще дѣло особенно трудное, менѣе другихъ видное и благодарное, требующее значительнаго самоотверженія, на которое по тому самому не многіе рѣшаются. Тѣмъ замѣчательнѣе такой трудъ, когда онъ ведется отъ начала до конца однимъ лицомъ, безъ сотрудниковъ и помощниковъ. Книга, которая въ настоящемъ случаѣ подлежитъ нашему суду, не есть, конечно, трудъ ученаго, стоящаго въ уровень съ современнымъ состояніемъ своей науки; но это трудъ мыслящаго писателя, который всего себя посвятилъ практическому изученію русскаго языка съ одной опредѣленной точки зрѣнія, въ виду одной ясно сознанной имъ цѣли; это — плодъ добросовѣстныхъ занятій цѣлой жизни. Автору не удалось обнять своего предмета со всѣхъ сторонъ; онъ не записной филологъ, не проникъ во всѣ тайны законовъ языка; но и то, что́ онъ сдѣлалъ для родного слова, останется почетнымъ памятникомъ его дѣятельности, навсегда сохранитъ значеніе въ исторіи русскаго языка и русской лексикографіи. Его словарь есть первый въ обширныхъ размѣрахъ опытъ построить разработку и употребленіе языка на новыхъ основаніяхъ. Множество поднятыхъ имъ вопросовъ должно быть поставлено Далю въ существенную заслугу; конечно, не всѣ они имъ самимъ удовлетворительно рѣшены; но и то уже важно, что́ онъ ихъ возбудилъ: подвергая ихъ общему обсужденію, онъ вызываетъ къ пересмотру того, что обратилось въ безсознательную привычку.

Въ трудѣ Даля насъ поражаетъ два личныя достоинства автора, безъ которыхъ онъ не могъ бы и выполнить своей задачи: это прежде всего энергическая настойчивость и упорное постоянство въ преслѣдованіи цѣли, не только при окончательномъ осуществленіи плана, но и при подготовительномъ, многолѣтнемъ собраніи матеріаловъ. Другимъ важнымъ условіемъ для совершенія такого обширнаго труда было скромное сознаніе авторомъ мѣры своихъ силъ и той доли пользы, какую онъ могъ принести русскому слову. «Всего одному не дано», говоритъ онъ въ *Напутномъ словѣ*, «да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талантъ, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не зары-

вать, вмѣстѣ съ собою, въ землю... Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, коимъ уже легче будетъ дополнить то, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть, именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ рускій словарь сравненія со всѣми славянскими наречіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ и указанія на начальные корни, можетъ быть онъ-то именно и затруднился бы составленьемъ той части, которая образуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь»[1]. Такимъ образомъ самъ Даль прямо высказалъ свое убѣжденіе, что главное достоинство его словаря заключается въ богатствѣ представляемаго имъ матеріала. Замѣчая, что собранные имъ издавна запасы давали ему право или, вѣрнѣе, налагали на него обязанность, и безъ достаточной учености, предпринять такой трудъ, авторъ прибавляетъ, что рядомъ съ тѣмъ нашлось у него «сильное сочувствіе къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ и нѣкоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направленіи, замѣнить ученость; нашлась наконецъ и любовь къ нему, ручавшаяся за одолѣніе труда, за стойкую, усидчивую работу надъ этимъ дѣломъ, по конецъ жизни[2]». Эту горячую любовь къ русскому языку Даль убѣдительно доказалъ своимъ послѣднимъ трудомъ. И самая идея, положенная въ основу его, хотя въ проведеніи ея авторъ не уберегся отъ нѣкоторыхъ увлеченій, заслуживаетъ полнаго нашего сочувствія; къ тому же она и вполнѣ современна: въ такую пору, когда русскій народъ, освобожденный по великодушному слову своего Государя, начинаетъ жить новою жизнью и сознавать свои духовныя потребности, — какъ кстати воздвигается хранилище его словесныхъ богатствъ, какъ во-время собиратель ихъ напоминаетъ намъ, что мы слишкомъ удалились отъ естественныхъ источникоъ рѣчи, и, предостерегая

---

[1] Сл., ч. I, стр. ıv—v.

[2] Сл., ч. I, стр. ıv.

насъ отъ дальнѣйшихъ въ этомъ смыслѣ уклоненій, указываетъ намъ на чистый и здравый родникъ языка народнаго, который, по его словамъ, «силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ». Такой взглядъ совершенно согласенъ съ желаніемъ Ломоносова возбудить «ревность тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей затмится слава всего народа»[1]. Не случайно произносится здѣсь имя перваго законодателя нашей письменности. Мы знаемъ, какъ пламенно онъ любилъ русскій языкъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ о немъ: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ предъ всѣми въ Европѣ... Ежели чего точно изобразить не можемъ, — не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широе поле или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море[2]».

Въ разсмотрѣнномъ словарѣ мы видимъ смѣлую попытку охватить это безбрежное море русскаго слова. Можно съ увѣренностью сказать, что никакой другой трудъ не былъ бы привѣтствованъ самимъ Ломоносовымъ съ такою задушевною радостью, какъ именно словарь, поставившій себѣ задачей обнять все неисчерпаемое богатство родного языка и содѣйствовать чистотѣ его. И потому награда, учрежденная въ честь великаго русскаго ученаго для увѣнчанія трудовъ, обогащающимъ науку, по всей справедливости должна выпасть на долю словаря, направленнаго къ обозначенной цѣли. Отдѣленіе русскаго языка и словесности тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ присуждаетъ ее нынѣ, что думаетъ принести этимъ новую дань уваженія памяти

---

[1] *Соч. Лом.*, т. I, стр. 533, 534.
[2] Тамъ же, т. III, стр. 250.

Ломоносова. Академія наукъ ничѣмъ инымъ не могла бы лучше выразить своего одобренія заслуженному ветерану нашей литературы, неутомимому подвижнику и собирателю живого русскаго слова.

КАРАМЗИНЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

Пересмотръ вопроса о началѣ «новаго слога».

Современники Карамзина признали его преобразователемъ литературнаго языка. Въ разборѣ *Разсужденія* Шишкова *о старомъ и новомъ слогѣ* Макаровъ въ 1803 году сказалъ: «Г. Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ Исторіи Русскаго языка. Такъ мы думаемъ, и, сколько намъ извѣстно, такъ думаетъ Публика»[1]. Самъ Шишковъ не отвергалъ этого безусловно, и возражая Макарову, замѣтилъ: «Я не знаю сдѣлалъ ли г. Карамзинъ эпоху въ исторіи русскаго языка, но ежели сдѣлалъ, такъ это очень худо; ибо естьли *сдѣлать эпоху* значитъ *произвесть нѣкоторую перемѣну въ слогѣ*, то въ книгѣ моей пространно и ясно показано, какая перемѣна воспослѣдовала съ языкомъ нашимъ»[2].

Позднѣе (1823) А. Бестужевъ (Марлинскій) такъ отозвался о Карамзинѣ: «Онъ преобразовалъ книжный языкъ Русскій, звучный, богатый, сильный въ сущности, но уже отягчалый въ рукахъ безталантныхъ Писателей и невѣждъ - переводчиковъ. Онъ двинулъ счастливою новизною ржавыя колеса его механизма,

---

[1] *Москов. Меркурій*, дек. 1803, стр. 190. Такъ какъ въ настоящей статьѣ дѣло идетъ о языкѣ, то приводимыя въ ней мѣста изъ прежнихъ писателей сообщаются съ соблюденіемъ ихъ первоначальной орѳографіи и пунктуаціи.— О Петрѣ Ивановичѣ Макаровѣ и его журналѣ см. статью г. Геннади въ *Современникѣ* 1854 г., т. XLVII, отд. III, стр. 66—94.

[2] *Прибавленіе къ Разсужд. о стар. и нов. слогѣ*, 1804, стр. 147.

отбросилъ чуждую пестроту въ словахъ, въ словосочиненіи, и далъ ему народное лице»[1]. Этотъ взглядъ до сихъ поръ никѣмъ не былъ оспариваемъ, и еще недавно его снова высказали многіе при празднованіи юбилея Карамзина. «Поколѣнія младшія», говоритъ, напримѣръ, Ф. И. Буслаевъ[2], «учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его сочиненіямъ, на которыхъ и доселѣ основываются и русскій синтаксисъ, и русская стилистика». Но въ то же время явился другой взглядъ, сильно ограничивающій значеніе Карамзина въ исторіи литературнаго языка. «Если посмотрѣть», сказалъ въ Харьковѣ профессоръ П. А. Лавровскій[3], «на языкъ Карамзина съ внѣшней стороны, то-есть, на исключеніе изъ него церковно-славянской примѣси, на краткость и отрывочность предложеній, вообще на то сближеніе его съ языкомъ образованнаго общества, которое прежде всего ставятъ ему въ заслугу; то нельзя не замѣтить, что все это сдѣлано еще задолго до него... Если посмотрѣть на языкъ лучшихъ статей нашихъ сатирическихъ журналовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, на языкъ Фонъ-Визина, или хоть на языкъ Вступленія къ Почтѣ Духовъ Крылова, писаннаго въ 1789 году, то едва ли въ этомъ отношеніи можно замѣтить большое различіе сравнительно съ языкомъ Писемъ Русскаго Путешественника; въ этомъ смыслѣ едва ли будетъ справедливо повторять старую фразу о преобразованіи Карамзинымъ литературнаго языка... Языкъ Карамзина, вовсе не новый по внѣшнему построенію фразы, былъ дѣйствительно новымъ по мыслямъ, чувствованіямъ и образамъ, выраженіемъ которыхъ онъ явился и которые были плодомъ всего новаго образовательнаго содержанія, усвоеннаго имъ; онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина. Въ этомъ смыслѣ, если

---

[1] *Полярная Звѣзда* 1823 г. — «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», стр. 15.

[2] *Рѣчь о Письмахъ Русскаго Путешественника*, въ *Москов. Университет. Извѣстіяхъ* 1866, № 3, стр. 185.

[3] *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 40.

хотите, онъ былъ преобразователемъ литературнаго языка, но преобразователемъ безъ собственнаго вѣдома».

Такимъ образомъ авторъ этихъ строкъ находитъ, что Карамзинъ, несмотря на новость содержанія своихъ сочиненій, на новость пущенныхъ имъ въ ходъ идей, чувствованій и образовъ, обошелся безъ новыхъ способовъ выраженія, безъ сообщенія словамъ болѣе опредѣленнаго или разнообразнаго смысла, безъ новаго строя рѣчи. Но выражать по-старому новыя мысли не значитъ преобразовывать языкъ, и, признавъ въ сочиненіяхъ Карамзина только внутреннюю сторону новою, слѣдовало бы выразиться рѣшительнѣе и уже вовсе не оставлять за нимъ права на названіе преобразователя языка. Допустивъ, что Карамзинъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, все-таки заслужилъ это названіе, хотя и безъ собственнаго вѣдома, г. Лавровскій говоритъ однакоже: «Карамзинъ, воспитанный на произведеніяхъ первоклассныхъ писателей, произведенія которыхъ выражаютъ мысли, чувствованія и образы фантазіи со всею непосредственностію языка, не могъ допустить и въ своемъ языкѣ ни малѣйшей искусственности, стремился къ той же непосредственности выраженія, работалъ долго надъ собою, устраняя всѣ препятствія, затрудняющія эту непосредственность выраженія, всякую фальшь, затемняющую его искренность». Но развѣ такой трудъ, такая упорная борьба мысли съ словомъ въ языкѣ, еще не установившемся, можетъ успѣшно совершиться безъ замѣтной и притомъ сознательной обработки самаго языка?

Чтобы во всей подробности разъяснить вопросъ о значеніи Карамзина въ этомъ отношеніи, намъ недостаетъ еще обширныхъ приготовительныхъ работъ по исторіи языка вообще, недостаетъ, между прочимъ, словарей отдѣльныхъ писателей, хотя бы одного ломоносовскаго періода. Тѣмъ не менѣе мы и теперь уже можемъ достигнуть довольно положительныхъ выводовъ, если сравнимъ съ разныхъ сторонъ языкъ Карамзина съ языкомъ ближайшихъ его предшественниковъ, современниковъ и писавшихъ непосредственно за нимъ, если рядомъ съ первымъ его журна-

ломъ поставимъ другія періодическія изданія за то же время, если далѣе внимательно разсмотримъ обвиненія противниковъ и возраженія приверженцевъ его. Это и должно составить главный предметъ настоящей статьи.

Никакое развитіе не происходитъ внезапно, безъ послѣдовательной работы; въ исторіи, какъ и въ природѣ, скачковъ не бываетъ. Тѣ улучшенія въ русской письменной рѣчи, на которыя указываетъ г. Лавровскій какъ на явленія, совершившіяся еще до Карамзина, дѣйствительно *начались* прежде него; но достигли ли они уже тогда достаточнаго развитія, были ли они кѣмъ-нибудь проведены въ общее сознаніе и даже сознавались ли они самими писателями, у которыхъ встрѣчаются? Не Карамзинъ ли первый возвелъ ихъ въ систему? Не онъ ли болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ихъ распространенію и торжеству въ литературѣ? Несомнѣнно, что потребность всякихъ улучшеній прежде всего, хотя еще и смутно, ощущается въ массѣ общества; новыя идеи зарождаются у многихъ вдругъ, носятся въ воздухѣ; но онѣ до тѣхъ поръ не осуществляются вполнѣ, не входятъ окончательно въ жизнь, пока человѣкъ, сильнѣе другихъ ими проникнутый, не выяснитъ ихъ и не пуститъ съ особенной энергіей въ оборотъ. Бываютъ передовые люди во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности: они бываютъ и въ развитіи не установившагося еще литературнаго языка. Они-то становятся надолго образцами, увлекаютъ другихъ за собою. Употребленіе письменной рѣчи подчинено особымъ законамъ, которыхъ сознаніе выработывается постепенно. До ея установленія, или вѣрнѣе, до возведенія ея на извѣстную степень опредѣленности, происходила у насъ борьба между ею и языкомъ народнымъ. Долго господствовалъ особый книжный языкъ, который только мало-по-малу уступалъ вліянію разговорнаго, и примиреніе между ними совершилось не прежде, какъ когда примѣръ тому увидѣли въ произведеніяхъ замѣчательнаго таланта. Правда, къ такому примиренію стремилась уже и прежде нѣкоторая часть писателей; но оно въ первый разъ было достигнуто однимъ, который и провелъ это явленіе въ сознаніе

общества: въ трудахъ Карамзина совершилось рѣшительное вступленіе языка въ новый періодъ его литературнаго развитія.

Въ чемъ же именно состояла заслуга Карамзина въ этомъ отношеніи?

Уже Ломоносовымъ собственно русскому, народному языку была отведена въ литературѣ нѣкоторая область: ее составлялъ такъ называемый низкій или простой слогъ, назначенный въ удѣлъ пѣснямъ, эпиграммамъ, комедіямъ, дружескимъ письмамъ и «описаніямъ обыкновенныхъ дѣлъ»[1]. Изъ этихъ-то тѣсныхъ границъ должны были постепенно итти завоеванія народной рѣчи въ литературѣ. Естественно было, что тѣ писатели, которые предпочтительно разрабатывали одинъ изъ названныхъ видовъ сочиненій, находились относительно языка въ выгоднѣйшемъ положеніи, нежели другіе. Сюда принадлежали издатели сатирическихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Крыловъ; въ такомъ же положеніи былъ Фонъ-Визинъ, какъ комикъ и авторъ писемъ. Въ исчисленныхъ видахъ сочиненій мы дѣйствительно замѣчаемъ послѣ Ломоносова, какъ уже и подъ собственнымъ его перомъ, успѣшное употребленіе просторѣчія. Но тутъ насъ поражаютъ два явленія: во-первыхъ, невыдержанность этого языка и часто возвращающаяся примѣсь книжныхъ церковно-славянскихъ словъ, особливо частицъ, и во-вторыхъ, чуждый синтактическій складъ, который беретъ верхъ всякій разъ, какъ только авторъ выйдетъ изъ тѣсной рамки чисто-повѣствовательной рѣчи.

Въ сатирическихъ журналахъ 1770-хъ и 80-хъ годовъ очень гладкія фразы смѣняются нерѣдко такими, которыя страдаютъ дикостью формъ и оборотовъ. Такъ, напримѣръ, въ *Живописцѣ* Новикова мы читаемъ: «Желалъ бы я, чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ»! Но тотчасъ за этою безукоризненною фразой слѣдуетъ такая: «Естьли какое находитъ она препятство къ тому, чтобъ нарещися сей за превос-

---

[1] Ломоносовъ — *О пользѣ книгъ церковныхъ*. Ср. выше, стр. 5.

ходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другаго нѣтъ, какъ сей токмо недостатокъ»[1]. Не значитъ ли это, что тогда писали по большей части безсознательно, то лучше, то хуже? Подобную неровность и смѣсь выраженій, даже въ сатирическихъ и шуточныхъ статьяхъ, представляетъ еще и *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова* (1783—1784), хотя онъ начался только за 8 лѣтъ до *Московскаго Журнала* Карамзина.

Въ сатирическихъ письмахъ *Почты Духовъ* (1789) языкъ Крылова замѣчательно простъ, и если не смотрѣть на грамматику и ороографію, въ которыхъ небрежность доведена тутъ до послѣдней крайности, то можно даже сказать, что онъ отличается чистотой; но, отдавъ въ этомъ полную справедливость Крылову, мы вмѣстѣ съ его біографомъ прибавимъ: «Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчиняется онъ образцамъ, заимствуя изъ нихъ выраженія, изысканность украшеній, обороты и неестественный тонъ»[2]. Мало того: и въ прозаическихъ статьяхъ смѣшаннаго содержанія Крыловъ выражается совсѣмъ не такъ, какъ въ сатирическихъ. Въ разборѣ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе*, писанномъ уже въ 1793 году, онъ, напримѣръ, говоритъ: «Самая развязка не иное есть, какъ свободная и хорошая игра авторскаго воображенія, она прекрасна, естьли судитъ и смотрѣть ее одное; но излишна, естьли взять ее въ связь поэмы. Никогда хитрость достигнуть къ цѣли, не должна быть труднѣе препятствъ къ тому противу положенныхъ. А еще болѣе никогда не должно употреблять тамъ большей хитрости, гдѣ нѣтъ большихъ препятствъ, которые бы ее оправдывали!»[3]. Любопытно, что въ поэтическомъ языкѣ

[1] *Живописецъ*, изд. VII, стр. 83.

[2] Плетневъ — *Полное собр. соч. И. Крылова*, Спб. 1847, т. I, стр. xxiii.

[3] *С.-Петербургскій Меркурій*, ч. I, стр. 121. Здѣсь выписано это мѣсто во всей точности, съ удержаніемъ всѣхъ особенностей подлиннаго текста. Замѣтимъ кстати, что въ юнгмейстеровомъ изданіи Крылова не только исправлены грамматическіе промахи, но и языкъ подновленъ, такъ что желающій читать Крылова съ цѣлью изученія его долженъ обратиться къ первоначальнымъ изданіямъ его журнала. Такъ и въ приведенныхъ мною строкахъ сдѣлано въ

Крыловъ никогда не могъ вполнѣ освободиться отъ нѣкоторой шероховатости выраженія, и до конца не усвоилъ себѣ легкости и гладкости, выработанныхъ писателями карамзинскаго періода.

Въ письмахъ и комедіяхъ Фонъ-Визина языкъ, вообще говоря, также простъ и чистъ; но какъ скоро авторъ *Недоросля* обращается къ предметамъ болѣе важнымъ, выходящимъ изъ предѣловъ вседневнаго быта, рѣчь его начинаетъ то пестрѣться славянизмами, то отзываться латино-нѣмецкимъ словосочиненіемъ. Такъ Стародумъ въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ: «Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь въ славѣ отворяютъ, и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но Претурою, Архонціями и Консульствами вознаграждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ одинхъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокоповичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны; по крайней мѣрѣ церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что Россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ»[1]. Въ «Словѣ на выздоровленіе великаго князя», въ «Описаніи житія графа Н. И. Панина», даже въ «Чистосердечномъ признаніи» встрѣчается много славянскихъ словъ, частицъ и оборотовъ. Въ самыхъ письмахъ Фонъ-Визина не мало устарѣлыхъ реченій, постепенно отброшенныхъ Карамзинымъ, по крайней мѣрѣ

названномъ изданіи нѣсколько измѣненій: вмѣсто *не иное что есть* напечатано: *есть не что иное*, вмѣсто *одное—одну*, вмѣсто *противу положенныхъ—противоположныхъ* (Полн. собр. соч. Крылова, ч. I, стр. 332). Въ другихъ статьяхъ есть еще гораздо значительнѣйшія поправки; мѣстами передѣланы цѣлыя фразы. Напримѣръ, въ *Похвальной рѣчи Ермалафиду*, вмѣсто: *едва минуло отъ роду пятнадцать лѣтъ нашему герою, какъ отданъ онъ*, напечатано: «герой нашъ лѣтъ 15-ти отданъ былъ»; вмѣсто: *когда я буду читать, то когда жъ писать останется мнѣ время*,—«если я безпрестанно буду читать, то когда жъ я буду писать»; вмѣсто: *толико то глубокое спокойствіе* — «такое глубокое спокойствіе», и проч., и проч. Забота о подновленіи текста Крылова доходила до того, что въ названномъ изданіи мѣстоименіе *сей* въ большей части случаевъ замѣнено словомъ *этотъ*.

[1] Соч. Фонъ-Визина. Спб. 1866. стр. 218.

въ извѣстномъ смыслѣ, какъ напримѣръ *упражняться* въ значеніи *заниматься*. Такъ въ письмѣ къ Стародуму сказано: «...Какъ болѣзнь не позволяетъ мнѣ *упражняться* въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, *каковыя* потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ; съ другой же стороны привычка *упражняться* въ *писаніи* сдѣлала сіе *упражненіе* для меня нуждою: то и рѣшился я издавать періодическое *твореніе*, гдѣ разность матеріи не требуетъ непрерывнаго вниманія, а *паче* можетъ служить мнѣ забавою»[1]. Поэтому нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Бѣлинскаго, что хотя «языкъ Фонъ-Визина рѣзко отдѣляется отъ языка ломоносовскаго и близко подходитъ къ карамзинскому, но тѣмъ не менѣе Фонъ-Визинъ относится къ писателямъ ломоносовскаго періода русской литературы»[2]. Можно прибавить, что до Карамзина было въ ней нѣсколько человѣкъ, которые писали лучше другихъ, но они никому не передавали началъ, принятыхъ ими въ руководство, и такъ какъ въ сочиненіяхъ ихъ господствуетъ языкъ неровный, разнохарактерный, то мы въ правѣ заключить, что они въ сущности держались еще ломоносовскаго ученія о трехъ родахъ слога, отличающихся между собою разною мѣрою славянской примѣси. Замѣчательно, что почти до самаго появленія Карамзина большинство писателей, въ высшихъ родахъ сочиненій, выражались гораздо хуже Ломоносова, и, не имѣя ни его теоретическихъ познаній въ языкѣ, ни его яснаго ума и такта, запутывались въ лабиринтѣ латинскаго словорасположенія; къ тому же имъ недоставало и его строгой разборчивости въ употребленіи славянскихъ формъ и реченій. Отъ этихъ недостатковъ не уберегались даже многіе изъ профессоровъ

---

[1] Соч. Фонъ-Визина, стр. 228. Сначала и Карамзинъ употреблялъ слово *упражняться* въ такомъ смыслѣ; но потомъ оно получило у него болѣе тѣсное значеніе.

[2] Соч. Бѣлинскаго, ч. VIII, стр. 136. — Позволяю себѣ сослаться здѣсь и на свою статью о *Фонъ-Визинѣ* князя Вяземскаго (*Спб. Вѣдом.* 1848 г., № 281—283), въ которой показано, что языкъ Фонъ-Визина представляетъ три разные оттѣнка, и обращено уже вниманіе на успѣхъ русской письменной рѣчи у нашихъ сатирическихъ писателей.

Московскаго университета, не только въ концѣ прошлаго вѣка, но еще и въ началѣ нынѣшняго. Въ ихъ рѣчахъ попадаются, правда, очень гладкія, чистымъ языкомъ написанныя мѣста, но чуть только ораторъ, по важности предмета, хочетъ подняться выше уровня вседневной рѣчи, у него является обычная примѣсь славяно-латинской схоластики; вообще запутанные и длинные періоды господствуютъ въ этихъ рѣчахъ надъ простотою русскаго синтаксиса [1].

Такимъ-то образомъ, въ исходѣ 18-го столѣтія нашъ письменный языкъ дѣлился какъ бы на двѣ струи, изъ которыхъ одна, дѣйствительно, болѣе и болѣе освобождалась отъ чуждыхъ церковно-славянскихъ элементовъ, сближаясь съ языкомъ народнымъ, а другая представляла испорченный ломоносовскій языкъ *высокаго штиля*, то-есть, языкъ, наружно построенный по началамъ геніальнаго образца, но лишенный его зиждительнаго духа. Первая, очищенная струя проходила почти исключительно чрезъ извѣстные только виды сочиненій, и тѣ самые писатели, у которыхъ она пробивалась, готовы были, при измѣненіи предмета и тона рѣчи, тотчасъ же обратиться къ другой, мутной и ложной струѣ, такъ что обѣ онѣ безпрестанно сливались, даже у одного и того же автора, иногда въ одномъ и томъ же сочиненіи.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ Карамзинъ основалъ *Московскій Журналъ*, въ Петербургѣ стало появляться (1788) еженедѣльное изданіе *Утренніе Часы*. По языку этотъ журналъ, состоявшій преимущественно изъ небольшихъ правоучительныхъ статей, не выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній тогдашней литературы. Но онъ потому особенно заслуживаетъ вниманія, что главный издатель его, Иванъ Рахманиновъ [2], въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Крыловымъ предпринялъ изданіе *Почты Духовъ*. Оба журнала печатались, одинъ за другимъ, въ той же

---

[1] См. ниже образчики въ Приложеніи I.

[2] Не *Рахмановъ*, какъ названъ въ біографіи Крылова (стр. XXI Юнгмейстерова изданія) товарищъ его по изданію *Почты Духовъ*. Эта погрѣшность перешла уже и во множество другихъ статей о Крыловѣ.

типографіи, какъ показываетъ выставленный на нихъ штемпель И. Р. Отсюда рождается вопросъ, не произошло ли соединеніе этихъ двухъ литераторовъ для издавательской дѣятельности еще до 1789 года и не участвовалъ ли Крыловъ уже и въ изданіи *Утреннихъ Часовъ*, въ первомъ выпускѣ которыхъ говорится объ *издателяхъ*. Но рѣшеніе этого вопроса сюда не относится, и я перехожу къ другому журналу, который здѣсь нужнѣе принять въ соображеніе. Это — *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, возникшее въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Въ изданіи *Чтенія* главное участіе принимали Сохацкій и Подшиваловъ[1]. Ихъ называютъ то предшественниками, то сподвижниками Карамзина въ дѣлѣ улучшенія литературнаго языка[2]. Но вполнѣ ли это вѣрно? Сохацкій и Подшиваловъ были почти ровесниками Карамзина[3]. Первый, уроженецъ Полтавской губерніи, учился сперва въ Кіевской духовной академіи, а потомъ уже въ Московскомъ университетѣ; во всю жизнь занимался онъ преимущественно древней литературой и никогда не могъ усвоить себѣ легкаго слога. «Казалось», замѣтилъ его біографъ еще въ 1821 году[4], «что изустное объясненіе его имѣло болѣе занимательности и пріятности, нежели самый слогъ, въ коемъ видна нѣкоторая принужденность, происходившая отъ старанія быть точнымъ и выразительнымъ». Словомъ, языкъ Сохацкаго навсегда сохранилъ отпечатокъ происхожденія и семинарскаго воспитанія

---

[1] Имя Сохацкаго упомянуто при этомъ журналѣ въ смирдинской Росписи. Въ біографіяхъ какъ его, такъ и Подшивалова говорится объ участіи перваго только въ позднѣйшихъ изданіяхъ послѣдняго. Впрочемъ, такъ ли было, или иначе, здѣсь это не важно; дѣло въ томъ, что Сохацкій и Подшиваловъ дѣйствительно трудились вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ.

[2] Еще и въ одной рѣчи, произнесенной 1-го декабря 1866 г., Подшиваловъ названъ предшественникомъ Карамзина. Это можно сказать развѣ въ томъ только отношеніи, что Подшиваловъ участвовалъ въ изданіи нѣкоторыхъ сборниковъ прежде чѣмъ появился *Московскій Журналъ*; но вѣдь и Карамзинъ не этимъ изданіемъ началъ свое литературное поприще.

[3] Сохацкій умеръ на 44-мъ году 18-го марта 1809; слѣдовательно, онъ родился въ 1766. Подшиваловъ род. 2-го марта 1765 г.

[4] *Рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Москов. универс.*, ч. III, стр. 64.

этого ученаго. Ни изъ чего не видно, чтобы Сохацкій сочувствовалъ Карамзину: извѣстно напротивъ, что онъ въ своемъ журналѣ *Иппокрена или Утѣхи любословія* (характеристическое заглавіе!) помѣстилъ, 1799 г., направленные противъ Карамзина стихи: *Ода въ честь моему другу*. Совершенно въ другомъ положеніи былъ Подшиваловъ. Подмосковный уроженецъ, солдатскій сынъ, съ 1782 г. студентъ Московскаго университета и вскорѣ «учитель россійскаго стиля», потомъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ литературнаго собранія при университетѣ, онъ соединялъ въ себѣ гораздо болѣе условій къ тому, чтобы содѣйствовать успѣхамъ языка, и въ са́момъ дѣлѣ усердно пошелъ по стопамъ Карамзина. При его главномъ участіи университетское общество издавало, одинъ за другимъ, періодическіе сборники: *Вечерняя Заря* (1782), *Покоящійся Трудолюбецъ* (1785), *Чтеніе для вкуса* (1791). Послѣдній изъ нихъ, какъ уже замѣчено, возникъ одновременно съ *Московскимъ Журналомъ*, въ которомъ Подшиваловъ также принималъ нѣкоторое участіе. О дружескихъ отношеніяхъ между нимъ и Карамзинымъ есть нѣсколько свидѣтельствъ. Карамзинъ самъ не разъ говоритъ о немъ въ своей перепискѣ съ Дмитріевымъ, называя его *нашъ пріятель* и упоминая о получаемыхъ отъ него письмахъ. Подшиваловъ читалъ корректуру сочиненій Дмитріева, когда печатались *И мои бездѣлки*, а потомъ имѣлъ попеченіе о продажѣ этой книжки. Въ біографической статьѣ о немъ[1] Владиміръ Измайловъ говоритъ: «....Лучшимъ утѣшеніемъ были для него новая связь и новое знакомство съ человѣкомъ, который начиналъ украшать россійскую словесность и выдавалъ тогда *Московскій Журналъ*. Сей отличный авторъ полюбилъ въ немъ хорошій характеръ и талантъ, и естьли на пути литературной славы они стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, то согласіе добрыхъ сердецъ сближало ихъ въ сношеніяхъ общественной жизни и уничтожало разстояніе авторское. Къ чести Подшивалова, его талантъ, безъ досады и за-

---

[1] *Вѣстникъ Европы* 1814, № 13, стр. 33.

вности, отдавалъ всегда справедливость таланту гораздо превосходнѣйшему: нравственная черта рѣдкая, особливо между авторами!» При такомъ отношеніи одного писателя къ другому, особенно любопытно сравнить между собою ихъ одновременныя изданія. Не говоря уже о безжизненности содержанія подшиваловскаго *Чтенія*, объ отсутствіи въ немъ всякаго современнаго интереса, всякой оригинальности, и преобладаніи отвлеченно-правоучительнаго характера, при обиліи бывшихъ тогда въ модѣ восточныхъ повѣстей, замѣтимъ, что языкъ въ статьяхъ *Чтенія* представляетъ ту же неровность и пестроту, которая господствуетъ почти во всѣхъ изданіяхъ того времени. Поучительно сличить самыя объявленія объ изданіи *Московскаго Журнала* и *Чтенія для вкуса*, напечатанныя одно за другимъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*[1]. Объявленіе Карамзина извѣстно[2]; о *Чтеніи* было возвѣщено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дабы доставить публикѣ періодическое полезное чтеніе, могущее занимать удовольственнымъ образомъ духъ и сердце читающаго, и чрезъ то самое подавать ему доброе времяпровожденіе, издаваемо будетъ съ начала будущаго года, при каждомъ номерѣ *Вѣдомостей* по одному листу, сочиненіе подъ титуломъ *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, которое заключать въ себѣ будетъ статьи различнаго содержанія въ стихахъ и прозѣ, не менѣе полезныя, любопытныя, какъ пріятныя и забавныя. Издатели стараться будутъ, сообразуясь названію сего изданія, довольствовать онымъ вкусъ читателей своихъ, занимать разумъ ихъ и возбуждать благородныя и пріятныя чувствованія, наблюдая для сего величайшую разборчивость, дабы не токмо помѣщаемы были приличныя матеріи, но и предлагаемы были онѣ чистымъ и пріятнымъ слогомъ: кратко сказать, ничего не опустятъ, чтобы листы сіи приносили удоволь-

---

[1] Объявленіе объ изданіи *Чтенія* см. въ *Моск. Вѣд.* 1790 г. № 88 (2-го ноября). Объявленіе о *Московскомъ Журналѣ* приложено особо при № 89 (6-го ноября).

[2] Оно перепечатано въ книгѣ М. П. Погодина: *Карамзинъ* и проч., ч. I, стр. 170.

ствіе и пользу читателямъ всякаго рода и званія, дабы каждый изъ нихъ могъ находить въ изданіи семъ что нибудь такое, что бы удовлетворять могло вкусу и склонностямъ его»[1]. Какой способъ изложенія, между прочимъ, издатели относили къ *чистому* и *пріятному* слогу, можно видѣть изъ статьи «День», которою открывается 1-й листъ *Чтенія* и которая начинается такъ: «Пробудитесь смертные! воспряните изъ безмолвнаго усыпленія, васъ одержащаго, да узрите блистающій въ свѣтлой ясности прекрасный день. Пробуждаются они; и се я зрю чувствительныя сердца, исполняющіяся радости при воззрѣніи на чудеса природы и проливающія тихую мольбу къ Существу существъ: — Творецъ нашъ! свѣтъ, утѣшеніе и надежда наша! колико ты изливаешь благостей, да не скорбитъ духъ нашъ, совершенствуясь въ сей мрачной юдоли». Сравнимъ съ этимъ 1-ую страницу прозы *Московскаго Журнала*: это — знаменитое письмо «Русскаго Путешественника» изъ Твери, начало цѣлаго ряда писемъ и статей, писанныхъ тѣмъ же языкомъ. Но вотъ и въ *Чтеніяхъ* «Отрывокъ чувствительнаго путешествія» (ч. I, стр. 26). Посмотримъ, какъ онъ начинается: «Писателю не можетъ то служить попрекомъ, когда онъ то тѣ, то другія большія и малыя вещи выводитъ на зрѣлище публики. Когда кажется ему вещь довольно важною и онъ думаетъ, что сему или тому читателю можетъ его сочиненіе служить полезнымъ и хотя пріятнымъ препровожденіемъ времени, то, что тогда должно его удерживать зажечь свѣчу и вывесть дѣла свои изъ мрака?» Здѣсь, конечно, не все дурно; встрѣчаются, далѣе, и цѣлыя страницы, довольно чистою прозою написанныя, но нигдѣ нѣтъ языка, выдержаннаго въ цѣлой статьѣ; вездѣ хорошее является только какъ случайность или исключеніе. У одного Карамзина, въ это время, мы ви-

---

[1] Въ № 103 *Моск. Вѣд.* 25-го декабря перепечатано это объявленіе съ нѣкоторыми измѣненіями: тутъ два-три выраженія исправлены, напр. вмѣсто: *могущее занимать удовольственнымъ образомъ* сказано — *которое могло бы съ удовольствіемъ занимать*, вмѣсто: *доброе времяпровожденіе* — *пріятное препровожденіе времени.*

димъ рѣчь вездѣ ровную, свидѣтельствующую о ясномъ понимании условій чистоты и изящества языка, о разумной строгости въ выборѣ словъ и ихъ расположеніи. Требованія Карамзина въ этомъ дѣлѣ выразились, между прочимъ, въ критическихъ статьяхъ *Московскаго Журнала*, которыя сами по себѣ составили явленіе до тѣхъ поръ небывалое въ русской литературѣ. Вошедшая въ нихъ стилистическая критика, которая теперь въ совершенномъ пренебреженіи, тогда имѣла особенную важность. Въ *Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи*, Шторха и Аделунга (Спб. 1810, стр. XV), замѣчено: «Изъ Россіянъ Карамзинъ, въ изданномъ имъ въ 1791 году *Московскомъ Журналѣ*, подалъ первый примѣръ критики литературы. Съ того времени нашелъ онъ себѣ многихъ преемниковъ». Замѣтимъ однакожь, что начатки литературной критики встрѣчаются уже въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* (1778—1781), но они еще не выдерживаютъ сравненія съ разборами Карамзина, которые притомъ въ первый разъ обращаютъ особенное вниманіе на языкъ. Изъ нихъ видно, какъ Карамзинъ уважалъ духъ языка, какъ онъ, преслѣдуя славянизмы, вмѣстѣ съ тѣмъ вооружался и противъ галлицизмовъ, въ которыхъ послѣ слишкомъ упрекали его; онъ дорожилъ и замѣною иностранныхъ терминовъ русскими всякій разъ, когда она была возможна съ соблюденіемъ точности идеи и безъ натяжекъ. Въ особенности требовалъ онъ чистоты, ясности, гладкости, простоты, пріятности выраженія, и потому нападалъ между прочимъ на дикія для разговорнаго языка частицы: *какъ бы, колико, дабы*. Тутъ же встрѣчаются у него насмѣшливыя выходки противъ писателей, позволявшихъ себѣ неумѣстныя заимствованія изъ церковно-славянскаго. Такъ, онъ говоритъ въ разборѣ перевода Клариссы Ричардсона: «Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Русскій слогъ *тьмьмыми претолкосниками NN, иже отрѣваютъ вее, еже есть Руское, и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія*[1]. Кого разумѣлъ Ка-

[1] *Московскій Журналъ* 1791, ч. IV, стр. 112. — Замѣчанія Карамзина о языкѣ, встрѣчающіяся въ этомъ журналѣ, см. ниже въ Прилож. II.

рамзинъ подъ *гольмыми* (то-есть, великими) *претолковниками?* Записки Дмитріева облегчаютъ намъ рѣшеніе этого вопроса. Говоря о писателяхъ, которые послѣ Елагина и Фонъ-Визина начали еще болѣе ихъ употреблять славянскіе реченія и обороты, Дмитріевъ называетъ *усерднѣйшими славянофилами*, между прочими, извѣстнаго переводчика И. С. Захарова, Якимова, Пахомова и Сидоровскаго [1]. Якимовъ перевелъ Иліаду, коллежскій же асесоръ Матвѣй Пахомовъ, служившій при Смольномъ монастырѣ, и священникъ Иванъ Сидоровскій, свояки, трудились совокупно и переводили общими силами «Павсанія, или Павсаніево описаніе Еллады»; послѣднимъ переведены сверхъ того «Разговоры Лукіана Самосатскаго» и «Творенія велемудраго Платона». Въ ихъ трудахъ, по словамъ Дмитріева, можно найти: *тако мнѣ глаголющу, воставшу солнцу* и т. п. На этихъ же переводчикахъ 1780-хъ годовъ намекалъ можетъ-быть другъ Карамзина Петровъ, когда совѣтовалъ ему: «...лучше пиши все свое сочиненіе на русско-славянскомъ языкѣ, долгосложно-протяжно-парящими словами» [2]. Итакъ мы знаемъ, кого разумѣлъ Карамзинъ подъ именемъ *гольмыхъ претолковниковъ*. Изъ нихъ Захаровъ и Сидоровскій были членами Россійской Академіи, первый съ 1786 года, второй еще съ 1783. Понятно, кто былъ задѣтъ выходкою *Московскаго Журнала*. Здѣсь начало гнѣва, впослѣдствіи породившаго *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*.

Новый духъ, новое пониманіе журнальнаго дѣла, проникавшіе *Московскій Журналъ*, не могли не отразиться и на самомъ языкѣ его. Впрочемъ, здѣсь замѣтна еще большая разница между языкомъ Карамзина и немногихъ сотрудниковъ его, даже и Подшивалова, хотя послѣдній во взглядѣ на этотъ предметъ совершенно примкнулъ къ талантливому издателю. Разница между ними, какъ стилистами, по крайней мѣрѣ за то время, наглядно выдается въ двухъ критическихъ статьяхъ Подшивалова о *Палефатѣ* Туман-

---

[1] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 85; ср. тамъ же, стр. 45.
[2] *Русскій Архивъ* 1863 г., стр. 480.

скаго. На варварскій языкъ этого перевода (съ греческаго) Подшиваловъ взглянулъ снисходительнѣе, нежели какъ могъ смотрѣть самъ Карамзинъ, судя по другимъ разборамъ его. «Сей переводъ въ сравненіи со многими другими», говоритъ рецензентъ, «конечно, хорошъ; однакожь онъ и не совсѣмъ чистъ. Сверхъ многихъ славянскихъ словъ, не кстати употребленныхъ, напримѣръ *дондеже*, *весь* (село), *якобы*, онъ *моглъ видѣть*, и проч.; сверхъ неприличной смѣси Славянскаго съ Русскимъ, напр. стр. 5: *уста и глотка возсѣли на объѣжженныхъ лошадей*, и стр. 9: *не могъ рѣшиться на убіеніе отрочати*; наконецъ сверьхъ грамматическихъ мѣлочей, напр. *Греческого*, *никакого*, *бѣлого*, *укушенна будучи*, *все соединенно—къ баснѣ*, *въ роскошѣ*,—замѣтили мы еще большія странности»[1].

Понятно, что и самъ Карамзинъ, въ *Московскомъ Журналѣ*, еще далекъ отъ тѣхъ успѣховъ языка и слога, которыхъ онъ достигъ въ своихъ послѣдующихъ трудахъ. Какъ вообще въ области литературы, такъ и въ дѣятельности каждаго замѣчательнаго писателя, языкъ постепенно совершенствуется, и условія такого развитія у отдѣльнаго автора заключаются, съ одной стороны, въ собственномъ его духѣ, безпрестанно идущемъ впередъ, съ другой—въ совокупномъ движеніи всего общества, которое, подчиняясь вліянію передовыхъ мыслителей, въ свою очередь взаимно дѣйствуетъ на нихъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительно было бы прослѣдить всѣ труды Карамзина, начиная отъ самыхъ раннихъ его переводовъ и сочиненій; но къ предмету настоящаго изслѣдованія все предшествовавшее *Московскому Журналу* не относится, такъ какъ насъ занимаетъ вопросъ не столько о ходѣ развитія литературной рѣчи Карамзина, сколько о свойствѣ ея и вліяніи на общій письменный языкъ русскій. Вліяніе же Карамзина, естественно, могло начаться только со времени из-

[1] *Моск. Журн.*, ч. V, январь и мартъ, стр. 137 и 379. Въ февральской книжкѣ, стр. 277, помѣщено возраженіе Туманскаго подъ заглавіемъ: *О сужденіи книгъ*, съ любопытными примѣчаніями Карамзина.

данія *Московскаго Журнала*, доставившаго ему значительный кругъ читателей и громкую извѣстность.

Само собою разумѣется, что дѣйствіе этого журнала было двоякое: однихъ онъ привлекъ къ Карамзину; другихъ, хотя далеко не столь многихъ, оттолкнулъ отъ него. Тогда-то стали явственно обозначаться двѣ школы писателей, и разногласіе ихъ должно было вскорѣ обратиться въ борьбу. Уже въ 1792 году, слѣдовательно когда *Московскій Журналъ* еще продолжалъ выходить, явились два изданія, враждебно къ нему относившіяся, именно *Зритель* Крылова и *Россійскій Магазинъ* Туманскаго. Первый, подражаніе аддисонову «Спектетеру», имѣлъ шуточно-сатирическое направленіе; естественно поэтому, что въ большей части статей такого содержанія языкъ простъ, хотя часто совсѣмъ не изященъ и вообще крайне небреженъ. Какъ замѣтилъ уже Пекарскій, журналы Крылова и Клушина «отличались особенною неряшливостію и промахами противъ грамматики»[1]. Разномысліе *Зрителя* съ Карамзинымъ во взглядѣ на языкъ обнаруживается не въ одномъ способѣ выражаться. Вотъ, напримѣръ, сужденіе этого журнала о Ломоносовѣ: «Сей безсмертный отецъ нашего стихотворства доказалъ, что понятіе его изобрѣло такія красоты, которыхъ никто еще не имѣлъ; онъ первый доказалъ свѣту, что можно Россіянину только превзойти въ картинахъ стихотворческихъ и самого Виргилія, гдѣ онъ не встрѣчался съ нимъ вездѣ его превозходилъ: описаніе бури у Ломоносова несравненно живѣе... Языкъ Россійскій отъ его пера явился сильнѣйшимъ всѣхъ Европейскихъ: Ломоносовъ имъ изображалъ все, до чего только можетъ достигнуть пламенное воображеніе витіи»[2] и т. д. Карамзинъ, хотя также признавалъ превосходство Ломоносова въ лирической поэзіи, однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что онъ и Сумароковъ «еще не образовали Россійскаго слога» и

---

[1] *Письма* Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 025.

[2] *Зритель*, ч. I. «О враждебномъ свойствѣ Россіянъ» (Плавильщикова), стр. 172.

замѣчалъ: Проза Ломоносова не можетъ служить для насъ образцемъ; *длинные періоды* его утомительны, *расположеніе* словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха»[1]. Извѣстно, что товарищемъ Крылова по изданію *Зрителя* былъ Клушинъ; къ числу сотрудниковъ ихъ принадлежали Дмитревскій, Плавильщиковъ, Эминъ и Туманскій[2]. Въ журналѣ ихъ Карамзинъ задѣтъ, между прочимъ, за свои критическіе разборы. Въ такомъ смыслѣ написана цѣлая статья *Критикъ*, въ которой представленъ сердитый человѣкъ съ книгою въ рукахъ. Онъ готовится писать рецензію на эту книгу и говоритъ: «Переводъ сей гадокъ; не имѣетъ въ себѣ ни правилъ языка, ни правилъ грамматики; *достоинства чувствованій автора изкажены*; и сверхъ того есть слова, которыхъ я не понимаю». Далѣе приведено въ такомъ же тонѣ нѣсколько отдѣльныхъ примѣчаній критика; между прочимъ, осмѣяна прихотливость легко-оскорбляющагося слуха («вы не можете представить, какъ это деретъ уши»), и въ заключеніе сказано: «Можно быть увѣрену, что съ его неусыпнымъ попеченіемъ о Русскомъ языкѣ, и въ самыхъ типографіяхъ опечатокъ будетъ гораздо менѣе. Правда, онъ не касается до разсматриванія Авторскихъ мыслей, плана сочиненія, характера дѣйствующихъ лицъ, ума и способностей — да и хорошо, что не за свое не берется — какъ заниматься такою мелочью?»[3]. При совершенномъ невниманіи издателей *Зрителя* къ требованіямъ грамматики, понятно, какъ долженъ былъ имъ не нравиться пуризмъ Карамзина съ особеннымъ характеромъ его прозы. Что его слогъ не ускользнулъ отъ ихъ вниманія, видно изъ выходки противъ «рѣдкихъ и избранныхъ изображеній» *Московскаго Журнала*, на

---

[1] Сочиненія Карамзина, изд. Смирд., т. I, «Похвальное слово Екатеринѣ II», стр. 363, и «Пантеонъ Россійскихъ авторовъ», стр. 591.

[2] *Письма* къ Дм., стр. 17, 28, 33.

[3] *Зритель*, ч. I, стр. 161. Эти и подобныя выходки *Зрителя* были хорошо извѣстны Карамзину, который упоминаетъ о враждѣ его издателей въ своихъ *Письмахъ* къ Дмитріеву. Въ маѣ мѣсяцѣ (1792 г.) оба друга подписались на этотъ журналъ (*Зр.* ч. II, стр. 86).

которыя они въ своихъ *рецептахъ* указывали какъ на средство отъ безсонницы[1].

Другой журналъ, обнаружившій непріязненное отношеніе къ Карамзину, былъ *Россійскій Магазинъ*, хотя онъ и имѣлъ преимущественно характеръ историческаго сборника. Издатель его, Ѳедоръ Туманскій, котораго языкъ отличался особеннымъ безобразіемъ, былъ конечно плохимъ цѣнителемъ искуства писать; притомъ *Московскій Журналъ* не совсѣмъ благосклонно принялъ его *Палефата*, и наконецъ, Карамзинъ не печаталъ «піэсъ», которыми Туманскій «задавилъ» его, по выраженію самого Карамзина въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 17 и 19). Вотъ почему *Россійскій Магазинъ*, при появленіи Оссіана въ переводѣ Кострова, воспользовался случаемъ «зацѣпить» (опять выраженіе изъ писемъ къ Дмитріеву) Карамзина, который также переводилъ Оссіана въ *Московскомъ Журналѣ*. «Къ щастію», говоритъ Туманскій, «Г. Кострова, въ переводѣ нѣкоторыхъ Оссіановыхъ сочиненій предшественникъ» (въ выноскѣ сказано: *Г. К. писатель Московскаго Журнала*) «нѣкоторою частію читателей одобряемый, самъ и съ братіею своею Судія многихъ чуждыхъ трудовъ и часто подписывающій опредѣленія безъ позволенія переноса, или силящійся сужденіе другихъ поддержать своими примѣчаніями, предоставилъ случай сличить сей переводъ, сдѣлать обоимъ сравненіе и поставя цѣну тому и другому заключить и о прочемъ. Сравненіе съ таковымъ переводчикомъ у мѣста, и чья побѣда, того знаменитѣе торжество»[2]. Затѣмъ напечатаны рядомъ тѣ же мѣста Оссіана изъ обоихъ переводовъ, сравненіе, прямо подходящее къ предмету настоящей статьи. Предоставляя любопытнымъ обратиться къ самому *Магазину*, считаю здѣсь достаточнымъ сослаться на тотъ краснорѣчивый фактъ, что Туманскій отдаетъ рѣшительное предпочтеніе переводу Кострова.

---

[1] *Зритель*, ч. II. «Прогулки», стр. 158. и *Письма* Карамзина къ Дмитріеву стр. 019.

[2] *Россійскій Магазинъ*, ч. I. стр. 198—205.

Нападенія на Карамзина продолжались и по прекращеніи его журнала; въ 1793 году главнымъ поприщемъ ихъ служило новое ежемѣсячное изданіе Крылова и Клушина *С.-Петербургскій Меркурій*[1], въ языкѣ котораго, впрочемъ, ничего новаго замѣтить нельзя.

Нѣкоторыя изъ обвиненій, которымъ Карамзинъ подвергался, показываютъ, что онъ возстановилъ противъ себя журналы не только своею критикой, своеобразіемъ своихъ взглядовъ, но отчасти и новостью своего языка, въ которомъ, какъ и вообще въ его дѣятельности, видѣли отступленіе отъ правилъ и отъ принятыхъ образцовъ. Посмотримъ теперь, какое дѣйствіе онъ производилъ на примкнувшихъ къ нему писателей. Поразительнымъ въ этомъ отношеніи явленіемъ служитъ журналъ *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, которое Подшиваловъ началъ издавать въ Москвѣ въ 1794 году, то-есть, черезъ годъ послѣ удаленія Карамзина съ журнальнаго поприща. Въ статейкѣ Подшивалова *Къ сердцу*, которою открывается новое изданіе, мы находимъ доведенное до крайности восхваленіе *чувствительности* и между прочимъ такое восклицаніе: «*Простосердечіе, чистосердечіе!* надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена: но ты, любезный К** (*Карамзинъ*), иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единодушная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ!» Не только въ содержаніи, но и во всемъ складѣ рѣчи подобныхъ статеекъ, повторяющихся въ началѣ каждаго изданія, какъ и вообще въ цѣломъ составѣ этого журнала, отразилось сильное вліяніе Карамзина. Самъ Подшиваловъ въ *Чтеніи для вкуса* писалъ совсѣмъ не такъ. Новою рѣчью заговорили и сотрудники его. Такъ въ письмѣ, при которомъ кто-то предлагаетъ издателямъ стихи для помѣщенія въ журналѣ, сказано: «Естьли они вамъ понравятся, естьли угодно вамъ будетъ оные напечатать въ вашемъ пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени, и естьли чувствительной, нѣжной, любез-

[1] См. Приложеніе III.

ной и привлекательной нашъ Стернъ, читая ихъ, произнесетъ: *изрядные*; то я постараюсь и впредь доставлять» и проч., а въ выноскѣ объяснено: «Я подъ симъ разумѣю почтеннаго нашего Издателя Московскаго Журнала и Сочинителя Аглаи. Весьма прискорбно нѣжной душѣ взирать на благодѣтельную Натуру, начинающую раздавать намъ дары свои, и не имѣть второй книжки Аглаи, которая чувствительнымъ слогомъ поблагодарила бы за оныя»[1]. Не отзывается ли здѣсь каждая строчка подражаніемъ слогу и языку Карамзина?

Такимъ образомъ Подшиваловъ является ближайшимъ послѣдователемъ и подражателемъ Карамзина, хотя ему и не удалось вполнѣ усвоить себѣ чистоту, правильность и легкость рѣчи послѣдняго. Но мы имѣемъ возможность еще точнѣе узнать понятія Подшивалова о слогѣ, окончательно развившіяся, очевидно, уже въ школѣ карамзинскаго языка. Изъ автобіографической записки его извѣстно, что *имъ* продиктованъ «Сокращенный курсъ Россійскаго слога»[2], изданный въ 1796 году (въ Москвѣ) ученикомъ его Скворцовымъ. Разсмотримъ же, какъ понималъ искусство писать подражатель Карамзина въ такое время, когда тотъ уже проложилъ новый путь въ этомъ дѣлѣ. Правда, что Подшиваловъ, указывая на книги, «къ основательному познанію Россійскаго языка много способствующія», не называетъ сочиненій Карамзина; но послѣ того, какъ онъ на словахъ и на дѣлѣ уже высказалъ свое уваженіе къ этому писателю, такое молчаніе можно объяснить только тѣмъ, что недавній примѣръ Карамзина, какъ видно изъ намека въ другомъ мѣстѣ книжки (на который ниже будетъ указано), и безъ того уже вызвалъ много неискусныхъ ему подражателей, употреблявшихъ во зло нѣкоторыя особенности

---

[1] *Пріятн. и Полезн. препр. времени* 1794, ч. II, стр. 230.

[2] «Намѣревался я также», говоритъ Подшиваловъ, «выдать *Начальныя основанія Россійскаго слога* въ трехъ томахъ.... Матеріалы готовы; лѣнь и недостатокъ времени помѣшали трудъ сей окончить. Между тѣмъ, чтобъ пощупать пульсъ у публики, какъ она его приметъ, я заставилъ ученика своего Скворцова издать по временамъ мною диктованный ему *Курсъ Россійскаго слога*» (*Москвитянинъ*, 1842 г., № 1, стр. 179).

его слога. Причиной, почему здѣсь не названъ Карамзинъ, могло быть еще и то, что онъ, вслѣдствіе связей съ Новиковымъ, подвергся подозрѣніямъ со стороны властей, и еще въ концѣ 1795 г. ходили о немъ *разные слухи, разсѣянные злобой и глупостью*, напримѣръ будто онъ сосланъ[1]. Выдавать за образецъ такого человѣка въ учебникѣ могло казаться не совсѣмъ благовиднымъ и безопаснымъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что Дмитріевъ уже поименованъ между извѣстнѣйшими писателями[2], и что въ главѣ: *Нѣчто о поэзіи* выписаны, въ числѣ другихъ стиховъ, и отрывки изъ стихотвореній Карамзина, но безъ имени его и только со ссылками на *Московскій Журналъ*, откуда они взяты. Не касаясь недостатковъ принятой въ основаніе *курса* системы и несоразмѣрности разныхъ частей ея, ограничусь выборомъ нѣкоторыхъ существенныхъ понятій изъ разныхъ мѣстъ этой книги.

Слогъ раздѣляется въ ней попрежнему на *высокій*, *посредственный* и *простой*; но въ основу такого дѣленія положены уже не ломоносовскіе, а другіе признаки: «*Простой* (слогъ) вообще не имѣетъ почти никакихъ украшеній, хотя и наблюдаетъ во всемъ нѣкоторую пристойность; *посредственный* напротивъ того имѣетъ свои украшенія, а *высокой* слова отборныя, мысли важныя и острыя, страсти великія и благородныя, фигуры для возбужденія оныхъ пристойныя». Въ этомъ дѣленіи смѣшаны внѣшніе признаки съ внутренними, и ничего опредѣлительнаго не сказано; но за то оно и поставлено какъ бы на второмъ планѣ. Въ основаніе же ученія о слогѣ положено вѣрное начало: «Всякой почти различно мыслитъ, слѣдовательно всякой имѣетъ и свой стиль»; къ чему прибавлено замѣчаніе, явно согласное съ ученіемъ Карамзина: «но мы того только называемъ хорошимъ стилистомъ, кто пишетъ *правильно* и *пріятно*». По отношенію къ своимъ внутрен-

---

[1] *Письма* къ Дм., стр. 62.

[2] Образцами признаны, для прозы: сочиненія Ломоносова, Феофана, Гедеона, Платона и св. Дмитрія, особливо Четьи Минеи; для стиховъ: сочиненія Ломоносова же, Хераскова, Майкова, Сумарокова, Державина, Княжнина, *Дмитріева*, Богдановича и проч

нимъ качествамъ, слогъ раздѣленъ вообще на *худой* и *хорошій*. Худое выраженіе мыслей приписано незнанію языка и не довольно очищенному вкусу (опять та же карамзинская идея). Затѣмъ объяснено, что худо пишетъ тотъ, кто пишетъ: 1) *темно*; 2) *педантически*: «когда кто слишкомъ привязанъ къ *школярщинѣ*, къ древностямъ и чужестраннымъ вещамъ, не всякому извѣстнымъ»; 3) *принужденно*: «когда подражаетъ кто великимъ писателямъ, но не искусною рукою, или выказываетъ свою ученость, которой очень мало»; 4) *высокопарно* или *надуто*: «когда кто, говоря о маловажныхъ вещахъ, употребляетъ пышныя выраженія, или ложными прикрасами убираетъ матерію важную»; 5) *слишкомъ низко*: «когда кто употребляетъ простонародныя слова, охотникъ до пословицъ и побасенокъ и кажется, хочетъ увеселить только шутливаго ротозея; 6) *слишкомъ растянуто*, и 7) *слишкомъ коротко*[1]. О нѣкоторыхъ изъ этихъ свойствъ разсѣяны въ другихъ мѣстахъ книги еще подробнѣйшія замѣчанія. Такъ объ устарѣвшихъ словахъ сказано, что ихъ «не долженъ употреблять хорошій писатель, хотя бы и разумѣлъ ихъ, выключая нѣкоторыхъ славенскихъ, въ высокомъ слогѣ употребительныхъ»[2]. Высокопарныя реченія, упомянуто далѣе, «часто затмѣваютъ стиль и болѣе изобличаютъ педанта или школьника, безпрестанно проповѣдующаго о миріадахъ, лабиринтахъ, сферахъ, серафимахъ и пр. Въ семъ случаѣ не надобно подражать и великимъ людямъ, иногда въ томъ погрѣшающимъ, дабы не уподобиться придворнымъ Александра Великаго, которые для того держали голову на одну сторону, что государь ихъ былъ кривошея[3]. Здѣсь довольно ясно высказано предостереженіе тѣмъ молодымъ писателямъ, которые, встрѣчая у Карамзина иностранныя слова, стали слиш-

[1] *Сокращенный курсъ Росс. слога*, стр. 87—97.

[2] Тамъ же, стр. 43.

[3] Тамъ же, стр. 52. Словá *миріады* и *сфера* встрѣчаются въ слѣдующей фразѣ Карамзина: «Кто чрезъ *миріады* блестящихъ *сферъ*, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ» и т. д. (*Аглая* I, *Нѣчто о наукахъ* и пр., стр. 69). Извѣстно другое его выраженіе: «святое, никакими *сферами* неограниченное желаніе всеобщаго блага». (Тамъ же, *Что нужно автору?* стр. 29).

комъ неумѣренно употреблять ихъ. Въ подкрѣпленіе совѣта избѣгать простонародныхъ словъ приведены примѣры: *моркотно*, *обизорно*, *трелюдитъ*, *разчетверивать*, *чичаговать*. (Сюда же отнесены и слова *провинціальныя*, которыя въ другихъ мѣстахъ Россіи понятны)[1]. Припомнимъ, что и Карамзинъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего поприща, смотрѣлъ такимъ же образомъ на простонародныя слова, когда они сообщаютъ низкую идею. Такъ онъ (въ 1793 г.) совѣтовалъ Дмитріеву исключить изъ одного стихотворенія «отвратительное» слово *парень*, и находилъ, что при этомъ словѣ «является мыслямъ дебелый мужикъ, который чешется неблагопристойнымъ образомъ и утираетъ рукавомъ мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квасъ!* Надобно признаться, что тутъ нѣтъ ничего интереснаго для души нашей!»[2].

Изъ свойствъ дурного слога выведены принадлежности хорошаго, который долженъ быть: 1) ясенъ; 2) негрубъ; 3) безъ всякаго принужденія; 4) натураленъ; 5) благороденъ; 6) обиленъ и 7) хорошо связанъ. Ясность признана первымъ свойствомъ «стиля», требующимъ употребленія такихъ словъ, которыя были бы «понятны и несомнительны». Условіемъ для того, чтобы писать негрубо, постановлено «обхожденіе съ просвѣщенными людьми» и тутъ же оговорено: «мы не разумѣемъ однакожъ тѣхъ полуфранцузовъ, которые портятъ и наконецъ забываютъ свой языкъ»[3]. Наконецъ, существеннымъ признакомъ хорошаго языка заявлена «совершенная одинаковость или единообразіе въ словахъ и теченіи оныхъ, безъ всякихъ скачковъ и неравностей»[4], то-есть именно то свойство, которымъ проза Карамзина отличается отъ всего, что̀ до тѣхъ поръ писалось.

Ученіе о періодахъ и предложеніяхъ представляетъ сбивчивость, происходящую отъ неточнаго разграниченія самыхъ понятій, выражаемыхъ этими словами. Между прочимъ, однакожъ,

[1] Тамъ же, стр. 43 и 44.
[2] *Письма* къ Дмитріеву, стр. 39.
[3] *Сокращ. курсъ*, стр. 92.
[4] Тамъ же, стр. 44.

очень опредѣлительно сказано, что промежутки отъ одной точки до другой «въ старину бывали очень велики, такъ что періода однимъ духомъ весьма часто выговаривать было не можно; но нынѣ употребляются по большей части пункты коротенькіе, по причинѣ труднаго понимания длинныхъ. Словъ 8, 10 и 15 въ періодѣ, такъ и довольно»[1]. Прежде, при долгихъ періодахъ, «союзы были необходимы; но нынѣ опущеніе ихъ, то-есть союзовъ соединительныхъ, особливую составляетъ пріятность; а особливо *стиль Французской, отъ всѣхъ нынѣ принимаемой*, не мало заимствуетъ отъ сего красы своей»[2]. Здѣсь подчеркнутыя мною слова заслуживаютъ особеннаго вниманія: они показываютъ, какъ современники Карамзина смотрѣли на способъ изложенія, начинавшій распространяться въ русской литературѣ вслѣдствіе успѣха его сочиненій. И не удивительно, что такъ разумѣли карамзинскій слогъ, понявъ несообразность *латино-германскаго* строя рѣчи, который введенъ былъ Ломоносовымъ и такъ долго послѣ него держался.

Сообразно съ предыдущимъ, въ главѣ о переводахъ замѣчено, что требованіе вѣрности «не препятствуетъ иногда, для большей ясности и вразумительности, раздроблять большіе періоды, которые на Россійскомъ языкѣ могутъ быть и скучны и темны. Да и сверхъ того есть такіе случаи, въ которыхъ по необходимости можно нарушить дальнѣйшую точность въ переводѣ, и во 1-хъ несходство языковъ въ выраженіи можетъ побудить насъ къ такому поступку, а потому требуемая въ переводѣ ясность и удержаніе важности подлинника весьма часто помянутой точности бываютъ противны». Въ такомъ же смыслѣ Подшиваловъ совѣтуетъ переводчикамъ «выражать все такими словами и съ такими притомъ оборотами, которые на нашемъ языкѣ не странны, не противны, но оному свойственны. Каждый языкъ имѣетъ свои собственныя выраженія, которыхъ на другой въ точности никакъ

---

[1] Тамъ же, стр. 20.
[2] Тамъ же, стр. 29.

перевесть не можно, и тогда переводчикъ долженъ ставить на мѣсто ихъ другія, но близкія и красоту и силу подлинника точно выражающія»[1]. Вообще писатели должны остерегаться «не передѣлывать своего языка на образецъ чужестранныхъ»[2] и, безъ особенной надобности, не заимствовать реченій изъ другихъ языковъ: «если провинціальныя слова хулы достойны, то тѣмъ болѣе чужестранныя, а особливо развратителями языка безъ нужды употребляемыя»[3]. Такому осужденію подвергнуты «тѣ вновь произведенныя слова, которыя скованы или вычечены молодыми, богатства нашего языка не знающими людьми, безъ всякой нужды и изъ одной безвременной щекотливости, чтобъ чрезъ то выказать себя или представить что либо особливое. Довольно примѣровъ тому въ новыхъ книгахъ, и жалко, естьли послѣдуетъ онымъ молодой съ дарованіями писатель, ибо таковыя слова отчасти непонятны, отчасти невыразительны, а отчасти совершенно смѣшны»[4].

Всѣ эти наставленія въ книгѣ, изданной въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II, очень замѣчательны, доказывая, какъ нелѣпыя подражанія Карамзину осуждались самими разумными его послѣдователями гораздо прежде Шишкова, и какъ несправедливо послѣдній распространилъ свои обвиненія на всю новую школу и на самого ея основателя. Мнѣ казалось нелишнимъ остановиться нѣсколько долѣе на этой теперь уже рѣдкой книжкѣ, такъ какъ она, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не обращала на себя ничьего еще вниманія, а между тѣмъ необходимо имѣть ее въ виду и для ближайшаго опредѣленія началъ *новаго слога*, и для полной оцѣнки *Разсужденія* Шишкова. Сознавались ли эти начала до появленія Карамзина? По крайней мѣрѣ, мы не видимъ, чтобъ они были кѣмъ-нибудь выражены или приложены къ дѣлу: видимъ только частное осуществленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ

---

[1] *Сокращ. курсъ Росс. слога*, стр. 38.
[2] Тамъ же, стр. 52.
[3] Тамъ же, стр. 45.
[4] Тамъ же, стр. 46.

извѣстныхъ, прежде поименованныхъ мною родахъ сочиненій, которые писались *низкимъ* слогомъ. Не слышалось прежде и упрека въ излишнемъ употребленіи иностранныхъ словъ и галлицизмовъ. Усвоить себѣ тѣ новыя качества, которыя поражали въ рѣчи Карамзина, было не легко безъ особенныхъ свойствъ его духа, безъ его многосторонняго образованія и глубокаго знанія русскаго языка. Удивительно ли, что писатели, имѣвшіе всю добрую волю итти вслѣдъ за нимъ, но лишенные этихъ внутреннихъ условій, могли овладѣть только нѣкоторыми внѣшними признаками его рѣчи и, желая щеголять ими, довели ихъ до крайности? Фактъ одновременнаго появленія, въ 1790-хъ годахъ, множества неискусныхъ подражателей языку Карамзина убѣдительнѣе всего доказываетъ образованіе въ его сочиненіяхъ *новаго слога*, — новаго не только своимъ содержаніемъ, но и формою.

Не всегда ли счастливо проложенный путь въ литературѣ привлекаетъ къ себѣ множество охотниковъ итти по свѣжимъ слѣдамъ смѣлаго пролагателя, и часто ли подражаніе удается?

Встрѣчая у Карамзина не употрбелявшіяся до тѣхъ поръ слова и выраженія, авторы-новички хотѣли отличиться такими же нововведеніями, но не имѣли той же удачи въ своихъ попыткахъ. Мы знаемъ, что самъ Карамзинъ еще долго не былъ доволенъ господствовавшимъ въ литературѣ языкомъ: ему не нравился способъ изложенія не только противниковъ его, но и подражателей. Въ разговорѣ съ Каменевымъ (1800) онъ отозвался не очень благопріятно объ Измайловѣ[1]. Къ Дмитріеву же онъ писалъ (1798), когда готовилъ сборникъ своихъ переводовъ, — *Пантеонъ иностранной словесности:* «Пока не выдаю собственныхъ своихъ бездѣлокъ, хочу служить публикѣ собраніемъ чужихъ піэсъ, не противныхъ вкусу и писанныхъ не совсѣмъ

[1] «Въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ; но ему простительно, — онъ по-русски не читалъ ничего кромѣ *Моихъ бездѣлокъ*» (*Вчера и сегодня*, 1845. Письмо Каменева).

обыкновеннымъ Русскимъ—то-есть, не совсѣмъ *пакостнымъ слогомъ*»[1].

Само собою разумѣется, что тѣ, которые хотѣли остаться неподвижными въ старыхъ привычкахъ и пріемахъ письменнаго языка, не могли простить Карамзину его нововведній и лучшее противъ него оружіе находили въ томъ, что̀ писали неловкіе его подражатели. Болѣе всѣхъ должна была оскорбляться новымъ слогомъ Россійская академія, считавшая себя *законодательницей языка и вкуса*. Выше было уже показано, что Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* бросилъ перчатку академическимъ славяноманамъ, и вотъ одинъ изъ новобранцевъ академіи (избранный въ члены ея 16-го дек. 1796 г.) выступаетъ впередъ рьянымъ борцомъ стараго слога. Книга Шишкова, за которую онъ, по собственному его сознанію, сидѣлъ три года[2], до сихъ поръ еще не оцѣнена по всей справедливости. Правда, что уже Макаровъ, Мартыновъ, Дашковъ и Каченовскій отмѣтили въ ней много нелѣпостей; но ограниченность, безвкусіе, недостатокъ основательной учености и добросовѣстной критики, обнаруженные ея авторомъ, еще ждутъ себѣ заслуженнаго приговора.

Говорятъ, что книга Шишкова все-таки принесла свою пользу, и это несомнѣнно: всякая крайность имѣетъ ту хорошую сторону, что она предостерегаетъ отъ крайности противоположной; но парадоксъ тѣмъ не менѣе остается парадоксомъ. Говорятъ также, что Шишковъ въ сущности ратовалъ не за языкъ, а за чистоту вѣры и нравственности. Съ этимъ нельзя согласиться: сначала не было и рѣчи о чемъ-либо иномъ, кромѣ *слога*, котораго порча приписывалась только пристрастному предпочтенію французскаго языка и французскому воспитанію[3]; потомъ, уже

---

[1] *Письма* къ Дмитріеву, стр. 99.

[2] «Меркуріи станутъ долговременные плоды упражненія моего въ языкѣ и трехъ-лѣтній трудъ мой, употребленный на сочиненіе сей книги, опровергать двухъ-дневною работою своею!» (*Прибавленіе къ разсужд. о ст. и нов. сл.* Спб. 1804, стр. 96).

[3] Шишковъ не замѣтилъ, что Карамзинъ въ *Вѣстникѣ Европы* самъ съ

въ концѣ своего *Разсужденія*, Шишковъ, чувствуя недостаточность прямыхъ доводовъ, прибѣгнулъ къ другимъ и задѣлъ своихъ противниковъ опасеніемъ за ихъ религіозныя и патріотическія чувства[1]. Чѣмъ далѣе шла полемика, тѣмъ болѣе пользовался онъ этою уловкой; но спорившіе съ нимъ очень хорошо понимали настоящій смыслъ ея, и Дашковъ умно замѣтилъ: «Онъ считаетъ всякое *оружіе* противъ соперниковъ своихъ законнымъ»[2], а въ другомъ мѣстѣ: «Зачѣмъ къ обыкновеннымъ сужденіямъ о словесности примѣшивать постороннія укоризны въ неисполненіи обрядовъ, предписанныхъ церковію?»[3] Тѣ, которые защищались въ этой полемикѣ, вели себя гораздо благороднѣе Шишкова и отзывались о немъ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ своихъ, очень снисходительно.

Въ «Предувѣдомленіи» къ первому изданію *Разсужденія* (1803) прямо говорится: «Сочиненіе сіе не иное что есть, какъ родъ веденной мною записки всему тому, что мнѣ при чтеніи разныхъ старинныхъ и новыхъ книгъ, *касательно до языка и слога*, замѣтить случилось».

Въ заглавіи *Разсужденія* противопоставлены между собою *старый* и *новый слогъ*. Слѣдовательно, былъ *новый*, то-есть недавно образовавшійся слогъ. Откуда же онъ явился? съ чего или съ кого началея? Намъ говорятъ, что онъ былъ уже и прежде, въ сатирическихъ журналахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина и Крылова; но если такъ, то отчего же въ 1803 году онъ названъ *новымъ?* Или онъ названъ такъ потому только, что къ нему примѣшались нѣкоторыя иностранныя слова?

жаромъ возставалъ противъ такого пристрастія и во всемъ направленіи этого журнала обнаруживалъ патріотизмъ, который стоялъ никакъ не ниже *его* собственнаго (шишковскаго).

[1] *Разсужд.*, стр. 303: «Сія ненависть къ языку своему (а съ нимъ понемногу, постепенно и къ сродству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отечеству) такъ сильно вкоренилась въ васъ» и проч.

[2] *Легчайшій способъ возражать на критики*, стр. 30.

[3] *Цвѣтникъ*, изд. В. Измайловымъ и П. Никольскимъ (декабрь 1810 года). Ч. VIII, стр. 431.

Попытаюсь расположить въ нѣкоторомъ порядкѣ безсвязныя, безпрестанно повторяющія одно и то же обвиненія Шишкова; можетъ-быть, изъ нихъ уже видно будетъ отчасти, что́ именно сдѣлалъ Карамзинъ въ отношеніи къ языку.

Первымъ и важнѣйшимъ недостаткомъ *новаго слога* въ глазахъ Шишкова было исключеніе изъ него церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ. Въ самомъ началѣ своего *Разсужденія* онъ жалуется, что *въ большей части нынѣшнихъ нашихъ книгъ* господствуетъ странный слогъ, и главную причину того видитъ въ пренебреженіи къ церковно-славянскому языку, *корню и началу русскаго.* Ошибочное понятіе объ отношеніи между обоими языками и было источникомъ всего неудовольствія Шишкова. Онъ не догадывался, что долговременное преобладаніе перваго надъ послѣднимъ въ литературѣ было явленіемъ, хотя и неизбѣжнымъ, но незаконнымъ, игомъ, которое могучій народный языкъ долженъ былъ рано или поздно сбросить съ себя. Произнеся свою жалобу, Шишковъ направляетъ первый ударъ не на Фонъ-Визина, не на Крылова или прежнихъ сатириковъ, а прямо на Карамзина. Онъ выписываетъ нѣсколько строкъ изъ *Пантеона Россійскихъ Авторовъ*[1], только что изданнаго. Итакъ вотъ чтеніе, послужившее ему непосредственнымъ поводомъ къ начатію войны противъ новаго слога. Какое же мѣсто болѣе всего обратило на себя его вниманіе? Это слѣдующія слова изъ замѣтки о Кантемирѣ: «Раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ Славяно-русскихъ г. Елагина, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, *называемая Французами*

---

[1] *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, ч. I, Москва, 1801. Изданіе Пл. Бекетова (въ листъ; печат. у Селивановскаго). Любопытно, что Карамзинъ, сообщая выдержки изъ своего текста къ этому изданію въ № 20 *Вѣстника Европы* 1802 года, пишетъ: «Пантеонъ *Русскихъ*» (а не Россійскихъ) «*авторовъ*». Въ *Письмахъ къ Дмитріеву* (стр. 115) онъ называетъ *нотицами* эти свои замѣтки о русскихъ писателяхъ. Изъ рѣдкаго экземпляра *Пантеона* въ здѣшней Публичной библіотекѣ бо́льшая часть портретовъ, къ сожалѣнію, вырѣзана какимъ-то безсовѣстнымъ читателемъ.

élégance» (послѣднія три слова исключены Карамзинымъ изъ позднѣйшихъ изданій *Пантеона* въ собраніи его сочиненій). Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ Шишкову представилась многообразная ересь: 1) неуваженіе къ славяно-русскому языку; 2) мысль, что слогъ нашъ сталъ пріобрѣтать пріятность независимо отъ церковно-славянскаго; 3) означеніе этого новаго свойства французскимъ словомъ; 4) отнесеніе Ломоносова къ законченному уже періоду развитія литературнаго языка. Шишковъ не могъ простить Карамзину, что не видѣлъ у него «краснорѣчиваго смѣшенія Славенскаго величаваго слога съ простымъ Россійскимъ» и умѣнія «высокій Славенскій слогъ съ просторѣчивымъ Россійскимъ такъ искусно смѣшивать, чтобъ высокопарность одного изъ нихъ пріятно обнималась съ простотою другаго»[1]. Такое смѣшеніе, какъ выше показано, встрѣчалось у всѣхъ прежнихъ писателей, не исключая Фонъ-Визина и Крылова, когда они сходили съ почвы *низкаго штиля:* оно составляло принадлежность стараго слога, переходившаго иногда въ то *славяномудріе*, противъ котораго Карамзинъ, первый, открыто возсталъ еще въ *Московскомъ Журналѣ*. Шишковъ не забылъ одной сказанной тамъ фразы и теперь повторяетъ ее: «Слогъ нашего переводчика (то-есть переводчика *Неистоваго Роланда*) можно назвать изряднымъ: онъ не надутъ славянщизною и довольно чистъ»[2].—«Что иное значитъ слово сіе» (*славянщизна*), спрашиваетъ Шишковъ съ негодованіемъ, «какъ не презрѣніе ко всему Славенскому языку?»

Вторымъ обвинительнымъ пунктомъ его было излишнее употребленіе французскихъ словъ и оборотовъ, какъ-то: *моральный, эстетическій, эпоха, гармонія, энтузіазмъ, катастрофа, серіозно, меланхолія, миѳологія, религія, рецензія, героизмъ, быть на сценѣ, выходить на сцену* и т. п. Не находя у самого Карамзина довольно словъ и реченій этого рода, онъ отыскиваетъ ихъ у са-

---

[1] *Разсужд.*, стр. 14.

[2] *Моск. Журн* 1791, ч. II, стр 324.

мыхъ плохихъ писакъ и призываетъ своего противника къ отвѣту за всѣ ихъ нелѣпыя заимствованія. Онъ не замѣчаетъ, что самъ часто грѣшитъ галлицизмами, что способенъ, какъ указалъ Дашковъ, «соблюсти даже цѣлыми страницами французское словосочиненіе», и не перестаетъ «вопіять противъ галлицизмовъ»[1].

Въ связи съ этимъ онъ упрекаетъ Карамзина за его начитанность, за его знакомство съ Боннетомъ, Вольтеромъ, Юнгомъ, Томсономъ, Оссіаномъ, Стерномъ, Лафатеромъ, Кантомъ и другими писателями, которыхъ тотъ будто бы «твердитъ на каждой страницѣ», выучившись у нихъ русскому, *на бредъ похожему* языку. Вмѣсто нихъ, критикъ ставитъ въ образецъ, между прочимъ, труды Ломоносова, Сумарокова, Мотониса, Крашенинникова[2], Полѣтики, Павла Кутузова и Ивана Захарова. При чтеніи *Пантеона Россійскихъ авторовъ*, отъ вниманія Шишкова страннымъ образомъ ускользнуло, что составитель этихъ замѣтокъ также былъ знакомъ съ древнею русскою литературой, что кромѣ Боннета, Вольтера, Юнга и проч. онъ читалъ Нестора, пѣснь о Полку Игоревѣ, Ѳеофана, Димитрія Ростовскаго; и словомъ, если не все, то по крайней мѣрѣ многое изъ того, что̀ читалъ самъ защитникъ стараго слога, поражающій насъ слабыми познаніями своими въ иностранныхъ языкахъ и литературахъ.

Далѣе новые писатели обвиняются въ составленіи русскихъ словъ и реченій по иностранному образцу (въ *юродивомъ переводѣ* и *выдумкѣ словъ и рѣчей*), какъ-то: *трогательный*, *занимательный*, *сосредоточить*, *представитель*, *начитанность*, *обдуманность*, *оттѣнокъ*, *страдательная* роль, *гармоническое* цѣлое и

---

[1] *Легчайшій способъ*, стр. 10.

[2] Въ *Пантеонѣ Росс. авторовъ* есть замѣтка и о Крашенинниковѣ (1713—1755). Въ его описаніи Камчатки Карамзинъ видитъ недостатокъ «пріятности»; въ переводѣ же Квинта-Курція, который въ свое время считался классическимъ, признаетъ нѣкоторое достоинство въ сравненіи съ другими переводами древнихъ писателей (см. выше стр. 76). Но въ статьѣ *о русской грамматикѣ француза Модрю* (1803) онъ говоритъ: «Классическій авторъ Русскаго языка есть для г. Модрю Крашенинниковъ; изъ его Квинта-Курція приведены сіи щастливыя фразы». (Слѣдуетъ выписка дурныхъ выраженій).

ми. др. При этомъ Шишкова особенно сердитъ, что многимъ словамъ, уже прежде существовавшимъ, придается новое, болѣе духовное значеніе,—напримѣръ, что слова́ *развить*, *развитіе*, *утонченный*, *утонченность*, *переворотъ* стали употребляться въ смыслѣ не собственномъ (подобно Французскимъ développer, raffiné, révolution). Болѣе всего не нравится ему слово *развитіе*, напримѣръ въ выраженіи *развитіе характера*, и онъ считаетъ совершенно равносильнымъ *прозябеніе*, которое и употребляетъ такимъ образомъ въ своемъ *Разсужденіи* (напримѣръ, пишетъ: «прозябеніе талантовъ»)[1]. «Какъ же», спрашиваетъ онъ, «вводимъ мы съ Французскаго языка въ Русской такое выраженіе, которое сами Французы на своемъ языкѣ употреблять сочли бы за безобразіе? По истинѣ разумъ и слухъ мой страдаютъ, когда мнѣ говорятъ: *Ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія*». Фраза эта взята изъ статьи Карамзина: *Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона*[2]. «Для чего», замѣчаетъ критикъ далѣе, «въ вышесказанной рѣчи не сказать: въ которыхъ первыя мои понятія *прозябали*?»[3] Такъ же строго осуждаетъ онъ выраженіе Карамзина: «когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей»[4] и спрашиваетъ: «Свойственно ли по-русски говорить: *потребность души моей*, и можно ли путешествіе назвать *потребностію*, *надобностію*, или *нуждою* души? Естьли сочинителю мало показалось сказать: *когда я любилъ путешествовать*, то могъ бы онъ премногими другими сродными языку нашему оборотами рѣчь сію выразить, какъ напримѣръ: *когда душа моя питалась, услаждалась путешествіями;* или *когда путешествіе было единымъ изъ вожделѣннѣйшихъ желаній моихъ*». Въ наше время подобныя сужденія такъ много говорятъ сами за себя, что нѣтъ уже надобности, вмѣстѣ съ Макаровымъ[5], разбирать это мѣсто.

---

[1] *Разсужд.*, стр. 164, 422.

[2] и [4] Соч. Карамз., изд. Смирд., т. III, стр. 361 и 363.

[3] *Разсужд.*, стр. 290, 291.

[5] *Моск. Меркурій*, декабрь 1803, стр. 191. 192.

Не менѣе усердно Шишковъ, въ своей книгѣ, преслѣдуетъ неправильное, то-есть, несогласное съ законами русскаго языка образованіе нѣкоторыхъ словъ и реченій, наприм., *вліяніе на—*, *будущность;* сюда же относитъ онъ сравнительныя: *картиннѣе*, *напряженнѣе*, *человѣчнѣе*, а равно несообразное, по его понятіямъ, словосочетаніе, напримѣръ: *излишнее* самолюбіе (въ чемъ, какъ онъ увѣряетъ, нѣтъ смысла) или *лошадь, покрытая потомъ* («ибо простыя и низкія понятія важнымъ и возвышеннымъ слогомъ описывать неприлично»). Что касается слова *вліяніе*, то оно употреблялось еще до Карамзина, между прочимъ въ рѣчахъ московскихъ профессоровъ, но прежде дополнялось различными предлогами: то *въ*, то *надъ*, то *на*. Въ примѣръ неудачныхъ нововведеній Шишковъ приводитъ такую, по его мнѣнію, *вздорную рѣчь:* «авторскою дѣятельностью имѣть вліяніе на современниковъ», или выставляетъ на позоръ изъ *Писемъ Русскаго путешественника* слѣдующій переводъ замѣтки Лафатера: «Мудрый отличается отъ слабоумнаго только средствами самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, всенасладительнѣе, постояннѣе и благодѣтельнѣе есть средство или предметъ, въ которомъ или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе мы сами, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше,—тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе, любимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія нашего сообразнѣе»[1]. Но Карамзинъ и самъ не выдавалъ этого перевода за образцовый: онъ хотѣлъ только въ точности передать мысли швейцарскаго мудреца (какимъ считалъ Лафатера) и для того переводилъ слово въ слово, ставя въ скобкахъ нѣкоторыя слова подлинника. Это не что иное, какъ смѣлая попытка. Тѣмъ не менѣе Шишковъ говоритъ: «Я не знаю, Лафатеръ ли взлетѣлъ выше предѣловъ моего ума, или переводчикъ его туда поднялъ, но дѣло въ томъ, что я изъ нихъ ни того, ни другаго не понимаю. Положимъ, что я по тупости моего ума (хотя уже лѣтъ десятка три и

[1] Соч. Карамз., т. II, стр. 213, 214.

побольше упражняюсь въ наукахъ) не могу понимать высокихъ мыслей; но я не разумѣю словъ, то какъ же требовать отъ меня, чтобъ я разумѣлъ мысль, которая безъ словъ существовать не можетъ?»[1] Замѣтимъ однакожъ, что о приведенномъ мѣстѣ можно судить только въ связи съ другими мыслями, которыми Лафатеръ отвѣчалъ на вопросъ русскаго путешественника: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно достижимая для мудрыхъ и слабоумныхъ?»

Для объясненія, какъ Карамзинъ поступалъ при употребленіи еще необработаннаго литературнаго языка, чрезвычайно важна статья его въ *Вѣстникѣ Европы:* «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»[2] Шишковъ не могъ ею не воспользоваться для своей цѣли, и дѣйствительно въ его *Разсужденіи* мы находимъ длинный разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея, между прочимъ слѣдующаго: «Истинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Русской Кандидатъ Авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски!... Чтожъ остается дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Русскихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія Дамы не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ?... Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ кар-

---

[1] *Разсужд.*, стр. 348, 349.

[2] *Вѣстникъ Европы* 1802, № 14, стр. 124.

тникахъ), а Русской только отчасти; Французы пишутъ, какъ говорятъ, а Русскіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ». Далѣе, замѣчая, что у насъ такъ много обстоятельствъ, отвлекающихъ молодого человѣка отъ ученья, Карамзинъ спрашиваетъ: «Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее?» Въ цѣломъ этомъ отрывкѣ каждое слово заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что Карамзинъ очевидно выражаетъ здѣсь пріобрѣтенное опытомъ сознаніе тѣхъ трудностей, съ которыми самъ онъ въ началѣ своего поприща долженъ былъ бороться, а вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаетъ, въ указаніяхъ своихъ, и собственные свои пріемы въ авторскомъ дѣлѣ. Не о себѣ ли онъ говорилъ не разъ, что взялъ свой языкъ *изъ камина?*[1] — Если такимъ образомъ послѣдняя фраза приведеннаго отрывка имѣетъ отношеніе къ нему самому, то тѣмъ вѣрнѣе и все предыдущее, какъ болѣе существенное, должно быть примѣнено къ собственной его дѣятельности.

Это подтверждается какъ другимъ его же свидѣтельствомъ, такъ и отзывомъ Макарова. Прежде нежели была написана статья *Вѣстника Европы*, Карамзинъ говорилъ Каменеву: «Вознамѣрясь выйти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ Русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его *дикій*, *варварскій*, вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ Авторовъ: сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже *своимъ*, ни отъ кого *не заимствованнымъ* слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочи-

[1] Изъ рукописныхъ воспоминаній Ѳ. Н. Глинки: «Я спросилъ еще его: откуда взяли вы, Николай Михайловичъ, такой чудный слогъ? — Онъ отвѣчалъ: Изъ камина. — Какъ, изъ камина? — А такъ: я переводилъ одно и то же разъ, два и три раза, и прочитавъ и обдумавъ, бросалъ *въ каминъ*, пока наконецъ доходилъ до того, что могъ издать въ свѣтъ».

нителямъ, чтобы не всегда и не вездѣ держаться *оборотовъ моихъ*, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе»[1]. Макаровъ, упомянувъ объ успѣхахъ просвѣщенія Россіи въ царствованіе Екатерины II, доказываетъ необходимость новыхъ словъ для новыхъ понятій, которыхъ, по его замѣчанію, тысячи порождены въ умѣ нашемъ чужестранными обычаями: «вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху; болѣе двухъ третей Рускаго Словаря остается безъ употребленія: что дѣлать? искать *новыхъ средствъ изъясняться*». Эти разсужденія прямо приводятъ Макарова къ указанію на Карамзина, который, какъ онъ выражается, «очистилъ, украсилъ нашъ языкъ»[2].

Но Шишковъ этого не призналъ, и, разбирая приведенныя выше строки изъ статьи *Вѣстника Европы*, онъ останавливается почти надъ каждымъ словомъ то съ софизмомъ, то съ ироніей. Между тѣмъ однакожъ самъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ[3], что «изобрѣтать и распространять знаменованіе словъ есть дѣло йскусныхъ писателей»; только къ этому онъ прибавляетъ: (писателей) «знающихъ корни языка своего и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли, которыя, хотя при первомъ появленіи своемъ и кажутся для отвыкшихъ отъ нихъ ушей нѣсколько странны, но вскорѣ, по отысканіи источника ихъ, становятся понятны разуму и пріятны слуху»[4]. Въ первой части этой оговорки выражено очень вѣрное начало, которое, какъ увидимъ ниже, признавалъ и самъ Карамзинъ. Но какія опасности оно представляетъ въ исполненіи, убѣдительно доказалъ самъ Шишковъ. Совѣтуя, для передачи новыхъ мыслей, держаться исключительно церковныхъ книгъ и старинныхъ писателей, онъ предлагаетъ, между прочимъ, *наитіе* или *наитствованіе* вмѣсто «вліяніе», отвергаетъ *развитіе* только потому, что его нѣтъ въ старыхъ

[1] *Вчера и сегодня*, изд. гр. Соллогубомъ, кн. I, Спб. 1845.
[2] *Моск. Мерк.*, дек., стр. 162—164. Ср. тамъ же апр., стр. 73.
[3] *Разсужд.*, стр. 290.
[4] *Разсужд.*, стр. 291.

книгахъ, и предпочитаетъ ему *прозябеніе;* далѣе требуетъ удержанія такихъ словъ, какъ *непщевать, гобзованіе, одебелѣть, приснотекущій, любомудріе, умодѣліе, ядца* (плоти) и *пійца* (крови). Даже нѣкоторые техническіе термины, по его мнѣнію, прекрасно переведены, какъ напримѣръ, параллельныя линіи названы *минующими чертами*, хорда—*подтягающею*, діаметръ—*размѣромъ*, центръ — *остію* и проч. «Таковыя и симъ подобныя слова», полагаетъ онъ, «нужны намъ, онѣ обогащаютъ языкъ нашъ и наполняютъ его новыми понятіями.... Бросимъ», заключаетъ Шишковъ въ одномъ примѣчаніи въ *Разсужденію*[1], «чужеземный составъ рѣчей, придержимся собственнаго своего слога и станемъ *новыя мысли свои* выражать *стариннымъ предковъ нашихъ складомъ»*. Во взглядѣ на этотъ предметъ, Шишкова значительно опередилъ даже Ломоносовъ, который допускалъ только, и то въ высокомъ слогѣ, слова, понятныя всякому Русскому и не слишкомъ обветшалыя. Въ концѣ *Разсужденія* помѣщена элегія, представляющая въ каждомъ стихѣ пародію на языкъ Карамзина. Вотъ первыя стихи ея:

«*Потребностей* моихъ единственный *предметъ!*
Красотъ твоей души *моральный, милый* свѣтъ
Всю *физику* мою *приводитъ въ содраганье:*
Какое на меня ты дѣлаешь *вліянье!»*

Такимъ образомъ книга о старомъ и новомъ слогѣ начинается и кончается выходками противъ Карамзина: хотя онъ въ ней нигдѣ и не названъ, хотя бо́льшая часть ея выписокъ сдѣлана изъ разныхъ плохихъ и посредственныхъ писателей, подражавшихъ Карамзину безъ всякаго умѣнья, однакожъ очевидно, что она направлена собственно противъ него, какъ родоначальника новаго слога. Когда Макаровъ, издававшій *Московскій Меркурій* въ самый годъ выхода въ свѣтъ *Разсужденія*, въ послѣднемъ нумерѣ своего журнала напечаталъ разборъ этой книги, то Шишковъ,

---

[1] Тамъ же, стр. 420.

возражая ему, объявилъ, «что онъ въ то время, когда писалъ ее, не только журнала, называемаго Московскимъ Меркуріемъ, не читалъ, но ниже слышалъ, что оный есть на свѣтѣ»[1]. Итакъ Шишковъ не замѣтилъ самаго разумнаго и ловкаго изъ послѣдователей Карамзина, и обратилъ вниманіе на бездарныхъ его подражателей, которые не могли имѣть никакого значенія для судьбы литературнаго языка. Изъ сочиненій же самого Карамзина не приведено имъ, кромѣ нѣсколькихъ иностранныхъ словъ, ничего такого, что̀ бы дѣйствительно доказывало недостатки новаго слога.

Переходя затѣмъ къ заключеніямъ, которыя могутъ быть выведены изъ всего изложеннаго, отдѣлимъ сперва чисто-внутреннюю сторону сочиненій Карамзина, *матерію* или содержаніе, новость котораго въ нихъ можетъ быть такъ же мало оспариваема, какъ и значеніе этого элемента для другой ихъ стороны, или *формы*. Въ послѣдней отличимъ опять *слогъ* и *языкъ*. Согласимся, что *слогъ*, въ тѣсномъ смыслѣ, — это характеръ изложенія, это въ отношеніи къ рѣчи то же, что̀ походка въ движеніи тѣла, почеркъ въ письмѣ, физіономія въ чертахъ и выраженіи лица; *языкъ* писателя—это общее орудіе мысли въ распоряженіи отдѣльнаго лица, орудіе, употребляемое каждымъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ знаніемъ или умѣньемъ.

Во время Карамзина у насъ еще не отличали слога отъ языка писателя: этихъ двухъ понятій не раздѣляли ни самъ онъ, ни его противники; какъ онъ, въ приведенныхъ отрывкахъ, такъ и Шишковъ, во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, говорятъ о слогѣ вообще, то-есть въ обширномъ смыслѣ, разумѣя и слогъ собственно и языкъ. Но для точнаго опредѣленія особенностей писателя въ изложеніи, необходимо строго держаться обозначеннаго нами различія.

Слогъ Карамзина — это собственно то, что̀ г. Лавровскій называетъ «совершенно органическимъ продуктомъ врожденныхъ

---

[1] *Прибавленіе* къ Разсужденію, стр. 170.

способностей его, духовной организаціи и всего его образованія, всей совокупности образовательныхъ элементовъ, вошедшихъ въ его душу и участвовавшихъ въ окончательной выработкѣ его общаго душевнаго настроенія»[1]; къ слогу Карамзина относится сказанное далѣе тѣмъ же авторомъ: «онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина»[2]. Можно прибавить, что въ его слогѣ выразилась также его потребность въ гармоніи, въ музыкальности языка, потребность придать своей рѣчи тѣ мягкіе и нѣжные тоны, которые бы соотвѣтствовали самому настроенію его души. Это былъ опять новый элементъ рѣчи, котораго, по крайней мѣрѣ *въ прозѣ*, не было еще ни у кого изъ русскихъ писателей, и который пришелся такъ по вкусу тогдашняго русскаго общества. Ломоносовъ и его преемники обращались преимущественно къ уму и воображенію; Карамзинъ заговорилъ языкомъ сердца, и ему понадобилось новаго рода сладкозвучіе.

Слогъ не подлежитъ ни точному опредѣленію правилами, ни заимствованію; ему можно болѣе или менѣе удачно подражать, можно подъ него поддѣлываться; но онъ все-таки остается индивидуальною принадлежностью каждаго писателя[3]. Поэтому, оставляя въ сторонѣ *слогъ* Карамзина, обратимся теперь къ его *языку*, и здѣсь опять, прежде всего, припомнимъ, что языкъ вообще представляетъ двѣ стороны — *синтактическую* (строй рѣчи) и *лексическую* (составъ и формы языка).

«Было бы странно», замѣчаетъ справедливо г. Лавровскій, «говорить въ настоящее время о какомъ-то намѣренномъ сближеніи Карамзинымъ нашего языка съ французскимъ или англій-

---

[1] и [2] *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 41.

[3] Иногда слогъ, еще и теперь, принимается въ болѣе обширномъ смыслѣ, — какъ особенный складъ рѣчи, свойственный каждому языку (*О преподаваніи отечественнаго языка*, г. Буслаева, изд. 1844, ч. II, стр. 375). Но при анализѣ формы изложенія мыслей у отдѣльнаго писателя необходимо дав ть слогу болѣе тѣсное значеніе. Въ этомъ только смыслѣ вѣрно извѣстное замѣчаніе Бюффона, что *въ слогѣ весь человѣкъ* (Le style est tout l'Homme).

скимъ»[1]. Дѣйствительно, нельзя принять, чтобъ онъ, какъ утверждали у насъ прежде и какъ нѣкоторые до сихъ поръ повторяютъ (со словъ Шевырева), *«сблизилъ* русскій языкъ *съ тѣми европейскими*, которые въ своей конструкціи слѣдуютъ простому и естественному порядку»[2]. Какъ же понимать признаніе Карамзина Каменеву, что онъ сначала *подражалъ иностраннымъ авторамъ?* Мы знаемъ, что Карамзинъ въ молодости восхищался первостепенными французскими, нѣмецкими и англійскими писателями. Читая въ то же время и русскія книги, онъ не могъ не чувствовать разности впечатлѣнія, какое тѣ и другія на него производили языкомъ своимъ. У однихъ онъ находилъ легкость, простоту, непринужденность изложенія, соединенныя съ изяществомъ, съ красотою; въ другихъ его непріятно поражали неровность языка, шероховатыя, часто грубыя выраженія, тяжелый строй рѣчи, неестественное словорасположеніе. Понятно, что онъ сталъ думать о томъ, какъ бы и русской рѣчи придать свойства, которыя производили бы такое же благопріятное впечатлѣніе. Вотъ въ какомъ смыслѣ онъ сталъ подражать иностраннымъ писателямъ. Это никакъ не значитъ, чтобъ онъ въ строеніи русской рѣчи примѣнялся къ французскому или англійскому синтаксису. Замѣчая, что въ богатѣйшихъ литературахъ мало разницы между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ образованнаго общества, онъ попалъ на справедливую мысль сблизить русскій письменный языкъ съ русскимъ разговорнымъ, не столько удалившимся отъ народнаго, какъ первый. Когда же разговорный языкъ не представлялъ достаточныхъ средствъ для выраженія новыхъ идей, Карамзинъ естественно призналъ необходимымъ прибѣгать или къ заимствованію готовыхъ иностранныхъ словъ, или къ образованію соотвѣтствующихъ русскихъ. Въ случаяхъ, когда русская разговорная рѣчь оказывалась не довольно обработанною, онъ совѣтовалъ и наоборотъ *говорить* такъ, какъ сталъ бы *писать* чело-

---

[1] *Карамзинъ и его литер. дѣят.*, стр. 41.

[2] *Рѣчи, произнесенныя въ университетѣ св. Владиміра*: «Карамзинъ, какъ преобразователь русскаго языка», рѣчь г. Линниченко, стр. 35.

вѣкъ съ талантомъ[1], то-есть, онъ старался въ подобныхъ случаяхъ такъ выражаться на письмѣ, чтобъ его языкъ годился и для разговора въ образованномъ обществѣ. Въ такомъ смыслѣ и Макаровъ, вполнѣ усвоившій себѣ понятія Карамзина въ этомъ дѣлѣ, говорилъ, что современные писатели стараются образовать *одинъ* языкъ «для книгъ и для общества, чтобы писать какъ говорятъ и говорить какъ пишутъ»[2]. На исходную точку Карамзина въ стилистикѣ очень опредѣлительно указываютъ слѣдующія слова того же Макарова: «Фоксъ и Мирабо говорили отъ лица и передъ лицемъ народа, или передъ его повѣренными, такимъ языкомъ, которымъ всякой, естьли умѣетъ, можетъ говорить въ обществѣ; а языкомъ Ломоносова мы не можемъ и *не должны* говорить, хотя бы умѣли.... Есть *правила общія* для сочиненія на всѣхъ языкахъ.... есть *вкусъ*, который пріобрѣтается единственно посредствомъ сравненія.... Хотимъ сочинять фразы и производить слова по *своимъ* понятіямъ, *нынѣшнимъ*, умствуя какъ Французы, какъ Нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы»[3]. Какъ вѣрно здѣсь переданы мысли самого Карамзина, видно изъ словъ его въ академической рѣчи 1818 года: «Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса»[4].

Ясно, что прежде всего Карамзинъ озабоченъ былъ тѣмъ, чтобъ языкомъ своихъ сочиненій удовлетворять образованному эстетическому чувству: онъ захотѣлъ придать слогу *пріятность*, или изящество (élégance), писать *со вкусомъ*. Мы уже видѣли изъ собственныхъ его выраженій, что онъ находилъ «длинные» ломоносовскіе періоды «утомительными», расположеніе ихъ не «всегда сообразнымъ съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятнымъ для

---

[1] См. выше, стр. 96, отрывокъ изъ статьи: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»

[2] *Московскій Меркурій*, декабрь 1803 г., стр. 180.

[3] Тамъ же, стр. 180, 183, 168, 170.

[4] Соч. Карамзина, т. III, стр. 649.

слуха». Было также показано, что до Карамзина господство ломоносовскаго синтаксиса въ русской прозѣ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ родовъ сочиненій, не прекращалось; иначе и быть не могло: Ломоносовъ еще всѣми былъ признаваемъ за образецъ языка и слога. Карамзинъ отнесся къ нему критически и высказалъ неодобреніе его стилистическихъ началъ. Въ противоположность имъ онъ считалъ нужнымъ:

1) Писать *недлинными, неутомительными* предложеніями.

2) Располагать слова *сообразно съ теченіемъ мыслей* и съ особыми *законами* языка. «Лучшій, то-есть истинный порядокъ», по замѣчанію Карамзина, «всегда *одинъ* для расположенія словъ; Русская грамматика не опредѣляетъ его: тѣмъ хуже для дурныхъ писателей!»[1].

Эти два правила относятся къ синтаксису, котораго упрощеніе, такимъ образомъ, совершилось въ сочиненіяхъ Карамзина вовсе не въ силу подражанія французскому или англійскому языку, а въ силу потребности русскаго ума и вкуса.

Были ли у Карамзина новые обороты? Нынѣшній читатель почти не замѣтитъ ихъ въ его сочиненіяхъ; между тѣмъ мыслящіе люди изъ его современниковъ, Макаровъ, Дашко́въ и др., находили у него новизну и въ этомъ отношеніи. Самъ онъ также высказа́лъ убѣжденіе, что писателю его времени нужно было нѣкоторое творчество въ выраженіяхъ, и сверхъ того прямо свидѣтельствовалъ (въ приведенномъ отвѣтѣ Каменеву) о самобытности своихъ оборотовъ. Ключемъ къ уразумѣнію этихъ показаній можетъ служить его же поясненіе, что надобно «предлагать слова въ новой связи, но такъ искусно, чтобъ скрыть отъ читателя необыкновенность выраженія». Величайшее искуство Карамзина, какъ стилиста, въ томъ и обнаружилось, что онъ безъ всякихъ повидимому усилій, безъ рѣзкихъ и разительныхъ нововведеній, рѣшилъ задачу мыслящаго писателя, имѣющаго дѣло съ неустановившимся и мало разработаннымъ литературнымъ языкомъ. Еще

[1] *Вѣстникъ Европы* 1803, № 15, и Соч. Карамзина, т. III, стр. 600.

и въ наше время всякій русскій писатель по опыту знаетъ, легка ли борьба мысли съ выраженіемъ на языкѣ, менѣе другихъ развитомъ; а между тѣмъ русскій языкъ послѣ Карамзина конечно ушелъ впередъ. Чтобъ оцѣнить заслугу Карамзина съ этой стороны, всего поучительнѣе опять сравнить его изложеніе съ тѣмъ, чтó писалось другими до него и еще долго при немъ. Уже Макаровъ предлагалъ, вмѣсто длинныхъ толкованій о фразахъ, «сравнить два хорошихъ сочиненія *одного рода*, старое и новое, двухъ писателей одной степени», и для примѣра совѣтовалъ «взглянуть на три разные перевода одного мѣста Бюффона»[1]. Читая Карамзина со вниманіемъ даже въ первоначальныхъ изданіяхъ его сочиненій[2], мы по большей части бываемъ поражены только непринужденною простотою его оборотовъ, почти всегда согласныхъ съ нынѣшнимъ языкомъ. У него вовсе нѣтъ тѣхъ неловкихъ и странныхъ въ наше время выраженій, о которыя мы безпрестанно спотыкаемся у другихъ тогдашнихъ прозаиковъ. Вотъ почему современники Карамзина и находили его слогъ новымъ. Обыкновенно думаютъ, что въ болѣе раннихъ его сочиненіяхъ много галлицизмовъ. Между тѣмъ у него и въ первое время его журнальной дѣятельности очень рѣдко встрѣтится выраженіе, напоминающее иностранный оборотъ, да и тогда скорѣе замѣтно сходство съ нѣмецкимъ языкомъ, нежели съ французскимъ. Такъ въ Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II есть фраза: «Народы.... благодарны *противъ* (gegen) царей добродѣтельныхъ!»[3]. Къ числу не часто попадающихся у него галлицизмовъ можно отнести выраженія въ родѣ слѣдующихъ, которыя, впрочемъ, въ наше

---

[1] Макаровъ (*Моск. Меркурій*, дек., стр. 178) указываетъ для этого извѣстный монологъ, влагаемый Бюффономъ въ уста перваго человѣка, сознающаго свое бытіе, — въ переводахъ Малиновскаго, Лепехина и Карамзина. Читатели найдутъ начало всѣхъ трехъ переводовъ означеннаго мѣста въ Приложеніи IV-мъ къ этой статьѣ. Вслѣдъ за ними, въ Прил. V, помѣщены небольшіе отрывки изъ трехъ журналовъ 1790-хъ годовъ.

[2] Необходимое условіе для исторической оцѣнки его языка, потому что въ послѣдующихъ изданіяхъ онъ исправлялъ нѣкоторыя выраженія.

[3] Соч. Кар., т. I, стр. 378.

время сдѣлались почти общими: «дѣлать свободнымъ», «имѣть алчность къ богатству», «имѣть довѣренность», «*надобно* имѣть очень здоровую голову, *чтобы* отъ ихъ краснорѣчія не почувствовать въ ней боли»[1]. Стараніе Карамзина избѣгать несвойственныхъ русскому языку оборотовъ было такъ велико, что даже въ пріятельскихъ письмахъ онъ себѣ не позволялъ, безъ оговорки, употреблять выраженій, отзывающихся чужимъ происхожденіемъ. Такъ, еще въ 1793 г. онъ писалъ къ Дмитріеву: «Изъ политическихъ стиховъ можно и должно сдѣлать другое употребленіе (*прости мнѣ сей галлицизмъ*)»[2]. Такъ и въ Письмахъ Русскаго Путешественника: «Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, *какъ Французы говорятъ*, превосходилъ въ искуствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди»[3]. Выраженіе: *превосходить самого себя*, безъ оговорки, казалось Карамзину въ то время слишкомъ еще новымъ и смѣлымъ. Постепенное совершенствованіе языка въ отношеніи къ силѣ, выразительности и чисто-русскому характеру очень замѣтно въ сочиненіяхъ Карамзина. Онъ самъ заботился о томъ, и въ «эпилогѣ» къ *Московскому Журналу* обѣщалъ между прочимъ, что *Аглая*, которая заступитъ его мѣсто, «будетъ отличаться отъ него... вообще чистѣйшимъ, то-есть, болѣе выработаннымъ слогомъ; ибо», прибавлено къ этому, «я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ».

Въ *Вѣстникѣ Европы* успѣхъ языка поразителенъ. Наблюдая характеръ карамзинской прозы съ синтактической стороны, мы придемъ къ заключенію, что новость ея для современниковъ состояла не столько въ томъ, что́ мы собственно разумѣемъ подъ *оборотами*, сколько въ цѣломъ строѣ его рѣчи, въ гладкости и чистотѣ ея, въ смѣлыхъ сочетаніяхъ и сопоставленіяхъ словъ,

---

[1] *Аглая* (2-е изд.), I, стр. 62, 69; II, стр. 108, 157. — Ср. нынѣшнее выраженіе: «Совѣщаніе слишкомъ много надѣлало шума, чтобъ остаться безъ послѣдствій» (*Спб. Вѣдом.* 1874, № 357).

[2] *Письма* къ Дмитріеву, стр. 38.

[3] *Аглая*. II, стр. 134.

въ живыхъ и яркихъ выраженіяхъ. Все это можно видѣть болѣе изъ совокупности его первыхъ сочиненій, нежели изъ отдѣльныхъ выраженій.

Приведу однакоже нѣсколько примѣровъ:

«Пришла весна, и благодѣтельныя *вліянія* сего прекраснаго времени года *возвратили* мнѣ друга; бальзамическія *испаренія* зеленѣющихъ травъ *освѣжили его сердце;* вмѣстѣ съ цвѣтами *разцвѣтала душа его*, и вмѣстѣ съ нѣжными птенцами слабый *духъ* его *оперялся;* — «*знанія разливаются* какъ волны морскія»; — «помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда.... *ловили* въ исторіи всѣ благородныя *черты* души человѣческой», — «доказательство, что сердца ихъ *отверзались впечатлѣніямъ* изящнаго»[1]; — «такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще *не мертваго душею* человѣка. Разныя *обстоятельства* измѣняли нашъ простой, добрый характеръ и *запятнали его* на время; видимъ людей, *углубленныхъ въ свою личность* и *холодныхъ для* всего народнаго»[2].

Въ отношеніи къ лексическому составу литературнаго языка, у Карамзина замѣчаются слѣдующіе элементы рѣчи:

1) Большее и большее ограниченіе нелюбимыхъ имъ славянизмовъ, рѣдкое заимствованіе изъ *церковно-славянскаго* языка словъ и формъ. Карамзинъ понималъ его отдѣльность отъ другого славянскаго языка, издревле употреблявшагося въ Россіи и получившаго (по его мнѣнію, отъ Норманновъ) названіе *русскаго*. Въ доказательство того онъ, еще въ 1803 году, противополагалъ переводъ Библіи языку Слова о Полку Игоревѣ. Но Карамзинъ ошибочно думалъ, что такое раздѣленіе древнеславянскаго языка произошло только вслѣдствіе перевода Св. Писанія. «Авторы и переводчики нашихъ духовныхъ книгъ», говоритъ онъ, «образовали языкъ ихъ совершенно по Греческому, наставили

---

[1] *Аглая*. I, 16, 55, 62; II, 64.

[2] *Вѣст. Евр.* 1803, № 8: «О вѣрномъ способѣ имѣть учителей», стр. 326.— Въ дополненіе къ этому см. въ Приложеніи VI еще образчики карамзинскаго языка.

вездѣ *предлоговъ*, растянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* измѣнили первобытную чистоту древняго Славянскаго». До сихъ поръ не видно еще ложнаго пониманія, но къ этому прибавлено: «Слово о Полку Игоревѣ, драгоцѣнный остатокъ *его*» (то-есть того же древняго славянскаго), «доказываетъ, что *онъ* былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ»[1]. Какъ бы ни было, Карамзинъ, а за нимъ и его послѣдователи очень хорошо понимали, что церковно-славянскій и русскій разные, хотя и имѣвшіе общее происхожденіе, языки. Смѣшеніе ихъ Дашковъ назвалъ *мнимымъ славянороссійскимъ языкомъ*[2]; Карамзинъ находилъ этотъ языкъ въ переводахъ Елагина и велъ отъ нихъ до своего времени особый періодъ русской прозы. Макаровъ прямо отвергалъ надобность церковно-славянской стихіи даже въ высокомъ слогѣ: «Высокій слогъ», говоритъ онъ, «долженъ отличаться не словами или фразами, но содержаніемъ, мыслями, чувствованіями, картинами, цвѣтами поэзіи»[3]. Само собою разумѣется, что это мнѣніе не могло быть осуществлено во всей своей крайности, по тѣсному племенному родству и историческому сочетанію обоихъ языковъ. Въ прозѣ высшаго настроенія, у самого Карамзина, славянская стихія никогда не исчезаетъ вполнѣ, и какъ ни мало онъ ею пользуется уже въ началѣ своего поприща, но въ болѣе раннихъ трудахъ его есть еще такія черты ея, которыя лишь впослѣдствіи пропадаютъ (напр. «осьмой на десять» вѣкъ, окончаніе *ыя* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ женскаго рода). Задача состояла только въ вѣрномъ проведеніи границы, до которой эта стихія можетъ быть допущена. Удаляя изъ своихъ сочиненій устарѣлыя слова, Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* порицалъ ихъ, когда они встрѣчались ему у другихъ писателей (доказательство, что исключеніе изъ языка церковно-славянской примѣси не совершилось

---

[1] *Вѣст. Евр.* 1803, № 13: «О русской грамматикѣ Француза Модрю».
[2] *Легчайшій способъ*, стр. 3.
[3] *Моск. Меркурій*, дек. 1803, стр. 181.

задолго до Карамзина). Такъ онъ охуждалъ слова: *учинить*, *изрядство*, *обращенія* (во множественномъ числѣ) и мн. др. Такъ онъ съ самаго начала пересталъ употреблять въ прежнемъ смыслѣ слова: *изрядный* (вм. превосходный), *подлый*[1] (вм. низкій по происхожденію), а впослѣдствіи и *довольный* (вм. *достаточный*), *упражняться*, *упражненіе* (вм. заниматься, занятіе). Это было конечно дѣломъ отрицательнымъ, но оно имѣло свою великую важность для слога, а притомъ сопровождалось и положительною замѣной такихъ словъ другими, болѣе точными или болѣе соотвѣтствовавшими духу новаго времени. Уже тогда Карамзинъ охуждалъ также (хотя еще только въ комедіяхъ) употребленіе мѣстоименій *сей* и *оный*[2].

2) Введеніе иностранныхъ словъ для новыхъ понятій. «Нѣкоторыя чужестранныя слова», объяснялъ Макаровъ, «совершенно необходимы; ими только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Взять слово приличное (Французское, Арабское, Нѣмецкое, какое угодно) весьма хорошо; а неприличное весьма дурно.... Потерять счатливую мысль, или выразить ее слабо, для нѣкоторой чистоты языка, будетъ непростительное педанство[3]. Впрочемъ, Карамзинъ никогда не позволялъ себѣ необдуманнаго излишества въ употребленіи иностранныхъ словъ. Правда, что въ первыхъ его сочиненіяхъ они попадаются чаще нежели въ позднѣйшихъ, и даже въ первоначальныхъ ихъ изданіяхъ чаще нежели въ послѣдующихъ, однакожъ уже въ *Московскомъ Журналѣ* Карамзинъ одобрялъ счастливый *переводъ* научныхъ терминовъ; слѣдовательно, онъ не былъ противъ развитія языка путемъ образованія новыхъ словъ отъ собственныхъ его корней. Такъ, разбирая переводъ Естественной Исторіи Бюффона, сдѣланный Румовскимъ и Лепехинымъ, онъ замѣтилъ: «Самыя труднѣйшія

---

[1] Слово *подлый* въ этомъ значеніи встрѣчается еще во время *Моск. Журнала*. Такъ, въ изданіи *Дѣло отъ бездѣлья* 1792 г. (ч. I, стр. 95) говорится: «... пѣвцовъ, которые знакомы ученому свѣту, а болѣе *подлому* народу».

[2] *Моск. Журн.*, ч. I, стр. 357.

[3] *Моск. Меркурій*, дек., стр. 166.

физическія слова перевели они въ сей части весьма удачно»[1]. Но при этомъ онъ, разумѣется, требовалъ точности, и потому, похваливъ вообще счастливую попытку переводчиковъ, онъ указалъ нѣкоторыя слова, которыя, по его мнѣнію, «могли быть иначе переведены»; именно ему не понравилось, что они перевели: jurisconsultes *правовѣдцы*, classes *статьи*, ordres *семейства*, minéraux *ископаемыя*, subdivision *подраздѣленіе*. Разсматривая подробно каждое изъ этихъ словъ, онъ между прочимъ говоритъ: «Я не знаю, для чего бы minéraux не назвать минералами; сіе слово извѣстно всѣмъ тѣмъ, которые и никакихъ иностранныхъ языковъ не знаютъ. Названіе *ископаемыя* скорѣе могло бы означать fossiles, *фоссиліи*, слово не столь уже извѣстное въ Русскомъ языкѣ, какъ минералы. Какъ же мы будемъ переводить eaux minérales? Къ тому же минералы лежатъ и на поверхности земли: слѣдственно ископаемость не есть общій отличительный характеръ ихъ. Что принадлежитъ до *подраздѣленія*, то Русскому трудно понять, какъ можно что нибудь *подраздѣлять:* не лучше ли было бы сказать, вмѣсто *подраздѣленіе*, *передѣленіе*»[2]? Послѣдній вопросъ время рѣшило противъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе эти строки замѣчательны, показывая, какъ онъ вообще вдумывался въ значеніе словъ и какъ смотрѣлъ на замѣну иностранныхъ названій русскими, которую въ принципѣ одобрялъ: мы видимъ отсюда, что и чужеязычныя слова допускалъ онъ не безъ разбора, требуя, между прочимъ, чтобъ они не слишкомъ поражали слухъ своею новизною. Иногда онъ предпочиталъ иностранное слово потому, что оно опредѣленнѣе русскаго; такъ, въ одной рецензіи онъ спрашиваетъ, зачѣмъ не сказано *публичный* вмѣсто *всенародный*[3]. Нѣкоторыя французскія слова, встрѣчающіяся у прежнихъ писателей, отвергнуты имъ, напримѣръ: *резонъ, эстима, консидерація*, *универсальная апробація*, употреблявшіяся Фонъ-Визинымъ. Въ Письмахъ Русскаго Путешественника онъ посто-

[1] *Москов. Журн.*, ч. I, стр. 242.
[2] Тамъ же, стр. 246.
[3] Тамъ же, ч. IV, стр. 111.

янно пишетъ *приборы* вмѣсто *мебель*, слово, только въ позднѣйшіе годы принятое имъ во французской формѣ (*мёбли*, множ. ч.); тамъ же вмѣсто *меблированный* онъ пишетъ *прибранный*. Многихъ иностранныхъ словъ, впослѣдствіи вторгнувшихся въ языкъ, Карамзинъ вовсе не допускалъ. Такъ вмѣсто полюбившагося въ наше время *факта* онъ иногда употреблялъ *случай;* напримѣръ, въ статьѣ *О тайной канцеляріи:* «.... могъ ли г. Шлецеръ не усомниться въ истинѣ такого случая (fait)?»[1]. Словá: *моральный*, *интересный*, *натура* (которое онъ употреблялъ попеременно съ словомъ «природа», но кажется, отличалъ въ каждомъ особые оттѣнки) и многія другія впослѣдствіи замѣнялись у него русскими: *нравственный*, *любопытный*, *занимательный для любопытства* и т. п. Однакожъ, изъ всѣхъ обвиненій Шишкова упрекъ въ употребленіи французскихъ словъ наиболѣе подходитъ къ истинѣ: Карамзинъ принялъ его къ свѣдѣнію, и насколько было возможно, исправился отъ этого недостатка. Галлицизмы, въ которыхъ его укоряли, состояли почти исключительно въ отдѣльныхъ словахъ.

3) Сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія. Эту сторону обращенія Карамзина съ языкомъ лучше всего объяснилъ самъ Шишковъ, указавъ въ его сочиненіяхъ новое употребленіе словъ *потребность* и *развитіе*. Вмѣстѣ съ первымъ изъ нихъ онъ осудилъ и цѣлое выраженіе, которое показалось ему не русскимъ: «путешествіе сдѣлалось потребностію души моей». Что касается до слова *развитіе*, то въ тогдашнемъ академическомъ словарѣ его нѣтъ вовсе, а есть только глаголъ *развиваю* и причастіе *развитый* въ собственномъ, чисто вещественномъ смыслѣ[2]. Примѣровъ употребленія извѣстныхъ словъ въ новомъ, распространенномъ или болѣе опредѣленномъ значеніи можно найти у него не мало. Такъ онъ вводитъ слово *образъ* въ примѣ-

---

[1] *Вѣстн. Евр.* 1803, № 6, стр. 123. Ср. тамъ же, стр. 229: «они сохранили нить случаевъ».

[2] «Свернутое что въ клубъ развертываю, раскатываю; свитое, заплетенное, закрученное, вертя въ противную сторону, разнимаю, раскручиваю, раз-

ненія къ поэзіи; называетъ situations въ драмѣ *положеніями*, Flickwort (cheville) *подставнымъ словомъ;* говоритъ о *выработанномъ* слогѣ и языкѣ; находитъ, что лучше сказать: «всѣ части учености *обработываются*, нежели *воздѣлываются*»[1]. Онъ же первый употребляетъ во множественномъ числѣ слово *вкусъ*[2], которое Шишковъ такъ преслѣдовалъ «въ смыслѣ разборчивости, потому что наши предки, вмѣсто *имѣть вкусъ*, говорили *толкъ вѣдать, силу знать*.

4) Составленіе новыхъ словъ. Насильственное составленіе новыхъ словъ было несогласно съ характеромъ всего существа Карамзина и могло бы только мѣшать тому дѣйствію, какое онъ стремился сообщить своей рѣчи. Поэтому естественно, что новыя, имъ составленныя слова встрѣчаются у него рѣдко, и наиболѣе смѣлыя изъ нихъ сопровождаются оговоркой. Таковы употребленныя имъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника *промышленность*[3] и *достижимая*[4] цѣль; кромѣ того онъ тамъ же замѣтилъ, что *тротуары* можно по-русски назвать *намостами*[5].

Какъ смотрѣлъ онъ на творчество въ языкѣ, на «непосредственное обогащеніе» его, видно изъ собственнаго размышленія его объ изобрѣтеніи словъ. «Они», говоритъ онъ въ своей академической рѣчи, «раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова входятъ въ языкъ самовластно»[6]. Чѣмъ безыскуственнѣе новосоставлен-

сучиваю, расплетаю»; — «раскрученный, расплетенный, разсученный, распустившійся». (*Слов. Ак. Рос.*, ч. I. Спб. 1789).

[1] *Москов. Журн.*, ч. VI, стр. 232, 41; II, 209; VIII, 336; VI, 177; III, 222.

[2] *Аглая*. I, стр. 11: «одинакіе вкусы».

[3] *Москов. Журн.*, ч. III, стр. 298, съ выноскою: «Не можетъ ли сіе слово означать латинскаго industria, или французскаго industrie?» (Соч. Кар. т. II, стр. 168). Вспомнимъ, что уже существовали и были употребительны слова: *промыселъ, промышлять, промышлёный, промышленікъ* (послѣднее соотвѣтствовало старинному *промысленникъ*). См. *Словарь Росс. Ак.*

[4] «То-есть, до которой достигнуть можно; я осмѣлился по аналогіи употребить это слово». (Соч. Кар. т. II, стр. 244).

[5] Тамъ же, стр. 680.

[6] Соч. Кар., т. III, стр. 644.

ное слово, чѣмъ оно сообразнѣе съ прежними, чѣмъ менѣе бросается въ глаза, тѣмъ легче оно входитъ въ языкъ и тѣмъ прочнѣе въ немъ утверждается. У Карамзина разсѣяно много новыхъ или, по крайней мѣрѣ, до него не установившихся словъ этого рода, изъ которыхъ одни по простотѣ своей остались незамѣченными и не попали въ словари, какъ напр., *общественность*, *младенчественный*, *всемѣстный* (см. повсемѣстный), *всетворящій*, *опѣняемый*, *живодѣтельный*[1] (вм. животворный); другія сдѣлались общимъ достояніемъ, напримѣръ *усовершенствовать*[2], *человѣчный*[3], *общеполезный*[4]. Для выраженія множества понятій Карамзинъ рано почувствовалъ недостаточность существующаго запаса словъ русскаго языка, и еще во время своего путешествія, намѣреваясь переводить книгу Боннета, говорилъ въ письмѣ къ автору ея о необходимости составлять при томъ, по примѣру Нѣмцевъ, новыя слова[5]. Мы уже видѣли опытъ исполненія такой мысли надъ замѣткой Лафатера. И въ послѣдующихъ переводахъ Карамзина встрѣчаются слова частью новыя, подобныя выписаннымъ, частью прежнія, но съ новыми оттѣнками значенія или въ новомъ примѣненіи, при чемъ онъ иногда ставитъ въ скобкахъ подлинное слово. Примѣры послѣдняго случая были уже приведены выше; можно прибавить къ нимъ еще нѣсколько: *общія положенія* (въ законодательствѣ, dispositions générales), *отношенія* (rapports[6]), *тонкости*, *отвлеченія* и др.

Таковы были неологизмы Карамзина до «Исторія Государства Россійскаго», въ которой онъ, какъ извѣстно, сталъ болѣе и болѣе оживлять свое изложеніе словами, заимствованными изъ лѣтописей. При всей осмотрительности въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ однакоже далъ значительный толчекъ лексическому развитію и обогащенію языка, и Шишковъ въ своемъ *Разсужденіи* съ до-

---

1 *Аглая.* I, стр. 38, 34; II, 65, 86, 90.
2 Тамъ же, стр. 88.
3 См. выше, стр. 95, переводъ изъ Лафатера.
4 *Вѣстн. Евр.* 1803, № 8, «О вѣрномъ способѣ имѣть учителей».
5 Соч. Кар., т. II, стр. 345 (*Моск. Журн.*, ч. VI, стр. 350).
6 *Вѣстн. Евр.* 1802, № 2, стр. 83. № 3, стр. 71.

садою замѣтилъ: «Академическій Словарь нашъ хотя и недавно сочиненъ, однако послѣ того уже такое множество новыхъ словъ надѣлано, что онъ становится обветшалою книгою, не содержащею въ себѣ новаго языка»[1]. Положимъ, что между вновь появившимися словами было большое число неудачно скованныхъ подражателями Карамзина и потому непрочныхъ; однако жалоба Шишкова, какъ и прежде уже произнесенная Подшиваловымъ (см. выше, стр. 84 и 85), показываетъ, какъ сильно было движеніе, возбужденное въ литературѣ примѣромъ Русскаго Путешественника.

Въ началѣ настоящей статьи были приведены отзывы: трехъ свидѣтелей этого движенія о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи. Для дополненія данныхъ къ сужденію по этому предмету припомнимъ показанія двухъ близкихъ къ Карамзину лицъ. Дашко́въ, не называя его, говоритъ однакоже съ явною о немъ мыслію: «Языкъ можетъ образоваться не словами, но твореніями хорошихъ писателей, которые даютъ словамъ *новый вѣсъ* и *значеніе, опредѣляютъ просодію* языка» (то-есть, теченіе рѣчи) «и обогащаютъ оный множествомъ *выраженій* и *оборотовъ*, служащихъ къ изображенію новыхъ понятій, извѣстныхъ однимъ просвѣщеннымъ народамъ»[2]. Еще гораздо важнѣе однородное свидѣтельство Дмитріева. Раздѣливъ исторію нашего книжнаго языка на два періода, онъ считаетъ началомъ второго изъ нихъ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II. Къ ученикамъ Ломоносова относитъ онъ между прочими Елагина и Фонъ-Визина, которые, по словамъ Дмитріева, «захотѣли сами быть начальниками школы. Первый обратился къ *славянчизнѣ*... другой, хотя и съ бо́льшимъ вкусомъ, полагалъ, будто въ высокомъ слогѣ надлежитъ мѣшать русскія слова съ славянскими и для благозвучія наблюдать нѣкоторый размѣръ, называемый у Французовъ *кадансированною прозою*.... Послѣдователи ихъ захотѣли

---

[1] *Разсужд.*, стр. 69.—Всѣ ссылки на эту книгу здѣсь по изданію 1818 г., согласному впрочемъ, за исключеніемъ предисловія, съ изд. 1803.

[2] *Лёгк. способъ*, стр. 60.

перещеголять своихъ учителей и уже начали еще болѣе употреблять славянскія реченія и обороты[1].... «Въ такомъ состояніи», продолжаетъ Дмитріевъ, «находилась наша словесность, когда Карамзинъ...., возвратясь изъ Парижа и Лондона, выступилъ на авторское поприще. *Обдуманная система уже предшествовала его началу:* вникая въ свойство языка и въ тогдашній механизмъ нашего слога, онъ находилъ въ послѣднемъ какую-то пестроту, неопредѣленность и вялость или запутанность, происхождящія отъ раболѣпнаго подражанія синтаксису не только славянскаго, но и другихъ, древнихъ и новыхъ, европейскихъ языковъ, и по *зрѣломъ размышленіи пошелъ своей дорогой* и началъ писать языкомъ, подходящимъ къ *разговорному образованнаго общества* семидесятыхъ годовъ, когда еще родители съ дѣтьми, Русскій съ Русскимъ не стыдились говорить на природномъ своемъ языкѣ[2]; въ составленіи частей періода употреблять возможную сжатость и притомъ воздерживаться отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій: *который* и *которыхъ*[3], а въ добавокъ еще и *коихъ*, наконецъ наблюдать естественный порядокъ въ словорасположеніи... Съ того времени такъ-называемый высокій, полуславянскій слогъ и растянутый, вялый средняго рода, стали мало по малу выходить изъ употребленія»[4]. Присоединимъ къ этому еще признанія молодыхъ писателей начала нынѣшняго вѣка (особенно Макарова и Дашкова), которые, разумно слѣдуя тѣмъ же указаніямъ и содѣйствуя къ утвержденію *новаго слога*, открыто провозглашали Карамзина своимъ учителемъ.

---

[1] Здѣсь Дмитріевъ называетъ нѣсколькихъ переводчиковъ (см. выше, стр. 76).

[2] На этомъ же самомъ основаніи и Подшиваловъ въ своемъ *Курсѣ росс. слога* говоритъ, что свойства русскаго языка «можно болѣе примѣтить изъ *обращенія съ людьми не знающими кромѣ Русскаго никакого другаго языка.* (*Сокращ. курсъ русск. слов.*, стр. 28).

[3] Точно такъ же Подшиваловъ совѣтуетъ «не избѣгать употребленія причастій, которыя болѣе Россійскому языку свойственны, нежели безпрестанное: который, который» (тамъ же, стр. 52, 53).

[4] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 86.

Изслѣдованіе привело насъ къ заключеніямъ, сходнымъ съ показаніями современниковъ Карамзина. Сущность этихъ заключеній можетъ быть представлена въ слѣдующихъ общихъ и краткихъ выводахъ:

Карамзинъ былъ недоволенъ языкомъ, который онъ засталъ въ литературѣ, приступая къ самостоятельной дѣятельности.

Онъ захотѣлъ писать иначе.

Онъ захотѣлъ писать такъ же «пріятно», то-есть сообразно съ здравымъ вкусомъ, изящно, какъ пишутъ лучшіе иностранные авторы.

Для этого онъ принялъ въ руководство не французскій или англійскій синтаксисъ[1], а русскій разговорный языкъ, развивая и обогащая его по возможности изъ собственныхъ его началъ, но въ случаѣ надобности заимствуя изъ другихъ языковъ отдѣльныя слова, иногда же и обороты, не противные духу русскаго языка.

Устранивъ господствовавшее прежде словосочиненіе съ частыми славянизмами, онъ отбросилъ также все шероховатое, грубое, устарѣлое.

Новый, такимъ образомъ, по своему строю, а отчасти и по составу языкъ его былъ новъ также по своей строгой правильности логической и грамматической, по точности и опредѣленности словъ и выраженій, по установленію твердыхъ началъ въ словоуправленіи[2].

Сверхъ того и слогъ Карамзина былъ новъ по своей пластичности, по богатству образовъ и живописи выраженій, въ кото-

---

[1] Уже одинъ изъ критиковъ Шишкова опровергалъ его мнѣніе, будто новые писатели начали *вновь созидать* русскій языкъ на *скудномъ основаніи французскаго*: «Я всегда думалъ», говоритъ этотъ критикъ, «что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и выраженія» и проч. (*Сѣв. Вѣстникъ*, 1804, ч. I, стр. 19).

[2] Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательна, напримѣръ, по внимательности къ требованіямъ языка, фраза Карамзина: «слѣдовалъ ихъ *волѣ* и *за* ихъ *знаменами*» (*Вѣстн. Евр.* 1803, № 5: «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи»).

рыхъ слова являлись въ новой связи, въ новыхъ счастливыхъ сочетаніяхъ.

Такъ возникла въ первый разъ на русскомъ языкѣ проза ровная, чистая, блестящая и музыкальная, въ выразительности и изяществѣ не уступавшая прозѣ самыхъ богатыхъ литературъ Европы.

Эта проза имѣла еще свои недостатки; иногда ей вредила нѣкоторая искуственность, имѣвшая цѣлію удовлетворить особеннымъ, своенравнымъ требованіямъ слуха. И замѣчательно, что такой недостатокъ развился наиболѣе въ послѣдній и самый важный періодъ дѣятельности Карамзина. Высшей степени простоты и естественности проза его достигла въ *Вѣстникѣ Европы* (если исключить «Мароу Посадницу»).

Карамзинъ далъ русскому литературному языку рѣшительное направленіе, въ которомъ онъ еще и нынѣ продолжаетъ развиваться.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ:

КАРАМЗИНЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

I. (Къ стр. 70.)

(Къ стр. 70.)

ОТРЫВКИ ИЗЪ РѢЧЕЙ, ПРОИЗНЕСЕННЫХЪ ПРОФЕССОРАМИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СЪ 1787 ПО 1805 ГОДЪ.

1. Изъ «Слова похвальнаго Екатеринѣ Второй», Зыбелина, произнесеннаго при окончаніи 25-ти-лѣтія ея царствованія, 30-го іюня 1787 года:

«Хочу упомянуть о томъ, что легко бы, хотя и непростительно, упустить было можно. Какъ пріобыкшіе къ истекающимъ всегда отъ солнца благодѣяніямъ, едва или рѣдко оныя воспоминаютъ, хотя и главное вся природа отъ него получаетъ оживленіе: равнымъ образомъ милосердіе Всемилостивѣйшей нашей Монархинѣ толь есть свойственно и толь всѣмъ намъ оное извѣстно и обыкновенно, что во множествѣ щедротъ, безпрестанно изливаемыхъ, какъ въ обыкновеніе вшедшее, древнее и самоперьвѣйшее двадцатипятилѣтняго благополучнаго Ея царствованія благодѣяніе, могло бы изъ памяти вытти; но благодарность многихъ тысящей обязанныхъ, наполняющая безпрестанно всѣхъ слухъ, заставляетъ чувствительное сердце провозвѣстить, или по крайней мѣрѣ повторить, какъ первой знакъ чадолюбивой Матери сіе Ея милосердіе, разумѣю, вѣрно служившимъ благодѣтельное по жизнь содержаніе и награжденіе» (*Рѣчи профессоровъ Москов. унив.*, ч. I, стр. 145).

2. Изъ Слова Страхова «О вліяніи наукъ въ общее и каждаго человѣка благоденствіе», произнесеннаго 30-го іюня 1788 года:

«Торжественное воспоминаніе знаменитыхъ происшествій тѣмъ живѣйшею радостію и усердіемъ наполняетъ сердца празднующихъ, чѣмъ

большихъ благъ оныя учинились причиною. Съ какимъ же чувствіемъ радости, усердія и благодарности ко Всевышнему долженствуютъ всѣ сыны отечества торжествовать благословенный день восшествія на Всероссійскій Престолъ Всеавгустѣйшія нашея Монархини! ибо коликихъ благъ источникомъ для Россіи учинилось сіе важное и во вѣки незабвенное происшествіе! Коль великія и неизреченныя милости всещедрая Десница Творца изліяла на насъ, оправдавъ царствовати надъ нами Великую Екатерину»! (Тамъ же, ч. II, стр. 228).

3. Изъ Слова Брянцева «О связи вещей во вселенной», произнесеннаго 30-го іюня 1790 года:

«Естьли, по мнѣнію общему, Государи, получившіе отъ Бога величество, власть и силу, суть на земли изображеніемъ Божества, благодѣянія свои человѣческому роду священными ихъ дланьми подающаго: то въ такомъ случаѣ всѣ ихъ дѣйствія нераздѣльнымъ соединены союзомъ съ пользою ввѣренныхъ имъ народовъ; и естьли отъ нападенія внѣшнихъ враговъ преоруженіе мужествомъ и силою, для безопасности отъ сограждань огражденіе законами и правосудіемъ, для изгнанія невѣжества распространеніе знаній клонятся къ единой цѣли, т. е. къ благосостоянію общества: то въ дѣлахъ Государей, къ единому концу стремящихся, не ясно ли усматриваемъ взаимную связь? Чего для всеподданнѣйше свидѣтельствуя нашу благодарность Августѣйшей Монархинѣ и мыслями нашими благопримѣняясь къ связи, въ дѣйствіяхъ Ея находящейся, торжествующему нынѣ съ нами собранію намѣренъ я въ посильномъ разсужденіи предложить о *«связи вещей во вселенной»* (Тамъ же, ч. III, стр. 17).

4. Изъ Слова Чеботарева, произнесеннаго въ 1800 году по случаю кончины И. И. Шувалова:

«... И потому, не возносясь дерзновенно выше сферы нашей и не касаясь тѣхъ отличныхъ добротъ, тѣхъ высокихъ министерскихъ, да тако скажу, и государственныхъ свойствъ патріотическаго духа, — которыя даровали Меценату нашему то, чего и самая превратность щастія похитить у него была не въ силахъ; — которыя въ теченіи цѣлаго полувѣка сохранили къ нему благоволеніе четырехъ великихъ нашихъ Государей;— которыя и проч.» ...«но оставляя все сіе, яко нѣчто великое и кругу нашихъ свѣдѣній несоразмѣрное,—ограничу себя, Слушатели, тѣмъ, что мѣсту сему приличнѣе, что намъ и всякому благомыслящему любезнѣе;— ограничу себя, при открытіи печальной сей беседы, простымъ и *краткимъ показаніемъ* тѣхъ только *отличительныхъ добротъ нашего Мецената* и тѣхъ услугъ его къ отечеству, — которыя въ лѣтописяхъ Рускихъ, предавъ

имя *Шувалова* безсмертію, за любовь его къ Наукамъ, за одобреніе и распространеніе ихъ въ отечествѣ нашемъ, память его содѣлаютъ любезною во всѣ грядущіе роды, доколѣ слава Россіи, слава Мудрыхъ, Человѣколюбивыхъ ея Монарховъ, — и слава самихъ Наукъ пребудутъ въ подсолнечной» (Тамъ же, ч. I, стр. 332).

5. Изъ Слова Сохацкаго «На полувѣковой юбилеи Московскаго университета», произнесеннаго 30-го іюня 1805 года:

«Но и гдѣ жъ — скажите! гдѣ есть толико великодушныя, несравненныя, истинно царственныя способствованія народному просвѣщенію, какъ въ высокомъ примѣрѣ зиждущихъ благоденствіе Россіи мудрыхъ оя и благопромыслительныхъ Государей? Благословенны будутъ сердцами Россовъ священныя имена Ихъ навѣки!...

«Радостотворныя мыслы и чувствованія!...

«Здѣсь, погрузясь въ глубокомъ безмолвіи, надлежало бы совсѣмъ остановиться, и исчисляя мысленно спасительныя отъ того послѣдствія, предаться всею душею пріятнымъ и неизъяснимымъ чувствіямъ сердечной благодарности, заключить предъ вами, Почтеннѣйшіе Слушатели, краткое сіе, по приличію торжества нашего изображеніе.

«Но се! — Геній-Покровитель Наукъ, коего именемъ вся Европа и цѣлый свѣтъ гордится, предъ коимъ осчастливленная Россія съ восхищеніемъ благоговѣетъ; — се! Великій въ чистой, небесной добротѣ своей Александръ I, о семъ торжествующемъ университетѣ, въ сей самый вѣчно достопамятный годъ, въ Высочайше дарованной Грамотѣ являетъ отъ Престола свѣту и потомству несказанное Монаршее благоволеніе», и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 92).

II. (Къ стр. 75.)

ЗАМѢЧАНІЯ КАРАМЗИНА О ЯЗЫКѢ, ИЗЪ РАЗБОРОВЪ ЕГО, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЖУРНАЛѢ (1791 И 1792 ГОДОВЪ).

1. Изъ разбора комедіи *Оптимистъ:*

«Что принадлежитъ до перевода піесы, то онъ чистъ и гладокъ. Только немногія выраженія покритиковать можно. Напримѣръ: *Естьли бы я захотѣлъ къ слову прицѣпиться, я бы больно его этимъ убилъ.* Прицѣпкою людей не убиваютъ; а это еще говоритъ оптимистъ, который вообще такъ краснорѣчивъ. — *Кажется, чувствую какъ бы новую сладость жизни,* говоритъ Извѣда; но говорятъ ли такъ молодыя женщины? *Какъ бы* здѣсь очень противно.

«*Я имѣлъ съ собою Руссо.* Это слишкомъ по-французски. *Какъ безстрашно онъ вдавался въ огонь!* Въ огонь можно броситься, а *вдаваться* въ него такъ же нельзя, какъ и въ воду. — *Человѣкъ при самомъ уже рожденіи плачетъ и производитъ вопли.* Производить вопли! — *Оно* (воспоминаніе) *ничего произвесть не можетъ, развѣ учинитъ навсегда меня несчастною.* Здѣсь и галлицизмъ и славянизмъ вмѣстѣ. Любезная Премила, которая это говоритъ, перевела съ Французскаго: il ne fera que; а *развѣ* — въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово здѣсь употреблено — и *учинить*, вмѣсто сдѣлать, нельзя сказать въ разговорѣ, а особливо молодой дѣвицѣ. — *Я буду жить*, говоритъ Злапѣтъ, *посреди милой жены и моей дочери.* Лучше бы было сказать: «я буду жить съ милою моею женою и дочерью», — а то здѣсь сообщается какая-то нехорошая идея. — Я сказалъ все то, что замѣтилъ. Естьли бы переводъ вообще не такъ хорошъ былъ, кто бы захотѣлъ имъ заниматься»?

Тамъ же о содержаніи: «Тутъ также видно что-то не Русское»; далѣе о неестественности названій Злапѣтъ, Буремыслъ, Милоумъ и проч. и о необходимости ввести въ комедію имена и отчества (*Московскій Журналъ*, ч. I, стр. 232—235).

2. Изъ разбора перевода *Краткой исторіи королевской шведской фамиліи:*

«Что касается до перевода, то для иностранца былъ бы онъ довольно хорошъ; а Рускому, казалось бы, нельзя было написать: «У Петерсберга *раззорены* были Баннеромъ 12 полковъ», или: «Крѣпость, которая стоила Императору *столько тысячи* людей» или: На Нѣмецкой колокольнѣ *учреждены были куранты*» (Тамъ же, ч. II, стр. 84).

3. Изъ разбора перевода *Генріады:*

«Здѣсь надобно не только выразить мысли Поэтовы, но и выразить ихъ съ такою же точностію, съ такою же чистотою и пріятностію, какъ въ подлинникѣ; иначе поэма потерястъ почти всю свою цѣну. Но какія препятствія надобно переодолѣть переводчику! Кромѣ нѣкоторой *негибкости* нашего языка, мѣра и риома составляютъ такую трудность, которую едва ли бы и самъ Вольтеръ, переродясь въ Рускаго, преодолѣть могъ... 2-й переводъ сей поэмы (такъ же какъ и 1-й, *вышедшій* за нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ Петербургѣ) ни мало не опровергаетъ моего мнѣнія. Читатель позволитъ мнѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ онаго и сравнить ихъ съ подлинникомъ».

Выписавъ начало подлинника, Карамзинъ приводитъ и первые шесть стиховъ перевода:

Пою Героя, кто, разрушивши коварство,
Оружіемъ досталъ Французско государство;
Кто долго странствуя межъ сопротивныхъ силъ,
Наслѣдіе свое чрезъ храбрость получилъ,
Злыхъ возмутителей Испанцевъ былъ гонитель,
Сталъ подданныхъ своихъ отецъ и покровитель.

Затѣмъ онъ продолжаетъ:

«Число стиховъ то же; но есть ли въ переводѣ гладкость, опредѣленность, пріятность, сила оригинала?—Въ первомъ полустишіи, вмѣсто *кто*; надлежало бы, по Грамматикѣ, употребить возносительное мѣстоименіе *которой*. — Откуда зашло въ первый стихъ *коварство?* Въ оригиналѣ его нѣтъ. Да и можно ли *разрушить коварство?* — Второй стихъ таковъ, что иной не захочетъ уже и читать далѣе. *Достать Французско государство!* Къ тому же здѣсь не выражено того, что Французская корона принадлежала Генрику и по праву наслѣдственности. Подъ *сопротивными силами* не льзя разумѣть ничего инаго, кромѣ непріятельскихъ войскъ; и такъ Генрихъ долго странствовалъ между непріятельскими войсками? Но Вольтеръ и не думалъ сказать сего. *Несчастія*, говоритъ онъ, научили его *царствовать*... Confondit значитъ *постыдилъ*, а не *гналъ*: съ чего же въ пятомъ стихѣ перевода названъ Генрихъ гонителемъ, и притомъ Гишпанцевъ? Сего не узнаешь и тогда, когда всю поэму прочитаешь. Въ шестомъ стихѣ не выражено того, что король *побѣдилъ* своихъ подданныхъ, и *потомъ* сталъ ихъ отцемъ. *Покровитель* есть здѣсь ничто иное, какъ *подставное* слово (или, какъ Нѣмцы говорятъ, Flickwort), не сообщающее никакой новой идеи послѣ *отца*».

Сравнивъ еще нѣсколько мѣстъ въ подлинникѣ и въ переводѣ, Карамзинъ такъ заключаетъ:

«Конечно, во всякой пѣсни сей Руской Генріады можно найти нѣсколько хорошихъ стиховъ; но отъ переводчика такой поэмы, какъ Генріада, требуется, чтобы онъ *все* перевелъ хорошо, или по крайней мѣрѣ *почти* все». (Тамъ же, ч. II, стр. 207—214).

4. Изъ разбора перевода *Неистоваго Роланда*.

.... «Рецензентъ съ своей стороны *желаетъ* того, чтобы слогъ былъ въ нихъ (въ слѣдующихъ частяхъ) еще правильнѣе и чище, нежели въ первой, гдѣ по мѣстамъ встрѣчаются такія выраженія: «Онъ клялся, что *не иной какой* шишакъ будетъ прикрывать его голову, *какъ не тотъ*, которой Роландъ нѣкогда отнялъ» и проч. «Графъ былъ *не меньше* учтивъ и человѣколюбивъ. *сколько* былъ храбръ» и проч. «Въ слѣдствіе чего, дабы» и проч. (Это слишкомъ по-приказному. и очень противно въ устахъ та-

кой женщины, которая, по описанію Аріостову, была прекраснѣе Венеры).—«Она (т. е. Аріостова Комедія) изъ числа самыхъ вольныхъ Аристофановыхъ Комедій...» (Естьли піеса Аріостова, то она не можетъ быть изъ числа Аристофановыхъ піесъ. Надлежало бы сказать: «Она принадлежитъ къ роду *такихъ-то* Комедій» и проч.). Г. переводчикъ, конечно, не осердится на Рецензента за сіе *желаніе*». (Тамъ же, ч. II, стр. 324, 325).

5. Изъ разбора перевода *Опытъ о Швейцаріи:*

«Надлежало бы сказать не *обнаружить*, а *узнать* или *угадать* (склонности)». Похваливъ вообще отрывокъ, къ которому относится это замѣчаніе, Карамзинъ говоритъ: «Но, къ сожалѣнію, не все такъ чисто и лепо. Нельзя на примѣръ похвалить слѣдующихъ мѣстъ: «Сіе увѣреніе *сильно было* другими *отвергнуто. Я много силился* узнать, правда ли сіе. — Всѣ части учености *воздѣлываются* тамъ съ успѣхомъ. (Лучше бы было въ семъ смылѣ сказать по-Руски *обработываются*). — Прогулки и забавы народа смѣшаны съ полезными *обращеніями; изрядство и чистота составляютъ предметъ самыхъ ученыхъ разсужденій* (Рѣчь идетъ о Женевѣ. Я жилъ въ семъ городѣ около шести мѣсяцевъ, а не понимаю, что хочетъ здѣсь сказать Г. Переводчикъ)», и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 221, 222).

6. Изъ разбора перевода *Клариссы* Ричардсона:

«Всего труднѣе переводить романы, въ которыхъ слогъ составляетъ обыкновенно одно изъ главныхъ достоинствъ»...

Выписавъ начало перевода, Карамзинъ приводитъ нѣсколько отдѣльныхъ выраженій. «*Ни мало не сомнѣваешься въ томъ, какое участіе*, и проч., сказано не правильно; *какое* не можетъ отвѣчать *тому*. Надлежало бы сказать: «ты конечно не сомнѣваешься *въ томъ, что* я беру великое участіе. — ... *Безпокойства возставшія въ твоемъ семействѣ*. Безпокойства ни *ложиться*, ни *возставать* не могутъ. — *Колико для тебя чувствительно* и проч. Дѣвушка, имѣющая вкусъ, не можетъ ни сказать, ни написать въ письмѣ *колико*[1]. Впрочемъ Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Руской слогъ «голѣмыми причолковниками» и проч. (см. выше, стр. 76). — *Отличившій себя отмѣнными дарованіями* и проч. *Отличить* и *отмѣнить* все одно. Если Кларисса *отличила* себя дарованіями, то онѣ конечно были уже *отмѣнны*. Къ тому же во Французскомъ

---

[1] Ср. въ *Вѣстникѣ Европы* 1802 г., № 3, стр. 22:

«Понеже, въ силу, поелику,
Творятъ довольно въ свѣтѣ зла».

подлинникѣ (подлинникѣ въ разсужденіи Рускаго перевода) говорится здѣсь не о *дарованіяхъ*, а о *свойствахъ* или *качествахъ* (qualités). — *Учинившейся предметомъ общаго почтенія* и проч. L'objet du soin public есть болѣе предметъ общаго *вниманія*, нежели *почтенія*. Въ простомъ слогѣ лучше сказать *сдѣлаться предметомъ* чего-нибудь, нежели *учиниться*. — *Узнать всѣ о томъ подробности* и проч. Подробности *чего-нибудь*, а не о *чемъ-нибудь*» и т. д. (Тамъ же, ч. IV, стр. 113).

III. (Къ стр. 81.)

КРЫЛОВЪ ПРОТИВЪ КАРАМЗИНА.

С.-Петербургскій Меркурій, по своему расположенію, пріемамъ и претензіямъ, представлялъ какъ будто сколокъ съ *Московскаго Журнала*, который только-что прекратился, когда Крыловъ и Клушинъ въ 1793 году предприняли свое новое изданіе.

Уже въ *предисловіи*, подписанномъ ими обоими и очень напоминающемъ *предувѣдомленіе* Карамзина, видна замашка поперечить ему, особенно въ слѣдующемъ заявленіи: «Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, подражанія и переводы издателей будутъ печататься съ ихъ именами. Какая цѣль скромничать именемъ, ежели цѣль сочиненія не противна благонравію и не нарушаетъ ни чьего спокойствія?» Притомъ издатели, конечно также не безъ намека, предупреждаютъ: «Наши замѣчанія, наши сужденія по сей части» (то-есть, по обѣщанной ими критикѣ *книгъ* и *театра*) «не есть сужденія *деспотическія*»: читатели уже видѣли, что и *Зритель* и *Росс. Магазинъ* обвиняли Карамзина въ безусловности его приговоровъ. Но прежде всего Крыловъ и Клушинъ выражаютъ притязаніе издавать журналъ, *подобный журналамъ иностраннымъ* и не похожій на большую часть русскихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ «или мало, или совсѣмъ ничего нѣтъ свойственнаго журналамъ». Идея этой потребности и первый примѣръ удовлетворенія ея были поданы Карамзинымъ, и вотъ ими пользуются сами противники его. Въ числѣ неблаговолящихъ къ нему самъ Карамзинъ, въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 33), назвалъ Крылова, говоря о *Зритель*; но въ *Меркуріи* будущій баснописецъ и членъ шишковской *Бесѣды* еще гораздо прямѣе и рѣшительнѣе высказался противъ будущаго же исторіографа и идеала Арзамасцевъ. Подписанная именемъ Крылова «Похвальная Рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей», явно содержитъ въ себѣ многія черты, которыя могутъ относиться только къ Карамзину. Главное достоинство Ермала-

фида[1], выставляемое здѣсь на посмѣяніе, состоитъ въ томъ, что онъ не слѣдуетъ никакимъ правиламъ и не подражаетъ красотамъ прежнихъ писателей. Онъ начинаетъ свое поприще трагедіей, въ которой герои «превыше всѣхъ страстей». Естественно, что противники Карамзина должны были въ сочиненіяхъ его находить прежде всего отступленіе отъ правилъ (то есть отъ рутины) и отъ старыхъ образцовъ. Что касается до трагедіи, написанной Ермалафидомъ, то подъ нею разумѣется переведенная Карамзинымъ Лессингова Эмилія Галотти. О драмѣ у Англичанъ и Нѣмцевъ и о драмѣ у Французовъ издатели *Меркурія* имѣли понятія совершенно противоположныя взгляду Карамзина. Въ 1-й же книжкѣ этого журнала напечатано «Разсужденіе объ Англинской трагедіи, изъ сочиненій г. Вольтера» (стр. 66), причемъ Клушинъ въ особомъ примѣчаніи называетъ нѣмецкія драматическія произведенія *безобразными выродками литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ...., которыя суть ни трагедіи, ни комедіи; гдѣ смѣшенъ плачь съ смѣхомъ безъ всякой нужды*; въ числѣ упоминаемыхъ имъ пьесъ этого рода не забыта и *Эмилія Галотти*. Кончаетъ онъ словами: «И есть люди, которые предпочитаютъ Нѣмецкія драмы Французскимъ.... Что думать о сихъ знатокахъ? Или, что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того, что значитъ самая драма; или слѣпое имѣютъ пристрастіе къ Нѣмчизнѣ». О дѣйствіи трагедіи Ермалафида Крыловъ замѣчаетъ между прочимъ: «Зрители не были возмущены ни страхомъ, ни жалостью, ни ненавистью.... и есть ли бы глухому показать столь прекрасное зрѣлище, то бы конечно онъ подумалъ, что Греческіе мудрецы съ театра преподаютъ партеру курсъ Математики». Не надобно забывать, что Карамзинъ въ *Московскомъ Журналѣ* (ч. I, стр. 61) помѣстилъ разборъ *Эмиліи Галотти* и что онъ перевелъ также Шекспирова *Юлія Кесаря*.—Разберемъ еще нѣкоторыя черты Ермалафида. «Великій духъ его не чувствовалъ себя отличнѣе привязаннымъ ни къ какому роду писанія. Онъ хотѣлъ писать все, и сдержалъ свое слово. Удивительная способность, Мм. Гг.! часто, дописавъ до половины свое сочиненіе, онъ еще не зналъ, ода или сатира это будетъ; но всего удивительнѣе, что и то и другое названіе было прилично; а можетъ быть и всѣ его сочиненія со временемъ воздвигнутъ между Академіями войну

---

[1] Это имя произведено отъ семинарскаго слова *ермолафія* (котораго нѣтъ еще въ нашихъ словаряхъ, — вѣроятно, искаженнаго греческаго *ирмологій*); оно означаетъ дребедень, многословную чепуху. См. въ IV томѣ академическаго изданія *Сочиненій* Державина, стр. 558, и объясненіе этого слова въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ. Рѣчь Ермалафиду напечатана во II-й части *С.-Петербургскаго Меркурія* (апрѣль 1793 г.), стр. 26—55.

за споры, къ какому роду ихъ причислить». Здѣсь Карамзинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими стихотворцами *Московскаго Журнала*, осуждается за несоблюденіе наружныхъ формъ различныхъ родовъ поэзіи, что́ въ то время было еще ново. Но этого мало: положивъ не слѣдовать никакимъ правиламъ, Ермалафидъ «вздумалъ свободные часы свои посвятить удовольствію Публики.... и для того то рѣшился онъ во всякое *новолуніе* разгружать на печатномъ станкѣ грузное судно своего воображенія— короче сказать: началъ журналъ.... Озабоченный намѣреніемъ просвѣтить Вселенную.... съ какою удивительною способностію пишетъ онъ прямо на бѣло сужденія, рѣшенія и опредѣленія о самыхъ важныхъ предметахъ!... Критика также получила себѣ новую пищу: одни говорили, что онъ, проповѣдуя добродѣтель, однимъ своимъ слогомъ въ состояніи умножить число отступниковъ отъ добродѣтели; другіе кричали, что ежемѣсячныя его сочиненія, суть ежемѣсячныя вылазки противу безсонницы; но его это не устрашило» и проч. Далѣе: «Пріятно было смотрѣть, Мм. Гг., съ какою непринужденною смѣлостію бранилъ онъ Мольера, Расина и Боало, никогда ихъ не читавъ; и съ какимъ равнодушіемъ смотрѣлъ трагедіи Корнелія». Всѣ эти выходки, несомнѣнно, направлены на *Московскій Журналъ* съ его критикою; послѣднее замѣчаніе относится къ сужденіямъ, высказаннымъ въ разборѣ русскаго подражанія *Сиду* Корнеля [1]. Здѣсь Карамзинъ, показавъ, что подлинная пьеса «имѣетъ пороки, и великіе пороки», выписываетъ отзывъ д'Аламбера о французскихъ трагедіяхъ вообще, кончающійся словами: «Потому-то нынѣ почти никто не бываетъ въ театрѣ, когда играютъ Корнелевы трагедіи и очень не много, когда Расиновы представляютъ», и затѣмъ произноситъ свой собственный приговоръ французскимъ трагикамъ въ сравненіи съ Шекспиромъ. «Письма Русскаго Путешественника», въ которыхъ высказано подобное же мнѣніе объ этомъ предметѣ [2], также задѣты въ похвальной рѣчи Крылова. Именно онъ говоритъ о Ермалафидѣ: «Онъ одинъ только въ состояніи съ такою легкостію кстатѣ о Гомерѣ, напомнить, что дрова дороги;—и, хваля Юнговы нощи, замѣтить, что Нѣмцы обуваются щеголеватѣе Французовъ». Вѣроятно, это намекъ на одно мѣсто «Писемъ» изъ южной Франціи, напечатанныхъ въ послѣдней книжкѣ *Московскаго Журнала* (декабрь 1792): послѣ разныхъ литературныхъ воспоминаній, въ которыхъ приведены имена Петрарки, Оссіана, Гомера и др., въ одномъ письмѣ встрѣчается такая замѣтка: «Но весьма не по-

---

[1] *Моск. Журн.*, ч. III, стр. 84 и сл.

[2] Тамъ же. ч. VIII, стр. 86.

любились мнѣ деревянные башмаки французскихъ поселянъ, и я не понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ»[1]. Противъ Карамзина же направлена слѣдующая выходка похвальной рѣчи: «Я знаю— говоритъ Ермалафидъ—склады на многихъ языкахъ, но Россійскіе склады краснорѣчивѣе всѣхъ складовъ на свѣтѣ». Это относится къ одному мѣсту письма русскаго путешественника къ Боннету. Сбираясь переводить его Contemplation de la Nature, Карамзинъ говоритъ: «Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая справедливость сему послѣднему, котораго богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо пріятнѣе[2].

Конечно, далеко не все въ Ермалафидѣ можетъ быть примѣнено къ Карамзину: иное относится къ другимъ; такъ, напримѣръ, подъ комедіей, написанной Ермалафидомъ послѣ трагедіи, разумѣется, вѣроятно, какое-нибудь современное подражаніе *Мельнику* Аблесимова, или *Сбитенщику* Княжнина: «На сценѣ появляется цѣлый народъ въ лаптяхъ, въ зипунахъ и въ шапкахъ съ заломомъ — въ парадизѣ раздались радостныя восклицанія» и т. д.[3]. Тѣмъ не менѣе, изъ всего вышеприведеннаго, кажется, ясно, что похвальное слово Ермалафиду есть въ особенности замаскированная аттака на Карамзина и на многочисленныхъ приверженцевъ, которыхъ уже доставилъ ему *Московскій Журналъ:* онъ иронически выставляется какъ образецъ «для подражанія молодымъ нашимъ собратіямъ, которые, имѣя великія способности, ожидаютъ только случая кому послѣдовать, и за недостаткомъ рѣзкихъ подлинниковъ принуждены съ великимъ трудомъ отыскивать погрѣшности у Ломоносова и ихъ выкрадывать; или занимать ихъ у Сумарокова».

IV. (Къ стр. 105.)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ БЮФФОНА ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ А. Ѳ. МАЛИНОВСКАГО, ЛЕПЕХИНА И КАРАМЗИНА.

1. Алексѣя Малиновскаго, въ книгѣ *Духъ Бюффона* (1783, стр. 1).

«Я вспоминаю о той исполненной веселія и смущенія минутѣ, въ

---

[1] *Моск. Журн.* ч. VIII, стр. 318.

[2] Тамъ же, ч. VI, стр. 350.

[3] Крыловъ уже прежде, въ разборѣ комедіи *Смѣхъ и Горе* своего товари-

которую въ первой разъ возчувствовалъ отмѣнное мое бытіе: тогда я не могъ себѣ представить, что я, гдѣ былъ и откуда взялся. Я открылъ глаза; коль превосходное чувствованіе! свѣтъ, небесная твердь, зеленѣющая земля, прозрачныя воды, все меня занимало, одушевляло и несказаннымъ образомъ чувства мои увеселяло. Изъ чего я заключилъ, что всѣ сіи предметы находились во мнѣ и составляли часть самаго меня».

2. Ив. Лепехина, въ 1-й части *Естественной Исторіи* Бюффона (1792, стр. 61).

«Исполненъ веселія и смущенія привожу я на память ту минуту, въ которую я первый разъ ощутилъ чудное бытіе мое; я не зналъ, что я такое былъ, гдѣ находился и откуда пришелъ. Открывъ глаза какое приращеніе ощутилъ въ чувствованіяхъ! Свѣтъ, сводъ небесный, зеленѣющая земли поверхность, кристалловидныя воды, всего меня занимали, оживляли, и возбуждали во мнѣ неизреченное чувствованіе удовольствія; въ началѣ мнилъ я, что всѣ сіи предметы во мнѣ находяся составляли существенную моего сложенія часть».

3. Карамзинъ, въ *Пантеонѣ Иностранной Словесности* (1798, кн. II, стр. 58).

«И теперь еще живо помню ту минуту радости и смятенія, какъ въ первый разъ ощутилъ я чудное бытіе свое. Не зная, что я, гдѣ, откуда взялся, открываю глаза: какое неописанное чувство! Свѣтъ, небесный сводъ, зелень травы, кристаллъ воды, все занимаетъ, трогаетъ, веселитъ меня несказанно. Мнѣ кажется, что всѣ предметы во мнѣ и составляютъ часть моего существа»

V. (Къ стр. 105.)

ОБРАЗЧИКИ ЯЗЫКА ИЗЪ ЖУРНАЛОВЪ НАЧАЛА 1790-ХЪ ГОДОВЪ.

1. Изъ московскаго изданія *Сатирическій Вѣстникъ*, «удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей, писанный небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, несвѣ-

---

ща, Клушина, высказался противъ подобныхъ комическихъ оперъ: «Какъ сіи же рукоплесканія не рѣдко расточаются и въ шутовскихъ операхъ, то я мало къ нимъ легковѣренъ». *Спб. Меркурій*, ч. I, стр. 101.

домаго числа, незнаемымъ сочинителемъ». (Издавался въ 1790 и 1791 годахъ Н. И. Страховымъ; въ 1795 онъ напечатанъ вторично въ 9 частяхъ, составившихъ три томика. Объявленіе о 5-й части его см. въ *Моск. Вѣдом.* 1790, № 91). Вотъ отрывокъ изъ 1-й части, стр. 63—65.

....«Желательно, чтобъ тѣ молодые люди, которые имѣли прежде въ г. Неолюбовѣ одобрителя своего, послѣдовали его примѣру, оставя таковыя праздныя упражненія; а тѣ, кои равноподобно ему содержатъ великія стаи собакъ, число оныхъ сдѣлали бы соотвѣтствующимъ цѣли, для которой принято упражненіе сіе, или бы лучше совсѣмъ истребили такую склонность, которая вмѣсто того, что должна была служить пріятною заманкою къ движенію, поспѣшествующему здравію, бодрости и веселію права, по злоупотребленію своему сдѣлалась напротивъ того такою страстію, которая занимаетъ цѣлую жизнь, расточаетъ цѣлыя имѣнія, разоряетъ бѣдныхъ крестьянъ, и доставляетъ въ насъ цѣлымъ уѣздамъ и обществамъ юновъ худой и растлительной примѣръ добрыхъ нравовъ. При томъ колико удивительно и жалко видѣть такихъ людей, которые для доставленія себѣ минутныхъ зрѣлищъ на зайца и бѣгущихъ за нимъ собакъ, въ сихъ упражненіяхъ провели всю жизнь, прожили все имѣніе, разорили всѣхъ крестьянъ, и не иное что оставили въ наслѣдіе бѣднымъ и безпомощнымъ своимъ дѣтямъ, какъ одинъ только хорошо устроенный собачій дворъ, но опущенное жилище; хорошихъ псарей, но разоренныхъ крестьянъ; многія своры собакъ, но и многія тысячи долгу!»

2. Изъ журнала *Дѣло отъ бездѣлья*, «или пріятная забава, рождающая улыбку на челѣ угрюмыхъ, умѣряющая излишнюю радость вертопраховъ и каждому по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повѣстьми, въ стихахъ и прозѣ состоящими, угождающая». (Выходилъ въ Москвѣ въ 1792 году, слѣдовательно, въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Издателемъ *Дѣла отъ бездѣлья* былъ Андрей Рѣшетниковъ, составитель первоначальныхъ учебниковъ русскаго языка и географическаго руководства). Отрывокъ изъ статьи *Человѣкъ* (ч. IV, стр. 59—61):

«Много было нравоучителей, да и нынѣ находятся между человѣками пресмыкающіеся духи, которые человѣческую природу столь страшно унижаютъ, что естьли бы возможно было имъ повѣрить, надлежало бы стыдиться быть человѣкомъ. Иные думаютъ, что божественное смирен-

помудріе требуетъ, дабы о человѣчествѣ имѣть толь низкія понятія; и потому почитаютъ за должность свою презрительнѣйшими и груснѣйшими образованіями учинить человѣческую природу ненавистною. Но человѣкъ себя за ничто почитающій не можетъ и къ другимъ имѣть никакого почтенія, и въ обоихъ сихъ случаяхъ являетъ низость мыслей... Внѣ человѣка находится Виновникъ природы и весь міръ. И такъ естьли мы возхотимъ разсматривать человѣка въ отношеніи его ко всѣмъ веществамъ, внѣ еще существующимъ; тогда долженствуемъ обозрѣть не токмо то, въ какомъ отношеніи находится онъ къ Богу, но и сіе. сколь тѣсно связанъ онъ со всемірнымъ зданіемъ».

3. Изъ изданія Академіи наукъ: *Новыя ежемѣсячныя сочиненія* (Выходило съ 1786 по 1796 годъ подъ главнымъ наблюденіемъ тогдашняго директора Академіи, княгини Дашковой). «При изданіи этого журнала не была выпущена изъ виду одна изъ главныхъ цѣлей періодическихъ изданій Академіи 18-го вѣка— вводить въ область науки и тѣхъ читателей, которые не имѣли случая пріобрѣсть прочное учебное образованіе»[1].

Вотъ какъ выражался въ 1790 году, описывая *аккулу*, знаменитый академикъ Лепехинъ, непремѣнный секретарь Россійской академіи (*Нов. ежемѣс. соч.*, ч. XLVI, май, стр. 43):

«Сколь ни ужасна сія рыба человѣку и морскимъ животнымъ, однако не можетъ защищаться отъ небольшой рыбки *задержкою* называемыя, которая къ ней прилепляется, и преплываетъ съ нею морскія пространства; ибо въ Индійскомъ морѣ рѣдко ловятъ Аккулъ, на коихъ бы не были прицѣпившись сіи рыбки. Другое обстоятельство, заслуживающее вниманіе при Аккулахъ, болѣе удивительно: ибо, а наипаче въ жаркихъ климатахъ, видны всегда впереди въ нѣкоемъ отстояніи плывущіе передъ Аккулою провозвѣстники называемые *костера путеводитель*. Если бы сіе было примѣчено токмо изрѣдка, то можно бы приписать оное случайности: но какъ сіе не токмо простые мореходцы, но и странствовавшіе Природы испытатели согласно утверждаютъ, то не можно не принять сего за истину; хотя въ прочемъ заподлинно утверждать не можно, какая причина побуждаетъ сихъ малыхъ рыбокъ сопутствовать, или предшествовать сему человѣкоядцу: ибо обыкновенное о семъ случаѣ мнѣніе, будто сіи малыя рыбки предшествуютъ Аккулѣ въ томъ намѣреніи, чтобы

[1] *Учен. Записки Академіи Наукъ по I и III Отдѣленіямъ*, ч. I, стр. LXXXIX.

предувѣдомлять ее о приближеніи ея гонителя Кашалота, и будто она изъ благодарности къ нимъ не токмо не дѣлаетъ вреда, но и удѣляетъ имъ отъ своей добычи, тѣмъ болѣе походитъ на вымышленную басню, что зубы у нее устроены не для раздробленія добычи, но для придержанія оныя и поглощенія цѣлкомъ; слѣдодательно она и не можетъ ничего удѣлять малымъ своимъ сопутникамъ».

(VI. Къ стр. 106).

ОБРАЗЧИКИ ЯЗЫКА КАРАМЗИНА ВЪ ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ЕГО АВТОРСТВА.

1. Изъ «Цвѣтка на гробъ моего Агатона» (*Аглая*, ч. I, стр. 14):

«Наконецъ я возвратился — (тотъ же, каковъ поѣхалъ; только съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностію чувствовать красоты физическаго и моральнаго міра) — спѣшилъ обнять повѣреннаго души моей; воображалъ его пріятное удивленіе, его радость.... но сердце мое замерло, когда я увидѣлъ Агатона. Долговременная болѣзнь напечатлѣла знаки изнеможенія на блѣднемъ лицѣ его; въ тусклыхъ взорахъ изображалось тѣлесное и душевное разслабленіе; огонь жизни простылъ въ его сердцѣ, томномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ обрадоваться моему пріѣзду, едва могъ пожать руку мою; едва слабая, невольная улыбка блеснула на лицѣ его, подобно осеннему солнцу, которое въ лучезарномъ сіяніи на минуту является и въ облакахъ исчезаетъ».

«Жаловаться ли намъ на участь бѣднаго, слабаго человѣчества? — Увы! что есть мудрость мудраго, когда паденіе соломенки можетъ разрушить ее; когда болѣзнь тѣлесная затемняетъ свѣтъ его разума, и покрываетъ густымъ мракомъ нечувствительности такую душу, въ которой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась! — Горестная мысль! горестный опытъ!»

2. Изъ статьи «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи» (*Аглая*, ч. I, стр. 63—65)[1]:

«Заблужденія въ наукахъ суть, такъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Они подобны тѣмъ волнистымъ облакамъ, которыя въ часъ утра показываются на востокѣ, и бываютъ предтечами златаго солнца. Изъ темной сѣни невѣжества должно итти къ свѣтозар-

[1] Здѣсь, какъ и во всей этой статьѣ, ссылки на *Аглаю* по 2-му ея изданію, 1796 года.

ной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, придемъ, не смотря на всѣ препоны, и въ ея эфирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство.... Правда, что земледѣліе и скотоводство всего нужнѣе для нашего существованія; но можемъ ли занять оными всѣ часы свои? Что станемъ мы дѣлать въ тѣ мрачные дни, когда вся Природа сѣтуетъ и облекается въ трауръ; когда сѣверные вѣтры обнажаютъ рощи, пушистые снѣга усыпаютъ желѣзную землю, и дыханіе хлада замыкаетъ двери жилищъ нашихъ; когда земледѣлецъ и пастухъ со вздохомъ оставляютъ поля, и заключаются въ своихъ жилищахъ?»

3. Изъ перевода рѣчи Порталиса въ *Вѣстникѣ Европы* (1802, февраль, стр. 70):

«Правда, что для государствъ бываютъ нѣкоторыя рѣшительныя эпохи, въ которыя отъ чрезвычайныхъ случаевъ перемѣняется ихъ свойство, подобно какъ темпераментъ въ человѣкѣ. Тогда нужно и необходимо вводить новое; тогда народъ, подъ вліяніемъ щастливаго Генія, можетъ уничтожить разныя злоупотребленія и воспріять нѣкоторымъ образомъ новую жизнь. Но и тогда сей народъ, естьли онъ уже давно существуетъ и давно занимаетъ мѣсто между первыми націями, долженъ поступать осторожно, и возвышаясь съ пылкостью новаго народа, сохранять всю зрѣлость древняго. Въ дикой землѣ можно всячески дѣйствовать остріемъ косы; но земля обработанная требуетъ вниманія: надобно скосить однѣ вредныя травы».

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ издало въ 1852 году «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря»; получивъ потомъ новые матеріалы того же рода, оно признало полезнымъ сдѣлать и ихъ доступными публикѣ. Трудами покойнаго А. Х. Востокова напечатанъ въ 1858 г. дополнительный томъ Областного Словаря. «Опытъ» встрѣченъ былъ съ полнымъ сочувствіемъ филологами и вообще людьми, понимающими важность подобныхъ предпріятій не только для разработки языка, но и въ этнографическомъ отношеніи. Такъ какъ однакожъ это было у насъ дѣломъ еще совершенно новымъ, то не удивительно, что польза его не тотчасъ была всѣми оцѣнена. Желая содѣйствовать къ правильному обсужденію предмета, я намѣренъ указать на то, что̀ сдѣлано въ этомъ отношеніи у Нѣмцевъ, и примѣнить эти указанія къ оцѣнкѣ важности русскаго Областного Словаря.

Германская литература представляетъ изумительное богатство пособій для изученія областныхъ нарѣчій нѣмецкаго языка. Въ 1854 г. напечатана въ Галле книжечка: «Die Litteratur der Deutschen Mundarten» (Литература нѣмецкихъ нарѣчій)[1]. Это систематическій каталогъ всѣхъ сочиненій, относящихся къ означенному въ заглавіи предмету. Число ихъ простирается тутъ до

[1] Ein bibliographischer Versuch von Paul Trömel. Aus Petzoldt's Anzeiger für Bibliographie und Bibliothekwissenschaft, besonders abgedruckt Halle, 1854. Само собою разумѣется, что съ тѣхъ поръ литература этого предмета еще значительно обогатилась; въ Германіи ежегодно появляются новые словари мѣстныхъ нарѣчій. Изъ числа вышедшихъ послѣ изданія названнаго указателя замѣтимъ: 1) Ostfriesisches Wörterbuch, von C. H. Stürenburg (Aurich, 1857); 2) Wb. der niedersächsischen Mundart der Fürstenth. Göttingen u. Gruben-

446. Сюда входятъ конечно не только словари, грамматики и другіе филологическіе труды, но также сборники народныхъ пѣсенъ и всякія вообще сочиненія на провинціальныхъ діалектахъ. Послѣ исчисленія трудовъ, гдѣ разсматриваются вообще нарѣчія германскія, обзоръ раздѣленъ на 3 большіе отдѣла по тремъ главнымъ отраслямъ нѣмецкаго языка: южной, средней и сѣверной. Потомъ въ каждой отрасли идутъ одно за другимъ мѣстныя нарѣчія, напримѣръ: аллеманское, швабское, нижне-лотарингское, вестфальское и т. д., всего 44 нарѣчія; изъ нихъ нѣкоторыя опять подраздѣляются на болѣе спеціальныя отличія. Наконецъ, въ заключеніи, помѣщены еще нарѣчія нѣмецкаго языка, употребляемыя въ Венгріи, Трансильваніи и въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ. Самые первые опыты, въ которыхъ обнаруживается пробудившееся вниманіе къ различію германскихъ нарѣчій, отмѣчены первыми годами 16-го столѣтія и относятся къ нижне-саксонскому діалекту (plattdeutsch), какъ составляющему противоположность такъ называемаго верхне-нѣмецкаго языка (hochdeutsch). Но только около средины прошлаго вѣка труды подобнаго рода начинаютъ являться чаще, а еще многочисленнѣе становятся они съ 1770-хъ годовъ. Съ наступленіемъ нынѣшняго столѣтія эта отрасль филологической литературы болѣе и болѣе развивается.

---

hagen, von G. Schambach (Hannover, 1858); 3) Wb. der Altmärkisch-plattdeutschen Mundart, von J. F. Danneil (Salzwedel, 1859); 4) Kärutisches Wb., von V. M. Lexer (Leipzig, 1862); 5) Beiträge zu einem Wb. der Siebenbürgisch-sächsischen Mundart, von I. K. Schuller (Prag, 1865); 6) Idiotikon von Kurhessen, von A. F. C. Vilmar (Marb. u. Leipzig, 1868); 7) Wb. der Coblenzer Mundart. (Cobl., 1869); 8) Karl Weinholds Beiträge zu einem schlesischen Wb., и 9) W. v. Gutzeits Wörterschatz der deutschen Sprache Livlands. Появившіеся въ 1866 г. труды этого рода исчислены въ Bibliographische Uebersicht etc. von K. Bartsch (изъ Pfeiffer's Germania, XII, Wien 1867), гдѣ въ отдѣлѣ VI (Deutsche Mundarten) одни словари занимаютъ №№ 69—84. Указаніемъ этихъ пособій обязанъ я А. А. Шифнеру. Между исчисленными выше словарями особеннаго вниманія заслуживаютъ №№ 2 и 6. Послѣдній составленъ по образцу упоминаемаго ниже въ настоящей статьѣ шмеллерова баварскаго словаря. Въ 1881 году явилась въ Лейпцигѣ книга: Die Leipziger Mundart. Grammatik u. Wbuch der Leipziger Volkssprache, von K. Albert. Mit einem Vorwert von Rud. Hildebrand.

Чтобы ознакомить интересующихся вопросомъ о собираніи областныхъ словъ со взглядомъ германскихъ ученыхъ на этотъ предметъ, я отдѣляю изъ ряда подобныхъ книгъ тѣ, которыхъ составители высказали наиболѣе опредѣлительно свои воззрѣнія, и предлагаю здѣсь въ переводѣ нѣкоторыя изъ ихъ замѣчаній. Начнемъ съ нижне-нѣмецкаго (plattdeutsch) словаря, напечатаннаго 1781 г.[1]. Вотъ что между прочимъ сказано въ предисловіи: «Я не хотѣлъ оставлять безъ вниманія выраженій, формъ и пословицъ, употребляемыхъ простонародьемъ и даже самою грубою чернью. Приличіе не должно изгонять ихъ изъ книги такого рода, если мы желаемъ придать ей нѣкоторую полноту. Чей нѣжный слухъ не въ состояніи выносить ихъ въ общежитіи, тотъ воленъ миновать ихъ съ зажмуренными глазами». Слѣдующее за тѣмъ замѣчаніе показываетъ, какъ умно авторъ смотритъ на географическіе предѣлы языка, который долженъ входить въ составъ словарей этого рода. «Я не ограничивался», говоритъ онъ, «особенностями нижне-нѣмецкаго языка, встрѣчающимися исключительно въ избранныхъ мною мѣстностяхъ (Помераніи и Рюгенѣ). Это, кажется, имѣли въ виду всякій разъ, когда областнымъ словарямъ давали заглавіе: idiotica. Но я еще не знаю ни одного труда, который по справедливости могъ бы такъ называться: немногое, что въ нихъ есть вполнѣ особеннаго, бываетъ всегда перемѣшано съ словами, употребляемыми и въ другихъ мѣстностяхъ. Я старался включить въ свой словарь весь нижне-нѣмецкій языкъ, но только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ употребляется у насъ въ Помераніи и на о. Рюгенѣ, не разбирая, что́ въ немъ есть согласнаго или несогласнаго съ языкомъ нашихъ сосѣдей. Наши идіотизмы легко замѣтитъ всякій, кто въ нихъ имѣетъ надобность; а что́ употребительно въ другихъ мѣстахъ, намъ же чуждо, того и искать здѣсь не слѣдуетъ».

Въ 1800 году Шютце сталъ издавать въ Гамбургѣ голштин-

---

[1] J. K. Dähnert. Platt-Deutsches Wb. nach der alten u. neuen Pommerschen u. Rügischen Mundart. Stralsund.

скій «Idiotikon»[1] или, какъ онъ прибавляетъ въ заглавіи, матеріалы для исторіи народныхъ нравовъ. Заглавіе это въ самомъ дѣлѣ оправдывается множествомъ помѣщенныхъ въ словарѣ поговорокъ, пословицъ, народныхъ стиховъ и объясненій обычаевъ, нравовъ, игръ и праздниковъ голштинскихъ. Такой важный трудъ долженъ былъ получить довольно обширный объемъ и составилъ постепенно четыре тома. Авторъ въ своемъ вступленіи самъ говоритъ; что «въ этомъ дѣлѣ никто прежде него не поставлялъ себѣ цѣли такъ серьезно», хотя и увѣренъ, что «послѣ него многіе конечно будутъ ставить ее столь же серьезно и еще лучше».

«Виландъ говоритъ: ‹Духъ націи всего живѣе отражается въ ея языкѣ: эта лучшая ея характеристика. Французскому можно позавидовать въ томъ, что онъ такъ богатъ подслащающими и прикрывающими оборотами, которые приходятъ на помощь страждущему тщеславію и набрасываютъ легкую тѣнь на предметы, для которыхъ полный свѣтъ былъ бы неблагопріятенъ›. Нижненѣмецкій языкъ поступаетъ совершенно наоборотъ. Онъ не прикрываетъ, не подслащаетъ, а обыкновенно называетъ всякую вещь настоящимъ ея именемъ. Должно ли это уменьшать для насъ цѣну его? Чтобы глубже проникнуть въ оригинальный характеръ этого языка (говорю это для тѣхъ, которые меня спрашивали: зачѣмъ я мараю себя обращеніемъ съ такимъ грязнымъ языкомъ), я старался различать и разработывать двоякій голштинскій языкъ. Одинъ называется простонароднымъ, потому что на немъ говоритъ низшее сословіе, стараясь по-своему украшать и обогащать его. Другой употребляется образованнымъ городскимъ обществомъ въ дружескихъ сношеніяхъ, конечно съ приличіемъ, но къ сожалѣнію не съ надлежащею правильностію и чистотою. Чтобы яснѣе показать духъ народа въ языкѣ его, я не хотѣлъ стѣснять правъ ни той, ни другой рѣчи и не могъ уступить убѣжденіямъ тѣхъ, которые умильно просили меня обращаться съ ребенкомъ опрятно и особенно соблюдать строгую

[1] J. F. Schütze. Holsteinsches Idiotikon (1800—1806).

разборчивость при сообщеніи народныхъ поговорокъ, пословій и пѣсенъ, потому-де, что нѣкоторыя изъ нихъ какъ ни остроумны, но могутъ оскорбить чувство читателя. Однакожъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, богатство и грязь въ физическомъ и въ нравственномъ быту человѣка бываютъ въ тѣсной связи между собой, и большая часть простонародныхъ реченій и оборотовъ именно и составляетъ богатство голштинскаго нарѣчія, то я долженъ былъ послѣдовать мнѣнію, которое со мной раздѣляютъ многіе достойные и свѣдущіе сотрудники мои, признавшіе такую осторожность и чопорность неумѣстными. Sit venia linguae! naturalia non sunt turpia! Для чистыхъ все чисто! Этого, надѣюсь, достаточно въ оправданіе богатства и непринужденности языка, который въ этомъ отношеніи конечно совершенно противоположенъ французскому».

Составитель геннебергскаго идіотикона[1] въ предисловіи ко 2-й части этого сборника такъ выражаетъ нѣкоторыя изъ правилъ, принятыхъ имъ въ руководство:

«Я уже въ 1-й части замѣтилъ, что слишкомъ мѣстные идіотизмы подозрительны, хотя бы они были придуманы фамиліями, имѣющими большой вѣсъ, и распространялись ихъ приверженцами. Напротивъ, такіе, которые слышатся во многихъ областяхъ — если притомъ они германскаго происхожденія — носятъ на себѣ отпечатокъ истинной національности и прививаются къ языку. Но если они — мѣстные въ томъ смыслѣ, что указываютъ на какую-нибудь географическую или историческую черту края, то они драгоцѣнны для науки, какъ памятники и свидѣтельства. — Еще я долженъ оправдаться въ томъ, что привелъ нѣкоторыя дѣтскія слова, особенно же такія, которыми кличутъ животныхъ. Пусть они до времени остаются на своемъ мѣстѣ: можетъ-быть, между ними есть первобытныя названія, восходящія далеко за начало нашего лѣтосчисленія, какъ напримѣръ Äte (у Ульфилы Atta)

---

[1] W. F. Hm. Reinwald. Hennebergisches Idiotikon, mit etymol. Anmerkgen. 2 Thle. Berl. u. Stettin. 1793. 1801.

отецъ, husj и wiberle, употребляемыя для скликанія гусей и изъ которыхъ первое—славянское, а другое—нѣмецкое слово. Напротивъ того, я исключилъ съ намѣреніемъ множество ругательныхъ словъ и синонимы выраженій, означающихъ побои».

Въ «Опытѣ швейцарскаго идіотикона[1], перемѣшаннаго этимологическими замѣчаніями» (1812, ч. I, предисловіе), находимъ слѣдующія интересныя для насъ поясненія:

«Пусть швейцарскій идіотиконъ выставляетъ наружу разные грамматическіе грѣхи, разныя варварскія отступленія отъ чистоты языка: тѣмъ не менѣе нѣмецкіе филологи найдутъ здѣсь богатую сокровищницу годныхъ словъ для означенія понятій, не имѣющихъ въ общеупотребительномъ языкѣ соотвѣтственныхъ выраженій: они найдутъ здѣсь чисто-нѣмецкія реченія въ почтенной прадѣдовской одеждѣ, затерянные корни, кроющіеся въ вѣковыхъ родникахъ языка, и особенно обиліе звукоподражательныхъ словъ.

«Подъ швейцарскимъ идіотизмомъ я разумѣю: а) всякое въ народномъ языкѣ еще теперь живущее слово, которое въ языкѣ письменномъ или вовсе не находится, или и есть, но не въ полной силѣ, и б) всякое даже въ общемъ нѣмецкомъ языкѣ принятое слово, какъ скоро оно имѣетъ значеніе, которое въ письменномъ языкѣ либо не было извѣстно, либо затерялось.

«Поэтому мною выпущены: а) всѣ въ мѣстномъ нарѣчіи только искаженныя или испорченныя слова письменной рѣчи, а равно незначительныя отъ нѣмецкаго языка отступленія, напр. Ambeis, Ambeiski вм. Ameise, Birre вм. Birne и т. п.; б) простыя междуметія или и членораздѣльные звуки, выражающіе чувство, такъ какъ они почти одинаковы, и в) сокращенія крестныхъ именъ, употребительныя въ просторѣчіи, напримѣръ Elsi вм. Elisabeth.

«То, что я кое-гдѣ отмѣчалъ о происхожденіи словъ, считалъ

---

[1] Fr. Jos. Stalder. Versuch eines Schweizerischen Idiotikons mit etymol. Bemerkungen untermischt. 2 Bde. Aarau.

я дѣломъ второстепеннымъ, и желаю, чтобы критики такъ же смотрѣли на эти отрывочныя замѣчанія. Никогда бы я не рѣшился предпринять опытъ обще-швейцарскаго идіотикона, если бъ долженъ былъ присоединить къ нему этимологическій глоссарій, или, какъ безсмертный Лейбницъ удачно переводитъ это иностранное выраженіе,—ключъ языка (eine Sprachquelle)».

Употребляемыя въ Баваріи нарѣчія (Mundarten) разсмотрѣны грамматически незабвеннымъ Шмеллеромъ[1], умершимъ въ 1852 году. Вотъ какъ онъ между прочимъ разсуждаетъ:

«Излишне было бы распространяться о важности подобныхъ изслѣдованій и о значеніи народныхъ нарѣчій. Мыслящимъ любителямъ языкознанія я бы ничего новаго не могъ сказать. Тѣхъ же, которые привыкли считать слово и духовную жизнь девяти десятыхъ народа за ничто въ сравненіи съ тѣми же проявленіями въ остальной десятой части его, трудно было бы убѣдить, что свойственный массѣ народа языкъ, переходящій изъ рода въ родъ съ своими измѣненіями, есть фактъ, въ которомъ болѣе нежели въ чемъ-либо другомъ выражается какъ духовная, такъ и физическая жизнь и дѣятельность народа во времени, и что поэтому такіе факты столько же заслуживаютъ быть передаваемы грядущимъ поколѣніямъ для сравненія и поученія, сколько многіе другіе, составляющіе обычный предметъ такъ называемой политической исторіи.

«Для меня народныя нарѣчія передъ письменнымъ языкомъ то же, что богатый рудникъ передъ запасомъ добытаго уже и очищеннаго металла или нетронутый тысячелѣтній лѣсъ передъ такою частью его, которая обращена въ рощу. Если на явленія мѣстныхъ нарѣчій обыкновенно смотрятъ такъ, какъ простолюдинъ Италіи или Греціи смотритъ на окружающіе его повсюду обломки и развалины зданій, т. е. съ жалкою мыслью, какъ бы убрать ихъ или пожалуй употребить съ пользою: то они могутъ

[1] J. And. Schmeller. Die Mundarten Bayerns grammatisch dargestellt etc. München 1821.

разсматриваться и иначе, именно съ тѣмъ чувствомъ благоговѣнія, какое пробуждают остатки сѣдой старины, — разумѣется въ томъ, кто понимаетъ ихъ значеніе. Признаюсь, что нѣчто подобное внушило мнѣ любовь къ этому роду изслѣдованій и терпѣніе, безъ котораго они невозможны».

Тотъ же Шмеллеръ позднѣе (1827 — 1837) издалъ Баварскій словарь[1]. Изъ предисловія къ этой превосходной книгѣ выпишу лишь нѣсколько строкъ, многозначительныхъ для сужденія объ однородномъ трудѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

«Сборниковъ такого рода никогда нельзя считать конченными; для нихъ много уже сдѣлано, когда имъ положено начало, и дѣлается все возможное, когда работа хоть сколько-нибудь продолжается». Передъ этимъ авторъ говоритъ о несовершенствѣ своего труда и въ подкрѣпленіе такого сознанія предлагаетъ всякому, кто пріобрѣтетъ его книгу, прибавить къ ней нѣсколько бѣлыхъ листовъ и записывать на нихъ всѣ слова, которыя окажутся недостающими или неудовлетворительно занесенными въ словарь, для пополненія и исправленія его при новомъ изданіи. Желаніе это выражаетъ онъ особенно относительно тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ находиться для общаго употребленія въ публичныхъ библіотекахъ, присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ.

Швабскій словарь Шмида (1831)[2] снабженъ этимологическими и историческими примѣчаніями. Авторъ, какъ самъ онъ высказываетъ, старался стать въ уровень съ современнымъ состояніемъ филологіи и прибавляетъ, что онъ счелъ бы потеряннымъ время, употребленное на этотъ трудъ, если бъ тутъ не было ни-

[1] Шмеллеръ, котораго высоко цѣнилъ Яковъ Гриммъ, и послѣ того усердно продолжалъ собирать мѣстныя слова, дополнялъ и исправлялъ свой трудъ. Накопившіеся такимъ образомъ рукописные матеріалы доставили г. Фромману, по смерти Шмеллера, возможность предпринять новое, значительно распространенное изданіе его словаря, которое уже и начало появляться въ 1869 году (Bayrisches Wörterbuch).

[2] J. Cp. Schmid. Schwäb Wb. mit etymol. u. histor. Anmerkg. (2-е изд. Stuttg. 1844).

чего кромѣ собранія словъ въ алфавитномъ порядкѣ, хотя и тогда, конечно — замѣчаетъ онъ — словарь не былъ бы безполезенъ. Здѣсь же кстати привести нѣсколько строкъ изъ книжки, хотя и совсѣмъ другого рода, но по содержанію близкой къ занимающему насъ вопросу: «Der Oldenburger in Sprache und Sprüchwort»[1]. Такова особенно первая глава ея: «Языкъ есть народъ», въ которой находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Каждая особенность языка—состоитъ ли она въ необыкновенномъ выговорѣ или ударенiи, открываемъ ли ее у цѣлаго народа или у нѣкоторой части его,—не должна казаться намъ одной случайной, смѣшной привычкой или чѣмъ-либо подобнымъ; не надобно никогда забывать, что всякая такая особенность языка находится въ связи съ своеобразною духовною жизнью цѣлаго народа или части его. Случайная особенность, не соотвѣтствуя потребностямъ духа, не могла бы распространиться, или, еслибъ по какой-нибудь модѣ и сдѣлалась до нѣкоторой степени общею,—все-таки была бы вскорѣ оставлена, какъ неловкая и стѣснительная».

Авторъ нижненѣмецкаго словаря, изданнаго 1858 г. въ Ганноверѣ (см. выше на стр. 133), выставляетъ еще новую научную сторону важности подобныхъ трудовъ. «Въ нихъ», говоритъ онъ, «удовлетворяется не одинъ литературный интересъ.... Какъ ни высоко должно цѣнить мѣстныя нарѣчія для болѣе глубокаго изученія всего языка,—они имѣютъ еще высшее значеніе для разнообразнѣйшихъ областей исторіи, особенно же для возникающей только въ наше время культурной исторіи. Для разысканія древнихъ племенныхъ отношеній кроется въ народныхъ нарѣчіяхъ богатѣйшій источникъ, и будущій бытописатель при помощи ихъ можетъ проникнуть въ такую эпоху, которая восходитъ далеко за предѣлы письменныхъ памятниковъ».

Сравнивая всѣ эти выписки, мы находимъ, что нѣмецкіе мыслители, которыхъ труды передъ нами, совершенно согласны между собою въ главномъ, т. е. въ общемъ воззрѣніи на языкъ

---

[1] Von Dr. J. Goldschmidt. Oldenburg 1847.

народный, на мѣстныя нарѣчія, какъ на драгоцѣнное и существенное, даже необходимое дополненіе къ языку литературному. Только въ подробностяхъ выполненія задачи мнѣнія лексикографовъ нѣсколько расходятся, и именно тутъ можно отличить два главныя направленія: одни вносятъ въ словарь всѣ безъ изъятія слова мѣстнаго нарѣчія, находя, что только въ массѣ всѣхъ разнообразныхъ явленій языка можно видѣть отраженіе народнаго духа; другіе исключаютъ извѣстные разряды словъ, напримѣръ слова ругательныя, или вообще служащія для выраженія слишкомъ низкихъ понятій, междуметія, сокращенныя имена собственныя, звуки, употребляемые для скликанія животныхъ, слова слишкомъ мѣстныя или повидимому недолговѣчныя, также тѣ, которыя въ звукахъ представляютъ только видоизмѣненіе другихъ извѣстныхъ словъ. Сверхъ того одни ограничиваются простымъ объясненіемъ значенія, другіе присоединяютъ къ тому замѣтки о происхожденіи словъ, о мѣстныхъ обычаяхъ, играхъ и пр. Понятно, что такія дополненія могутъ придать словарю много интереса и достоинства; но отсутствіе ихъ не отнимаетъ цѣны у такого труда, въ основаніе котораго положенъ менѣе сложный планъ. А что касается до опущенія разнаго рода словъ, то также ясно, что оно требуетъ большой осторожности, потому что, отбрасывая повидимому только лишнее, легко наложить руку и на такія слова, которыя имѣли бы свою относительную, а иногда и безусловную важность для полноты соображеній изслѣдователя. По этому предмету приведу мнѣніе современнаго скандинавскаго филолога Осена (Aasen), выраженное имъ въ замѣчательномъ словарѣ народнаго норвежскаго языка[1]. Разсуждая объ исключеніи словъ, отличающихся только видоизмѣненіемъ звуковъ, онъ такъ оговаривается:

«Однакожъ часто случается, что слово, которое такимъ образомъ кажется неважнымъ по значенію, бываетъ важно по формѣ,

[1] Ordbog over det Norske Folkesprog, af Ivar Aasen. Kristiania 1850. — Въ 1873 году напечатано 2-е, значительно распространенное изданіе этого словаря.

когда имъ поясняется какой-нибудь переходъ звуковъ въ языкѣ или цѣлое семейство словъ. Поэтому надо быть осмотрительнымъ въ такихъ опущеніяхъ: въ отвергнутомъ словѣ можетъ впослѣдствіи оказаться польза, какой въ немъ сперва не подозрѣвали. Въ началѣ моего труда я былъ очень склоненъ къ исключенію подобныхъ словъ, опасаясь, что ихъ наберется слишкомъ большое множество и что они повредятъ достоинству языка. Но по мѣрѣ того, какъ мнѣ становилось яснымъ, что многія слова этого рода имѣютъ глубокое основаніе въ законахъ языка и находятся въ связи съ истинно-древними формами, я все менѣе и менѣе брезгалъ излишними на первый взглядъ словами; итакъ они у меня включены, но съ возможною краткостью въ объясненіяхъ, отчасти съ одною ссылкою на другое болѣе извѣстное слово того же значенія».

Представленныя мною сужденія иностранныхъ лингвистовъ достаточно показываютъ, какъ должно смотрѣть съ точки зрѣнія европейской науки на предпріятіе 2-го Отдѣленія Академіи наукъ собрать всѣ областныя слова великорусскаго языка; слѣдовательно вопросъ только въ томъ, какъ это предпріятіе выполнено? Опытъ Областного Словаря былъ изданъ до моего поступленія въ Академію; я не принадлежалъ къ ней и тогда, когда уже приготовлялись Дополненія къ Опыту: итакъ могу говорить объ этомъ дѣлѣ совершенно безпристрастно. При обширности съ одной стороны плана, обнимающаго всѣ великорусскія нарѣчія, а съ другой — неизмѣрнаго пространства, въ предѣлахъ котораго они живутъ въ устахъ народа, Отдѣленію предлежалъ трудъ огромный, возможный только при тѣхъ способахъ, какіе предоставлены были Академіи содѣйствіемъ Министерства народнаго просвѣщенія. Изъ напечатаннаго при Словарѣ указанія источниковъ видно, какое множество лицъ, по большей части училищнаго вѣдомства, занималось на мѣстахъ собираніемъ словъ и слѣдовательно приготовленіемъ матеріаловъ для задуманнаго изданія. При всемъ томъ эти матеріалы не могли быть полны, и Отдѣленіе, какъ показываетъ помѣщенное передъ Словаремъ предисловіе, само ясно

сознавало ихъ недостаточность. Но какимъ правиламъ Отдѣленіе слѣдовало въ подробностяхъ труда своего, объ этомъ, къ сожалѣнію, оно не сочло нужнымъ распростаняться. Изъ его предисловія мы узнаемъ только слѣдующее относительно состава Словаря: «Между областными словами языковъ обыкновенно различаютъ три рода реченій: первый родъ составляютъ слова, уклонившіяся отъ нормальнаго употребленія языка, нерѣдко искаженныя до крайности, или иноземныя слова, заимствованныя отъ сосѣднихъ инородцевъ, частію вѣрно сохранившіяся, частію измѣненныя; ко второму роду относятся слова, нѣкогда принадлежавшія къ общему языку народа и вытѣсненныя изъ него другими, а уцѣлѣвшія въ народѣ вмѣстѣ съ завѣтною прародительскою пѣснью, сказкой, пословицею; третьяго рода слова родились вслѣдствіе понятій, образовавшихся отъ предметовъ окружающей человѣка природы и отъ особенныхъ занятій народа. Издаваемый Словарь содержитъ въ себѣ реченія всѣхъ трехъ родовъ. Такое собраніе безъ сомнѣнія драгоцѣнно; въ немъ даже удержаны слова, обезображенныя мѣстнымъ выговоромъ, тѣмъ не менѣе подтверждающія опредѣленные законы звукосочетанія». — Но употреблены ли въ дѣло всѣ безъ изъятія слова, доставленныя въ Отдѣленіе, или оно пользовалось ими съ нѣкоторыми ограниченіями, и вообще, какими соображеніями оно руководствовалось, поступая такъ, а не иначе, все это вопросы, которые въ предисловіи не разрѣшаются. Впрочемъ многое объясняетъ намъ самый текстъ Словаря. Каждое слово обозначается въ немъ троякимъ образомъ, т. е. мы узнаемъ: 1) его удареніе, 2) его значеніе, нерѣдко подкрѣпляемое фразами, 3) губерніи и иногда уѣзды, гдѣ слово подслушано собирателями. Изъ этихъ трехъ указаній наименѣе удовлетворяетъ насъ послѣднее: намъ важно знать не то, гдѣ слово случайно, такъ сказать, уловлено, а далеко ли употребленіе его распространяется. Конечно, на первый случай необходимо и то неполное указаніе мѣстностей, какое намъ даетъ Словарь, но на это указаніе надобно смотрѣть только какъ на матеріалъ для болѣе точныхъ и полныхъ по этому предмету свѣдѣній

впослѣдствіи. Покуда мы можемъ только, по характеру, образованію или происхожденію слова, догадываться о степени обширности его географическихъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи слова, входящія въ составъ Словаря, раздѣляются повидимому на 3 категоріи: 1) слова, принадлежащія дѣйствительно одной только или нѣсколькимъ мѣстностямъ—слова областныя; 2) слова, употребляемыя великорусскими простолюдинами по всему или почти по всему пространству Россіи — слова народныя, и 3) слова, не чуждыя даже и языку образованныхъ сословій Великороссіянъ — слова общеупотребительныя. Словъ этого послѣдняго разряда въ лексиконѣ конечно не много и Отдѣленіе вносило ихъ, въ видѣ исключенія, только въ такомъ случаѣ, когда они опущены въ академическомъ Словарѣ общеупотребительнаго языка, или хотя и находятся въ немъ, но не во всѣхъ своихъ значеніяхъ объяснены. Поступая такъ, Отдѣленіе безъ сомнѣнія побуждалось тѣмъ соображеніемъ, что всѣ его лексическіе труды составляютъ какъ бы одно цѣлое и должны пополнять другъ друга. Этотъ взглядъ оправдывается практическою его пользою при употребленіи лексикографическихъ изданій Академіи. Сказанное мною до сихъ поръ о разсматриваемомъ Словарѣ приводитъ къ заключенію, что заглавіе его не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію, и именно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это въ собственномъ смыслѣ не областной словарь, а словарь народнаго языка или, еще вѣрнѣе,—въ совокупности, народнаго великорусскаго языка и областныхъ его различій. У насъ на всемъ огромномъ пространствѣ, занимаемомъ Великороссіянами, слышится одинъ и тотъ же народный языкъ[1], и отличія его въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ ограничиваются, вообще говоря, либо оттѣнками выговора, либо частностями въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Во-вторыхъ, въ настоящемъ своемъ видѣ это изданіе представляетъ не болѣе какъ *матеріалы* для полнаго словаря такого рода.

[1] Та же мысль высказана Далемъ въ статьѣ, еще неизвѣстной мнѣ въ то время, когда я писалъ эти строки. См. выше, стр. 27 и 28.

Но эти матеріалы такъ драгоцѣнны, что изданіе ихъ всегда будетъ составлять эпоху въ исторіи разработки русскаго языка и одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ дѣятельности 2-го Отдѣленія Академіи наукъ. Такое значеніе Опыта Областного Словаря, какъ перваго начинанія въ дѣлѣ, которое должно имѣть обширное развитіе въ будущемъ, — кажется, налагало на Отдѣленіе обязанность сообщить собранные имъ матеріалы во всей ихъ полнотѣ и цѣлости. Въ виду разнообразнаго примѣненія, какое подобный словарь можетъ имѣть при всякихъ разысканіяхъ надъ языкомъ, еще весьма недостаточно изслѣдованнымъ, не должно было пренебрегать никакимъ словомъ, никакимъ измѣненіемъ звуковъ или ударенія въ словахъ уже извѣстныхъ, ничѣмъ, что̀ можетъ послужить сколько-нибудь полезнымъ указаніемъ наблюдателю, желающему изучить современный намъ языкъ во всѣхъ его явленіяхъ. Повидимому Отдѣленіе такъ и поступило. Если при этомъ въ словарь вошли кое-какія невѣрности или излишества, то съ ними легче примириться, нежели съ невознаградимыми пропусками и недомолвками, которые были бы неизбѣжны при большей заботливости объ очищеніи словаря отъ словъ сомнительныхъ. Слова, которыя впослѣдствіи окажутся невѣрно записанными или излишними, легко могутъ быть исправлены или отброшены: для пріобрѣтенія болѣе дѣятельной помощи въ этомъ отношеніи, а также для постояннаго пополненія словаря, надлежало, кажется, разослать экземпляры его ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ получаемы были матеріалы, — съ просьбою заняться просмотромъ словъ, относящихся къ мѣстности, гдѣ живетъ каждый изъ этихъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ Опытъ Областного Великорусскаго Словаря уже и въ настоящемъ своемъ видѣ представляетъ трудъ чрезвычайно полезный для изученія русскаго языка и народа. Въ краткомъ предисловіи, напечатанномъ при Словарѣ[1], объ этой пользѣ говорится съ замѣчательною сдержанностью и даже какъ

[1] Оно было составлено покойнымъ И. И. Давыдовымъ.

будто безъ полнаго сознанія всей важности труда. Если бъ нужно было точнѣе опредѣлить услуги, обѣщаемыя подобнымъ словаремъ, то можно бы обозначить ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Областныя слова дополняютъ и поясняютъ общеупотребительныя, указывая часто ихъ корень, составъ или первоначальное значеніе. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ:

Въ общеупотребительномъ языкѣ часто слышится прилагательное *безалаберный*, но нѣтъ слова, отъ котораго можно бы произвести его; въ нашемъ Областномъ Словарѣ находимъ существительное *алаборъ*, порядокъ, записанное въ Тверской губерніи.

Въ общеупотребительномъ языкѣ не видимъ, откуда взялось имя *оскомина*; въ народномъ же открываемъ глаголы *скомить*— имѣть боль въ какой-либо части тѣла — и *скомлѣть* — страдать объ болѣзни: лошадь скоми́тъ на заднюю ногу, онъ что-то скоми́тъ лѣвой рукой.

Извѣстный глаголъ *угомонить* объясняется областнымъ словомъ *гомонъ* — громкій говоръ, шумъ въ толпѣ людей, крикъ. Въ томъ же смыслѣ слышится мѣстами *гомь*, или *гомъ*, а это— то же самое, что болѣе употребительное слово *гамъ*, отъ котораго въ народномъ языкѣ произведены еще глаголы: *гамить*, *гамѣть* и *гамять*. Переходъ отъ значенія имени *гомонъ* къ значенію общеупотребительнаго глагола *угомонить* объясняется намъ областнымъ безпредложнымъ *гомонить* въ смыслѣ говорить потихоньку, дружески: что вамъ за дѣло? мы гомонимъ про себя, а не про другихъ.

Первоначальное значеніе глагола *страдать* — работать— является еще очевиднѣе въ областномъ языкѣ, нежели въ извѣстныхъ словахъ: *страда* и *страдная* работа. Въ Арх. губ. говорятъ: сей годъ мы рано *пострадали*, вмѣсто: рано кончили работы. Тамъ же имя *страда́ль* означаетъ работника въ полѣ, и такимъ образомъ вполнѣ выясняетъ намъ старинное употребленіе слова *страдалецъ* въ смыслѣ подвижника.

Мы знаемъ слово *опоекъ* только въ значеніи выдѣланной телячьей кожи, но Областной Словарь знакомитъ насъ съ настоя-

щимъ, коренными значеніемъ этого имени — теленокъ (опивающійся молокомъ). Въ Вятской губерніи, гдѣ оно замѣчено, говорятъ *опойчина* вмѣсто телятина.

Въ сѣверной же Россіи сохранилось древнее значеніе имени *стогъ*, т. е. куча вообще, тогда какъ до сихъ поръ это слово было извѣстно намъ только въ своемъ частномъ примѣненіи къ означенію кучи сѣна. Подтвержденіе того, что имя *стогъ* первоначально означало вообще кучу, представляютъ намъ языки германскіе въ своихъ подобозвучныхъ именахъ stock (нѣм.), stack (шв.) и пр.

Происхожденіе имени *рычагъ* ясно видно изъ областной болѣе чистой его формы *ручагъ* (отъ руки). Есть языки, въ которыхъ понятіе рычага выражается, между прочимъ, сложнымъ существительнымъ, первою частію котораго служитъ именно слово *рука* (ср. англ. handspike).

Въ акад. Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка слово *тло* объяснено такъ: «то же, что *тлѣнъ*; употребляется только въ выраженіи: до тла. Пожаръ истребилъ мой домъ до тла». Это же слово встрѣчаемъ въ Опытѣ Областнаго Словаря съ такимъ объясненіемъ: «Дно въ ульѣ». Дальнѣйшія изслѣдованія, къ которымъ это указаніе приводитъ насъ, при помощи другихъ славянскихъ нарѣчій, убѣждаютъ, что *тло* не имѣетъ ничего общаго съ *тлѣномъ*, а значитъ и въ приведенномъ выраженіи: *дно, земля:* домъ сгорѣлъ до тла, значитъ — до самаго основанія, до поверхности земли[1].

Приведенныхъ примѣровъ уже достаточно, чтобы доказать, какое обильное средство для полнѣйшаго пониманія общеупотребительнаго языка представляютъ слова областныя.

2) Посредствомъ областныхъ словъ объясняются также многія имена собственныя, которыя вслѣдствіе того иногда оказываются нарицательными или во крайней мѣрѣ имѣющими корень

---

[1] Ср. выше стр. 30.

въ языкѣ. Такъ въ именахъ *Ильмень, Ряса, Солооки* открывается опредѣленное значеніе: *ильмень* есть озеро, поросшее камышомъ; *ряса*, названіе многихъ рѣчекъ въ Рязанской губерніи, означаетъ вообще топкое или просто мокрое мѣсто (то же, что Нева, по-фински newo). Слова *солооки* собственно нѣтъ въ Областномъ Словарѣ, но мы находимъ тамъ почти тожественное съ нимъ по своей формѣ и вѣроятно подобозначающее *соловцы*—бѣлые валы на рѣкѣ во время вѣтра. Не называются ли волны на Бѣломъ морѣ въ бурную погоду *соловками* у прибрежныхъ жителей? Любопытно также объясненіе именъ *Кострома, Калуга*.

3) Областныя русскія слова дополняютъ и поясняютъ другія славянскія нарѣчія и вообще доставляютъ важный матеріалъ для сравнительной филологіи. Въ общеупотребительномъ языкѣ нѣтъ многихъ корней, которые отыскиваются въ его нарѣчіяхъ. Такъ для выраженія понятія *кусокъ* употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи слово, котораго корень встрѣчается во всѣхъ сѣверныхъ языкахъ, но которое у насъ въ литературномъ нарѣчіи неизвѣстно. Это слово—*ковáлокъ*, находящееся и въ польскомъ языкѣ (kawał, kawałek); — въ исландск. kafli, въ финск. kappale. Подобныя наблюденія иногда могутъ вести къ интереснымъ результатамъ.

4) Областныя нарѣчія служатъ къ поясненію старинныхъ памятниковъ языка, представляя слова, хранящіяся въ этихъ письменныхъ памятникахъ, но исчезнувшія изъ образованной рѣчи: такимъ образомъ живой народный языкъ подтверждаетъ и какъ бы воскрешаетъ ихъ настоящее значеніе. Въ этомъ отношеніи любопытно, напримѣръ, что слово *навье*, которое недавно еще извѣстно было только изъ остатковъ древняго языка, живетъ и нынѣ въ устахъ народа въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ: «навье — мертвецъ (Орл.); навій — относящійся къ мертвецу (Кур., Тул.)». Сравненіе же съ чеш. nawiti (утомлять) приводитъ насъ къ заключенію, что эти слова въ этимологическомъ сродствѣ съ нашими *ныть, унывать* (слава, слыть). Слова́ *туга* (то-

ска) и *буесть* (отвага), вслѣдствіе появленія Областного Словаря, должны быть также исключены изъ числа обветшалыхъ, и даже прозваніе перваго великаго князя Московскаго — *калита* употребляется до сихъ поръ, какъ нарицательное имя, въ разныхъ губерніяхъ.

5) Въ областныхъ нарѣчіяхъ можно найти иногда указаніе, что то или другое общеизвѣстное слово искажено употребленіемъ и первоначально имѣло другую болѣе правильную форму. Такъ по значенію, въ которомъ мѣстами употребляется слово *сланецъ* (мелкій кустарникъ, стелющійся по землѣ), становится очевиднымъ, что собственно это слово, извѣстное у насъ въ другомъ смыслѣ, должно писаться *стланецъ* (вмѣсто *постлать* такимъ же образомъ слышится *послать*). А по аналогіи можемъ предположить, что слова *слой* и *слюда* того же происхожденія и по-настоящему также должны бы имѣть форму: *стлой*, *стлюда* (слюда состоитъ изъ тончайшихъ пластинокъ или слоевъ).

6) Находимыя въ Областномъ Словарѣ ударенія, то сходныя съ удареніями общеупотребительныхъ словъ, то отличающіяся отъ нихъ, составляютъ весьма существенное пособіе при изслѣдованіи законовъ просодіи русскаго языка.

7) Областныя нарѣчія могутъ служить къ обогащенію общеупотребительнаго языка, представляя часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ недостаетъ соотвѣтствующихъ словъ. Въ примѣръ подобныхъ случаевъ приведу два слова, означающія довольно обыкновенныя естественныя явленія: *подина* — ледъ, находящійся въ землѣ и тающій позднѣе прочаго, — и *временить* или *временитьея* — измѣнять видъ свой вдали, отъ преломленія лучей въ воздухѣ: острова временятъ. Такихъ, не только не излишнихъ, но и необходимыхъ новыхъ реченій для понятій всякаго рода можно отыскать въ Областномъ Словарѣ очень много.

8) Областныя слова, выражая часто черты мѣстной физіономіи края или населенія, представляютъ драгоцѣнныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа.

Наконецъ, чтобъ однимъ словомъ опредѣлить всю важность Опыта Областного Словаря, несмотря на его относительное несовершенство, скажемъ, что безъ помощи его не можетъ уже обойтись ни одно изслѣдованіе въ области русскаго языка, сколько-нибудь полное и основательное.

ПО ПОВОДУ НѢМЕЦКОЙ БРОШЮРЫ ПРОФ. КЛАУСА ГРОТА

О МѢСТНЫХЪ НАРѢЧІЯХЪ.

Über Mundarten und mundartige Dichtung. Von Claus Groth. Berlin 1873.

Авторъ, пріобрѣтшій своими стихотвореніями на нижненѣмецкомъ нарѣчіи громкую извѣстность въ цѣлой Германіи (его «Quickborn» имѣлъ нѣсколько изданій), собралъ всѣ свои прежнія статьи по этому вопросу и является въ нихъ горячимъ защитникомъ областныхъ нарѣчій противъ тѣхъ, которые признаютъ за ними слишкомъ мало значенія въ общемъ движеніи литературы. По мнѣнію автора, общеупотребительный письменный языкъ есть не болѣе какъ равнымъ образомъ нарѣчіе, но только искуственное, въ которомъ многія особенныя и истинныя формы языка искажены неумѣстнымъ усердіемъ и произволомъ преобразователей книжной рѣчи. Къ числу ихъ онъ относитъ особенно Опица и Готшеда, и упрекаетъ самого Якова Гримма въ несовершенно правильномъ пониманіи настоящаго отношенія образовавшагося письменнаго языка къ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Эти нарѣчія, говоритъ авторъ брошюры, вовсе не суть отрасли, постепенно образовавшіяся искаженіемъ изъ одного цѣлаго, а составляютъ скорѣе корни, если смотрѣть на письменный языкъ какъ на стволъ; это естественные притоки, постоянно долженствующіе приносить жизнь и обиліе общеупотребительному языку. Онъ изсякнетъ, если отъ него отрѣзать нарѣчія, доставляющія ему жизненные соки.

Очень любопытны въ разсматриваемой брошюрѣ свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о развитіи въ послѣднее десятилѣтіе литературы германскихъ нарѣчій, не только сѣверныхъ, давно уже разработываемыхъ, но и южныхъ, пробудившихся къ литературной жизни особенно вслѣдствіе появленія, въ началѣ нынѣшняго вѣка, знаменитаго Гебеля. Его стихотворенія на аллеманскомъ нарѣчіи, извѣстныя отчасти и у насъ по переводамъ Жуковскаго, доказали, что мѣстныя формы языка не могутъ мѣшать распространенію въ образованномъ свѣтѣ произведеній замѣчательнаго таланта. Гебель причисленъ къ общегерманскимъ писателямъ, и стихамъ его даютъ мѣсто въ поэтическихъ сборникахъ на ряду со стихами Гёте и Шиллера.

Такимъ образомъ въ Германіи областныя нарѣчія не только подвергаются изслѣдованію въ ученыхъ трудахъ, которыхъ обиліе было показано мною въ предыдущей статьѣ, но разработываются и въ художественной литературѣ. Если отъ Германіи обратимся къ Россіи, то найдемъ, что у насъ дѣло областныхъ нарѣчій находится совершенно въ другомъ положеніи. На обширной русской равнинѣ такое раздробленіе нарѣчій вовсе невозможно, и литературы на нихъ, за исключеніемъ малороссійскаго языка, мы не знаемъ. Но что касается научнаго изученія нашихъ мѣстныхъ говоровъ, то въ этомъ отношеніи желательно было бы видѣть болѣе дѣятельности. Во-первыхъ, и въ самомъ собираніи словъ и въ повѣркѣ собранныхъ остается еще весьма много сдѣлать; во-вторыхъ, столько же важно было бы изучать наши нарѣчія въ фонетическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. То, что у насъ до сихъ поръ сдѣлано по этому предмету, слишкомъ маловажно. Весьма полезно было бы, если бъ между разсѣянными по нашимъ губерніямъ преподавателями русскаго языка пробудилась охота подмѣчать особенности мѣстныхъ говоровъ, собирать, сличать ихъ и доставлять свои наблюденія Отдѣленію.

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНОГО АРХАНГЕЛЬСКАГО НАРѢЧІЯ

въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Александръ Подвысоцкій. Рукопись листоваго формата, 559 стр. кромѣ предисловія [1].

Извѣстно, какой важный элементъ въ изученіи родного языка составляютъ мѣстныя нарѣчія. Отдѣленіе русскаго языка и словесности давно сознавало это, какъ доказываетъ изданный имъ въ 1852 году «Опытъ Областного Великорусскаго Словаря». Впрочемъ значеніе мѣстныхъ нарѣчій понимали у насъ еще гораздо ранѣе: свидѣтельство тому мы видимъ въ Трудахъ московскаго Общества любителей Россійской Словесности, гдѣ еще въ началѣ 1820-хъ годовъ печатались списки словъ, собранныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи. Къ сожалѣнію, въ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія помянутаго словаря, сдѣлано въ этомъ отношеніи очень мало. Единственнымъ трудомъ, существенно обогатившимъ съ тѣхъ поръ нашу лексикографію, является безспорно словарь Даля, хотя и ему однимъ изъ главныхъ источниковъ послужили академическіе словари, и между прочимъ нашъ Областной Словарь. Нападая, иногда очень рѣзко, въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, на лексикографическіе труды Академіи, Даль черпалъ однакожъ изъ нихъ полною рукою; такъ изъ Областного

---

[1] На основаніи этого разбора г. Подвысоцкому въ 1881 году присуждена Ломоносовская премія. Впослѣдствіи словарь этотъ доставленъ въ академію въ переработанномъ видѣ вдовою составителя, умершаго 22-го февраля 1883 г.

нашего Словаря заимствовано имъ не только большинство находящихся у него провинціальныхъ словъ, но и самые примѣры къ нимъ, равно какъ имъ извлечены изъ большого академическаго словаря всѣ выраженія, служащія подтвержденіемъ старинныхъ словъ. Если кромѣ словаря Даля, мы назовемъ еще Бѣлорусскій словарь Носовича и нѣсколько краткихъ, далеко не полныхъ малорусскихъ глоссаріевъ, то этимъ исчерпается почти вся наша лексикографическая литература за послѣднія три десятилѣтія. Касательно *архангельскаго нарѣчія* напечатано у насъ до сихъ поръ лишь нѣсколько небольшихъ списковъ принадлежащихъ ему словъ. Нѣкоторые изъ этихъ списковъ относятся къ годамъ, предшествовавшимъ изданію нашего Областного Словаря. Такъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1847 годъ (часть неофиціальная) съ № 4-го по 41-й помѣщено составленное Павломъ Кузмищевымъ довольно значительное «Собраніе особенныхъ словъ, употребляемыхъ жителями Архангельской губерніи и мореходами на Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ». Въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (книга IV, 1850 г. стр. 121—167) мы находимъ весьма дѣльную статью покойнаго А. И. Шренка[1] со спискомъ 374-хъ словъ, подъ заглавіемъ: «Областныя выраженія русскаго языка въ Архангельской губерніи». Въ новѣйшее же время въ «Трудахъ Арханг. Статистическаго Комитета» (кн. I, 1866, стр. 45—49) напечатано небольшое собраніе провинціализмовъ этой губ. и въ особенности Кемскаго уѣзда, доставленное Р. Колповскимъ. Къ списку словъ приложено нѣкоторое число пословицъ и поговорокъ, загадокъ, прибаутокъ и баскъ или колыбельныхъ пѣсенъ (стр. 50—59), сообщенныхъ А. К. Шешениным. Наконецъ, въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности (томъ VII) въ 1869 г. напечатаны извѣстнымъ нашимъ ученымъ Н. Я. Данилевскимъ дополненія къ академическому областному словарю, въ которыхъ всего многочисленнѣе слова́, записанныя имъ, но

[1] Брата нашего академика Леопольда Ивановича.

просьбѣ Отдѣленія, во время путешествія по Архангельской губерніи[1].

Нынѣ представленъ въ Отдѣленіе рукописный «Словарь областного архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи», составленный управляющимъ Архангельскою конторою Государственнаго банка Александромъ Осиповичемъ Подвысоцкимъ. Здѣсь количество словъ, занимающихъ 450 страницъ въ листъ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ; въ концѣ на 8 страницахъ помѣщено собраніе употребительныхъ въ губерніи загадокъ. Составитель этого труда, уроженецъ Малороссіи, проживш͡ій 10 лѣтъ безвыѣздно въ Архангельской губерніи и такимъ образомъ обладающій преимуществомъ полнаго практическаго знакомства съ двумя главными нарѣчіями русскаго языка, изучилъ этотъ край въ разныхъ направленіяхъ, бывалъ на Мурманскомъ берегу и даже прошелъ Сѣверный океанъ, отъ Норвежской границы до Новой Земли включительно. Во время своихъ переѣздовъ онъ постоянно записывалъ поражавшія его своими особенностями слова́, обороты, поговорки и т. п., и такимъ-то образомъ составился находящійся нынѣ въ рукахъ нашихъ словарь.—Собранныя г. Подвысоцкимъ народныя изреченія, пословицы, загадки и пр. послужили ему примѣрами для подкрѣпленія расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ словъ. Кромѣ того онъ пользовался въ этомъ случаѣ академическимъ Областнымъ Словаремъ и Толковымъ Словаремъ Даля, насколько они представляли подходящихъ къ спеціальной цѣли его матеріаловъ, и вдобавокъ отмѣтилъ соотвѣтственными объясненіями тѣ изъ словъ архангельскаго нарѣчія, которыя въ томъ же видѣ и значеніи встрѣчаются также въ польскомъ языкѣ и малорусскомъ нарѣчіи. Но особенный интересъ его труду придаютъ помѣщенныя при множествѣ словъ бытовыя подробности по разнымъ отраслямъ

[1] Не упоминаю о спискѣ словъ, собранныхъ въ Вологодской губерніи Суровцовымъ и Фортунатовымъ и помѣщенныхъ въ Трудахъ моск. Общества люб. р. слов., такъ какъ между говорами употребительными въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, при многихъ сходныхъ провинціализмахъ, могутъ быть и значительныя различія

народной жизни.—Намѣреваясь представить нѣсколько образчиковъ содержанія словаря въ этомъ отношеніи, займемся напередъ вопросомъ о степени полноты его.

Уже и самое поверхностное сличеніе этого труда съ тѣми списками словъ архангельскаго нарѣчія, которые выше мною исчислены, показываетъ, что они по количеству содержащихся въ нихъ словъ не могутъ даже и итти въ сравненіе съ словаремъ г. Подвысоцкаго. Но затѣмъ можетъ оставаться сомнѣніе, не заключаютъ ли они въ себѣ такихъ словъ или поясненій къ нимъ, которыхъ нѣтъ въ настоящей рукописи. Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, я, при разсмотрѣніи словаря г. Подвысоцкаго, безпрестанно обращался то къ тому, то къ другому изъ помянутыхъ списковъ и, наоборотъ, отыскивалъ въ немъ слова, разсѣянныя въ спискахъ, и убѣдился, что за весьма рѣдкими исключеніями онъ соединяетъ въ себѣ не только все, что разбросано въ этихъ спискахъ, но по большей части при тѣхъ же словахъ, которыя помѣщены и въ нихъ, содержитъ поясненія, болѣе обстоятельныя и болѣе полныя. Приведу тому нѣсколько примѣровъ, при чемъ однакоже я долженъ заранѣе сдѣлать оговорку, что разультатъ сравненія никакъ не можетъ служить въ укоръ предшественникамъ г. Подвысоцкаго, такъ какъ они, при собираніи словъ, и не имѣли въ виду того сравнительно обширнаго плана, какимъ онъ задался, записывая слова большею частію только случайно и, такъ сказать, мимоходомъ.

О словѣ *пахать*, имѣющемъ въ Архангельской губерніи свое особенное значеніе, на которое уже было обращено вниманіе въ нашемъ Областномъ Словарѣ, у одного изъ прежнихъ собирателей (Ш.) сказано только: «*мести*; такъ *подпахать*, *выпахать* вм. *подмести*, *вымести*, напр. *выпаши дворъ*»; у другого (К.): «кромѣ извѣстной земледѣльческой работы, значитъ еще: мести полы, подметать соръ въ комнатѣ. И съ предлогомъ: *вы*, *под*. *Подпахнуть* полъ въ избѣ. Трубу *пахать*— очищать отъ сора дымовую трубу у печки». Г. Подвысоцкій, не довольствуясь этими поясненіями и примѣрами, приводитъ подъ словомъ *пахать* цѣлый рядъ

фразъ, въ которыхъ выражаются любопытныя народныя примѣты и повѣрья: *соръ при паханьи вынести на улицу—вынести богатство изъ дому* (слѣдуетъ сожигать въ печи); *избу паши, сору на улицу не мечи; послѣ отъѣзда кого-либо изъ домашнихъ не пашутъ три дня полу, а выпашешь — уѣхавшій не воротится; пахать полъ, когда обѣдаютъ — къ убытку; кто не сойдетъ съ мѣста когда пашутъ полъ, и его обметутъ вокругъ, — того будутъ обходить люди; не чисто пашетъ дѣвушка полъ, — мужъ будетъ бѣдный и въ долгахъ; отойдетъ дѣвушка, не окончивъ паханье пола, къ другому дѣлу—мужъ будетъ буйный и натерпится она отъ побоевъ».*

Затѣмъ приведено еще употребленіе того же слова въ выраженіи: «пахать смолу» (производить смолокуренный промыселъ). Это послѣднее употребленіе указано впрочемъ уже и нашимъ Областнымъ Словаремъ, а затѣмъ отмѣчено и Далемъ.

Слово: *дворъ* въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ объяснено только слѣдующимъ образомъ: «Мѣсто на морѣ, огороженное сѣтями, когда промышляютъ бѣлугъ». У г. Данилевскаго сказано: «то же, что *разъѣздъ:* широкое отверстіе, образуемое большимъ обручемъ или, лучше сказать, передняя часть мережи»... Г. Подвысоцкій соединяетъ оба эти значенія слова въ слѣдующемъ подробномъ толкованіи: «Дворъ: 1) Огороженное сѣтями пространство въ морѣ для ловли бѣлухъ обмётными неводами (составной изъ многихъ сѣтей ставной неводъ). Освѣдомившись о мѣстѣ, гдѣ появились бѣлухи, промышленники отправляются туда съ порядочнымъ числомъ карбасовъ съ неводами, и окружая осторожно, чтобы не спугнуть звѣря, данную мѣстность, обставляютъ ее со всѣхъ сторонъ неводами какъ бы стѣною. Обходить такимъ образомъ мѣстность карбасами и обставлять ее неводами называется: *сдва́ривать*, а обходъ — *сдва́риваніе*. Когда начинается сдвариваніе, два среднихъ карбаса,—такъ называемые *корневы́е ка́рбасы*, — сблизившись между собою, остаются нѣсколько назади, между тѣмъ какъ остальные карбасы продолжаютъ обходное движеніе, подаваясь справа и слѣва впередъ;

изъ числа ихъ два крайнихъ карбаса, т. е. по одному съ той и съ другой стороны, называются: *ключевые* или *заѣздные карбасы*, и, какъ руководящіе всѣмъ дѣломъ сдвариванія, управляются самыми опытными промышленниками (Кем. Онеж.). 2) Мотня у невода, сажня въ четыре длины, ширины и вышины, для ловли сельдей (Онеж. Кем. Кол.)».

Возьмемъ еще слово *маніха*, которому уже прежними собирателями дано довольно полное опредѣленіе, и посмотримъ, что̀ въ этомъ случаѣ говоритъ отъ себя г. Подвысоцкій. *Маниха*, по объясненію Кузмищева, — «ложный, кратковременный отливъ моря, замѣчаемый на прибрежьяхъ Бѣлаго моря. Около середины прилива вода пріостановится въ своемъ возвышеніи или, какъ говорится, *дрогнетъ* на убыль ненадолго и потомъ опять продолжаетъ приливать до максима».

Г. Данилевскій говоритъ: «явленіе замѣчаемое въ части Бѣлаго моря, прилежащей къ устью Двины: въ половинѣ времени прилива вода останавливается и даже упадаетъ, а потомъ снова продолжаетъ возвышаться». Почти то же самое находимъ въ словарѣ Даля. А. И. Шренкъ для объясненія разсматриваемаго термина пользуется путешествіемъ къ Новой Землѣ нашего маститаго президента, адмирала Литке, и выписываетъ изъ его описанія слѣдующее: «Въ устьяхъ Двины и далѣе отъ оныхъ къ морю... періодическое теченіе показываетъ весьма замѣчательныя явленія. Три часа послѣ начала прилива вода останавливается на одномъ горизонтѣ и потомъ падаетъ на ½ или на 2 дюйма, при чемъ иногда замѣчается въ глуби направленное теченіе. Такое замедленіе прилива продолжается отъ 30 до 45 минутъ и называется *манихою*. Послѣ того приливъ возобновляется, и говорятъ: идетъ *болъшица*, которая въ 2 или въ 2½ часа, или ровно черезъ 6 часовъ по начатіи прилива, приводитъ полный приливъ». Г. Подвысоцкій съ своей стороны такъ опредѣляетъ *маниху*: «случающаяся на побрежьяхъ Бѣлаго моря неправильность прилива, состоящая въ томъ, что вмѣсто постояннаго въ продолженіе шести часовъ возвышенія воды отъ малой до полной, — воз-

вышеніе это продолжается только около $2\frac{1}{2}$ часовъ, послѣ чего, въ продолженіе около часа, вода возвышается чуть замѣтно, или же вовсе не возвышается, а иногда даже понижается вершка на три (это называется: *маниха палая*, — говорятъ въ такомъ случаѣ: *вода дрогнула на убыль*) и затѣмъ снова правильно возвышается до окончанія прилива (это называется: *маниха прибылая*). Въ устьяхъ Сѣверной Двины образуется прибылою манихою, на мелкихъ мѣстахъ опасный для судовъ ложный фарватеръ или такъ называемая *заманиха*». Мы видимъ, что наблюдательность нашего лексикографа дала ему возможность сообщить относительно этого явленія нѣсколько любопытныхъ дополнительныхъ подробностей. Но кромѣ того ему извѣстно еще другое значеніе слова *маниха*, ускользнувшее отъ вниманія остальныхъ собирателей: «Глубокое замкнутое съ трехъ сторонъ отмелями мѣсто въ морѣ, откуда зашедшія по невѣдѣнію суда вынуждены направляться обратно». Что касается упоминаемой графомъ Литке *большицы*, то и это слово не пропущено г. Подвысоцкимъ и записано имъ въ своемъ мѣстѣ съ такимъ поясненіемъ: «дѣйствительная, правильная послѣ *манихи* прибылая вода».

Кромѣ сличенія подлежащаго суду нашему словаря съ имѣющимися списками словъ Архангельской губ., я, для повѣрки полноты и точности его, прибѣгалъ къ появившимся въ разное время описаніямъ этого края и упоминаемыя въ нихъ провинціализмы разыскивалъ въ доставленномъ намъ трудѣ. Такъ, много такихъ словъ найдено мною въ IV части «Путешествій» Лепехина, который напр. *маниху* называетъ «малымъ приливомъ и отливомъ» (стр. 35). У него же встрѣтились мнѣ между прочимъ слѣдующія слова, которыя всѣ нашлись и у г. Подвысоцкаго: 1) *алапера*. По объясненію Лепехина это кожица на тѣлѣ бѣлухъ (25). Г. Подвысоцкій опредѣляетъ это слово съ большею точностью. 2) *Бѣлуха* или *бѣлуга*. Лепехинъ подробно описываетъ ловлю этого морского звѣря (22—25). Г. Подвысоцкій правильно приводитъ научный терминъ его (Delphinopterus leucos), но напрасно отожествляетъ его съ морской коровой, видомъ, который, какъ из-

вѣстно давно уже вымеръ, развѣ можетъ-быть названіе его сохранилось въ неточномъ значеніи у промышленниковъ Сѣвернаго Океана. 3) *Весновальный ка́рбасъ*—гребное, парусное судно для весенняго промысла трески и морского звѣря, къ чему г. Подвысоцкій прибавляетъ: «ко дну его придѣлываются, для удобнѣйшаго вытаскиванія на берегъ или на ледъ, два въ видѣ полозьевъ, въ равномъ разстояніи отъ килевой части, бруса, называемые *крень, кренья*». 4) *Желѣзныя ворота* — морской заливъ, мѣсто котораго опредѣлительно указано г. Подвысоцкимъ. 5) *Залёжка*—стадо моржей и тюленей, отдыхающихъ на прибрежныхъ льдахъ. Къ этому значенію, сходному съ тѣмъ, какое находимъ у Лепехина, г. Подвысоцкій присоединяетъ еще два: а) мѣсто, гдѣ залегаютъ моржи и тюлени; б) засада, гдѣ охотники подстерегаютъ дикихъ оленей или другую дичь. 6) *Клетчина*. Лепехинъ говоритъ (стр. 5): «Поморки довольно искусны въ тканіи узорныхъ скатертей и салфетокъ, что́ все они подъ именемъ *клетчины* продаютъ въ городѣ Архангельскомъ и весною съ своимъ издѣльемъ ходятъ по городу стадами». У г. Подвысоцкаго находимъ такое же объясненіе этого слова. Такимъ же образомъ, согласно съ ученымъ путешественникомъ, хотя совершенно самостоятельно и иногда подробнѣе, объяснены у г. Подвысоцкаго слова: *котляна* (артель промышленниковъ), *корєшки* (корюхи), *кутило* (острога для битья морскаго звѣря), *покрученикъ* (работникъ, нанятый изъ условленнаго пая на промысловое судно), *рявца* (порода рыбы) и мн. др. Нѣсколько разъ употреблено Лепехинымъ слово *юрка*, но для читателя остается не совсѣмъ яснымъ его значеніе: «случается» говоритъ онъ (12), «что на одномъ торосѣ (льдинѣ) столько звѣрей побиваютъ, что одинъ карбасъ всего юрка́ къ берегу притащить не можетъ» или далѣе: «всѣ промышленныя суда съ своими *юрками* выгребаютъ къ берегамъ». У г. Подвысоцкаго читаемъ: «*юрокъ, вьюрокъ, юрка* — связка сырыхъ шкуръ морскихъ звѣрей, нанизанныхъ на веревку или ремень изъ моржовой кожи; въ такомъ видѣ шкуры эти тянутъ по льду до берега или же буксируютъ по водѣ, привязавъ къ прикрѣпляемой у кормовой части

судна *стягъ*». Шренкъ даетъ слову *юрокъ* болѣе обширное значеніе: по его толкованію, это — «извѣстное количество вмѣстѣ собранныхъ однородныхъ предметовъ, напр. юрокъ оленей, юрокъ звѣриныхъ кожъ, юрокъ вицей (прутьевъ)». Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что изъ прежнихъ собирателей словъ Архангельской губерніи покойный Шренкъ даетъ наиболѣе полныя и обстоятельныя объясненія.

·Недостаетъ у г. Подвысоцкаго слѣдующихъ трехъ словъ, приводимыхъ Лепехинымъ: *щапъ*, *смольё* и *пѣкъ* (*Путеш. IV*, стр. 435, 440 и 450). *Щапъ* — это, по словамъ ученаго путешественника, топорная засѣчка, наискось въ дерево углубляемая; *смолье* — расколотыя и расщепленныя при смолокуреніи полѣнья, наконецъ *пѣкъ* есть очевидно нѣсколько измѣненное нѣмецкое Pech и означаетъ такую смолу, которая кипяченіемъ совершенно освобождена отъ всякой влажности.

Рядомъ съ *Путешествіемъ* Лепехина, я, для повѣрки словаря г. Подвысоцкаго, пользовался: 1) Появившимся въ 1828 г. *Четырехкратнымъ путешествіемъ* флота капитанъ-лейтенанта Ѳ. Литке въ Сѣверный Ледовитый океанъ, 2) *Очерками Архангельской губерніи*, сочиненіемъ молодого, весьма даровитаго, но къ сожалѣнію рано умершаго литератора Верещагина, изданнымъ въ 1849 году, и 3) книгою г. Максимова: *Годъ на Сѣверѣ*. И результатъ моихъ сличеній былъ тотъ же. Примѣръ изъ Путешествія графа Литке былъ уже приведенъ выше. Укажу здѣсь на 2-3 слова, встрѣчающіяся въ остальныхъ двухъ сочиненіяхъ. Верещагинъ, исчисляя разныя роды судовъ, употребительныхъ на Поморьѣ, упоминаетъ, послѣ извѣстныхъ шнякъ, *раньшины*, легкія палубныя суда съ двумя мачтами. «Имя свое, прибавляетъ онъ, получили онѣ отъ того, что на нихъ раньше всѣхъ прочихъ судовъ промышленники привозятъ рыбу для продажи». Г. Подвысоцкій даетъ этому слову формы: *раньшина* и *раньщина* съ такимъ болѣе обстоятельнымъ объясненіемъ: «Небольшое въ родѣ шняки мореходное судно съ возвышенными бортами, иногда съ навѣсомъ посрединѣ и съ двумя мачтами. Называется такъ

оттого, что ходитъ на промыслъ раннею весною и ранѣе другихъ судовъ возвращается съ промысла. На нихъ же привозятъ въ Архангельскъ первую весенняго улова свѣжепросольную треску. Рабочій на раньшинѣ называется *раньшикъ, раньщикъ*».

Г. Максимовъ (стр. 405 и 406) въ разсказѣ о дружелюбныхъ сношеніяхъ Лопарей съ Русскими, говоритъ между прочимъ: «патріархально гостепріимный въ своей вѣрѣ Лопарь любитъ заводить (съ Русскими) тѣсную дружбу, родъ братства, однимъ словомъ, любитъ блюсти вѣковой обычай *«крестованья»* и предлагаетъ знакомцу-помору *«покрестоваться»*, то есть обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями». Этотъ обычай упомянутъ и г. Подвысоцкимъ при словѣ *крестованье*. Отъ него мы узнаемъ сверхъ того, что *крестовымъ братомъ* или *крестовушкой* называется также мужчина, имѣющій однихъ и тѣхъ же съ кѣмъ-либо воспріемниковъ. Часть этихъ поясненій находимъ уже и въ нашемъ Областномъ Словарѣ. Даль прибавляетъ: «Если у заболѣвшаго на ходу бурлака есть на судѣ крестовый братъ, то этотъ покидаетъ судно, лишаясь заработковъ поколѣ не пристроитъ брата», при чемъ однакожъ не объяснено, къ какой мѣстности относится это замѣчаніе: можетъ-быть тотъ же обычай встрѣчается не въ одной Архангельской губерніи.

Изъ сдѣланныхъ сличеній мы убѣждаемся, что словарь г. Подвысоцкаго относительно полонъ и въ такъ называемой номенклатурѣ, и въ сообщаемыхъ имъ объясненіяхъ словъ. Употребляю выраженіе *относительно*, потому, во 1-хъ, что совершенной полноты трудно и едва ли возможно достигнуть въ такомъ дѣлѣ даже соединенными силами многихъ, а тѣмъ болѣе трудомъ одного лица, а во 2-хъ, что дѣйствительно, уже и въ находящихся передъ нами спискахъ словъ Архангельской губерніи есть нѣсколько такихъ реченій, которыя не вошли въ разбираемый словарь, напр. въ немъ пропущено слово *теленокъ*, означающее оленя на 1-мъ году. Это оказывается изъ слѣдующаго замѣчанія Верещагина (65): «олени отъ своего рожденія до 5-ти лѣтъ имѣютъ особенныя названія; именно: на 1-мъ году олень

называется *теленкомъ*, на 2-мъ самецъ — *уракомъ*, самка — *вóнделкою;* на 3-мъ самецъ — *убарсомъ*, самка — *вонделважен-кою;* на 4-мъ самецъ — *кундусомъ*, самка — *важенкою*, и это имя остается ей на всегда; самецъ же съ 5-го года носитъ названіе *быка*». Всѣ эти термины, кромѣ перваго и пятаго, показаны въ томъ же значеніи и г. Подвысоцкимъ. Мы узнаемъ у него вдобавокъ, что *важенкою* собственно называется телившаяся уже самка, и что для означенія трехлѣтней вполнѣ развившейся самки употребляется еще слово *я́рица*. Названія же *вонделваженка* въ словарѣ нѣтъ. За то г. Подвысоцкій прибавляетъ слова: *лóпанка* (такъ называется олень моложе годового возраста) и *хора* — трехлѣтній взрослый самецъ [1].

Пропускъ нѣкотораго количества словъ въ трудѣ г. Подвысоцкаго произошелъ, очевидно, отъ того, что онъ работалъ совершенно одинъ и не имѣлъ въ рукахъ трудовъ своихъ предшественниковъ по собиранію провинціализмовъ Архангельской губерніи. Но этого недостатка нельзя считать особенно важнымъ, такъ какъ при печатаніи словарь легко можетъ быть дополненъ составителемъ по тѣмъ пособіямъ, которыя указаны въ нашемъ разборѣ. За то, съ другой стороны, въ совершенной самостоятельности труда г. Подвысоцкаго нельзя не признать своего рода достоинства: почти весь содержащійся здѣсь богатый матеріалъ собранъ изъ перваго источника, изъ устъ живыхъ людей, и такимъ образомъ можетъ служить незамѣнимымъ матеріаломъ для повѣрки собранныхъ другими, ранѣе г. Подвысоцкаго, словъ и выраженій изъ народнаго быта въ той же губерніи.

Перейдемъ теперь къ той сторонѣ словаря г. Подвысоцкаго, которая заключается въ приведенныхъ имъ подъ множествомъ словъ примѣрахъ и придаетъ его словарю особенную цѣну, дѣлая

---

[1] Обиліемъ названій оленя въ разныхъ возрастахъ особенно отличается списокъ Шренка (стр. 148 и 149). У него также приведено слово *теленокъ;* вм. *убарсъ* пишетъ онъ *уварсъ;* вм. *кундусъ* — *контусъ*. Изъ названій этого разряда, отмѣченныхъ Шренкомъ, у г. Подвысоцкаго недостаетъ только *шаламатъ* — олень на 4-мъ году возраста.

его важнымъ пособіемъ для ближайшаго изученія природы, обычаевъ, нравовъ и повѣрій населенія сѣверной части Европейской Россіи. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, почерпаемыя изъ словаря г. Подвысоцкаго, могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: 1) Естествовѣдѣніе, 2) Бытъ: обычаи, игры, въ особенности свадебные обряды; 3) примѣты, заклинанія, повѣрья; 4) мореплаваніе; 5) охота и рыболовство; 6) земледѣліе. По части быта особенно много свѣдѣній представляютъ слова, касающіяся женитьбы, такъ что по нимъ легко составить довольно полное описаніе относящихся сюда обычаевъ. Остановимся нѣсколько на этомъ предметѣ и выпишемъ для примѣра цѣлый рядъ словъ съ помѣщенными подъ ними объясненіями, чтобы показать, какой богатый матеріалъ для мѣстной этнологіи можно извлечь изъ разсматриваемаго словаря. Подъ выраженіемъ *барина женить* мы узнаемъ, что такъ называется употребительная на вечеринкахъ игра съ хоровыми пѣснями, въ которой одинъ изъ парней, при содѣйствіи другихъ участвующихъ, продѣлываетъ всѣ отъ начала сватовства свадебные пріемы. Подъ словомъ *заручение* находимъ слѣдующія подробности: «обрядъ благословенія жениха и невѣсты родителями этой послѣдней при формальномъ изъявленіи согласія на ея замужество; также устраиваемое по этому поводу домашнее празднество. Обыкновенно, когда сватъ является сватать невѣсту и проситъ дать ему приказъ или отказъ, родители невѣсты не даютъ рѣшительнаго отвѣта, а просятъ отсрочки, чтобы поспѣшнымъ отвѣтомъ *не подвести себя подъ сомнѣніе* или не оскорбить жениха, если имѣется въ виду отказъ. Если по собраннымъ свѣдѣніямъ женихъ оказывается подходящимъ, то родители невѣсты извѣщаютъ его о днѣ, въ который онъ можетъ *узнать приказъ*, приглашая въ то же время къ себѣ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, и когда приходитъ женихъ, то, вмѣстѣ съ объявленіемъ согласія, предъявляютъ ему невѣсту (*позволяютъ смотрѣть ее*), при чемъ конечно происходитъ и посильное угощеніе. Этотъ-то домашній обрядъ, празднество, и называется: *заручéнье*. также: *рукобитье*, *пропой* (говорятъ:

пропиваютъ невѣсту). *смотрины*, *маленькое смотрѣніе*, *смотрѣньице*; просватать же невѣсту называется: *пропи́ть*, *просанда́лить дѣвку*. Обыкновенно женихъ является на смотрины въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, предварительно собирающихся въ его домѣ (у Кореловъ въ Кем. у. ихъ сзываютъ ружейными выстрѣлами). Смотрѣніе же невѣсты начинается съ того, что невѣсту, прячущуюся обыкновенно въ такъ называемомъ *бабьемъ углѣ*, выводятъ какъ бы насильно къ жениху, при чемъ дѣлаютъ они другъ другу подарки».

«*Заплачка:*—старинный предсвадебный обрядъ, состоящій въ томъ, что невѣста, въ промежутокъ времени между сговоромъ и свадьбой, оплакиваетъ свою судьбу и прощается съ родителями, родственниками и дѣвушками-подругами. Это необходимый обрядъ приличія, и каждая порядочная дѣвушка, хотя бы выходила замужъ вполнѣ добровольно и по горячей любви, непремѣнно должна плакать и даже *биться по модѣ*, такъ чтобы руки и ноги опухли и посинѣли (говорится также: *убиваться*). Это-то дѣйствіе и называется: *заплачка*, также: *плакище*, *голоше́ніе* (говорятъ: *сегодня у невѣсты плакище, голошеніе*), такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ невѣста, обращаясь къ отцу, *припла́киваетъ*, *бѣднится: отдалъ ты меня, батюшка, да принсволилъ*,—а отецъ отвѣчаетъ на это: *некуда тебя пасти, дитятко, съ Богомъ, живи хорошенько*».

«*Па́ра:* старинняго покроя крытая штофомъ шубейка (называемая полушубокъ) съ юбкою къ нему. Одежда эта, вмѣстѣ съ повязкою, надѣвается невѣстою во время *заплачки* и передается выходящею замужъ слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ; послѣдняя же выходящая замужъ сестра оставляетъ себѣ ее въ собственность, въ видѣ приданаго. Какъ обычная одежда, *пара* уже вышла изъ употребленія, и дѣвушки надѣваютъ ее иногда только на гуляньяхъ. *Такъ-то ужъ баско, очень басисто какъ наша краля материнску пару надѣла*». Обрядъ, соблюдаемый передъ свадьбой, описанъ подъ словомъ *Гомылька:*—«большой платокъ, даримый женихомъ невѣстѣ передъ отъѣздомъ къ вѣнку.

Когда передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, родители благословляютъ невѣсту, женихъ набрасываетъ на нее *гомыльку*, такъ, чтобы лицо было закрыто и въ это время свадебницы поютъ: *пала гомылька на буйную голову, ее вѣтромъ не сдуетъ и частымъ дождемъ не смочитъ*. При входѣ въ церковь сватья снимаетъ гомыльку, а послѣ *окрутки* снова накрываетъ ею невѣсту, которая не открывается и по пріѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха,—даже и на свадебномъ обѣдѣ, пока не поставятъ на столъ сладкій пирогъ. Тогда свекровь благословляетъ молодыхъ хлѣбомъ, обращается къ гостямъ съ словами: *свадебники и свадебницы, сусѣди и сусѣдушки, смотрите на мою невѣстушку, какова*, и затѣмъ снимаетъ съ молодой гомыльку. Что слѣдуетъ далѣе, объяснено подъ словомъ *Приводно*: «обрядъ вступленія новобрачной въ домъ мужа послѣ вѣнчанія. Новобрачныхъ встрѣчаютъ родители молодого съ иконою и благословляютъ; потомъ молодой садится, а молодая, у которой лицо закрыто платкомъ, стоитъ передъ нимъ нѣкоторое время, кланяется ему и наконецъ садится рядомъ съ нимъ. Послѣ этого начинается обѣденный столъ (называется приводной столъ), въ продолженіе котораго голова молодой прикрыта платкомъ, а по окончаніи обѣда *вѣжливый*, помахавъ надъ головами новобрачныхъ хлыстомъ, снимаетъ имъ платокъ съ молодой и спрашиваетъ у присутствующихъ: *какова молодая?* на что всѣ отвѣчаютъ одобрительно».

«*Сторожъ* — одно изъ важныхъ должностныхъ лицъ при свадьбѣ, то же что въ другихъ мѣстностяхъ *вѣжливый*. Состоя главнымъ образомъ при женихѣ, онъ распоряжается брачнымъ обиходомъ и поѣздомъ въ видахъ предохраненія жениха и невѣсты отъ порчи: устраиваетъ столъ для брачнаго пира, и при этомъ непремѣнно самъ разстилаетъ скатерть; разсаживаетъ участниковъ пира на надлежащихъ мѣстахъ; рѣжетъ хлѣбъ, благословясь предварительно у хозяина и хозяйки; читаетъ молитву передъ столомъ; распоряжается подачей кушаньевъ, наконецъ отводитъ новобрачныхъ на подклѣть къ брачному ложу, при чемъ даетъ имъ напиться вина, пошептавъ предварительно

извѣстныя слова, долженствующія внушить молодымъ страстную на всю жизнь взаимную любовь».

«*Подклѣтъ*—одинъ изъ свадебныхъ обрядовъ, именно встрѣча возвращающихся отъ вѣнца новобрачныхъ родителями жениха съ хлѣбомъ и солью, подъ которыми должны они пройти въ домъ молодого, — а затѣмъ, когда молодые станутъ на своихъ мѣстахъ у свадебнаго стола, отецъ молодого беретъ два калача, обводитъ ими вокругъ головъ новобрачныхъ и открываетъ закрытую до того времени гомылькою новобрачную».

«*Почёстный столъ, почёстье:* 1) обѣденный столъ у жениха послѣ заручинья, 2) обѣденный столъ у новобрачныхъ на другой день послѣ свадьбы, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ у родителей молодой для родственниковъ молодого».

«*Хлѣбины, Красный столъ*—обѣденный, дня черезъ два или три послѣ свадьбы, столъ у отца невѣсты для новобрачныхъ; послѣ этого стола, молодая получаетъ окончательно приданое отъ своихъ родителей».

Теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ объясненій, относящихся къ другимъ сторонамъ народнаго быта.

«*Бородá завúть* — окончить полевыя работы по уборкѣ сѣна или хлѣба. *Сѣнная борода завить*—сгрести и поставить въ стоги сѣно. *Хлѣбная борода завить* — сжать и убрать съ поля хлѣбъ. Обыкновенно, во второй половинѣ или въ концѣ августа, для уборки остающагося еще на поляхъ хлѣба, зажиточнѣйшіе крестьяне заколачиваютъ дѣвушекъ, жонокъ и парней на *бороду*, т. е. просятъ дожать общими силами въ одинъ день остающійся на полѣ хлѣбъ или убрать на пожнѣ сѣно. Такая уборка называется: *борода*, а звать на помочь для уборки—*звать на бороду*. Говорятъ напримѣръ: *у дѣдушки Пантелѣя сегодня борода*, или *бороду завили*, т. е. окончили жатву или уборку сѣна. При окончательномъ дожинѣ хлѣба, оставляютъ на нивѣ кучку стеблей съ колосьями, горсти въ три объемомъ, связываютъ всѣ стебли лентой и срѣзываютъ колосья, а оставшуюся солому разгибаютъ сверху въ стороны и кладутъ туда горсть земли, послѣ чего дѣ-

лается собственно завитіе бороды: дѣвушки, распѣвая веселыя пѣсни, собираютъ на межѣ около поля цвѣты, убираютъ ими оставленную кучку соломы и землю вокругъ нея, и затѣмъ, вмѣстѣ со всѣми участвовавшими въ помочи, идутъ въ домъ хозяина и поздравляютъ его съ окончаніемъ работы, а тотъ предлагаетъ имъ угощеніе, въ заключеніе котораго водятъ хороводы, поютъ пѣсни и играютъ въ разныя игры».

Подъ словомъ *Бѣжня* узнаемъ, что на Сѣверѣ до сихъ поръ употребительна въ народѣ игра, похожая на метаніе дисковъ у древнихъ: «каждый участвующій бросаетъ покатомъ по землѣ деревянный кружокъ, называемый *бѣжня*, и догоняетъ его: кто дальше закатитъ и прежде всѣхъ догонитъ, тотъ выигрываетъ». *Молить вѣтеръ*—суевѣрный обрядъ, соблюдаемый женщинами прибрежныхъ селеній Кемскаго уѣзда по случаю ожидаемаго осенью возвращенія ихъ мужей и родственниковъ съ мурманскихъ промысловъ: вечеромъ выходятъ онѣ всѣмъ селеніемъ *молить вѣтеръ, чтобы* не *сервалъ и давалъ льготу дорогимъ лѣтникамъ;* на слѣдующую же ночь отправляются къ берегу рѣчки или ручья, моютъ котлы, бьютъ полѣномъ флюгеръ (чтобы тянулъ повѣтерье), и при этомъ стараются насчитать трижды девять плѣшивыхъ односельчанъ или иныхъ знакомыхъ, отмѣчая числа ихъ углемъ на лучинахъ съ крестообразною вверху поперечкою; затѣмъ всѣ отправляются съ этими лучинами на задворки, выкрикиваютъ тамъ во все горло: *встокъ да обѣдникъ пора потянуть, западъ да шалоникъ пора покидать, тридевять плѣшей, всѣ сосчитанныя, пересчитанныя, встокова плѣшь напередъ пошла,* — бросаютъ лучинки назадъ себя черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и припѣваютъ: *встоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку, а западу шалонику спину оголю, у встока да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла.* По окончаніи этого припѣва осматриваютъ брошенныя лучины, такъ какъ въ которую сторону легли онѣ крестомъ, съ той стороны будетъ вѣтеръ; если же по которой-нибудь лучинѣ окажется вѣтеръ неблагопріятный, то, посадивъ на щепку тара-

кана, пускаютъ ее на воду, приговаривая: *поди таракань въ воду, подними таракань сѣвера́*, т. е. сѣверные вѣтры, самые благопріятные для возвращающихся съ Мурманскаго берега».

«*Уличный уставъ.* Въ Архангельской губерніи почти каждый крестьянинъ, независимо отъ фамиліи, подъ которой записанъ въ ревизскихъ сказкахъ, имѣетъ еще такъ называемый уличный уставъ, т. е. прозвище по-уличному, даваемое нерѣдко еще въ ребячествѣ своими собратами, иногда въ насмѣшку, а иногда по какой-нибудь внѣшней особенности. Такія же вторыя, только между крестьянами употребительныя названія имѣютъ, помимо офиціальныхъ, и весьма многія населенныя мѣстности».

Наконецъ остановимся на замѣчательномъ словѣ *выть*, которое обратило на себя вниманіе уже со времени изданія академическаго Областного Словаря, потомъ полнѣе объяснено Далемъ, а теперь въ трудѣ г. Подвысоцкаго является еще въ болѣе точномъ толкованіи и обширнѣйшемъ примѣненіи.

«*Выть.* 1) Старинная земельная мѣра (Обжа).—2) Ѣда, количество употребляемой за разъ ѣды (франц. repas). *Давать одну выть въ день* — кормить по разу въ день. *Заѣлъ три выти* — съѣлъ втрое. *Ѣшь, не ѣшь, а за выть сочтутъ*, т. е. будутъ считать, что ѣлъ. *По три выти за разъ охлестывать. Позолотить выть*—полакомиться чѣмъ-либо послѣ ѣды. *Маловытное содержаніе.* — харчи, недостаточная скудная пища.— 3) Пора ѣды и, въ связи съ этимъ, такъ какъ потребленіе пищи происходитъ въ различные часы дня, извѣстное пространство времени; говорятъ напримѣръ: *въ три выти дрова свозилъ*, т. е. въ періодъ времени, въ продолженіе котораго обыкновенно три раза ѣдятъ; *по зимамъ выти коротки*, т. е. короткіе дни. Крестьяне, смотря по большей или меньшей продолжительности рабочаго дня, ѣдятъ 3—4 раза въ день, или, по туземному выраженію, у нихъ 3—4 выти въ день: 1-я выть — завтракъ, между 4 и 6 часами утра, смотря по досугу и работѣ; 2-я выть — обѣдъ; 3-я выть — между обѣдомъ и ужиномъ; 4-я выть — ужинъ. У промышленниковъ въ морѣ двѣ главныя выти: 1-я, когда придетъ къ обѣднику, т. е.

въ 9 часовъ утра, и 2-я, когда солнце на шалонникѣ, т. е. въ три часа пополудни. *Во втору выть былъ я у сво, а онъ, сказывали въ дому, ужъ со три выти спитъ* (т. е. три четверти дня). Поговорки: *хоть звать не зови, только вытью корми; каковъ у выти, таковъ и у дѣла; съ выти на выть, и не знаемъ какъ быть; для одной выти да руки мыти; за кажду выть да руки мыть.* Въ приглашеніяхъ на угощеніе поморы зовутъ *на выть* (на такую-то), напр., въ случаѣ спуска новопостроеннаго судна, является къ приглашаемому мальчишка-подростокъ и говоритъ: *дядя* (положимъ Пантелей) *на первую выть звалъ тебя на лодейку спущаться, пожалуй-ко.* — 4) Всякіе вообще съѣстные припасы.— 5) Позывъ на ѣду, аппетитъ. *У сво за все больша выть. Коли нѣтъ выти, пущай и не ѣстъ. Заморить выть* — утолить аппетитъ. *Маловытной*, не имѣющій аппетита. *Съ измала онъ у насъ такой маловытной*».

Въ числѣ примѣровъ, приводимыхъ для подтвержденія словъ, въ трудѣ г. Подвысоцкаго разсѣяно множество мѣстныхъ поговорокъ, въ концѣ же помѣщенъ, расположенный въ азбучномъ порядкѣ по первому слову, списокъ загадокъ, употребительныхъ въ Архангельской губерніи.

Къ достоинствамъ словаря г. Подвысоцкаго слѣдуетъ отнести и то, что надъ каждымъ словомъ означено его удареніе, весьма важное руководство для правильнаго воспроизведенія его, и что кромѣ того при каждомъ словѣ показано, въ какихъ именно уѣздахъ губерніи оно слышано. Конечно, словарь еще значительно выигралъ бы въ научномъ отношеніи, если бы составитель при словахъ, заимствованныхъ у инородцевъ (которыхъ, особенно Финновъ, много въ Архангельской губерніи), означалъ какому именно племени они принадлежатъ, но съ другой стороны надо согласиться, что такое дѣло во многихъ случаяхъ представляетъ большія трудности и требуетъ обширныхъ лингвистическихъ познаній, не легко соединимыхъ съ другими условіями, которыя нужны были для доставленія возможности къ появленію такого словаря. Задача, какую предположилъ себѣ составитель, сама по

себѣ удовлетворяетъ весьма важной потребности: именно она состояла въ томъ, чтобы «изъ живого источника собрать матеріалъ областного народнаго языка въ томъ видѣ, какъ онъ живетъ на мѣстѣ и въ связи съ дѣйствующими на говоръ этнографическими условіями». Эта задача выполнена составителемъ вполнѣ успѣшно: мы обязаны ему первымъ въ русской филологической литературѣ цѣлымъ словаремъ значительнаго объема по одному областному нарѣчію. Если бы примѣръ этотъ нашелъ послѣдователей и мало по малу явились такіе же словари и по другимъ мѣстнымъ говорамъ нашего народа, то какимъ богатымъ матеріаломъ могла бы располагать русская филологія! — Дальнѣйшая научная разработка ихъ была бы уже дѣломъ сравнительно легкимъ и не замедлила бы послѣдовать. Поэтому нельзя не цѣнить высоко настоящаго труда, какъ перваго въ своемъ родѣ опыта, могущаго сдѣлаться началомъ весьма желательнаго развитія у насъ діалектологіи, столь богатой у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, особенно у Нѣмцевъ и Итальянцевъ. Трудъ г. Подвысоцкаго представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что въ немъ разработано нарѣчіе края, бывшаго родиной отца нашей новой художественной литературы, — нарѣчіе, котораго слѣды легко отыскать и въ собственныхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

По всѣмъ выставленнымъ здѣсь качествамъ словаря г. Подвысоцкаго, Отдѣленіе русскаго языка и словесности не обинуясь признало его достойнымъ Ломоносовской преміи, которую и присуждаетъ ему тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что этотъ трудъ конечно заслужилъ бы полное сочувствіе и одобреніе со стороны геніальнаго виновника находящейся въ распоряженіи нашемъ преміи.

КЪ СООБРАЖЕНІЮ

БУДУЩИХЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

I. ШВЕДСКІЙ АКАДЕМИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Въ Швеціи есть нѣсколько академій и ученыхъ обществъ, какъ-то: Академія наукъ, Академія словесности, исторіи и древностей, Академія свободныхъ искуствъ, Академія военныхъ наукъ, Земледѣльческая, Музыкальная, Общество для изданія рукописей относительно скандинавской исторіи — все это въ Стокгольмѣ; кромѣ того Ученое общество въ Упсалѣ, Физіографическое общество въ Лундѣ, Общество наукъ и словесности въ Гетенбургѣ, Общество военнаго морскаго искуства въ Карлскронѣ, и множество другихъ частныхъ обществъ для разныхъ спеціально-ученыхъ, педагогическихъ, религіозныхъ, художественныхъ и промышленныхъ цѣлей.

Изъ всѣхъ этихъ академій и ученыхъ обществъ для насъ особенный интересъ представляетъ такъ называемая *Шведская академія*, о дѣятельности которой я считаю нужнымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній. Эта академія основана въ 1786 году Густавомъ III. Уже самое названіе ея показываетъ, что по цѣли учрежденія она сходствуетъ съ академіями Французскою и нашею Россійскою, т. е. ей была дана двоякая цѣль или, вѣрнѣе, даны двѣ цѣли, трудно соединимыя въ дѣятельности одного и того же общества: академія обязана заниматься краснорѣчіемъ и поэзіею, воз-

величивая память славныхъ соотечественниковъ, и въ то же время не только заботиться о чистотѣ, силѣ и благородствѣ родного языка, но и составить его словарь и грамматику. Число членовъ должно всегда простираться до 18. Трудность соединить обѣ разнородныя цѣли — причиною, что Шведская академія вынуждена главнымъ образомъ посвящать себя одной изъ нихъ: именно она, и по составу своему съ самаго своего учрежденія, и по духу того времени, и по общественнымъ требованіямъ, поставила себѣ на первомъ планѣ литературную задачу. Она задаетъ художественныя темы, разбираетъ представленныя на судъ ея сочиненія, награждаетъ ихъ преміями, пишетъ похвальныя слова своимъ умершимъ членамъ. Впрочемъ и другая цѣль Шведской академіи, т. е. филологическая, никогда не была вполнѣ выпускаема ею изъ виду: еще въ концѣ прошлаго столѣтія она трудами своихъ членовъ Леопольда и Чельгрена (Kellgren), хотя и поэтовъ по преимуществу, способствовала къ уясненію и упрощенію правилъ правописанія, а въ 1830-хъ годахъ издала грамматику отечественнаго языка. Что касается до словаря, то эта задача находилась въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, и до сихъ поръ остается еще далеко не разрѣшенною; сдѣлано только начало и идутъ подготовительныя работы, хотя стокгольмская академія, учрежденная только тремя годами позже Россійской, существуетъ уже 97 лѣтъ. Своею медлительностью въ этомъ дѣлѣ она вновь доказала, что напрасно, для достиженія окончательнаго совершенства, отлагать выполненіе труда, который и въ менѣе безукоризненномъ видѣ могъ бы удовлетворить первымъ потребностямъ и послужить побужденіемъ къ дѣятельному продолженію дѣла. Въ 1850-хъ годахъ покойный непремѣнный секретарь Шведской академіи баронъ Бесковъ (Beskow) представилъ отчетъ о ходѣ ея словарнаго труда, и здѣсь сообщается въ переводѣ извлеченіе изъ этой любопытной записки.

Баронъ Бесковъ умеръ въ 1868 году, 72-хъ лѣтъ отъ роду. Имя его незабвенно въ исторіи шведской литературы, и особенно академіи. Онъ принадлежалъ этому учрежденію сорокъ лѣтъ, и

изъ этого числа около тридцати пяти былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи. По своему независимому положенію, онъ смолоду могъ посвятить себя почти исключительно литературѣ; будучи близокъ къ королевской фамиліи, онъ занималъ придворную должность, а въ 1830-хъ годахъ принялъ-было и мѣсто директора театра, но трудности этого управленія не согласовались ни съ характеромъ, ни съ главными занятіями его, и онъ съ небольшимъ черезъ годъ попросилъ увольненія отъ театра. Авторская дѣятельность Бескова была очень разнообразна; въ молодости онъ не безъ успѣха испытывалъ себя въ разныхъ родахъ поэзіи, но особеннымъ уваженіемъ пользуются его историческія драмы и читанныя имъ въ академіи и внѣ ея, при разныхъ случаяхъ, біографіи знаменитыхъ соотечественниковъ. Позднѣйшая половина его поприща была преимущественно посвящена послѣднему роду сочиненій: онъ написалъ около сорока біографій, отчасти государственныхъ людей, но болѣе писателей и ученыхъ; всѣ онѣ отличаются истиннымъ ораторскимъ талантомъ, большимъ обиліемъ положительныхъ свѣдѣній, вѣрностью оцѣнки всякаго дѣятеля и прекраснымъ языкомъ. По этой отрасли литературы за Бесковомъ признано одно изъ первыхъ мѣстъ между шведскими писателями. Какъ членъ академіи, онъ во все продолжительное время своего секретарства былъ душою этого учрежденія, но и внѣ академіи онъ пріобрѣлъ большое значеніе, какъ человѣкъ, который, и по своему общественному положенію, и по своимъ средствамъ, могъ дѣлать много добра. Горячо любя литературу и искуство, онъ поддерживалъ начинающіе таланты то дружескимъ пріемомъ и ободреніемъ, то матеріальными, часто очень значительными пожертвованіями. Такимъ образомъ смерть барона Бескова была для Шведской академіи очень чувствительною потерей.

Множество начатыхъ, но неконченныхъ словарей, говоритъ одинъ стокгольмскій журналъ по поводу его записки, уже доказываетъ, какія усилія дѣлаемы были въ Швеціи для составленія сколько-нибудь полнаго лексикона; это еще болѣе подтверждаютъ

старанія ученыхъ обществъ съ давнихъ временъ: особенно эпоха Густава III отличалась усердіемъ въ разработкѣ родного языка. Тѣмъ не менѣе ся стремленія не увѣнчались желанымъ успѣхомъ, такъ какъ всѣ извѣстные доселѣ шведскіе словари сравнительно не полны. Еще не успѣли собрать той богатой жатвы словъ, какую могутъ доставить разнообразныя областныя нарѣчія. Объ этомъ давно уже помышляли, и Ире въ свое время много сдѣлалъ по этому предмету, но вѣроятно еще болѣе остается сдѣлать. Еще въ 1720-хъ годахъ Линдестольпе говорилъ: «Очень желательно было бы, чтобъ заботливое правительство избрало ученыхъ и толковыхъ людей, въ провинціяхъ, изъ судей, пасторовъ, бургомистровъ и др., — которые бы записывали всѣ добрыя старинныя слова, еще понынѣ употребительныя въ простомъ народѣ, и идіотизмы, господствующіе въ каждой мѣстности, а также, чтобы изъ древнихъ сагъ, хроникъ и уложеній собирали годныя къ употребленію слова: послѣ чего можно бы учредить académie suédoise (по примѣру парижской) для разсмотрѣнія отысканныхъ словъ». Однакожъ это патріотическое и благоразумное предположеніе, въ которомъ выразилась первая мысль о Шведской академіи, долго оставалось безъ исполненія. Словарей послѣ того издано не мало, но между ними нѣтъ ни одного вполнѣ удовлетворительнаго.

Большія — чтобъ не сказать непреодолимыя трудности — (такъ начинаетъ Бесковъ) сопряжены съ работой, которая, болѣе всякой другой требуя единства, поручается обществу, не только состоящему изъ членовъ съ различными и часто даже противоположными взглядами, но періодически измѣняющемуся въ своемъ составѣ. Эти трудности не могли укрыться отъ вниманія членовъ, съ которыми учредитель академіи король Густавъ III совѣщался о задачѣ составленія словаря. Въ соображенія ихъ входило между прочимъ то обстоятельство, что члены Шведской академіи не живутъ, подобно французскимъ академикамъ, почти всѣ въ столицѣ, а разсѣяны по всему краю, такъ что вопросы по составленію словаря, даже различныя мнѣнія о правописаніи или

значеній словъ, должны бы разсматриваться не иначе какъ переписокою. Далѣе было приводимо, что число членовъ Шведской академіи, 18, не равняется и половинѣ состава французскаго учрежденія, которое, несмотря на то, употребило 60 лѣтъ на приготовленіе перваго изданія своего словаря; почему и можно бы ожидать, что на шведскій потребуется вдвое болѣе времени (!); — что при Французской академіи находился для этой работы получавшій особое жалованье словарный комитетъ, члены котораго исключительно занимались своимъ порученіемъ, тогда какъ члены Шведской академіи почти всѣ либо несутъ разныя должности по службѣ гражданской, духовной или учебной, либо живутъ частнымъ литературнымъ трудомъ и потому могутъ посвящать академической дѣятельности немногіе только часы; — что Французская академія въ дѣлѣ лексикографіи имѣла нѣсколько счастливыхъ предшественниковъ, между тѣмъ какъ Шведская на предстоящемъ ей поприщѣ не можетъ воспользоваться чужими приготовительными работами[1]; — что въ Швеціи тогда не было какого-нибудь лексикографическаго генія, который подобно Джонсону или Аделунгу[2] могъ бы взять на себя главное наблюденіе за такимъ трудомъ, и что къ сожалѣнію превосходные лексикографы вообще рѣдки во всякой литературѣ; — что поэты и ораторы, составляющіе двѣ трети всего числа членовъ Шведской академіи, менѣе всѣхъ годны для работы, въ которой много механическаго, и болѣе способны создавать и обогащать языкъ нежели собирать и распредѣлять входящія въ составъ его реченія. На остальную же треть членовъ, какъ любителей словесности, равнымъ образомъ нельзя разчитывать для такой задачи; — что въ

[1] Это однакожъ не совсѣмъ точно: есть очень хорошій шведско-латинскій словарь Линдфорса, есть шведско-русскій словарь, изданный въ Финляндіи при пособіи правительства; наконецъ послѣ составленія настоящей записки напечатанъ въ Стокгольмѣ довольно полный словарь Далина (на одномъ шведскомъ языкѣ), изъ котораго самимъ составителемъ впослѣдствіи извлеченъ словарь меньшихъ размѣровъ (т. е. безъ фразеологіи), но за то съ корнесловными поясненіями. Далинъ ум. въ 1873 году.

[2] Или Литтрэ, имени котораго въ настоящее время нельзя здѣсь не прибавить.

члены поступаютъ люди по большей части уже пожилые, дѣятельность которыхъ или уже вполнѣ опредѣлилась, или закончена совершенно (изъ числа первыхъ академиковъ четверымъ было болѣе 70 лѣтъ, другимъ около 50 и 60), когда уже невозможно ожидать новыхъ, незнакомыхъ имъ прежде утомительныхъ трудовъ; — что наконецъ языкъ, которымъ учредитель справедливо восхищался, языкъ, пріобрѣтавшій тогда новый блескъ подъ перомъ писателей Густавова вѣка, еще продолжалъ развиваться,— замѣчаніе тѣмъ болѣе основательное, что многіе изъ лучшихъ произведеній этихъ талантовъ тогда или еще не были написаны, или по крайней мѣрѣ оставались неизвѣстными публикѣ. Можно сказать, что языкъ, на который король смотрѣлъ какъ на основу предположеннаго словаря, еще не вполнѣ выработался, когда надо было приступить къ этому труду.

Между тѣмъ, для исполненія воли своего покровителя, окружавшіе его писатели тотчасъ занялись существенными вопросами по составленію лексикона. Вскорѣ совѣщанія коснулись спорнаго пункта, предмета, о которомъ и теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, мнѣнія еще не вполнѣ согласились и по которому между лексикографами конечно всегда будетъ разномысліе, — именно вопроса о томъ, какъ поступать съ вошедшими въ языкъ иностранными словами. Встрѣтилось разногласіе и по другимъ предметамъ. Черезъ нѣсколько времени Густавъ III скончался; избраніе одного новаго члена, не понравившагося правительству, послужило поводомъ къ тому, что Академіи приказано было пріостановить свои занятія.

По возобновленіи ихъ чрезъ два года, Шведская академія признала нужнымъ прежде всего опредѣлить начала правописанія. Она издала по этому предмету сочиненіе, стоившее ей многолѣтнихъ соображеній; трудность рѣшенія этой задачи оцѣнитъ всякій, кто знаетъ, что для образованнаго языка правила не могутъ быть составляемы произвольно, но должны быть результатомъ вѣрныхъ наблюденій и совершеннаго пониманія духа языка. Вѣроятно, безъ этого изданія установленіе точныхъ ороографи-

ческихъ законовъ замедлилось бы еще надолго: важность труда академіи легко понять, сравнивъ разнообразіе и произволъ, господствовавшіе въ правописаніи до появленія его, съ тѣмъ по крайней мѣрѣ относительнымъ единообразіемъ, какое замѣчается у хорошихъ шведскихъ писателей нашего времени. Можетъ-быть, вліяніе этого труда было бы еще рѣшительнѣе, если бъ черезъ нѣсколько лѣтъ не было повелѣно академіи и другимъ общественнымъ учрежденіямъ снова измѣнить правописаніе и писать иностранныя слова такъ, какъ издавна было принято, вслѣдствіе чего правительственныя мѣста удержали старинное правописаніе, а въ общій обычай вошло предложенное академіею[1]. Однакожъ въ новѣйшее время вездѣ стали брать верхъ принятыя академіей основанія.

Другой важный трудъ, долженствовавшій предшествовать словарю, составляла грамматика, которая поэтому и была издана академіею вслѣдъ за сочиненіемъ о правописаніи. Французская академія по истеченіи 200 лѣтъ еще не издала грамматики, — что́ доказываетъ какъ трудно обществу изъ разномыслящихъ дѣятелей согласиться въ основаніяхъ труда, требующаго въ малѣйшихъ частяхъ своихъ единства и послѣдовательности. Въ примѣръ затрудненій, всегда встрѣчающихся при совокупной работѣ многихъ, можно бы еще привести датское Ученое общество, которое въ цѣлое столѣтіе не окончило своего словаря, хотя могло пользоваться множествомъ приготовительныхъ работъ и имѣло въ своемъ распоряженіи, между прочимъ, извѣстнаго лексикографа[2].

Если бъ Шведская академія была основана — такъ какъ La Crusca и академія Испанская — главнымъ образомъ для разработки языка, то она могла бы исключительно посвятить себя филологическому труду. Но мы видимъ совершенно противное. Пред-

---

[1] По старинному способу греческія, французскія и другія иностранныя слова пишутся у Шведовъ съ точнымъ соблюденіемъ первоначальной ихъ ороографіи, напр. philosophie, lieutenant, capitaine; академія же установила писать: filosofi, löjtnant, kaptén — по произношенію.

[2] См. объ этомъ ниже особую замѣтку.

назначенная съ самаго начала служить литературнымъ судилищемъ, она должна была и въ дѣятельности своей, и въ избраніи своихъ членовъ руководствоваться прежде всего этимъ назначеніемъ. Съ наступленія октября мѣсяца до годовщины своей (5-го апрѣля) академія бываетъ непрерывно занята чтеніемъ и разсмотрѣніемъ сочиненій, представленныхъ къ соисканію наградъ: число ихъ простирается иногда до 30, 40 и даже 50-ти. Послѣ годичнаго торжества многіе изъ получившихъ преміи, а часто и изъ неудостоенныхъ ими писателей просятъ о сообщеніи имъ замѣчаній академіи; совѣщанія по этому предмету наполняютъ большую часть засѣданій въ послѣдующіе мѣсяцы; къ чему надобно прибавить, что и другіе авторы литературныхъ сочиненій или словарей, грамматикъ, разсужденій о правописаніи и т. п. просятъ отзывовъ академіи о своихъ трудахъ: слѣдовательно и ихъ необходимо подвергать разбору и составлять о нихъ письменныя мнѣнія. Затѣмъ на болѣе постоянныя занятія по словарю только и можетъ быть употреблено остальное время до 1-го іюня, когда начинаются академическія вакаціи[1]. Но само собою разумѣется, какъ медленно такой обширный трудъ долженъ подвигаться при столь ограниченномъ времени и какъ вредятъ успѣху его продолжительныя остановки. Не говорю уже о томъ, что встрѣчающіяся недоумѣнія разсматриваются въ общемъ собраніи и что, такъ какъ въ случаѣ разногласія вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ, то окончательный приговоръ зависитъ отъ случайнаго обстоятельства, сколько на лицо членовъ, раздѣляющихъ такое-то мнѣніе. Гораздо благопріятнѣе для строгой послѣдовательности въ частностяхъ было бы, если бъ работа, какъ во Французской академіи, исполнялась комитетомъ изъ одномыслящихъ по главнымъ вопросамъ членовъ: только въ такомъ случаѣ и можно бы достигнуть (сколько вообще подобный трудъ допускаетъ это) двойственной цѣли — единства и скорости въ работѣ.

---

[1] Вакаціи Шведской академіи продолжаются отъ 1-го іюня до 1-го октября.

Между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія шведскій языкъ обогатился многими реченіями и оборотами, извлеченными изъ библіи и изъ сагъ, или заимствованными изъ нѣмецкаго языка, какъ прежде слова почерпались изъ французскаго. Составъ академіи не могъ не подвергнуться измѣненію сообразно съ новымъ литературнымъ направленіемъ. Изъ членовъ, участвовавшихъ въ первыхъ совѣщаніяхъ о словарѣ, почти никого уже не было въ живыхъ. Ихъ замѣнили новыя лица, явились иные образцы краснорѣчія и поэзіи, предѣлы отечественнаго языка раздвинулись, филологическія изслѣдованія проложили себѣ невѣдомыя прежде стези, и потребность въ болѣе обширномъ лексиконѣ сдѣлалась настоятельною.

Извѣстно, что при составленіи такого пособія для живого языка есть два исходные пункта: можно либо, по примѣру Французской академіи, довольствоваться объясненіемъ употребленія словъ посредствомъ придуманныхъ самими составителями примѣровъ, либо, поступая какъ La Crusca, какъ Испанская академія, какъ Джонсонъ, Ричардсонъ и др., можно, такъ сказать, извлекать словарь изъ классическихъ писателей приведеніемъ примѣровъ изъ ихъ сочиненій. Находя, что послѣдній способъ ближе къ настоящей цѣли словаря, Шведская академія рѣшилась измѣнить свой первоначальный планъ. Вслѣдствіе этого необходимо было просмотрѣть всѣхъ хорошихъ писателей какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, за тотъ періодъ, въ который сложился шведскій языкъ, т. е. отъ короля Густава I и введенной имъ реформаціи до настоящаго времени; при чемъ надлежало выписывать— во 1-хъ, старинныя, теперь забытыя слова, которыя заслуживаютъ быть возстановленными; во 2-хъ, годные и по возможности полные образцы правильнаго употребленія современныхъ словъ, и въ 3-хъ, указанія на исторію языка, которыя можно было получить этимъ путемъ. Ясно, что приготовительныя работы для словаря такого рода требуютъ несравненно болѣе труда и времени, нежели означеніе словъ съ особо составленными для нихъ примѣрами изъ современнаго языка. Сколько извѣстно ака-

деміи, ни для какого шведскаго словаря еще не было изготовляемо такихъ сборниковъ словъ, которые должны заключать въ себѣ какъ бы пересмотръ всего языка за 300 лѣтъ слишкомъ. Такое измѣненіе плана принято окончательно послѣ академическаго торжества 1836 года, и легко понять, что академія не иначе какъ вслѣдствіе продолжительныхъ разсужденій могла рѣшиться на заключеніе, послѣ котораго она не только должна была пожертвовать большею частью прежнихъ приготовительныхъ работъ, но и отказаться отъ болѣе или менѣе близкаго окончанія своего предпріятія. Итакъ приступлено было къ составленію выписокъ изъ произведеній старинной и новой литературы; до сихъ поръ просмотрѣно 400 томовъ и изъ нихъ извлечено до 128,000 образцовъ языка, въ которыхъ множество словъ, не вошедшихъ въ изданные доселѣ словари. Такъ какъ пріисканіе примѣровъ для употребленія одного лишь слова въ разныхъ его значеніяхъ иногда требуетъ просмотра нѣсколькихъ писателей, то легко судить, сколько времени и труда потребно на эти выписки. Безусловной полноты невозможно ожидать въ первомъ опытѣ подобной работы, особенно въ живомъ языкѣ, котораго составныя части безпрестанно обновляются; это всего убѣдительнѣе доказывается образцовымъ словаремъ La Crusca, 5-е изданіе котораго, вышедшее черезъ 200 лѣтъ послѣ учрежденія этой академіи, потребовало весьма значительныхъ дополненій и поправокъ.

Между тѣмъ собранныхъ образцовъ оказалось достаточнымъ для приведенія матеріаловъ въ порядокъ, послѣ чего надлежало продолжать отдѣльные сборники для каждой буквы, чтобы по возможности пополнять пропуски. Всякій, кто знакомъ съ подобною работою, можетъ засвидѣтельствовать, что всѣ болѣе замѣчательныя сочиненія надобно перечитывать по нѣскольку разъ (иначе многія частности ускользаютъ отъ вниманія) и что очень часто чтеніе остается безплоднымъ, потому что фразы, заключающія въ себѣ искомое слово, либо оказываются слишкомъ длинными и не могутъ служить примѣрами въ словарѣ, либо, отдѣленныя отъ цѣлаго, не довольно ясны. Случается также, что вы-

писанные образцы излишни оттого, что уже прінсканы другіе примѣры для того же слова, такъ какъ и самая счастливая память при чтеніи разныхъ писателей въ разное время, иногда спустя цѣлый годъ, не можетъ удержать всего записаннаго. Такимъ образомъ, по расположеніи выписокъ въ алфавитномъ порядкѣ, многіе превосходные примѣры приходится отбрасывать, тогда какъ ради словъ, для которыхъ еще не найдено образцовъ, необходимо снова перечитывать тѣ же сочиненія, а для этого требуется напряженіе, на которое не всякій способенъ. Съ другой стороны, посредствомъ приведенія примѣровъ словарь пускаетъ въ оборотъ множество прекрасныхъ мыслей и важныхъ истинъ, выраженныхъ на родномъ языкѣ; образцы же, почерпнутые изъ старинныхъ памятниковъ, объясняютъ производство и образованіе словъ, а указаніе ударенія при каждомъ реченіи составляетъ также важное дополненіе къ изученію его.

Всякій, кто сколько-нибудь ознакомился съ литературою словарей и понимаетъ трудность или, вѣрнѣе, невозможность составить совершенно удовлетворительный лексиконъ живого языка, конечно не можетъ ласкаться надеждою произвести трудъ, который былъ бы исключеніемъ изъ общихъ правилъ, тѣмъ болѣе, что лексиконъ не имѣетъ, какъ всякій другой ученый или литературный трудъ, своего особаго круга читателей, а находитъ судей на всѣхъ возможныхъ ступеняхъ образованія; то́, что одному кажется излишнимъ, другой считаетъ не доказаннымъ, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ другихъ разногласій въ сужденіяхъ. Если бы задача была такъ проста, какъ многіе воображаютъ, то безъ сомнѣнія она уже давно была бы рѣшена какимъ-нибудь однимъ литераторомъ, который могъ бы посвятить ей все свое время и всѣ свои силы, и которому при единствѣ и постоянномъ ходѣ работы легче было бы достигнуть цѣли. Если бы Швеція произвела Джонсона или Аделунга, или если бъ Ире принадлежалъ нашему времени и академія не воспользовалась такимъ талантомъ для выполненія порученнаго ей дѣла, то конечно она заслужила бы обвиненія, иногда на нее возводимыя за неизданіе

словаря. Въ настоящихъ же обстоятельствахъ она сдѣлала все, что отъ нея зависѣло. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы литературный талантъ могъ съ успѣхомъ быть употребленъ на составленіе словаря, и неизбѣжное противорѣчіе между составомъ академіи, какъ литературнаго общества, и лексикографическою ея задачею въ высшей степени затрудняетъ замѣщеніе открывающихся въ ней вакансій. Конечно, естественно желать, чтобъ достойнѣйшіе члены ея дѣятельно участвовали въ составленіи лексикона; но этого никакъ нельзя обратить имъ въ непремѣнную обязанность. Она не исполнила бы возложеннаго на нее перваго долга пещись о поэзіи и краснорѣчіи, если бъ стала требовать, чтобы такіе писатели, какъ напримѣръ: Чельгренъ, Оксеншерна, Франце́нъ, Валли́нъ, Тегне́ръ, Гейеръ, оставили лиру или каѳедру, или отказались отъ трудовъ, украшающихъ отечественную словесность, и наперекоръ своему призванію подвергли бы себя тяжелому труду изъ старыхъ и новыхъ сочиненій откапывать и выписывать слова, разставлять ихъ въ азбучномъ порядкѣ, отмѣчать ихъ грамматическія свойства и т. д.; что́ все конечно достойно уваженія, но для мыслителя и поэта такъ же мало сообразно съ его назначеніемъ, какъ если бъ зодчаго, создавшаго идею прекраснаго зданія, заставили самого складывать матеріалы для строенія. Всѣ изложенныя трудности достаточно объясняютъ замедленіе, происшедшее въ изготовленіи шведскаго словаря.

Но теперь, когда академія, несмотря на ограниченныя средства свои, уже приготовила значительную часть своего труда, для него начинается новый періодъ. Приведеніе въ систему образцовъ и списковъ реченій (тѣ и другіе составляютъ уже около трехъ тысячъ листовъ), а также переписываніе ихъ въ алфавитномъ порядкѣ требуютъ особыхъ сотрудниковъ, которые могли бы употребить на это всю свою дѣятельность. Сто́итъ только взглянуть на списокъ академиковъ, чтобы убѣдиться, что нынѣ, какъ и прежде, согласно съ основаніями учрежденія академіи, оказывается чрезвычайно мало такихъ членовъ, которымъ посторонніе обязанности или другіе литературные труды не мѣшали

бы заняться этимъ дѣломъ, и что сверхъ того эти немногіе по лѣтамъ своимъ уже выслужили право на пенсію, а слѣдовательно и на отдыхъ. Притомъ, такая почти совершенно механическая работа справедливо покажется многимъ недостойною академика, если бъ даже время и здоровье не служили къ тому препятствіемъ. Итакъ необходимо прибѣгнуть къ помощи стороннихъ лицъ. Однакожъ здѣсь нельзя употребить обыкновенныхъ писцовъ: при редакціи каждаго слова надобно наблюдать много мелочей; нужно много внимательности къ каждой части труда, въ которомъ встрѣчаются безпрестанныя ссылки, и малѣйшая неисправность можетъ произвести неясность и замѣшательство; поэтому для окончательной редакціи цѣлой работы нуженъ человѣкъ, который съ лексикографическимъ тактомъ соединялъ бы общее образованіе, особливо если предположить, что для бóльшаго удобства ему же впослѣдствіи поручено будетъ чтеніе первой корректуры при печатаніи словаря, такъ какъ соблюденіе множества объяснительныхъ знаковъ, сокращеній, особенныхъ шрифтовъ для разныхъ случаевъ подъ каждымъ словомъ и проч. требуетъ нѣкотораго навыка въ лексикографическомъ дѣлѣ. Изъ опытовъ извѣстно, что такому сотруднику по редакціи нельзя назначить въ вознагражденіе менѣе 600 руб. въ годъ. Помощника ему для переписки словъ и примѣровъ въ алфавитномъ порядкѣ можно найти за 300 руб. Если прибавить 100 руб. на наемъ, по мѣрѣ надобности, переписчиковъ для техническихъ и научныхъ словъ, то составится годовая сумма въ 1,000 руб. для приведенія матеріаловъ въ порядокъ передъ окончательною редакціею словаря. Ясно, что если бъ можно было имѣть болѣе сотрудниковъ, то дѣло пошло бы еще скорѣе. Помянутому комитету Французской академіи ассигнована была немаловажная сумма. Мы въ основаніе своей смѣты положили самый умѣренный разчетъ (NB. переведенный здѣсь на русскія деньги), чтобы хоть сколько-нибудь ускорить работу.

Однакожъ эти сторонніе сотрудники должны будутъ работать подъ надзоромъ особо избранныхъ академиковъ, которымъ предстоитъ не только продолжать отдѣлку неоконченныхъ частей сло-

варя, но и просматривать весь трудъ и заниматься окончательной его редакціей. Уже давно предполагалось составить, по примѣру Французской академіи, словарный комитетъ; но отъ этой мысли надобно было отказаться, потому что не предвидѣлось возможности доставить членамъ его ни необходимаго при этомъ увольненія отъ другихъ важныхъ обязанностей, ни справедливаго вознагражденія за прекращеніе частной литературной дѣятельности. По настоящему положенію приготовительныхъ работъ конечно желательно было бы, чтобъ образованіе такого комитета состоялось; но издержки, которыхъ оно бы потребовало, не позволяютъ, по крайней мѣрѣ впредь до времени, думать объ осуществленіи этого плана. Между тѣмъ, здѣсь не излишне упомянуть, что Французская академія, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, получаетъ 3,000 руб. сер. для своего словарнаго комитета, да сверхъ того почти столько же на уплату стороннимъ сотрудникамъ, на покупку книгъ и проч., всего около 6,000 руб. ежегодно, на расходы по этой статьѣ. Такая сумма не покажется слишкомъ значительною, если сообразить, какъ трудно между литераторами, уже избравшими опредѣленный кругъ дѣйствія, найти готовыхъ принять на себя однообразный трудъ составленія словаря. Многолѣтняя опытность достаточно показываетъ, что изъ всѣхъ родовъ авторства, участіе въ этомъ трудѣ, даже и при сравнительно выгодныхъ условіяхъ, привлекаетъ наименѣе дѣятелей. При всемъ томъ теперь представляется уже неизбѣжнымъ назначить опредѣленное жалованье одному члену или нѣсколькимъ совокупно, съ тѣмъ чтобы они болѣе дѣятельно участвовали въ трудѣ и наблюдали за работою стороннихъ помощниковъ. Кажется, на этотъ предметъ надлежало бы назначить по меньшей мѣрѣ 500 руб. въ годъ. Такимъ образомъ итогъ расходовъ на изготовленіе словаря составлялъ бы по 1,500 руб. ежегодно.

Желательно было бы, чтобъ академія могла изъ собственныхъ средствъ покрыть этотъ расходъ. Но это къ сожалѣнію невозможно, потому что доходы ея, особливо въ послѣднія 20 лѣтъ, безпрестанно были уменьшаемы, тогда какъ издержки увеличи-

вались, и то и другое по причинамъ, отъ нея не зависѣвшимъ. Въ доказательство представимъ краткій обзоръ ея экономическаго положенія.

Первоначально на содержаніе Шведской академіи ассигновано было изъ государственной казны около 2,000 рублей сер.; но мало по малу, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, сумма эта уменьшилась почти на цѣлыя двѣ трети. Ежегодныя издержки академіи на награды и медали за лучшія сочиненія, на изданіе ея записокъ, на публичныя собранія, на наемъ квартиры для библіотеки, на жалованье секретарю и другимъ лицамъ, уже равнялись означенной суммѣ, и потому академія давно была бы вынуждена объявить себя несостоятельной къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей, если бъ учредитель ея не даровалъ ей другого источника доходовъ, который, хотя и назначался имъ на частное вспомоществованіе академикамъ, но, составляя ея собственность, могъ быть добровольно употребляемъ ею и на покрытіе издержекъ, необходимыхъ для достиженія предлежавшей ей цѣли. Такимъ источникомъ доходовъ было право располагать газетою, которая вначалѣ пользовалась исключительной привилегіей сообщать политическія извѣстія, распоряженія правительства, и освобождена была отъ взноса на почтѣ вѣсовыхъ денегъ, вслѣдствіе чего число подписчиковъ въ самое благопріятное время возросло до 7,000. Но когда, послѣ извѣстнаго переворота 1809 года, право изданія политическихъ газетъ сдѣлалось общимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространены на нихъ тѣ же льготы, кругъ читателей офиціальной газеты уменьшился въ четыре раза, и изъ выручаемой съ нея суммы уже ничего нельзя было откладывать въ академическую кассу. Въ такихъ обстоятельствахъ тогдашній попечитель академіи разрѣшилъ отдать эту газету на откупъ за 2,500 руб. въ годъ.

Съ помощью этой добавочной суммы и съ пожертвованіемъ тѣхъ денежныхъ пособій, которыми до сихъ поръ пользовались достойнѣйшіе члены академіи, она могла пополнять недостатокъ въ ассигнованныхъ ей доходахъ. Но для значительныхъ издер-

жекъ, требующихся, какъ выше показано, по изданію словаря, она не имѣетъ средствъ, будучи прежде всего, на основаніи своего устава, литературнымъ обществомъ, учрежденнымъ для поощренія лучшихъ писателей и поэтовъ, для увѣнчанія преміями превосходнѣйшихъ сочиненій и для сохраненія въ біографіяхъ памяти знаменитыхъ заслугами соотечественниковъ. Она не должна вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что одною изъ цѣлей Густава III при учрежденіи ея было: въ странѣ, гдѣ литературная дѣятельность рѣдко обезпечиваетъ безбѣдное состояніе и гдѣ молодые таланты часто изнемогаютъ подъ бременемъ нищеты или отъ недостатка поощреній, — доставлять вспоможеніе лицамъ, оказавшимъ услуги шведской литературѣ, или пещись о дальнѣйшемъ воспитаніи талантливыхъ юношей. Такимъ образомъ академія способствовала къ тому, что такіе люди, какъ Гюлленборгъ, Чельгренъ, Леопольдъ, Розенстейнъ и другіе, могли въ лучшую пору жизни почти исключительно посвящать себя литературѣ. Послѣ нихъ подобныя пособія производились Валлину, Францéну, Тегнéру и др., въ такія эпохи ихъ дѣятельности, когда это хотя и незначительное вспомоществованіе было имъ очень важно. Нѣтъ надобности прибавлять, что такія пособія въ настоящее время столько же или еще болѣе нужны и желательны: всякому любителю литературы извѣстно, что академія при Густавѣ III и въ послѣдующее время состояла на половину изъ членовъ, которые по своему общественному и экономическому положенію находились въ столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, что могли изъ собственныхъ средствъ производить пенсіи; теперь же большая часть сочленовъ не могутъ обойтись, если не постоянно, то по крайней мѣрѣ временно, безъ выдаваемыхъ ею пособій. Такъ академія главнымъ образомъ изъ доходовъ съ офиціальныхъ объявленій въ вѣдомостяхъ доставляла нѣкоторымъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей Швеціи пособія, на которыя въ другихъ странахъ ассигнуются значительныя суммы изъ государственной казны. Но академія, при назначеніи такихъ вспоможеній, не ограничивалась своимъ собственнымъ составомъ: она поддерживала и

такіе таланты, которые къ ней не принадлежали, каковы напримѣръ г-жа Ленгренъ, Галленбергъ, Никандеръ; не говоря о другихъ, еще живыхъ писателяхъ. Кромѣ того академія выдавала пособія оставшимся въ бѣдности вдовамъ и семействамъ заслуженныхъ литераторовъ. Наконецъ, академія имѣла возможность воздвигать памятники нѣкоторымъ изъ поэтовъ Швеціи, напр. Бельману, или по крайней мѣрѣ участвовать въ сооруженіи монументовъ другимъ, какъ-то: Тегнéру, Берцеліусу и Гейеру, или же сохранять черты геніальныхъ писателей въ мраморныхъ изваяніяхъ, выполненныхъ отличнѣйшими художниками Швеціи. Всѣ такіе знаки уваженія къ литературнымъ заслугамъ отражають на себѣ духъ учредителя; все это долги, уплаченные именемъ отечества, согласно съ волею Густава, чтобы академія дѣйствовала для «славы и безсмертія», почему и суммы, которыми располагала она, конечно были употребляемы сообразно съ своимъ назначеніемъ.

Таково, съ нѣкоторыми сокращеніями, содержаніе записки Бескова. Изъ донесенія, впослѣдствіи представленнаго академіею королю, видно, что во вниманіи къ затрудненіямъ, которыя она встрѣчала въ своемъ предпріятіи, государственные чины, въ 1854 году, ассигновали ей на четыре года дополнительную сумму по 1,200 руб. ежегодно. Получивъ такимъ образомъ средства назначить особое вознагражденіе одному изъ членовъ своихъ, который будетъ имѣть возможность постоянно заниматься редакціею словаря, Шведская академія предложила эту работу профессору Лундскаго университета Гагбергу (Hagberg) и для того испросила ему на первый случай двухлѣтнее увольненіе отъ должности. Отдавая королю отчетъ въ дальнѣйшемъ ходѣ трудовъ по словарю, она указываетъ на число листовъ (2,500), наполненныхъ выписками, и статей (30,000), обработанныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Но какъ шло составленіе и изданіе словаря со времени порученія названному профессору? Нынѣ уже покойный Гагбергъ, извѣстный очень удачными переводами изъ Шекспира, не былъ

въ собственномъ смыслѣ филологомъ. По мѣрѣ изготовленія словарныхъ работъ, онъ долженъ былъ посылать ихъ въ Стокгольмъ на разсмотрѣніе учрежденнаго между тѣмъ особаго академическаго комитета. Главнымъ членомъ этого комитета былъ покойный Рюдквистъ (Rydqvist), пріобрѣтшій съ 1850 года почетное имя своимъ обширнымъ филологическимъ сочиненіемъ «Законы шведскаго языка» (Svenska språkets lagar). Непривычка Гагберга къ лексикографическимъ трудамъ, отсутствіе системы въ его работѣ и произвольность нѣкоторыхъ его взглядовъ, которыхъ не могъ раздѣлять стокгольмскій комитетъ, естественно замедляли ходъ дѣла. Наконецъ однакожъ профессоръ представилъ отдѣланное имъ собраніе словъ на букву А, которое, по пересмотрѣ комитетомъ, и было издано въ 1870 году въ видѣ перваго выпуска Шведскаго академическаго Словаря, подъ заглавіемъ: «Ordbok öfver Svenska Språket utgifven af Svenska Akademien». Между тѣмъ Гагбергъ умеръ, и главное веденіе труда перешло въ руки Рюдквиста; онъ же первымъ условіемъ поставилъ чтобы прежде всего удовольствовались составленіемъ полнаго алфавитнаго списка словъ, которыя должны войти въ лексиконъ, съ главными грамматическими обозначеніями, но безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій и подробностей[1].

Изданный въ 1870 г. первый выпускъ Шведскаго академическаго словаря, содержащій, какъ сказано, слова на букву А, заключаетъ въ себѣ 358 стр. in 4° средняго формата. Изъ иностранныхъ словъ приняты только вполнѣ усвоенныя языкомъ, не-

[1] Начало этого труда и появилось въ Стокгольмѣ подъ заглавіемъ: Ordlista öfver Svenska Språket, utgifven af Svenska Akademien. Въ 1874 году оно вышло уже 2-мъ изданіемъ. Рюдквистъ умеръ въ Стокгольмѣ въ концѣ 1877 года. За нѣсколько недѣль до его кончины я видѣлъ тамъ престарѣлаго филолога, но уже на одрѣ неизлѣчимой болѣзни. Это было вскорѣ послѣ четырехсотнаго юбилея Упсальскаго университета, на которомъ я присутствовалъ въ качествѣ делегата отъ нашей Академіи наукъ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также объ этимологическомъ словарѣ шведскаго языка, составляемомъ доцентомъ Упсальскаго университета г. Таммомъ. Сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ вышло его два выпуска (1874 и 1875 г.), содержащіе двѣ первыя буквы алфавита.

передѣланныя, издавна въ немъ обращающіяся или вошедшія въ составъ собственно шведскихъ словъ. Остальныя чужеязычныя слова, заимствованныя въ новѣйшее время, устранены до окончанія словаря и будутъ помѣщены въ особомъ къ нему прибавленіи. Что касается плана и состава вышедшаго выпуска, то объясненіе каждаго слова вмѣщаетъ въ себѣ слѣдующія части: 1) краткія грамматическія замѣчанія; 2) производство слова и формы его въ родственныхъ языкахъ; 3) опредѣленіе значеній слова съ примѣрами изъ современнаго языка и изъ писателей, начиная съ прошлаго вѣка; 4) указаніе употребленія слова въ разныхъ сочетаніяхъ его или примѣненіяхъ, опять съ фразеологіею, иногда съ приведеніемъ пословицы или поговорки; 5) въ случаѣ надобности замѣтки по исторіи слова. Изъ древняго и стариннаго языка въ алфавитномъ порядкѣ помѣщены только такія слова, которыя могутъ служить къ объясненію словъ современнаго языка или которыя бы заслуживали быть возстановленными въ употребленіи. Итакъ начало словаря, по положенному въ основаніе его плану, близко подходитъ къ требованіямъ настоящей лексикографіи, и самое выполненіе вообще удовлетворительно; но, къ сожалѣнію, мало ручательствъ за приведеніе предпріятія къ окончанію. какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ предисловія къ первому выпуску: «Исполненіе возложенной на академію задачи остается, какъ оно и до сихъ поръ было, въ зависимости отъ обстоятельствъ, надъ которыми она невластна, особенно же отъ недостатка не только матеріальныхъ средствъ, но и значительной руководящей силы, которая могла бы направлять все дѣло въ области, все болѣе расширяющейся въ наше время при безпрестанно возрастающихъ требованіяхъ какъ въ самой наукѣ, такъ и внѣ ея, требованіяхъ, нисколько не уменьшаемыхъ въ приложеніи къ литературному обществу, которое нынѣ всего менѣе имѣетъ возможности совершить подобное предпріятіе. Добросовѣстно взвѣсивъ все это и лежащія въ основѣ того обстоятельства, академія, при изданіи настоящаго 1-го выпуска словаря, не можетъ принять на себя передъ публикою положи-

тельнаго обязательства относительно продолженія или окончанія его, и обѣщаетъ только со всею заботливостью, по улучшенному плану, вести далѣе приготовительные труды для окончательной обработки; однакожъ и это только по мѣрѣ денежныхъ средствъ и рабочихъ силъ. Первыя, въ довольно кругломъ размѣрѣ, составляютъ необходимое условіе для надлежащаго выполненія дѣла, но не всегда могутъ доставить послѣднія, для вызова которыхъ нужны часто особенно счастливыя обстоятельства или другія неизчислимыя напередъ случайности».

Чтобы вполнѣ понять смыслъ этихъ словъ, надобно знать, что Шведская академія давно была предметомъ нареканій и упрековъ за медленность въ составленіи словаря, и что вслѣдствіе того она, на одномъ изъ послѣднихъ сеймовъ, отказалась отъ суммы, которая ежегодно отпускалась ей отъ правительства (5.000 рикед. = 2.000 руб. сер.). Тѣмъ не менѣе дѣло въ то время не вполнѣ остановилось, какъ видно изъ упомянутаго выше, изданнаго, согласно съ обѣщаніемъ академіи, томика.

Изъ всего здѣсь сообщеннаго можно заключить, что причины, почему Шведская академія до сихъ поръ еще не кончила давно начатаго ею словаря, главнымъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Изготовленіе словаря соединенными силами многихъ вообще представляетъ большія затрудненія по недостатку при такомъ условіи единства, необходимаго во всякомъ сложномъ предпріятіи, а особенно въ предпріятіи этого рода.

2) Такая совокупная работа тѣмъ болѣе трудна для стокгольмской академіи, что это общество основано преимущественно для поощренія въ Швеціи изящной литературы; — что всѣ члены его обременены другими, болѣе обязательными занятіями либо по государственной службѣ, либо по литературѣ, которыя доставляютъ имъ средства къ существованію или болѣе удовлетворяютъ ихъ духовнымъ потребностямъ; — что многіе изъ нихъ уже въ такихъ лѣтахъ, когда человѣкъ не чувствуетъ въ себѣ ни силъ, ни охоты къ напряженной дѣятельности, и что

наконецъ, между ними нѣтъ человѣка, который, подобно Джонсону, Аделунгу или Литтрэ, соединялъ бы въ себѣ всѣ качества для обширнаго лексикографическаго труда.

3) При такихъ обстоятельствахъ и такомъ взглядѣ на дѣло Шведская академія прибѣгла къ единственному средству, которое еще могло почетнымъ образомъ вывести ее изъ затрудненія: она передала весь трудъ одному изъ живущихъ внѣ Стокгольма членовъ своихъ, назначивъ особыя денежныя вознагражденія какъ ему, такъ и другимъ стороннимъ сотрудникамъ, которые будутъ въ его распоряженіи для окончательныхъ работъ по редакціи словаря.

Примѣръ Шведской академіи въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно поучителенъ для всѣхъ ученыхъ обществъ, которымъ предлежитъ рѣшеніе однородной задачи. Вникнувъ во всѣ затрудненія, столь откровенно ею самою сознанныя, нельзя не согласиться, что они въ большей или меньшей степени неизбѣжны для всякой коллегіи, и что если, несмотря на то, задача составленія словаря иногда успѣшно выполнялась академіями, то такое явленіе принадлежитъ къ числу исключеній и было всегда результатомъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Составленіе словаря, какъ и всякій другой обширный и многосложный трудъ, требуетъ со стороны занявшагося имъ воодушевленія, изъ котораго рождается другое столь же рѣдкое и для такого предпріятія необходимое свойство — неистощимое самоотверженіе и терпѣніе. Такое плодотворное воодушевленіе къ дѣлу, для большей части людей вовсе не привлекательному, дается только тому, кто къ этому дѣлу *призванъ*, т. е. соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя для успѣшнаго выполненія его свойства и надлежащую подготовку. Если и предположить, что эти условія въ равной степени соединяются въ нѣсколькихъ членахъ даннаго общества, то все-таки различіе ихъ взглядовъ, началъ и другихъ особенностей составитъ почти непреодолимое препятствіе къ единству и равномѣрности совокупнаго труда. Съ другой стороны, самый способъ раздѣленія работы между сотрудниками представляетъ задачу не легкую. Есть два главные

рода такого раздѣленія. Можно либо раздать всю работу, на цѣломъ ея протяженіи, по разнороднымъ предметамъ, какъ-то: 1) по собиранію и размѣщенію словъ; 2) по грамматическому ихъ опредѣленію; 3) по объясненію ихъ значеній; 4) по пріисканію къ нимъ примѣровъ и т. д., смотря по принятому плану. Либо можно раздать работу по частямъ внѣшняго ея состава, по буквамъ, съ тѣмъ, чтобы каждый сотрудникъ обработалъ порученныя ему буквы по всѣмъ внутреннимъ отдѣламъ. Сравнивая оба способа, нельзя не убѣдиться, что если первый въ сущности раціональнѣе въ отношеніи къ цѣли единства, то онъ на практикѣ менѣе удобенъ нежели второй, который доставляетъ возможность болѣе скораго и живаго труда, но за то подвергаетъ словарь той опасности, что онъ можетъ состоять изъ частей, не совсѣмъ равномѣрныхъ между собой по внутренему содержанію и достоинству. Собственно говоря, если дѣйствительно дорожить условіемъ строгаго единства, то коллективный трудъ надъ словаремъ можетъ быть допущенъ только развѣ въ приготовительныхъ къ нему работахъ, именно въ чтеніи различныхъ писателей или памятниковъ, съ выборкою изъ нихъ словъ и примѣровъ. Окончательная же редакція словаря должна быть предоставлена одному лицу, разумѣется, при помощи нѣсколькихъ отданныхъ въ его распоряженіе помощниковъ. Если бъ Шведская академія въ самомъ началѣ своего предпріятія поступила такъ, какъ она рѣшилась сдѣлать послѣ долговременнаго опыта, то по всей вѣроятности задуманный ею словарь давно былъ бы уже изданъ.

Кончая здѣсь первый отдѣлъ предлагаемыхъ мною соображеній, не могу не упомянуть о трехъ статьяхъ И. И. Срезневскаго, относящихся къ этому же предмету и помѣщенныхъ имъ въ *Извѣстіяхъ* 1854 года подъ общимъ заглавіемъ: «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей». Эти статьи никакъ не должны быть выпущены изъ виду при настоящемъ вопросѣ. Въ нихъ авторъ сперва разсматриваетъ общія требованія, которымъ въ наше время долженъ удовлетворять словарь отечественнаго языка, а потомъ разбираетъ важнѣйшіе труды этого

рода у Французовъ, у Англичанъ и отчасти у Нѣмцевъ, сравнивая главныя начала, которымъ слѣдовали составители. Я съ своей стороны преимущественно обращаю вниманіе на практическую часть составленія словарей, представляю матеріалы къ рѣшенію вопроса, какъ вести дѣло, и разсматриваю ходъ лексикографіи у народовъ, не затронутыхъ или только слегка затронутыхъ И. И. Срезневскимъ. Такимъ образомъ наши труды по этому предмету, сходясь въ общемъ своемъ направленіи, различаются въ точкѣ зрѣнія, съ которой каждый изъ насъ смотритъ на предметъ, и необходимо дополняютъ другъ друга въ дѣлѣ, занимающемъ Отдѣленіе.

II. ПРОГРАММА СЛОВАРЯ БРАТЬЕВЪ ГРИММОВЪ,

составленная

Якововъ Гриммомъ [1].

Все, что мнѣ надо сказать, изложу я отъ своего собственнаго имени; когда Вильгельмъ впослѣдствіи возьметъ свое болѣе мягкое перо, ему легко будетъ подтвердить и дополнить мое первое объясненіе. Преданный безпрерывному труду, который привлекаетъ меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе я съ нимъ знакомлюсь, чувствую въ преклонные годы, что надъ нимъ обрываются нити другихъ начатыхъ мною работъ, другихъ книгъ, съ которыми я долго носился и которыя теперь еще держу въ своихъ рукахъ. Какъ снѣгъ, иногда по цѣлымъ днямъ падающій съ неба мелкими, частыми хлопьями, наконецъ непомѣрнымъ слоемъ покрываетъ всю окрестность, такъ меня засыпаетъ масса словъ, которыя тѣснятся ко мнѣ изъ всѣхъ угловъ и щелей. Иногда

---

[1] Предлагается здѣсь въ извлеченіи изъ Deutsches Wörterbuch. Erster Band. Leipzig, 1854. Въ выводахъ предыдущей статьи утвердился я еще болѣе, найдя имъ подкрѣпленіе въ мысляхъ Як. Гримма, развитыхъ имъ во вступленіи къ нѣмецкому его словарю. Вопросъ чрезвычайно важенъ для нашей молодой литературы, и мы при разрѣшеніи его не можемъ не принимать въ соображеніе взгляда одного изъ знаменитѣйшихъ филологовъ нашего времени. Это не значитъ, чтобъ мысли его по этому предмету во всемъ могли служить для насъ непреложнымъ руководствомъ; напротивъ, есть между ними такія, съ которыми трудно согласиться, другія у насъ непримѣнимы: но за всѣмъ тѣмъ въ идеяхъ Як. Гримма остается еще довольно такого, чѣмъ мы можемъ и должны воспользоваться. Къ нѣкоторымъ мѣстамъ его программы прилагаю особыя примѣчанія.

мнѣ хотѣлось бы подняться и разомъ все стряхнуть съ себя, но чрезъ минуту не могу не опомниться. Безразсудно было бы стремиться упорно къ менѣе важнымъ цѣлямъ и упустить высшую.

И если я достигну этой цѣли, значеніе которое кроется болѣе въ самомъ предпринятомъ дѣлѣ нежели въ моихъ способахъ, какая бѣда, что я не пойду по потаеннымъ стезямъ, по которымъ хотѣлъ итти, что будетъ недоставать подтвержденій, которыя привели бы къ тому же результату? Они могли бы присоединиться, но въ нихъ нѣтъ крайней надобности. Я убѣдился, что основа органовъ человѣческаго слова, прирожденныя намъ условія языка подчинены таинственнымъ законамъ, которые естествознаніе вездѣ являетъ намъ неизмѣнными; но въ то же время я понялъ, что въ языкѣ есть еще другой, болѣе теплый и подвижной элементъ развитія его, усвоенія, перехода изъ рода въ родъ и усовершенствованія, — элементъ, который вводитъ его въ область исторіи и даетъ начало всему великому разнообразію литературы. Отношеніе языка къ естественнымъ звукамъ на безчисленныхъ ступеняхъ должна показать преимущественно грамматика, а изобразить приливъ и отливъ ихъ явленій во времени есть дѣло словаря, для котораго богатѣйшіе сборники запасовъ языка такъ же необходимы, какъ акты для исторіи.

Подобный трудъ тогда только можетъ итти успѣшно, если начало его озарено свыше благодатнымъ созвѣздіемъ. Такое свѣтило стало мнѣ ясно въ двухъ знакахъ, которые обыкновенно далеки другъ отъ друга, но на этотъ разъ сблизились, движимые однимъ и тѣмъ же внутреннимъ побужденіемъ, — въ быстромъ развитіи нѣмецкой филологіи и въ живомъ сочувствіи народа къ родному слову, возбужденныхъ укрѣпившеюся любовью къ отечеству и неугасимымъ желаніемъ ему болѣе твердаго единенія. Что же у насъ общаго, если не языкъ и литература?

Великіе поэты доказали предъ цѣлымъ народомъ, какая сила въ нашемъ языкѣ, а иноземное иго въ началѣ нынѣшняго столѣтія убѣдило всѣхъ, съ какою гордостью мы должны держаться сокровища родного языка. Съ той поры сознаніе искони кроющ-

щихся и въ немъ основныхъ законовъ было такъ облегчено, что оно вдругъ могло сдѣлаться нагляднымъ при самыхъ простыхъ средствахъ. Это радушно принятое сознаніе, къ счастію, встрѣтилось съ появленіемъ вызванной санскритомъ сравнительной филологіи; не гнушаясь никакою принадлежностью языка, она тѣмъ болѣе не могла не отдать справедливости отечественному слову, которое многими струнами еще откликалось на болѣе полные звуки достопочтеннаго прародителя. Такъ при разныхъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ постепенно образовалась, въ большемъ объемѣ чѣмъ когда-либо прежде, нѣмецкая филологія. Бывало, все что съ трудомъ было издано изъ памятниковъ нашей старины могло совмѣститься въ какихъ-нибудь двухъ фоліантахъ или квартантахъ; теперь же въ библіотекахъ цѣлыя полки уставлены древне-нѣмецкими книгами, и уже книгопродавцы издатели не боятся этой литературы. Сколько бы ни оставалось еще сдѣлать, видно похвальное усердіе пополнить всѣ пробѣлы и вытѣснить плохія изданія болѣе удовлетворительными. Уже источники нашего языка не остаются закрытыми; ихъ ручьи и рѣки можно иногда прослѣдить до самаго того мѣста, гдѣ они впервые пробились; но за то впредь нѣмецкая грамматика, нѣмецкій словарь, чуждые этихъ изысканій и всѣхъ вызванныхъ ими требованій, не могутъ ни имѣть значенія, ни служить къ дѣйствительной пользѣ.

Въ настоящее время уже и серьезное настроеніе народа начинаетъ отвращаться отъ всякаго поверхностнаго труда. При расположеніи къ разработкѣ естественныхъ наукъ, которыя занимаютъ умъ и самыми простыми средствами производятъ полезнѣйшія дѣйствія, народъ нашъ вообще гнушается всѣмъ безполезнымъ и дурнымъ. На что ему вѣчные ручные словари и извлеченія изъ сокровищницы нашего могучаго языка, нашего древняго наслѣдія? Эти пособія только отталкиваютъ отъ него и предлагаютъ безвкусный отваръ его силы и полноты, неспособный ни питать, ни насыщать, какъ будто нельзя подойти къ языку прямо и наблюдать его лицомъ къ лицу. Изслѣдованіе силъ без-

конечной природы успокоиваетъ и возвышаетъ, но не есть ли самъ человѣкъ благороднѣйшее ея произведеніе, не составляютъ ли плоды его духа высшую цѣль? Теперь народъ болѣе прежняго желаетъ наслаждаться своими поэтами и писателями, не только нынѣшними, но и отжившими; надобно открыть шлюзы, чтобъ волны старины доходили до настоящаго. Немногіе чувствуютъ призваніе къ изслѣдованію свойствъ древняго языка, но въ массѣ есть потребность, влеченіе, любопытство узнать весь объемъ живой рѣчи, не раздробленной и не разложенной. Грамматика для ученыхъ, словарь для всѣхъ; рядомъ съ ученою и вмѣстѣ живою основой, онъ имѣетъ цѣль и назначеніе, которыя въ благороднѣйшемъ смыслѣ заслуживаютъ названія практическихъ.

Теплое участіе народа было необходимымъ условіемъ появленія этого нѣмецкаго словаря, который такимъ образомъ составляетъ рѣзкую противуположность съ словарями другихъ языковъ, возникшими въ ученыхъ обществахъ и изданными на счетъ правительствъ, какъ было во Франціи, въ Испаніи и въ Даніи; нынче академія словесности въ Стокгольмѣ готовитъ шведскій словарь. На такое сотрудничество надобно смотрѣть различно, смотря по неодинаковому положенію народовъ. Гдѣ, какъ во Франціи, языкъ вполнѣ опредѣлился утонченностью общественнаго быта, тамъ онъ едва ли и можетъ инымъ путемъ найти и выяснить свой свѣтскій тонъ; по крайней мѣрѣ Dictionnaire de l'académie утвердилъ его на нѣсколько поколѣній; когда-нибудь, конечно, сбросятъ его невыносимыя оковы; отъ истиннаго же понятія словаря dictionnaire съ самаго начала былъ далекъ. Но въ другихъ странахъ выгоды совокупнаго труда исчезаютъ передъ сопряженными съ нимъ препятствіями и недостатками: посреди дѣятельности и согласія могутъ возникать предлоги къ лѣни и раздору. Поэтому вся дѣйствительная тягость труда должна бы быть предоставлена въ руки одного или нѣсколькихъ лицъ, сознающихъ въ себѣ настоящее призваніе къ дѣлу. Но тогда такой трудъ могъ бы развиваться и независимо, внѣ круга общества, которое бы взяло на себя только покрытіе вполнѣ или отчасти издержекъ по пред-

пріятію и такимъ образомъ стало бы въ главѣ всего дѣла. Съ этой стороны нельзя конечно отрицать благотворнаго участія ученаго общества въ составленіи словаря. Но въ Германіи, при маломъ уваженіи, которымъ пользовался отечественный языкъ, академіи, охраняющія преимущественно классическую и восточную филологію, естественныя науки и исторію, никогда не оказывали содѣйствія ни къ начертанію новаго, ни къ поддержанію начатаго уже нѣмецкаго словаря. Отъ первыхъ нашихъ лексикографовъ до Аделунга и Кампе, вообще всѣ наши словари печатались безъ всякаго общественнаго поощренія или пособія, и къ стыду нашему, памятники отечественнаго языка, по большей части, издавались при самыхъ скудныхъ средствахъ, чуть не противъ воли бравшихъ на себя издержки, почти безъ всякаго вознагражденія издателямъ[1].

Перехожу къ частнымъ замѣчаніямъ:

1. Словарь есть азбучная роспись словъ какого-нибудь языка. Понятіе о немъ обнаруживаетъ основную разность древнихъ и новыхъ временъ. Выраженія Wörterbuch не знало еще 17-е столѣтіе; сколько мнѣ извѣстно, первый употребилъ его Крамеръ (1719) по образцу нидерландскаго woordenboek; отъ насъ оно перешло къ Шведамъ и Датчанамъ. Но прекраснѣе несложное славянское *словарь, словникъ, рѣчникъ* отъ *слова, рѣчь.* Греческое ῥηματικόν (т. е. βιβλίον) соотвѣтствовало бы нынѣшнему значенію, но древними оно такъ не употреблялось.

Греки и Римляне не знали словарей, и названія, впослѣдствіи образовавшіяся въ ихъ языкѣ: lexicon, glossarium, dictionarium,

[1] Въ русской литературѣ нельзя не признать благотворнаго значенія академіи въ дѣлѣ выполненія задачи составленія словаря. Кажется, Я. Гриммъ выпустилъ тутъ изъ виду весьма важную сторону вопроса, именно степень литературнаго развитія націи. Безъ Россійской академіи, которая въ 11 лѣтъ составила свой первый словарь, у насъ можетъ быть еще и до сихъ поръ не было бы подобнаго труда. Но точно такъ же думается, что теперь, послѣ всѣхъ изданій академіи по этому предмету, дѣло усовершенствованія русскаго словаря успѣшно можетъ быть ведено частными лицами, лишь бы нашлись приготовленные къ тому люди, которые имѣли бы возможность посвятить ему всю свою дѣятельность.

vocabularium, заключають въ себѣ другой смыслъ: λεξικόν (βιβλίον) отъ λέξις, dictionarium отъ dictio, есть сборникъ оборотовъ, выраженій; glossarium объясняетъ старинныя, непонятныя реченія, содержитъ въ себѣ глоссы; vocabularium предлагаетъ немногія только слова, собранныя для учащихся или вообще съ какою-нибудь особенною цѣлью. Такъ Дюканжъ и Орбелинъ справедливо называютъ свои труды глоссаріями, французскіе академики свою превосходную выборку—dictionnaire; но отдѣльные, къ изданію какого-нибудь писателя приложенные реестры не должны бы называться словарями. Если Французы когда-нибудь дождутся полнаго словаря своего языка, то они конечно дадутъ ему болѣе вѣрное названіе нежели dictionnaire или lexique. Понятіе словаря, во всей его обширности, часто выражали еще заглавіемъ: thesaurus, tesoro, trésor, sprachschatz, или присоединеніемъ прилагательнаго (totius latinitatis lexicon).

Самимъ древнимъ никогда не приходило на мысль собирать *всѣ* слова своего языка, а тѣмъ болѣе языковъ сосѣднихъ варваровъ; они любили только объяснять отдѣльные слои или ряды словъ, преслѣдовать въ нихъ извѣстные грамматическіе законы образованія или выяснять темныя, забытыя выраженія. Ихъ этимологія, иногда замысловатая и мудреная, по большей части не знала правилъ науки. Самая твердая память не могла бы удержать всѣхъ выраженій, которыя у Грековъ и безъ того способны были къ безконечному развитію; а если бъ до этого и можно было постепенно дойти совокупными усиліями многихъ, то оно ни къ чему не повело бы. Какая была бы польза отъ собранія массы словъ, которое никого не интересовало и могло быть распространено не иначе какъ посредствомъ списковъ, стоившихъ и много труда и большихъ издержекъ? Греки и Римляне еще и не думали о сравненіи языковъ; они не чувствовали къ тому ни малѣйшей охоты; не то, конечно сдѣлали бы въ этой области изумительныя открытія.

Рѣшительную перемѣну произвело только книгопечатаніе, преобразовавшее всѣ науки; послѣдствія этого великаго изобрѣ-

тенія, какъ и паровой силы, до сихъ поръ неисчислимы. Какъ въ глубокой древности письмо впервые доставило людямъ возможность употреблять руку самымъ духовнымъ образомъ, дало имъ средства пересылать свои мысли и передавать ихъ потомству, такъ распространеніе письма въ печати удесятерило эти средства. Безъ этого изобрѣтенія, послѣдовавшее за нимъ возрожденіе классической литературы и реформація были бы невозможны или по крайней мѣрѣ не вполнѣ успѣшны. Съ тѣхъ поръ какъ писанное печатается и повсюду читается, возникли словари, и для языкознанія проложены совершенно новые пути; это произошло конечно не вдругъ, а дѣлалось мало по малу, сперва случайно, потомъ все сознательнѣе: наконецъ поняли, какъ важны полныя хранилища языковъ. Въ филологическомъ направленіи нынѣшнихъ миссіонеровъ языкоученіе можетъ со временемъ пріобрѣсти такую опору, что оно часто будетъ въ состояніи замѣнять отсутствіе или утрату историческихъ памятниковъ богатствомъ и остроуміемъ своихъ соображеній: это мы уже и теперь предвкушаемъ въ нѣкоторой степени. Но на участіе въ этой новой филологіи всѣ языки земного шара имѣютъ равное право, и ни одинъ не долженъ быть презираемъ, точно такъ, какъ всѣ слова равно принадлежатъ словарю и въ немъ пользуются одинаковыми правами. Итакъ стремленіе къ полнотѣ въ собираніи и разработкѣ составляетъ для словаря первую потребность и этимъ обусловливается всесторонность его употребленія. Ибо все что́ выходитъ изъ печати назначено для всѣхъ безъ исключенія; что́ всѣмъ должно и можетъ служить, не имѣетъ права исключать или отвергать что-либо.

Столько же необходимъ для словаря азбучный порядокъ, отъ котораго зависитъ съ одной стороны возможность полнаго занесенія и разработки словъ, а съ другой — вѣрность и скорость употребленія. Кто располагаетъ богатыми матеріалами, долженъ въ точности знать, куда ихъ помѣстить, и не быть принужденнымъ искать, чтобъ удостовѣриться, включено ли уже такое-то слово, или нѣтъ: пчела напередъ знаетъ, въ какую ячейку ей

положить медъ. Кому была бы охота рыться въ словахъ, когда неизвѣстно, гдѣ ихъ найти? Уже древніе въ своихъ ограниченныхъ сборникахъ соблюдали алфавитный способъ размѣщенія, а кто теперь отъ него отступаетъ, тотъ грѣшитъ противъ филологіи.

Но никакой порядокъ такъ не противенъ цѣлямъ словаря, какъ расположеніе словъ по корнямъ, за которыми слѣдуютъ производныя и сложныя реченія; многіе даже при составленіи глоссаріевъ и списковъ не могутъ воздержаться отъ страсти систематизировать, и отнимаютъ у грамматики то, что ей принадлежитъ. Заботиться и въ словарѣ объ этимологіи естественно и неизбѣжно; но такъ какъ она, безостановочно развиваясь, во всѣхъ направленіяхъ расширяетъ познаніе корней, то порядокъ словъ не долженъ быть ею сбиваемъ; иначе всякая этимологическая находка влекла бы за собой измѣненія, и въ словарѣ ни одно слово не стояло бы прочно на своемъ мѣстѣ. Когда уже есть другіе словари, можно съ пользою располагать по алфавиту и изслѣдованіе надъ корнями, какъ напр. Миклошичъ издалъ разные труды этого рода, или Розенъ собралъ особо санскритскіе корни[1]. Но одинъ азбучный порядокъ упрочиваетъ за отдѣльными словами до времени ихъ независимость и нейтральность, которыхъ не должно нарушать прежде завершенія разысканій, не относящихся къ словарю.

2. Что составляетъ цѣль словаря? По обширности своего назначенія онъ долженъ имѣть цѣль великую и далекую.

Онъ долженъ быть святилищемъ языка, хранить все богатство его и содержать открытый къ нему доступъ. Собраніе словъ растетъ какъ соты и становится драгоцѣннымъ памятникомъ народа, котораго прошедшее и настоящее въ немъ сливаются.

Языкъ есть общее достояніе и вмѣстѣ тайна. Сильно привлекая ученаго, онъ возбуждаетъ и въ толпѣ естественное

---

[1] Здѣсь нельзя не вспомнить и нашего Шимкевича.

къ себѣ сочувствіе и охоту: «Какъ бишь такое-то слово, котораго я не припомню?».... «Этотъ человѣкъ странно выражается: что бы онъ хотѣлъ сказать?».... «На это слово можно найти лучшіе примѣры: поищемъ въ словарѣ».

Такая охота много облегчаетъ пониманіе. Словарю вовсе не нужно стремиться къ пошлой ясности; онъ можетъ спокойно прибѣгать къ обычной обстановкѣ, безъ которой наукѣ такъ же трудно обойтись, какъ и ремеслу, и читатель либо уже приноситъ съ собой нужное умѣнье обращаться съ нимъ, либо пріобрѣтаетъ къ тому навыкъ безъ особенныхъ усилій. Спросите о чемъ-нибудь сапожника или булочника, и онъ отвѣтитъ вамъ своими словами, которыя рѣдко потребуютъ толкованія.

Да и нѣтъ никакой надобности, чтобы все было всѣмъ понятно, чтобы каждое слово было объяснено каждому; пусть онъ пройдетъ мимо непонятого: можетъ-быть, оно въ слѣдующій разъ сдѣлается ему доступнѣе. Назовите хоть одну хорошую книгу, которой пониманіе было бы всякому легко и не оставляло за собой неизмѣримой бездны смысла. Содержаніе словаря обыкновенно бываетъ такъ полновѣсно, что многое и ученѣйшихъ ставитъ въ тупикъ, или по крайней мѣрѣ затрудняетъ. Въ безчисленныхъ случаяхъ и другіе читатели могутъ оставлять въ сторонѣ то, что имъ не подъ силу, что не входитъ въ ихъ кругозоръ или даже отталкиваетъ ихъ. Читатели всякаго званія и возраста, на необозримыхъ пространствахъ языка, должны поступать по обычаю пчелъ, спускаться только на тѣ травы и цвѣты, которые ихъ привлекаютъ и нравятся имъ.

Есть множество книгъ съ неудачно-придуманными заглавіями, которыя ходятъ по бѣлу свѣту и предлагаютъ самую пеструю и неудобоваримую смѣсь разнородныхъ знаній. Если бъ распространился вкусъ къ простой пищѣ родного языка, то словарь могъ бы сдѣлаться предметомъ домашняго обихода, и его стали бы читать съ охотой, иногда даже съ благоговѣніемъ. Только не надо сравнивать привлекательную силу рога изобилія, какъ обыкновенно называютъ словарь, и оказываемую имъ пользу съ жал-

кими услугами скуднаго ручного словаря, который раза два въ годъ снимаютъ съ запыленной полки, чтобы рѣшить споръ, какое изъ двухъ плохихъ правописаній заслуживаетъ предпочтенія, или отыскать натянутый переводъ всѣмъ извѣстнаго иностраннаго выраженія.

Какъ велико благотворное вліяніе словаря въ томъ смыслѣ, что онъ противодѣйствуетъ людямъ, которые щеголяютъ чужеземными языками, и заставляетъ живѣе чувствовать достоинство, часто даже превосходство своего; а запасъ наглядныхъ примѣровъ, независимо отъ прямой ихъ цѣли, усиливаетъ любовь къ отечественной литературѣ. Блескъ древнихъ языковъ возвышали и поддерживали поэзія и произведенія духа; кажется, словарямъ предназначено способствовать къ упроченію новѣйшихъ языковъ: вотъ еще причина, почему надо стараться о распространеніи хорошихъ словарей. Если они не въ силахъ охранять всѣхъ словъ, то по крайней мѣрѣ оберегаютъ большую часть ихъ; не многіе изъ читателей какого-нибудь словаря станутъ отрицать, какъ много они ему обязаны въ частностяхъ. Конечно, всего живѣе слова передаются изъ устъ въ уста; и смотря по различію странъ, одно племя бываетъ развязнѣе другого и ловчѣе справляется съ языкомъ, нежели другое. Но брошенное сѣмя можетъ оплодотворять и запустѣвшія поляны.

Успѣхамъ языковѣдѣнія благопріятно все, что́ дѣлается для памятниковъ, и поприще его неизмѣримо. Но безъ всякаго сравненія важнѣйшую помощь оказываетъ ему словарь, который всѣ реченія представляетъ на опредѣленномъ мѣстѣ въ такомъ удобномъ для обзора порядкѣ, какого и самый неутомимый трудъ ничѣмъ не можетъ замѣнить. Словарь похожъ на вооруженное, готовое къ битвѣ войско, съ которымъ можно совершать чудеса и противъ котораго безсильны отдѣльные, хотя и самые отборные отряды. Я это испыталъ на себѣ, когда хотѣлъ построить древнюю грамматику еще безъ помощи словаря, а теперь при полной азбучной разработкѣ языка замѣчаю, что только такимъ твердымъ и равномѣрнымъ шагомъ можно дойти до самыхъ отдален-

ныхъ мѣстъ, которыя иначе остались бы въ сторонѣ. Подобно часамъ, словарь и для простолюдина долженъ быть устроенъ съ тою же точностью, къ какой стремится астрономъ, и вообще онъ можетъ быть вполнѣ полезнымъ только тогда, когда удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ науки.

3. До сихъ поръ понятіе и значеніе словаря разсматривались столь общимъ образомъ, что выводы отсюда могутъ быть примѣняемы ко всѣмъ языкамъ; теперь поговоримъ о нѣмецкомъ словарѣ въ особенности.

(Здѣсь считаю нужнымъ передать только вкратцѣ слишкомъ частныя для насъ замѣчанія Якова Гримма).

Объемъ словаря, говоритъ онъ, опредѣляется границами самого языка. Подъ нѣмецкимъ языкомъ въ собственномъ смыслѣ надобно разумѣть употребляемый тѣми Нѣмцами, которые остались въ политическомъ союзѣ. Этотъ языкъ раздѣляется на верхне- и нижненѣмецкое нарѣчіе, между которыми передвижка звуковъ полагаетъ такое рѣзкое различіе, что послѣднее изъ обоихъ болѣе сходно съ другими германскими языками, нежели съ верхненѣмецкимъ нарѣчіемъ. Поэтому нижненѣмецкія реченія не могутъ найти мѣста въ нѣмецкомъ словарѣ. Но за то для него чрезвычайно важно познаніе всѣхъ верхненѣмецкихъ народныхъ говоровъ, и здѣсь Яковъ Гриммъ съ особенной похвалой отзывается объ областныхъ словаряхъ: баварскомъ Шмеллера и швейцарскомъ Стальдера, изъ которыхъ первый онъ ставитъ еще гораздо выше послѣдняго. Упомянувъ потомъ объ эльзасскомъ и аллеманскомъ отличіяхъ, онъ прибавляетъ: «однакожъ изъ всѣхъ этихъ нарѣчій нельзя заимствовать непосредственно, т. е. безъ устраненія звукового различія, съ которымъ отчасти теряется и прелесть ихъ».

4. Мы видѣли, какому ограниченію подлежитъ понятіе нѣмецкаго словаря по пространству; спрашивается, какіе предѣлы должны быть положены ему во времени?

Верхненѣмецкій языкъ распадается на три періода. Древнѣйшіе памятники его, отъ 7-го до 11-го столѣтія, образуютъ древне-верхненѣмецкій періодъ; отъ 12-го же до середины

15-го идетъ средне-верхненѣмецкій; необходимо отличать оба эти періода какъ между собой, такъ и отъ ново-верхненѣмецкаго, потому что формы стараго языка полнѣе и благороднѣе формъ средняго, а эти чистотою далеко превосходятъ нынѣшніе. Въ словарѣ часто нужно было прибѣгать къ древне-верхненѣмецкому и даже къ готскому, чтобы добраться до самой древней и правильнѣйшей формы какого-нибудь реченія. Еще чаще, и особенно ради живости выраженій, вносимы были средне-верхненѣмецкіе примѣры, такъ что иному читателю можетъ даже показаться, что ихъ слишкомъ много. Необходимость ихъ понималъ иногда уже Аделунгъ, но древне-верхненѣмецкіе приводитъ онъ рѣдко, готскихъ у него вовсе нѣтъ.

Главное дѣло въ томъ, чтобы по возможности исчерпать объемъ всего ново-верхненѣмецкаго періода и тамъ не только достигнуть пониманія отдѣльныхъ выраженій, но и возбудить снова любовь къ забытымъ писателямъ. Всего ошибочнѣе было бы отвернуться отъ старины и самодовольно отмежевать нѣмецкому словарю тѣсное пространство настоящаго, какъ будто какое-нибудь время можетъ быть понято только изъ самого себя и обойтись безъ того, чтó устарѣло, вышло изъ употребленія. Уже и у Гэте надо часто отличать прежній способъ выраженія отъ позднѣйшаго, потому что онъ въ теченіе своей долгой, богатой жизни постепенно обращался къ другимъ формамъ и словамъ. Еще чаще попадаются у Виланда слова, которыхъ новѣйшіе писатели почти никогда или даже вовсе не употребляютъ[1].

Каждый языкъ находится подъ вліяніемъ не только ближайшаго къ нему круга, но отчасти и болѣе отдаленныхъ, обширнѣйшихъ круговъ, которыхъ сознаніе еще не вполнѣ имъ утрачено,

---

[1] Вопросъ о періодѣ времени, какой долженъ войти въ предѣлы словаря, особенно важенъ у насъ. Мѣра включенія въ него церковно-славянскихъ словъ всегда будетъ самымъ затруднительнымъ пунктомъ задачи. Кажется, всего справедливѣе и проще было бы отдѣлить на первый случай всю ту часть литературы, которая отмѣчена церковнымъ шрифтомъ, и ограничиться тою, которая живетъ въ гражданской грамотѣ. Русскій словарь обнялъ бы слѣдовательно, собственно говоря, только 18-й и 19-й вѣкъ. Но къ нему надо бы еще

какъ иногда передъ памятью внезапно возстаютъ самые отдаленные предметы. Невыносимымъ стѣсненіемъ для языка было бы лишеніе его права брать назадъ свою собственность и пользоваться знаменательными словами, отъ древности получившими торжественность. Языкъ, который, сверхъ своего наличнаго хождячаго запаса, не имѣлъ бы прибереженной денежки и кое-какихъ рѣдкихъ монетъ, былъ бы бѣдный языкъ; выставить эти сокровища есть дѣло словаря.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились съ забытыми поэтическими произведеніями среднихъ вѣковъ, а за ними еще открываемъ угасающую древне-верхненѣмецкую поэзію, намъ вдругъ представились въ благопріятнѣйшемъ свѣтѣ и всѣ послѣдующія столѣтія, потому что точное познаніе старины не допускаетъ пробѣловъ и въ позднѣйшемъ времени. Геллерта и Гагедорна мы не понимаемъ безъ Каница и Гюнтера, а этихъ безъ Опица и Флеминга: какъ же намъ отказаться отъ бо́льшаго могущества 16-го столѣтія? Языкъ Лютера, доселѣ живущій въ библіи, не могъ бы быть вполнѣ изученъ, если бъ былъ вырванъ изъ цѣпи явленій своего времени. Никакой нѣмецкій словарь не можетъ обойтись безъ Лютера и Гансъ-Сакса; слѣдовательно ему принадлежатъ и современники этихъ мужей, а еслибъ онъ не выполнилъ такого требованія, то не имѣлъ бы существеннаго достоинства и значенія.

5. Какіе у насъ предшественники и что ими сдѣлано?

(Пропуская здѣсь мало поучительныя для насъ замѣчанія Якова Гримма о первыхъ начаткахъ и опытахъ нѣмецкихъ словарей, обратимся къ тому, что́ онъ говоритъ о трудахъ Аделунга, Кампе и ихъ послѣдователей).

присоединить: 1, русскія слова изъ древнихъ памятниковъ исторіи и народной литературы, грамотъ, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. п. 2, корни церковно-славянскіе, встрѣчающіеся въ производныхъ или составныхъ русскихъ словахъ. Само собою разумѣется, что въ этотъ словарь должны бы войти и тѣ церковно-славянскія слова, которыя употреблялись нашими свѣтскими писателями послѣ введенія гражданской печати. Что касается до писателей духовныхъ, то изъ ихъ трудовъ слѣдовало бы извлекать слова съ осмотрительностью.

По смерти Готшеда (1766), который незадолго передъ тѣмъ издалъ неудовлетворительные образцы пространнаго нѣмецкаго словаря, Аделунгъ взялся за это дѣло и въ послѣдующее время трудился надъ нимъ неутомимо. Можно принять, что оно исключительно занимало его во все продолженіе 70-хъ годовъ; второе изданіе, появившееся постепенно въ 90-хъ годахъ, стоило уже меньшихъ усилій. Оно, по многимъ пропускамъ, которые не вознаграждаются кое-какими дополненіями, стоитъ ниже перваго, а въ языкоизслѣдованіи не подвигаться впередъ, но стоять на мѣстѣ — почти то же, что итти назадъ.

Несмотря на употребленный имъ непомѣрный трудъ, скромный ученый назвалъ первое изданіе опытомъ. Надо согласиться, что никогда еще не было столь тщательно и настойчиво выполненнаго труда по нѣмецкому языку, и этотъ словарь долженъ былъ произвести самое благопріятное впечатлѣніе. Его главное достоинство заключалось, во-первыхъ, въ богатомъ запасѣ словъ, который составленъ былъ хотя съ нѣкоторою сдержанностью, но за то въ строжайшемъ порядкѣ, и превосходилъ по обилію всѣ прежніе сборники, а во вторыхъ — въ спокойномъ и осмотрительномъ развитіи значеній, правда ужъ слишкомъ широкомъ, но подкрѣпленномъ хорошо прибранными примѣрами. Все здѣсь носитъ отпечатокъ невозмутимаго, равномѣрнаго труда, который скоро достигъ высшей точки, какой только могъ достигнуть, и остался свободнымъ отъ всякаго вліянія фантазіи.

Здѣсь, послѣ долгаго времени, снова соблюденъ былъ строгій азбучный порядокъ, и всѣ увидѣли его преимущества; но первый законъ для словаря — безпристрастное принятіе и охраненіе всѣхъ выраженій — принесенъ былъ въ жертву ошибочному взгляду Аделунга на свойства нашей письменной рѣчи. По его мнѣнію, только употребительный въ верхней Саксоніи утонченный нѣмецкій языкъ, какъ бы придворный языкъ учености, можетъ служить нормою, хотя ни одинъ классическій писатель не употреблялъ его. Изъ высокаго тона, такъ думалъ онъ, языкъ спускается въ благородный, изъ благороднаго въ фамильярный,

а потомъ въ низкій и простонародный; простонародный же недостоинъ вниманія языкоизслѣдователя, который низкое принимаетъ въ соображеніе только изъ уваженья къ комическому: словъ этого рода, говоритъ онъ, въ первомъ пылу допущено въ словарь слишкомъ много. Сверхъ того словарь не глоссарій и не долженъ быть слишкомъ щедръ на устарѣлыя слова. Такъ разсуждалъ Аделунгъ.

Между тѣмъ нѣмецкая поэзія достигла блестящаго развитія, а онъ не показалъ ни малѣйшей воспріимчивости къ ней, и второе изданіе его словаря нисколько не обогатилось тѣмъ, что́ всѣхъ воодушевляло. Его равнодушіе должно было непріятно поражать всѣхъ людей съ поэтическимъ настроеніемъ; наконецъ Фоссъ высказалъ долго сдержанную хулу, — высказалъ ее умно и рѣзко, но несправедливо, потому что не умѣлъ оцѣнить той обильной общеполезной жатвы, какую собралъ Аделунгъ въ тѣсныхъ, добровольно назначенныхъ себѣ предѣлахъ. Фоссъ лучше его былъ знакомъ съ литературой 16-го и 17-го столѣтій, но въ древнемъ языкѣ познанія обоихъ были слишкомъ недостаточны, и нельзя назвать удачною такую хулу, изъ которой для хулящаго проистекаетъ еще большее осужденіе. Несмотря на частые промахи Аделунга, доказывающіе незнакомство съ старинными формами языка, словарь его выдержитъ еще не одинъ порывъ вѣтра, еще долго будетъ сохранять свое значеніе, и долго изыскатели будутъ съ нимъ совѣтоваться.

Вскорѣ по окончаніи второго изданія Аделунга и послѣ долгихъ приготовительныхъ работъ, явился въ 1807—1811 годахъ нѣмецкій словарь Кампе, —тяжелый, далеко уступающій предыдущему трудъ, вызванный желаніемъ съ одной стороны пополнить сборникъ недостающими у Аделунга словами (которыя, при алфавитномъ порядкѣ, легко было отыскать), а съ другой стороны, изъ угожденія неосновательному пуризму, изгнать изъ нѣмецкаго языка всѣ иностранныя реченія. У Аделунга все какъ будто вылилось съ разу и зрѣло обдумано; здѣсь же, вмѣстѣ съ Кампе, работали двое сотрудниковъ разныхъ свойствъ и спо-

собностей; они старались наскоро сработать словарь, который могъ обойтись безъ учености, такъ какъ отбросилъ всѣ этимологическія производства, и «рѣчь ежеминутно мучащаяся въ родахъ» служила пищею торопливо схватывающей, а не спокойно-прилежной дѣятельности собирателя.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не сказать, что многія изъ пропущенныхъ Аделунгомъ словъ помѣщены у Кампе и что въ наброcанномъ со всѣхъ сторонъ сорѣ могутъ скрываться годныя зерна, которыхъ расположеніе въ азбучномъ порядкѣ заслуживаетъ благодарности; но не видно ни плана, ни точности въ занесеніи какъ старинной, такъ и новой литературы; выписки же обезображены множествомъ опечатокъ. Масса дополненій состоитъ преимущественно изъ сложныхъ словъ, какихъ, по свойству нашего языка, можно образовать цѣлыя сотни. Исчисленіе ихъ въ словарѣ доказываетъ не богатство языка, а только насиліе синтаксису его. Что касается до частицъ, то конечно допустить присоединеніе каждой изъ нихъ къ простымъ словамъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ значило бы открыть широкій путь произволу: тогда языкъ сталъ бы походить на неестественное дерево, у котораго сучья, вѣтки и листья разрослись во всѣ стороны. Въ аналогіи данъ языку могущественный законъ; но въ исключеніяхъ и отступленіяхъ отъ нея опять-таки скрываются правила, которыя должны быть соблюдаемы. Я не утверждаю, чтобы трудившіеся надъ словаремъ Кампе хотѣли собрать всѣ возможныя словосоставленія съ частицами, но для многихъ словъ этого рода они довольствуются тѣмъ, что слѣдуютъ одной аналогіи или приводятъ такіе примѣры, которые не въ состояніи доказать живого происхожденія сложнаго слова. Не всѣ подобныя слова рѣшительно негодны, но они непріятны, когда не могутъ быть достаточно подкрѣплены, и большая часть ихъ возбуждаетъ сомнѣніе. Если прибавимъ, что сверхъ этой страсти употреблять во зло способность нѣмецкаго языка къ произведенію и составленію словъ, Кампе придерживается несноснаго пуризма, о которомъ скоро будетъ говорено подробнѣе, что онъ съ другой стороны не вос-

пользовался болѣе близкими и существеными дополненіями къ Аделунгову труду, которыя представляетъ наша литература, то трудно будетъ признать разсматриваемый словарь дѣйствительно годнымъ къ употребленію и полезнымъ для успѣховъ нѣмецкаго языка. Поставленные передъ словами знаки конечно не заслуживаютъ одобренія и только увеличиваютъ безжизненность, которою эта книга безъ того страдаетъ.

Нѣтъ надобности распространяться о прочихъ, со времени Аделунга явившихся, нѣмецкихъ словаряхъ, ручныхъ, полныхъ словаряхъ Морица, Гейнзіуса, Гейзе, Кальтшмидта и другихъ. Они различнаго вида и устройства, предприняты съ благимъ намѣреніемъ и составлены отчасти съ умѣніемъ; но я сомнѣваюсь, чтобы хоть одинъ изъ нихъ оказалъ истинныя и прочныя услуги самому языку. Они считаютъ потребностью описывать, извлекать и сокращать добытые доселѣ результаты, вмѣсто того, чтобы возвышать и увеличивать ихъ. Зачѣмъ, въ отсутствіи земледѣльцевъ, столькимъ ногамъ утаптывать обширную ниву слова? лучше бы ей было пролежать нѣсколько времени въ пару.

6. Иноземныя слова.

Всѣ языки, пока они въ здоровомъ состояніи, имѣютъ естественное побужденіе отстранять отъ себя чужое, а если оно разъ уже вторглось, — вытѣснять его снова или, по крайней мѣрѣ, сглаживать туземными элементами. Нѣтъ народа способнаго къ развитію всѣхъ возможныхъ звуковъ, и всякій языкъ избѣгаетъ тѣхъ, которые ему несвойственны и противны. Что́ справедливо о звукахъ, то еще болѣе относится къ словамъ.

Когда чуждое слово случайно западетъ въ воды какого-нибудь языка, то оно носится по нимъ, пока не приметъ его цвѣта и, наперекоръ своей натурѣ, не станетъ похоже на туземное. Это видно въ особенности на множествѣ мѣстныхъ названій, но также и на другихъ словахъ: Abenteuer, Armbrust, Eichhorn представляютъ совершенно нѣмецкіе звуки, хотя не имѣютъ ничего общаго съ понятіями: Abend, theuer, Arm, Brust, Eiche, Horn. Все равно, что́ они повидимому значатъ; всякій знаетъ,

что̀ они дѣйствительно выражаютъ, и слухъ нашъ не возмущается ими. Иногда и чисто нѣмецкія, но затемнившіяся выраженія этимъ же способомъ становятся яснѣе, хотя и безъ смысла: такъ Moltwurf, съ тѣхъ поръ какъ перестали понимать его, превратилось въ Maulwurf[1].

Путемъ христіанства, латинской учености и сношеній съ сосѣдями, иноплеменныя слова врывались къ намъ во множествѣ. Нѣкоторыя были удачно и смѣло передаваемы по-нѣмецки, какъ-то: Taufe, Sünde, Hölle, Ostern и др. Гораздо большее число удержалось съ передѣлкою, напр. Engel, Teufel, Priester, Altar и проч.; изъ peregrinus сдѣлалось pilgrim, изъ pyrethrum Bertram[2]. Ассимиляція была всего сильнѣе, когда словамъ придавалась и наша своеобразная флексія, напр. глаголы schreiben и preisen спрягаются въ прошедшемъ schrieb, pries.

Къ принятію иноземныхъ реченій наша старина побуждалась не только ихъ связью съ преданіями церкви и школы, вмѣстѣ съ разительнымъ сходствомъ искони родственныхъ словъ, но также ихъ благообразіемъ и удобствомъ, или лѣнью пріискивать на своемъ языкѣ соотвѣтствующія имъ выраженія.

Мало по малу отвращеніе къ чуждымъ звукамъ стало ослабѣвать и уступать мѣсто педантической заботѣ о сохраненіи полнаго ихъ выговора; съ этимъ чутье къ родному языку еще болѣе притупилось, и иноземнымъ словамъ безъ нужды облегченъ до-

---

[1] Есть и у насъ примѣры словъ, осмысленныхъ народнымъ употребленіемъ или просто измѣненныхъ по недоразумѣнію. Таковы взятыя первоначально изъ другихъ языковъ: *високосный*, *шировары*, *крылосъ*. Подобное нѣмецкому Maulwurf представляетъ наше прилаг. *близорукій*, передѣланное изъ *близорокій* или правильнѣе *близзорокій* (зоркій), которое до сихъ поръ сохранило свою настоящую форму въ Псковской губ. (см. Опытъ областного словаря). Такое измѣненіе словъ, по требованію народной этимологіи, замѣтно у насъ особенно въ собственныхъ именахъ; такъ изъ *Сарскаго села* народъ, еще прежде офиціальнаго переименованія этого города, сдѣлалъ *Царское село*; такъ въ нашихъ историческихъ актахъ, вмѣсто *Стокгольмъ*, изстари писалось до самаго Петра Великаго *Стекольна*.

[2] У насъ: налой, просвира, паникадило, исполать, вмѣсто: аналогій, просфора, поликандило, исполлети.

ступъ: считали какой-то заслугой оставлять свое и замѣнять его чужимъ.

Языкоизслѣдованіе и въ особенности словарь обязаны противодѣйствовать безмѣрному и незаконному наплыву чуждыхъ элементовъ и полагать строгое различіе между двумя весьма несходными видами иноземныхъ словъ, хотя граница между ними иногда довольно неопредѣленна.

Невозможно исключить всѣхъ тѣхъ, которыя давно укоренились на почвѣ нашего языка и пустили изъ нея новые отпрыски; посредствомъ многообразныхъ производствъ и составленій, они такъ срослись съ нѣмецкою рѣчью, что мы безъ нихъ уже не можемъ обойтись. Сюда относятся напр. имена всѣхъ завезенныхъ къ намъ изъ другихъ странъ животныхъ и растеній, для которыхъ нѣтъ нѣмецкихъ названій: кто бы хотѣлъ наприм. отказаться отъ словъ Rose, Röschen, Viole, Veilchen? Сюда принадлежатъ также онѣмечившіяся уже лѣтъ тысячу тому назадъ реченія, какъ-то: Fenster, Kammer, Tempel, Pforte, Schule, Kaiser, Meister, Arzt, которыхъ туземныя имена либо забыты, либо замѣнены болѣе опредѣлительными чужими названіями.

Напротивъ того, нѣмецкій словарь отвергаетъ множество изъ греческаго, латинскаго, французскаго и другихъ языковъ заимствованныхъ словъ, которыхъ употребленіе у насъ сильно распространилось, или по крайней мѣрѣ допускается, хотя они и не могутъ считаться окончательно усвоенными нашему языку. Правда, они пытались утвердиться и занять мѣсто, которое оставалось свободнымъ или изъ котораго они уже вытѣснили было туземное слово; но имъ не удалось въ собственномъ смыслѣ водвориться. Они у насъ во многихъ случаяхъ, кажется, только гости и никто не замѣтитъ ихъ удаленія, какъ скоро настоящее слово займетъ принадлежащее ему мѣсто. Хотя такія иноземныя выраженія и слышатся каждый день, но нѣмецкому языку до нихъ дѣла нѣтъ, потому что у него есть свои, столь же хорошія слова, или что онъ не старается обозначать заключающихся въ нихъ понятій: для чего напр. сталъ бы онъ пускать въ ходъ боль-

ное число иностранныхъ цвѣточныхъ названій, употребительныхъ въ садахъ или теплицахъ? Пусть остаются въ оборотѣ латинскія техническія названія. Другія конечно болѣе касаются насъ; въ наукѣ и училищѣ, на войнѣ и посреди мира, во вседневномъ обиходѣ, завелось такъ много иностранныхъ словъ, что только съ помощію ихъ можно заставить понять себя. Когда сдѣлается яснѣе сознаніе въ достоинствѣ нашего языка и усилится знакомство со всѣми средствами, которыя онъ предлагаетъ намъ для пріисканія болѣе опредѣлительныхъ и соотвѣтственныхъ выраженій, тогда уменьшится и употребленіе иностранныхъ словъ. Вообще не надо забывать, что чужеземныя стихіи занесены въ нашъ языкъ не изъ среды народа, а введены къ намъ княжескими дворами, приверженными къ иностраннымъ обычаямъ, принужденнымъ слогомъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій, а также стремленіемъ всѣхъ наукъ приноравливать свои термины къ иноземнымъ и предоставлять послѣднимъ преимущество передъ каждымъ своимъ словомъ.

Этой привязанности къ иноземному, этого смѣшенія языковъ словарь не долженъ поддерживать; онъ долженъ, напротивъ, честно противодѣйствовать имъ, стараясь однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгать тѣхъ ошибокъ, въ которыя вводятъ непризнанные очистители слова. Не умѣя вполнѣ оцѣнить красоту и богатство нашего языка, этотъ докучный пуризмъ преслѣдуетъ и истребляетъ чужое, гдѣ бы оно ему ни попалось; неуклюжимъ молотомъ куетъ онъ свое негодное оружіе. Что́ языкъ давно уже имѣлъ, или въ чемъ вовсе еще не нуждается, то этотъ пуризмъ старается навязать ему, надѣвая на него силою платье, вывороченное на изнанку[1].

---

[1] Братья Гриммы, какъ и нѣкоторые другіе изъ нѣмецкихъ лексикографовъ, совершенно изгнали изъ словаря иностранныя слова, кромѣ тѣхъ, которыя искони слились съ языкомъ: такъ вы у нихъ напр. не найдете именъ: Uniform, Universität. Другому правилу слѣдовала наша Академія въ своемъ словарѣ: въ немъ помѣщены всѣ вошедшія у насъ въ общее употребленіе иностранныя слова. Такая метода русской лексикографіи вполнѣ оправды-

7. Собственныя имена.

Нашъ словарь строго осуждали за то, что онъ опускаетъ собственныя имена нѣмецкія. Никакое другое обвиненіе не могло обнаружить такого незнанія дѣла; но, говоря объ этомъ предметѣ, я долженъ отличить имена мѣстъ отъ именъ лицъ.

Имена странъ, городовъ, мѣстечекъ, деревень, рѣкъ, рѣчекъ, горъ, долинъ, низменностей, холмовъ, полей и лѣсовъ очень многочисленны, и такъ какъ нашъ словарь долженъ бы заняться ими съ большею основательностію, нежели съ какою разсматриваютъ ихъ имѣющіеся географическіе словари, то отъ этого слишкомъ увеличился бы объемъ изданія. Конечно, познаніе и объясненіе этихъ именъ чрезвычайно важно для языка вообще; но при изслѣдованіи ихъ встрѣчается великое затрудненіе. Эти наименованія мѣстъ произошли въ разныя времена, и нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ за эпоху переселенія нѣмецкаго племени въ наши страны. Когда дѣло идетъ о кельтскихъ и римскихъ остаткахъ въ предѣлахъ Германіи, то прежде всего слѣдуетъ искать ихъ въ именахъ мѣстъ. Сверхъ того, въ большей части нѣмецкихъ земель племена въ разное время смѣнялись, и удаляющіяся или вытѣсняемыя налагали на отдѣльныя мѣста печать своего особеннаго нарѣчія. Отсюда слѣдуетъ, что исчисленіе именъ съ большимъ основаніемъ должно бы войти въ средне- или древне-верхненѣмецкій словарь, нежели въ ново-верхненѣмецкій, отъ словъ котораго они бы слишкомъ рѣзко отличались, несмотря на ихъ многократное подновленіе. Но если впослѣдствіи кому-нибудь удастся, всего лучше въ особомъ сочиненіи, изслѣдовать ихъ точнѣе, то ново-верхненѣмецкій словарь извлечетъ изъ нихъ болѣе пользы, чѣмъ могъ бы извлечь теперь въ отдѣльныхъ случаяхъ.

вается потребностью нашей публики въ словарѣ, который бы заключалъ въ себѣ весь запасъ языка. У насъ еще нѣтъ удовлетворительныхъ сборниковъ иностранныхъ словъ, которые у Нѣмцевъ издаются подъ именемъ Fremdwörterbuch и такимъ образомъ дополняютъ словари, исключительно посвященные ихъ собственному языку. Русскій словарь, въ которомъ не было бы употребительныхъ иностранныхъ словъ, представлялъ бы весьма существенный пробѣлъ.

Личными именами, даваемыми при крещеніи, ново-верхне-нѣмецкій языкъ чрезвычайно бѣденъ. Къ чему послужило бы помѣстить здѣсь пятьдесятъ или сто нѣмецкихъ именъ, жалкій остатокъ безпредѣльнаго богатства нашей старины? Нельзя же было бы допустить иноземныхъ, по большей части библейскихъ, которыхъ число почти такъ же велико. Относительно собственно-нѣмецкихъ надо повторить то, что замѣчено было о мѣстныхъ названіяхъ: наши личныя имена также возникли у разныхъ племенъ и потомъ уже распространились далѣе, напр. Сигфридъ произошло въ другой мѣстности нежели Густавъ, Конрадъ не тамъ, гдѣ Фердинандъ; ихъ разсмотрѣніе не входитъ въ тѣсный кругъ ново-верхненѣмецкаго словаря. Хотя они моложе приросшихъ къ самой землѣ именъ мѣстностей, однакожъ также принадлежатъ отдаленной старинѣ. Нѣкогда ихъ насчитывались не сотни, а тысячи, такъ что одно собраніе ихъ, если бъ оно обнимало всѣ формы и видоизмѣненія, составило бы болѣе тома и только полнотою могло бы дѣйствительно оживиться. Такой сборникъ прольетъ когда-нибудь неожиданный свѣтъ на всѣ части и времена нашего языка. Въ словарь должны войти только нѣкоторыя ласкательныя формы именъ, какъ-то: Benz, Kunz, Götz и друг., которыя болѣе въ связи съ особенностями нынѣшняго языка. Все прочее надо было исключить.

Наконецъ, позднѣйшія прозванія или родовыя имена (фамиліи), какъ образованныя изъ употребительныхъ словъ, существительныхъ или прилагательныхъ, мало поучительны, но весьма многія состоятъ изъ названій мѣстъ, передъ которыми выпущено означеніе лица, напр. Vogelweide, Keisersberg означаютъ человѣка изъ Фогельвейде, изъ Кейзерсберга.

8. Языкъ пастуховъ, охотниковъ, птичниковъ, рыболововъ и т. д.

Я тщательно отыскивалъ всѣ слова древнѣйшихъ состояній народа, находя, что они доставляютъ самые обильные матеріалы для исторіи языка и нравовъ. Главные слѣды настушескаго быта нашей старины найдутся конечно въ Альпахъ Швейцаріи, Тироля

и Штиріи; у Штальдера и у Шмеллера есть драгоцѣнныя, но еще недостаточныя извѣстія: кто сообщитъ мнѣ новыя свѣдѣнія, заслужитъ живѣйшую мою признательность. Всѣ выраженія егерей, сокольниковъ и птичниковъ привлекательны по своей свѣжести и простотѣ; они также восходятъ до глубокой древности и требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія; бѣднѣе повидимому языкъ рыболововъ, которые какъ будто такъ же нѣмы, какъ животныя, ими преслѣдуемыя. Тѣмъ оживленнѣе по всей вѣроятности бытъ моряковъ, но ново-верхненѣмецкое нарѣчіе представляетъ весьма скудный запасъ словъ этого разряда: изъ нижней Германіи и Нидерландовъ заимствованы мало по малу почти всѣ слова, относящіяся къ мореплаванію, вмѣсто которыхъ наша старина конечно имѣла многія собственныя, несходныя съ нынѣшними названія. Но, наравнѣ съ другими нижнегерманскими словами, и большая часть морскихъ реченій не могли найти мѣста въ словарѣ. Бывшія у меня въ рукахъ пособія для языка виноградарей, который мнѣ бы хотѣлось изслѣдовать, не облегчили употребленнаго на эту часть труда. Жаль, что и изданные по горнозаводскому языку сборники не исчерпываютъ его и составлены безъ ученыхъ объясненій. Болѣе сдѣлано для словъ, относящихся къ пчеловодству, садоводству и вообще къ земледѣлію, словъ, которыя не такъ рѣзко отдѣляются отъ остальнаго состава языка и болѣе извѣстны въ народѣ. То же можно сказать и о ремесленныхъ выраженіяхъ, на которыя еще Аделунгъ обращалъ вниманіе. Поваренныхъ и врачебныхъ книгъ издавна очень много, и между ними есть полезныя для языкоизслѣдованія. Смѣшанный языкъ нищихъ, воровъ и мошенниковъ, который отчасти состоитъ изъ нѣмецкихъ стихій, былъ собираемъ въ новѣйшее время часто и всего удовлетворительнѣе; желательно, чтобы языкъ стариннаго ратнаго дѣла подвергнутъ былъ особенному изслѣдованію; нѣкоторыми сторонами онъ сближается съ языкомъ стариннаго рыцарскаго сословія, другими — съ охотничьимъ.

Въ нашемъ ученомъ сословіи нѣтъ уже болѣе своеобразнаго навыка въ употребленіи и развитіи нѣмецкаго слова. Духовное

краснорѣчіе совершенно подчинено закону общаго хода языка и само себя лишило, въ изреченіяхъ и пѣсняхъ, большей части своего древняго могущества. Однакожъ между духовными какъ протестантской, такъ и католической церкви, продолжаетъ обнаруживаться похвальное вниманіе къ народному языку и заботливость о собираніи его. Между законовѣдами почти совершенно изгладились всѣ слѣды старинного богатаго судебнаго языка, который сохранялся еще до 16-го или 17-го столѣтія; нынѣшній юридическій языкъ, болѣзненный и сухой, сильно обремененъ римской терминологіей.

Долгое время врачи, болѣе всякаго другого сословія, заботились о разработкѣ нѣмецкаго языка, можетъ-быть оттого, что ихъ подстрекали къ тому туземныя названія болѣзней или лѣкарствъ, въ особенности же травъ и животныхъ; пріятно видѣть, что со времени изобрѣтенія книгопечатанія преимущественно врачи переводили иностранныя книги на нѣмецкій языкъ; составители нашихъ древнѣйшихъ словарей были врачи же или естествоиспытатели. И въ нынѣшнее время врачи, при частыхъ сношеніяхъ съ людьми всякаго рода, съ которыми они разговариваютъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, могли бы въ точности узнать весь объемъ языка и взять простое изложеніе Гиппократа за образецъ, какъ сдѣлать разсказъ о болѣзняхъ поучительнымъ и для искуства и для жизни; но, сколько мнѣ извѣстно, въ послѣднія сто лѣтъ между ними не было ни одного языкоизслѣдователя. Вошедшіе во всеобщее употребленіе латино-греческіе термины еще затрудняютъ ихъ движенія на родной почвѣ и отбиваютъ у нихъ охоту воздѣлывать ее. — Химія выражается на ломаномъ латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; только въ устахъ Либиха она мастерски владѣетъ словомъ. — Философамъ, которые понимаютъ точную связь между представленіями и словами, должно бы быть сродно углубляться въ тайны языка, но ихъ превосходство развивается болѣе изнутри и такъ много зависитъ отъ особенности собственной натуры каждаго, что они мало обращаютъ вниманія на общеупотребительный языкъ и часто безъ

причины отъ него отступаютъ. — Всѣхъ болѣе соображается съ нимъ Кантъ, и потому словарь не могъ не пользоваться его живою рѣчью, насколько она относится къ области нѣмецкаго языка.

9. Непристойныя слова.

Раздѣлять языкъ вообще на возвышенный, благородный, дружескій, низкій и простонародный — ни къ чему не ведетъ, и Аделунгъ этимъ путемъ придалъ многимъ словамъ ложное значеніе. Какъ часто онъ измѣняетъ призванію языкоизслѣдователя, говоря: «эти слова такъ низки, что ихъ почти не стоило бы приводить», и ка́къ смѣшиваетъ онъ всѣ эти разряды!

Прилагая непосредственно къ языку сословныя отношенія, въ томъ видѣ, какъ они являются въ древненѣмецкомъ правѣ, я замѣтилъ слѣдующую простую трилогію. Свободный человѣкъ занимаетъ середину, изъ которой съ одной стороны отдѣляется благородный, а съ другой несвободный.—Такъ точно изъ свободнаго языка, изображающаго полную мѣру естественной способности слова, выходитъ съ одной стороны благородная, а съ другой — несвободная рѣчь. — Благородное называемъ мы также возвышеннымъ, высокимъ, утонченнымъ; несвободное — низкимъ (bas langage), плоскимъ, пошлымъ, мужиковатымъ, грубымъ, жесткимъ. — Естественный языкъ заключаетъ въ себѣ расположеніе къ обоимъ видоизмѣненіямъ — къ утонченной и къ грубой рѣчи: изъ благороднаго языка устранена грубая стихія, изъ грубаго — благородная: грубое, жесткое легко становится нечистымъ, грязнымъ (sordidum, turpe), утонченное — украшеннымъ и чопорнымъ (ornatum, molle) или даже соблазнительнымъ (lubricum).

Природа научила человѣка скрывать отъ другихъ актъ произрожденія и испражненія, а также прятать служащія къ тому части; все, что оскорбляетъ это чувство цѣломудрія и стыдливости, называется непристойнымъ (obscoenum). А что не выставляется на глаза толпы, того не захотимъ мы передать и слуху, того не станемъ произносить. Но такое запрещеніе не безу-

словно: такъ какъ эти отправленія естественны, даже необходимы (naturalia non sunt turpia), то они не всегда могутъ быть называемы, только тайно: въ извѣстныхъ обстоятельствахъ позволительно означать ихъ и публично.

И здѣсь-то является различіе между украшенной и грубой рѣчью. Грубая бываетъ часто расположена называть неприличныя вещи, не прикладывая листа ко рту; утонченная же старается избѣгать какъ этого, такъ и всего, что имѣетъ не только близкое, но и отдаленное къ тому отношеніе, или стремится по крайней мѣрѣ прикрывать все нечистое. Конечно, при этомъ надо имѣть въ виду различныя степени и настроенія въ правахъ народовъ. Свобода языка и поэзіи Грековъ смѣло пользовалась грубою стихіей; римскому языку указаны были болѣе тѣсные предѣлы, и въ этомъ отношеніи замѣчательно одно письмо Цицерона (Fam. 9, 32). Неоспоримая, можно сказать, цѣломудренная жесткость нѣмецкой литературы всего 16-го столѣтія далека отъ французскаго распутства, отъ чопорности нашего нынѣшняго утонченнаго общества (моднаго свѣта), которое, напримѣръ, боится произнести такое слово какъ Durchfall (поносъ) и вмѣсто того употребляетъ чужеземное Diarrhöe, подъ которымъ Грекъ разумѣлъ совершенно то же самое, чтó выражаетъ приведенное нѣмецкое слово! Давность употребленія могла же, въ иномъ французскомъ реченіи, привести въ забвеніе самую грубую основу, напр. reculer, culbuter, culotte. Находить неприличнымъ честное древнее слово hose (франц. chausse), въ высшей степени нелѣпо.

Помѣщать ли въ словарѣ зазорныя слова, или исключать ихъ? Въ пособіяхъ, которыя даютъ одни лохмотья языка, можно и должно, не колеблясь, опускать подобныя слова; это доставитъ такимъ словарямъ хоть кажущееся достоинство. Иначе они подверглись бы упреку, что съ намѣреніемъ принимаютъ въ себя то, что подобно многому иному легко могло бы остаться въ сторонѣ.

Словарь не заслуживалъ бы своего названія, если бы онъ умалчивалъ слова, вмѣсто того, чтобъ выставлять ихъ наружу

Онъ не скрадываетъ ни одного жесткаго словечка, ни одной дѣйствительно живущей въ языкѣ формы, а тѣмъ болѣе — цѣлыхъ рядовъ названій, которыя существуютъ съ незапамятныхъ временъ и по необходимости придаются тому, что есть въ природѣ.— Такихъ реченій мы не имѣемъ права устранять точно такъ же, какъ не можемъ уничтожить естественныхъ предметовъ, которые насъ безпокоятъ.

Никому не пришло бы въ голову исключить ихъ изъ греческаго или латинскаго словаря, обнимающаго весь составъ языка; и у Гейнриха Стефануса, у Форчеллини не пропущено ни одного непристойнаго слова, которое можно было отыскать въ источникахъ. Какъ и въ другихъ областяхъ языковъ, такъ и здѣсь обнаруживается несомнѣнное древнее родство, и здѣсь находимъ общее достояніе почти всѣхъ одноплеменныхъ народовъ. Языкосравненію вообще и полному знанію связи нѣмецкихъ нарѣчій между собою ,вредило бы несправедливое ограниченіе собранія этихъ словъ, ученая разработка которыхъ и безъ того уже уменьшаетъ впечатлѣніе ихъ непристойности.—Негодующій читатель легче примиряется съ неприличнымъ словомъ, когда онъ рядомъ съ нимъ встрѣчаетъ соотвѣтствующее латинское или греческое. Нерѣдко также дурной смыслъ пропадаетъ, когда мы приблизимъ слово къ его происхожденію, и первоначальное значеніе оказывается благороднымъ.

Въ нѣмецкомъ словарѣ тѣмъ необходимѣе помѣстить и всѣ эти реченія, что они почерпнуты изъ источниковъ нашего древняго языка и употреблялись людьми, которые, бывъ одарены болѣе крѣпкими нервами, нежели говорящіе нынѣ, не отступали передъ рѣзкимъ, грубымъ словцомъ, когда надо было придать силу тому, что они хотѣли сказать. Правда, самое ихъ время привыкло къ языку болѣе непринужденному, суровому и безыскусственному, который, по нынѣшнимъ понятіямъ, слишкомъ любилъ грязное; но кáкъ умѣли уже Кейзерсбергъ, Лютеръ и особенно Фишартъ умѣрять излишество, а гдѣ нужно было, они смѣло давали волю языку. Еще и Гэте очень хорошо понималъ, что

крѣпкое словцо иногда бываетъ чрезвычайно кстати. Въ языкѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы гдѣ-нибудь не было самымъ лучшимъ и не стояло на своемъ мѣстѣ. Сами по себѣ всѣ слова чисты и невинны; они только оттого стали двусмысленными, что употребленіе смотритъ на нихъ съ боку и извращаетъ ихъ. Притомъ, часто было бы невозможно выразить гнѣвъ или презрѣнье, сказать насмѣшку, остроту, брань или проклятіе безъ задорнаго слова, которое насильно срывается съ языка, и комизмъ потерялъ бы много силы и разнообразія красокъ, если бъ онъ не могъ свободно со всѣхъ сторонъ запасаться выраженіями. Такъ поступалъ Аристофанъ, и слова его вошли въ глоссаріи.

Словарь пишется не для правоученія; это—научное предпріятіе, которое должно удовлетворять самымъ многобразнымъ потребностямъ. Даже въ библіи нѣтъ недостатка въ словахъ, которыя изгнаны изъ утонченнаго общества. Кого смущаютъ нагія статуи или восковые анатомическіе препараты, ничего не опускающіе, тотъ пусть и въ этой залѣ не останавливается передъ неприличными словами и разсматриваетъ несравненно большее число другихъ.

10. Источники.

Сказано было, что словарь долженъ обнять весь верхненѣмецкій письменный языкъ, отъ 15-го столѣтія донынѣ, за исключеніемъ собственныхъ именъ и, какъ само собою разумѣется, большей части обращающихся между нами чужеземныхъ словъ. Количество книгъ, написанныхъ и напечатанныхъ въ четыре столѣтія, неисчислимо, и конечно принятое правило должно понимать въ такомъ смыслѣ, что никакая книга не устраняется преднамѣренно какъ источникъ, ибо очевидно, что нѣтъ возможности, уже въ началѣ этого труда, дѣйствительно обозначить всѣ книги или хотя большую часть тѣхъ, которыя будутъ употреблены въ продолженіе его.

Нигдѣ нѣтъ полныхъ росписей этимъ книгамъ; между самыми опытными знатоками нѣтъ такого, которому всѣ онѣ были бы извѣстны, а тѣмъ болѣе нѣтъ мѣста, гдѣ бы всѣ онѣ были со-

браны. Многихъ сочиненій, не только изъ первыхъ двухъ столѣтій, но и изъ послѣднихъ, нельзя найти даже и въ богатыхъ библіотекахъ. Наше собственное собраніе книгъ, при всей своей ограниченности, имѣло по необходимости то значеніе, что давно знакомыя намъ изданія, бывшія у насъ подъ руками, предпочитались тѣмъ, хотя и лучшимъ, которыя можно было бы достать въ другихъ мѣстахъ. Итакъ въ распоряженіи нашемъ была только малая часть обширной нѣмецкой литературы, и иногда въ несовершенныхъ изданіяхъ.

Изъ нѣкоторыхъ книгъ заимствованы нами только немногія мѣста, изъ иныхъ даже только отдѣльныя выраженія, попадавшіяся намъ случайно или съ намѣреніемъ отысканныя. Какая была бы возможность прочесть отъ доски до доски всѣ указанныя нами книги, сдѣлать изъ нихъ извлеченія и занести эти выписки въ словарь? Назначенный ему объемъ въ такомъ случаѣ распространился бы неимовѣрно.

Къ предположенной полнотѣ надо было стремиться совершенно въ другомъ смыслѣ. Она должна состоять не въ утомительномъ накопленіи отрывковъ, а въ точномъ отысканіи всѣхъ отдѣльныхъ словъ, при которыхъ слѣдуетъ приводить достаточныя, хорошо прибранныя подтвержденія — когда ихъ много, и не опускать даже самыхъ скудныхъ — когда нельзя найти лучшихъ. Богатыя и господствующія слова должны быть выясняемы; бѣдными и забытыми не надо пренебрегать.

Надлежало въ каждомъ столѣтіи призвать на помощь самыхъ могучихъ и знаменательныхъ свидѣтелей языка и внести въ словарь по крайней мѣрѣ важнѣйшія ихъ сочиненія. Изъ Кейзерсберга, Лютера, Ганса-Сакса, Фишарта, Гёте не было еще ни въ одномъ словарѣ представлено хоть сколько-нибудь удовлетворительныхъ, а тѣмъ менѣе обильныхъ извлеченій. Они и теперь не исчерпаны, но путь указанъ и проложенъ. Къ полному употребленію сочиненій Гёте были, по счастью, приняты самыя тщательныя мѣры; пусть изъ другихъ писателей будетъ недоставать многаго: изъ Гёте должно быть опущено какъ можно менѣе.

Намъ предлежала между прочимъ задача представить все богатство поэзіи, которая во всякомъ языкѣ дѣйствуетъ всего могущественнѣе, — и гдѣ ни разверните нашъ словарь, вы найдете явственно отдѣляющіеся стихи. Это обстоятельство—не маловажное, а существенное, и должно доставить ему болѣе читателей. Уже присоединеніе къ прозѣ стиховъ, которые все выясняютъ, и какъ мѣсяцъ появляются изъ-за облаковъ, составляетъ неоцѣненную выгоду. При этомъ становится также несравненно легче находить снова то, что разъ было пріискано. Уже Аделунгъ и Кампе понимали, какъ необходимо поступать такимъ образомъ, но они не довольно выписывали изъ стихотвореній. Линде и Юнгманъ въ своихъ превосходныхъ словаряхъ, польскомъ и чешскомъ, составленныхъ съ примѣрнымъ прилежаніемъ, затрудняютъ доступъ поэзіи и печатаютъ ее какъ прозу. Но трата мѣста съ лихвой вознаграждается наглядностью.

Естественно было, при самомъ началѣ работы, искать помощи для просмотра источниковъ и изготовленія выписокъ: къ доставленію ея ничего не было упущено со стороны издателей, съ готовностью принявшихъ на себя и значительныя, сопряженныя съ тѣмъ издержки. Такимъ образомъ произошли весьма полезные и дѣйствительно необходимые сборники; но, несмотря на то, что для составленія ихъ былъ начертанъ и принятъ въ основаніе точный планъ, эти сборники, по разнымъ свойствамъ писателей и по различію умѣнія и вкуса дѣлавшихъ выписки, вышли очень разнообразнаго достоинства. Нѣкоторыя извлеченія были вполнѣ удовлетворительны, другія требовали большихъ или меньшихъ исправленій. Иныя очень запоздали или и вовсе не были доставлены.

11. Подтвержденіе словъ примѣрами.

Слова требуютъ примѣровъ, примѣры нуждаются въ надежномъ ручательствѣ, безъ котораго значеніе ихъ было бы не полно. Не довольно и самаго имени автора; надобно дать возможность отыскать всякое мѣсто въ книгѣ, откуда оно взято. Такая легкость отысканія очень пріятна читателю, потому что какъ ни искусно извлечены примѣры, онъ нерѣдко чувствуетъ потреб-

ность видѣть ихъ въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ: вникая глубже, онъ рядомъ съ приведенными выраженіями находитъ еще что-нибудь такое, что сообщено не было, и такимъ образомъ все становится ему понятно. И въ классической филологіи принято за правило указывать на источники всякаго заимствованія. Ссылки безъ надлежащихъ подкрѣпленій то же, что случайно набранные, недостовѣрные, не присяжные свидѣтели. Самымъ удобнымъ способомъ указаній представляются ссылки на томъ и страницу. Само собою разумѣется, что съ старинными, особенно книгами 16-го столѣтія, это не всегда возможно и что въ такомъ случаѣ надобно придумать другой способъ указаній.

Могутъ замѣтить, что иногда помѣщено слишкомъ много выписокъ, особенно изъ Лютера и изъ Гэте. Но надобно было вполнѣ и наглядно показать вліяніе перваго на языкъ, и силу, съ какою второй владѣетъ имъ; всякій согласится, что даже въ повторяющихся выраженіяхъ каждый оборотъ заключаетъ въ себѣ особенный интересъ. При множествѣ словъ примѣры помѣщены въ такомъ изобиліи съ намѣреніемъ, чтобы нельзя было сомнѣваться въ обширности употребленія этихъ словъ; и наоборотъ, малое число примѣровъ даетъ знать, что слово употребляется неохотно. Выписки должны не только сами по себѣ нравиться своимъ содержаніемъ, но и раскрывать полную исторію слова, давая проникнуть во всѣ изгибы его значенія.

12. Терминологія.

Между филологами давно утвердились латинскіе термины, которые даже въ употребительныхъ сокращеніяхъ всѣмъ понятны и которыхъ безъ неудобства нельзя измѣнять. Къ чему въ нѣмецкихъ или славянскихъ словаряхъ замѣнять ихъ туземными выраженіями? Такіе новые термины не только были бы неясны для Нѣмцевъ и Славянъ, но и мѣшали бы распространенію сочиненій въ другихъ странахъ. Датчанинъ Раскъ испестрилъ свои труды неловкими грамматическими наименованіями этого рода, а за нимъ многіе Исландцы стали придумывать и другіе. Объ этихъ

нововведеніяхъ можно то же сказать, что выше замѣчено было о неалфавитной системѣ звуковъ: никакая память не удержитъ ихъ; они стоятъ пугалами только въ книгахъ, которыя себѣ же во вредъ приняли эти безплодныя изобрѣтенія. Хотя пуризмъ всегда спѣшилъ передавать эти выраженія на нѣмецкій языкъ, однакожъ его неуклюжія составныя слова оставались безъ пользы, и давнишнія названія всякій разъ возвращались на прежнее мѣсто.

Буквами m. f. n. всего проще означаются роды: вмѣстѣ съ тѣмъ эти три буквы однѣ уже показываютъ, что слово есть имя существительное; прилагательное, не способное принимать всѣ три рода, остается безъ этого означенія. — Указывать въ словарѣ различіе склоненій, кажется, излишне; всякое замѣчательное отступленіе отъ правилъ обозначается особо, или слѣдуетъ изъ примѣровъ.

Глаголъ въ нѣмецкомъ языкѣ узнается по самому окончанію. — Отдѣлять залоги дѣйствительный, страдательный и medium нѣтъ надобности, или вѣрнѣе — возможности, такъ какъ въ нашемъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ двухъ послѣднихъ формъ. Но кажется, вмѣсто того чтобы принимать дѣйствительные и средніе глаголы, точнѣе было бы противополагать между собою переходящіе и непереходящіе (transitiva и intransitiva), потому что наши глаголы по большей части способны принимать и то и другое значеніе: называть переходящій глаголъ имѣющимъ цѣль (zielend), а непереходящій — безцѣльнымъ (ziellos) неудобно. Нидерландцы зовутъ первый побудительнымъ (bedrijend), а второй безсторроннимъ (onzijdig), что соотвѣтствуетъ названію neutrum въ именахъ, однакожъ вовсе не указываетъ на непереходящее значеніе глагола: ходящій можетъ двигаться вправо или влѣво и слѣдовательно непремѣнно направляется въ какую-нибудь сторону. — По примѣру Нидерландцевъ нѣкоторые пробовали такъ называемый правильный глаголъ означать ровнотекущимъ (gelijkvloeijend), а неправильный неровнотекущимъ (ongelijkvloeijend); но такъ какъ отступленія именно показываютъ древнѣйшій законъ флек-

сіи, то кажется, нельзя было выбрать менѣе удачнаго наименованія. — По важности признаковъ такъ называемой неправильности, я всегда давалъ такимъ формамъ мѣсто въ алфавитномъ порядкѣ, что̀ всего явственнѣе выставляетъ ихъ; все же прочее видно изъ примѣровъ.

13. Опредѣленія.

Труднѣе будетъ оправдать присоединеніе къ слову латинскихъ выраженій, объясняющихъ значеніе его, хотя необходимость латинской терминологіи уже пролагаетъ имъ путь. — Въ обоихъ случаяхъ одинаковая польза.—Можно бы видѣть въ томъ ошибочное возвращеніе къ старинному обычаю, оставленному Аделунгомъ и всѣми позднѣйшими лексикографами нашими.—Почти всѣ словари другихъ языковъ, нынѣ появляющіеся, отвергаютъ помощь латыни, однакожъ Boiste, напр., часто еще прилагаетъ латинское слово къ французскому. Считаютъ всякій языкъ освобожденнымъ отъ школьнаго ига латыни и видятъ какую-то честь въ томъ, чтобы объяснять его одними собственными средствами.— Составители словаря La Crusca конечно любили свой родной языкъ, но они нисколько не затруднялись придавать итальянскому слову латинское въ проводники и помощники.—Толкуемъ же мы готское или древне-верхненѣмецкое слово посредствомъ нововерхненѣмецкаго; такъ точно почти нѣтъ надобности доказывать, что всякое слово всего лучше объясняется не само собой, а другими словами.

Чего достигаютъ отклоненіемъ помощи, какую намъ доставляетъ извѣстнѣйшій и точнѣйшій изъ всѣхъ языковъ? Обременяютъ себя самыми подробными и безполезными толкованіями.

Когда я къ слову Tisch (столъ) приставляю лат. mensa, то на первый случай сказано довольно, а что̀ нужно еще прибавить, видно изъ послѣдующаго. Вмѣсто того *столъ* опредѣляютъ такъ: возвышенная доска, передъ которою стоятъ или сидятъ для отправленія на ней разныхъ работъ, или еще: возвышенная или покоящаяся на ножкахъ плоскость, передъ которою или у которой исполняютъ разныя занятія.—Впрочемъ и то правда, что въ

словѣ τράπεζα вм. τετράπεζα, не заключается ничего кромѣ представленія четвероногости,—свойства, принадлежащаго одинаково и стулу и всякой другой утвари, устроенной на этомъ числѣ ножекъ.

Опредѣленіе *носа* гласитъ: выдающаяся или возвышенная часть человѣческаго или животнаго лица непосредственно надъ ртомъ, сѣдалище и орудіе органа обонянія. Опредѣленіе кисти руки: членъ у человѣка для хватанія и держанія.—Это было бы коротко и ясно; итакъ надо подробнѣе: крайняя часть руки у человѣческаго тѣла отъ конца локотной кости до оконечностей пальцевъ со включеніемъ ихъ. Подобныя опредѣленія относятся къ физіологіи, такъ точно какъ слѣдующее было бы прямо взято изъ ботаники: лилія есть растеніе съ цвѣткомъ, имѣющимъ видъ колокольчика, принадлежащее къ разряду растеній съ шестью тычинками и однимъ пестикомъ.—О такомъ многорѣчіи скучныхъ опредѣленій, которое со времени Аделунга наполняетъ нѣмецкіе словари, Фришъ и Штилеръ еще не имѣли ни малѣйшаго понятія и спасались отъ этого хлама употребленіемъ латинскихъ словъ.

Это вовсе не значитъ, чтобы языкоизслѣдователь вездѣ могъ обойтись безъ частностей, которыя заключаются въ объясненіи; наравнѣ съ другими признаками, отличающими предметъ, онъ ихъ выставитъ на видъ, какъ скоро въ томъ почувствуется надобность и когда нужно будетъ связать съ ними развитіе какого-нибудь значенія; но въ большей части случаевъ оказывается излишнимъ за каждымъ словомъ, котораго понятіе разомъ передано латинскимъ выраженіемъ, исчислять еще всѣ его свойства.

Отъ прилагаемыхъ латинскихъ словъ никакъ нельзя требовать, чтобы они во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовали нѣмецкимъ, что́ при различіи языковъ было бы невозможно. — Они должны какъ бы только указывать путь къ центру слова, къ той точкѣ его главнаго значенія, откуда уже можно свободно и непринужденно осматриваться во всѣ стороны. — Какъ опредѣленіе не имѣетъ возможности исчислить всѣ существенные и слу-

чайные признаки предмета, такъ латинскій языкъ еще менѣе стремится исчерпать толкованіе слова; это всего лучше можетъ быть достигнуто прибавленіемъ нѣмецкаго поясненія.

Нельзя также требовать, чтобы всѣ употребленныя въ словарѣ латинскія выраженія были понятны для всѣхъ его читателей; не понимающіе по-латыни, перескакиваютъ ихъ и все-таки пользуются словаремъ; точно такъ же какъ не останавливаются на словахъ, которыя по своему содержанію вовсе не привлекаютъ ихъ. — Для образованныхъ женщинъ латинскія выраженія столько же мало будутъ помѣхою при чтеніи словаря, какъ ихъ не отталкиваютъ отъ чтенія газетъ встрѣчающіеся здѣсь юридическіе, военные и дипломатическіе термины.—Каждый читатель приноситъ съ собой множество разнообразныхъ условій пониманія, которыя облегчаютъ ему доступъ къ словарю: желаніе руководить его на всякомъ шагу — не можетъ входить въ планъ научнаго труда, который преслѣдуетъ высшія цѣли. — Способность пользоваться словаремъ будетъ увеличиваться отъ самаго употребленія его. Когда одной говорливой француженкѣ хотѣли навязать грамматическія правила, то она съ живостью отвѣчала: mais je suis la grammaire en personne; такъ тотъ, кто самъ въ себѣ носитъ и предполагаетъ способность къ языкамъ, можетъ совѣтоваться съ этою книгой, не смущаясь латинскими реченіями[1].

---

[1] Съ мнѣніемъ Я. Гримма о безусловномъ превосходствѣ способа объясненія словъ латинскимъ ихъ переводомъ нельзя согласиться. Для кого назначается словарь? безъ сомнѣнія, для массы общества, для людей всѣхъ званій, между прочимъ и для женскаго пола. Что такова именно мысль самого Я. Гримма о назначеніи словаря, видно изъ многихъ мѣстъ его вступленія. Но латинскія объясненія даютъ словарю характеръ ученый и дѣлаютъ цѣлую, весьма существенную часть состава его недоступною большинству націи. Это конечно и было однимъ изъ основаній того упрека, который германская критика уже сдѣлала словарю братьевъ Гриммовъ: она обвинила его въ слишкомъ ученомъ характерѣ, въ непрактичности, и замѣтила, что съ этой стороны онъ много уступаетъ Аделунгову лексикону, который, несмотря на свою старину, остается покуда незамѣнимымъ. Такой взглядъ германскихъ критиковъ можетъ служить намъ весьма важнымъ указаніемъ относительно правилъ составленія русскаго словаря: то, что слишкомъ учено для германской публики, конечно еще менѣе было бы пригодно для русской. Вотъ почему мы въ сво-

14. Средства къ образованію словъ.

Никакой языкъ не можетъ развить въ себѣ всѣхъ звуковъ, или сохранить безъ измѣненія тѣ, какіе въ немъ есть; такъ же точно ему принадлежатъ далеко не всѣ формы, и многія, которыми онъ прежде владѣлъ, съ теченіемъ времени утратились.— Уклоненіемъ различныхъ нарѣчій изъ великаго круга исконнаго родства ихъ, отдѣльные языки вступаютъ въ особые вновь образовавшіеся круги, которымъ можетъ быть чужда своебытность остальныхъ. Такъ объясняется разнообразіе происшедшихъ изъ одного источника языковъ. Въ каждомъ языкѣ нарушенное равновѣсіе опять возстановляется.

Таково исторически пріобрѣтенное достояніе языка, какъ оно ни богато или ни бѣдно; совсѣмъ другое — считающееся только возможнымъ, вымышленное, но не дѣйствительное расширеніе его по всѣмъ способамъ образованія. Тамъ, т. е. въ историческомъ

ихъ лексикографическихъ трудахъ должны, кажется, еще болѣе брать въ примѣръ Французовъ, нежели Нѣмцевъ: словари первыхъ отличаются особенно своею примѣнимостью къ потребностямъ общества. Отсюда не слѣдуетъ, чтобъ намъ не нужно было принимать въ соображеніе и началъ, которыми руководствуются Нѣмцы; но при этомъ мы должны остерегаться ихъ умозрительныхъ увлеченій. На употребленный братьями Гриммами способъ объясненія словъ одинаково со мной смотритъ и И. И. Срезневскій. Въ своей статьѣ: «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей» *) онъ между прочимъ говоритъ: «Едва ли, впрочемъ, убѣжденіе братьевъ Гриммовъ, по которому значеніе большей части словъ совершенно ясно можетъ быть только тому нѣмцу, который очень силенъ въ латинскомъ языкѣ, можно считать дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, а не простымъ рѣшеніемъ, и то вынужденнымъ случайно отчасти неудачами Аделунга въ опредѣленіяхъ словъ и непобѣдимостью трудностей этого дѣла, отчасти нежеланіемъ входить въ подробности, принадлежащія не филологіи, а другимъ наукамъ». Далѣе акад. Срезневскій справедливо указываетъ еще на затрудненіе, происходящее отъ того, что латинскій языкъ есть «языкъ мертвый, книжный, недостаточный для выраженія всѣхъ понятій и условій быта народовъ новой Европы». Потомъ онъ разсуждаетъ о необходимости опредѣлять на родномъ языкѣ значеніе каждаго слова безъ исключенія. Соглашаясь и съ этимъ, я съ своей стороны считаю однакожъ нужнымъ сдѣлать здѣсь оговорку, что степень подробности и точности въ опредѣленіяхъ можетъ быть очень различна и должна зависѣть отъ степени надобности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Къ чему напрм. педан-

*) Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ, т. III, л. 10 (1854 г.).

развитіи, всѣ движенія языка естественны и непринужденны; здѣсь онъ являлся бы искаженнымъ и изувѣченнымъ.

Кто бы могъ придать нашему языку хоть одну двугласную, которая никогда не была ему свойственна? Легче, повидимому, размножать употребительныя производства или соединять слова, которыя никогда не бывали между собой связаны, но и этому противится обычай языка, когда слово не оправдывается необходимостью или ловкостью его составленія. Одна возможность слова не есть еще доказательство его дѣйствительности или годности.

Способность нашего языка къ словосоставленіямъ такъ велика, что никакъ нельзя привести всѣхъ употребительныхъ, а тѣмъ менѣе всѣхъ возможныхъ составныхъ словъ. По первой или второй части каждаго такого составленія можно представить

тическая точность въ опредѣленіи общеизвѣстнаго слова *столъ?* Она становится только смѣшною и все-таки не достигаетъ цѣли, потому что чѣмъ болѣе вы соберете частныхъ признаковъ, тѣмъ труднѣе будетъ обнять ими всѣ возможные виды столовъ. Поэтому въ опредѣленіи такихъ понятій всего лучше держаться самыхъ общихъ признаковъ, и наприм., при слове *столъ* сказать только: «мебель (утварь) объ одной или нѣсколькихъ ножкахъ, служащая для помѣщенія на ней предметовъ». Не вѣрнѣе ли это было бы, чѣмъ то, что сообщаетъ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка: «широкая доска, утвержденная на ножкахъ, на которую что-нибудь кладется или ставится?» Изъ этого опредѣленія выходитъ: 1) что столомъ собственно называется не весь столъ съ ножками, а только доска, на нихъ утвержденная, т. е. то, что народъ мѣстами называетъ *столешница*; 2) что если эта доска будетъ узкая или круглая, то она перестанетъ быть столомъ, и 3) что широкая скамейка, на которую положенъ напр. платокъ или поставлена бутылка, тоже будетъ столъ. Выписанное опредѣленіе между прочимъ доказываетъ, что не всякая поправка ведетъ къ лучшему, потому что въ словарѣ Соколова, изданномъ за 13 лѣтъ до академическаго, слово *столъ* опредѣлено такъ: «Домашняя утварь, состоящая изъ деревянной, мраморной или другой какой-либо доски, на ножкахъ утвержденная и служащая для разныхъ употребленій». Хотя и противъ этого опредѣленія можно сдѣлать кое-какія замѣчанія, однакожъ кто не отдастъ ему преимущества передъ приведеннымъ выше? Что касается въ особенности до техническихъ терминовъ, то словарь конечно не обязанъ во всей подробности объяснять или описывать выражаемые ими предметы, что̀ составляетъ дѣло науки. При именахъ растеній достаточно, кажется, какъ и сдѣлано въ нашемъ академическомъ словарѣ, объяснять ихъ латинскимъ названіемъ, прибавляя по-русски только слово: *растеніе.*

себѣ цѣлые ряды аналогій, но излишне было бы всякій разъ выставлять ихъ въ словарѣ.

Правильнѣе всего будетъ помѣщать въ немъ всѣ употребительныя и не противныя слуху образованія этого рода, не заботясь о странной и дикой аналогіи другихъ; все то, въ чемъ еще не оказалось надобности при употребленіи языка, должно оставаться въ сторонѣ. Вообще же словарь долженъ заботиться болѣе о производствахъ, нежели о составленіяхъ, болѣе о простыхъ, нежели о производныхъ словахъ: несоблюденіе этого основного правила было причиною того, что наши нѣмецкіе словари, при всемъ ихъ мнимомъ богатствѣ, до сихъ поръ остаются такъ бѣдны.

15. Частицы.

Особеннаго вниманія требуетъ присоединеніе частицъ къ другимъ словамъ. Если вообще всѣ слова вначалѣ имѣли внутреннее значеніе, которое впослѣдствіи было, такъ сказать, растянуто и разведено, то кажется, надо согласиться, что оно въ частицахъ всего болѣе затемнилось, что частицы между всѣми простыми словами языка самыя отвлеченныя, и слѣдовательно составлены позже другихъ. Если мы примемъ глаголъ за корень и допустимъ, что непосредственно изъ него произошло причастіе, изъ причастія прилагательное, а изъ прилагательнаго существительное: то за частицами должно будетъ признать преимущественно номинальное значеніе; оно же всего рѣшительнѣе выразилось въ нарѣчіи и въ предлогѣ. Когда и предлогъ застываетъ, когда онъ утрачиваетъ силу управленія, то остается одна адвербіальная частица, какъ самая безжизненная стихія языка. Таковъ самый правильный ходъ, но конечно онъ не единственный: мы часто видимъ, что глаголъ переходитъ въ существительное или въ нарѣчіе, а эта частица становится управляющею, т. е. опять возводится на степень предлога.

Какъ греческій языкъ, такъ и нѣмецкій пользуется неимовѣрною свободой составлять слова съ помощію частицъ, и едва ли можно найти болѣе обширное поприще для аналогіи. Если го-

ворятъ anregnen, anschneien, то почему же нельзя также сказать anblitzen, anleuchten и т. д.? Потому и принято нами за правило: для такихъ образованій всегда ожидать достаточнаго подтвержденія.

16. Объясненіе словъ.

Въ основѣ всѣхъ отвлеченныхъ значеній слова лежитъ чувственное и наглядное, которое при происхожденіи его было первымъ. Это его тѣло, иногда закрываемое духовно, распространенное или улетученное; но его необходимо всякій разъ отыскать и развить; иначе словообъясненіе будетъ недостаточно. Это значеніе кроется обыкновенно въ простыхъ глаголахъ.

Ясно, что изъ чувственнаго содержанія слова возникаютъ, при его употребленіи, нравственныя и духовныя представленія, изъ которыхъ оно мало по малу заимствуетъ богатство своихъ отвлеченныхъ значеній. Нельзя принять обратнаго случая, чтобы напр. изъ разнообразныхъ понятій tractare, adhibere, explanare проистекло названіе чувственнаго дѣйствія.

Указывать и прежде всего выставлять эти чувственныя значенія — было въ цѣломъ словарѣ одними изъ стараній нашихъ; но невозможно было вездѣ итти этимъ путемъ, потому что есть много простыхъ глаголовъ, которыхъ чувственное значеніе уже непонятно и приняло уже постороннюю примѣсь, и кромѣ того есть большое число такихъ словъ, у которыхъ въ основаніи производства нѣтъ глагола, или къ которымъ онъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть пріисканъ безъ глубокихъ изслѣдованій. Такъ въ глаголѣ sein (быть) не видно чувственной основы, на которой онъ утверждается, и трудно съ достовѣрностью указать ее при глаголахъ geben (давать) и finden (находить). Означало ли geben —класть въ руку или, можетъ быть, лить въ сосудъ? Заключалось ли въ finden понятіе: замѣтить, узнать или только подойти? Или какого глагола, и слѣдовательно какого смысла можно искать въ существительныхъ: дитя, сынъ, дочь? Ихъ значеніе всѣмъ извѣстно, но не какъ отвлеченное, приложенное къ понятіямъ, которыя они выражаютъ. Еще труднѣе рѣшить, какое предста-

вленіе первоначально скрывалось въ словахъ: вѣра и грѣхъ, свободный или глупый, и въ безчисленномъ множествѣ другихъ; всего же темнѣе остается смыслъ частицъ. Здѣсь словообъясненіе всегда можетъ подвигаться только медленными шагами и должно оставаться на поверхности.

Но каково бы ни было словотолкованіе, никакой словарь не можетъ обойтись безъ него; уже прежде было сказано, что мы въ самыхъ рѣдкихъ только случаяхъ прибѣгали къ опредѣленіямъ, обыкновенно же старались разомъ давать объясненіе посредствомъ латинскаго слова. Это только первая жатва въ области слова, гдѣ солома срѣзается надъ землею; изслѣдованіе словъ должно проникать глубже и вырывать самый корень.

17. Словоизслѣдованіе.

Этимологія составляетъ соль или пряность словаря; безъ этой приправы предлагаемая имъ пища была бы не вкусна, хотя иное и пріятнѣе было бы сырое или не пересоленое.

Словопроизводство нажило себѣ дурную славу, потому что въ прежнее время, естественно, его искали въ одной игрѣ словъ и употребляли во зло. Долго оно только предугадывало свои правила и не сознавало ихъ; и теперь еще безпрестанно отыскиваются новыя.

Можно понимать слово изъ него самого и изъ ближайшаго къ нему круга, но можно также брать на помощь родственныя семейства и ряды словъ, а оттуда уже переходить къ смежнымъ нарѣчіямъ и языкамъ. Какъ скоро замѣтили и наконецъ обозрѣли связь нѣсколькихъ языковъ, то явилось, съ неизвѣстными прежде законами и выводами, сравненіе языковъ, которое, какъ выше было сказано, утвердилось научнымъ образомъ только съ помощію книгопечатанія и словарей.

Латинскій и греческій языки представляютъ намъ драгоцѣнное собраніе классическихъ памятниковъ, изъ которыхъ можно почерпнуть множество грамматическихъ правилъ, отчасти примѣнимыхъ къ нашему собственному языку. Только прежде привыкли навязывать эти правила насильно и подчинять имъ всѣ домашнія

требованія, вмѣсто того чтобъ и этимъ предоставлять ихъ законную силу. Филологія, возникшая изъ знакомства съ санскритомъ, болѣе справедлива, и признаетъ за всѣми остальными языками равныя права. Однакожъ чистота и глубокая древность его источниковъ доставляетъ ему естественное и заслуженное уваженіе, такъ что этотъ языкъ, кажется, призванъ разрѣшать сомнѣнія относительно звуковъ и корней; но судилище, прежде разъясненія спорнаго дѣла, должно принять въ соображеніе и силу доводовъ, которые оно представляетъ. Какъ ни велики надежды, возбуждаемыя санскритомъ въ изумленномъ изслѣдователѣ, какъ ни вѣрны многія производства, которыя изъ него извлечены или еще могутъ быть заимствованы, — все-таки каждый изъ исконно-родственныхъ языковъ сохраняетъ свою собственную прозрачность, которая должна имѣть силу въ надлежащихъ случаяхъ. Мнѣ кажется, что внутренніе, съ значеніемъ словъ тѣсно связанные результаты, часто заслуживаютъ предпочтенія передъ самыми остроумными догадками, основывающимися на однихъ звуковыхъ отношеніяхъ и на перемѣнѣ или опущеніи отдѣльныхъ согласныхъ. Съ нашими нѣмецкими словами надобно прежде всего пробовать, нельзя ли ихъ объяснить дома, на родной почвѣ, что́ конечно заставляетъ подвигаться не столь быстрыми, но за то часто болѣе вѣрными шагами.

Если корень многихъ словъ донынѣ еще ясно виденъ, то почему бы нельзя было собственными средствами доискаться и помутившагося или затемненнаго? По моему мнѣнію, этимологія, подвигаясь впередъ, должна быть все болѣе склонна и способна не увеличивать, а уменьшать число корней; она будетъ находить средства къ облегченію перехода отъ одного корня къ другому и къ поддержанію между ними сообщенія по проведенному мосту. При этомъ въ каждомъ языкѣ отдѣльные корни должны чрезвычайно распространиться по объему и богатству производствъ.

На волнистомъ морѣ языковъ слова́ всплываютъ и снова погружаются, въ этимологіи растутъ и расплываются. Часто одна форма въ правильномъ разнообразіи проходитъ чрезъ цѣлые ряды

словъ, и потомъ опять встрѣчаются рѣзкія различія, пробѣлы и пропасти, такъ что сходство, которое, казалось, уже въ рукахъ у насъ, вдругъ ускользаетъ. Въ нѣмецкомъ словарѣ мы считали обязанностію отыскивать всѣ средства и пріемы, предлагаемые собственнымъ нашимъ языкомъ, и такого взгляда будутъ требовать отъ насъ даже тѣ, которые не ждутъ отъ этого словаря много добра и далеко не все здѣсь одобрятъ. Съ успѣхами изслѣдованія получатся новые результаты, къ которымъ будутъ служить побужденіемъ самые недостатки честно веденнаго труда.

18. Нравы и обычаи.

Для объясненія многихъ словъ необходимо было обращать вниманіе на бытъ и воззрѣнія старины и древности, которыхъ точнѣйшее изученіе много зависитъ отъ знанія языка. Потому-то словари областныхъ нарѣчій, если они составлены съ трудолюбіемъ и тонкимъ умомъ Шмеллера, служатъ столь важнымъ матеріаломъ для исторіи и нравовъ какъ настоящаго времени, такъ и прошлыхъ столѣтій.

Если трудъ нашъ когда-либо будетъ приведенъ къ концу, то очень будетъ полезно, по примѣру Дюканжа, приложить къ нему разнаго рода списки и росписи, по которымъ можно бы было обозрѣть всѣ отдѣльные обычаи, а также замѣчательныя слова и выраженія отдѣльныхъ званій, расположенныя въ строгомъ порядкѣ.

19. Форма буквъ и печать.

(Хотя эта статья повидимому относится только къ внѣшней сторонѣ нѣмецкаго словаря, однакожъ я рѣшился и ее сохранить въ извлеченіи, какъ любопытный историческій очеркъ употребительнаго въ Германіи письма, имѣющій притомъ косвенное примѣненіе и къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей ороографіи.

Чтобы предлагаемыя здѣсь замѣчанія были понятнѣе для русскихъ читателей, считаю нелишнимъ напомнить, что у Нѣмцевъ до сихъ поръ употребляется двоякій шрифтъ: одинъ готическій, т. е. угловатый или ломаный, а другой подобный латинскому—круглый. Я. Гриммъ рѣшительный противникъ перваго и доказываетъ исторически всю его несостоятельность; ученые Германіи въ этомъ от-

>помешіи мало по малу переходятъ на сторону славнаго филолога; при всемъ томъ осуждаемый имъ шрифтъ все еще остается тамъ господствующимъ).

Естественно было устранить изъ нашего словаря тотъ безобразный шрифтъ, который большей части нашихъ книгъ придаетъ столь варварскій наружный видъ въ сравненіи съ книгами всѣхъ другихъ образованныхъ народовъ и останавливаетъ ихъ распространеніе.

Къ сожалѣнію, этотъ испорченный и некрасивый шрифтъ называютъ даже нѣмецкимъ, какъ будто всѣ злоупотребленія, какія у насъ въ ходу, можно извинить, наложивъ на нихъ штемпель нѣмецкаго происхожденія. Но такое мнѣніе ни на чемъ не основано, и всякому образованному человѣку извѣстно, что въ средніе вѣка во всей Европѣ и для всѣхъ языковъ употреблялось одно только письмо, именно латинское. Съ 15-го и 16-го столѣтій писцы начали заострять круглыя очертанія на поворотахъ, и придѣлывать крючки къ большой буквѣ, которая встрѣчалась почти только въ заглавіяхъ и въ началѣ отдѣловъ.

Изобрѣтатели книгопечатанія выливали свои буквы совершенно такъ, какъ находили ихъ въ рукописяхъ, и такимъ образомъ первыя печатныя книги 15-го вѣка сохранили тѣ же угловатыя острыя буквы, все равно были ли онѣ на латинскомъ, французскомъ, или нѣмецкомъ языкѣ. Этими же буквами печатались потомъ и всѣ датскія, шведскія, чешскія, польскія книги. Но въ Италіи, гдѣ писцы болѣе придерживались круглаго письма, имѣя передъ глазами прекрасныя древнія рукописи классиковъ, въ Италіи еще въ 15-мъ столѣтіи болѣе чистый вкусъ возвратилъ во многихъ книгопечатняхъ неискаженныя буквы для латинскаго или народнаго языка, и отъ другихъ народовъ зависѣло послѣдовать этому примѣру. Латинскаго письма нельзя было не измѣнить, и въ 16-мъ столѣтіи благородный почеркъ проникъ и въ тѣ классическія сочиненія, которыя выходили изъ французскихъ и нѣмецкихъ типографій; ученые дорожили этимъ. Напротивъ, дурной шрифтъ удержался для народа, который уже при-

выкъ къ нему, во Франціи только на нѣкоторое время, но въ Германіи рѣшительно и упорно; этимъ самымъ утвердилось вредное различіе между латинскими и общеупотребительными буквами, Vulgarbuchstaben, которое стало господствовать не только въ типографіяхъ, но и въ школахъ. Но этого общеупотребительнаго письма никакъ нельзя называть нѣмецкимъ, потому что оно, кромѣ Германіи, было въ ходу также въ Англіи, Нидерландахъ, Скандинавіи и у Славянъ латинской церкви. Англичане и Нидерландцы мало по малу отказались отъ него совершенно. Поляки также оставили его, нынѣшніе Чехи и Шведы по большей части; въ настоящее время оно, внѣ Германіи, держится еще въ чешскихъ и шведскихъ газетахъ, въ Даніи, Лифляндіи и Финляндіи, гдѣ однакоже всѣ писатели расположены перейти, а по большей части уже и перешли къ чистому латинскому шрифту.

Сначала всѣ буквы имѣли видъ прописныхъ; такъ высѣкали ихъ на камнѣ; для скорописи на папирусѣ и пергаменѣ связывали и уменьшали буквы, отчего очертанія ихъ болѣе или менѣе измѣнялись. Изъ начальныхъ буквъ, которыя на рукописяхъ расписывались кистью, проистекла вычурная и искаженная форма большой буквы, которая еще и въ древнѣйшихъ печатныхъ книгахъ не набиралась, а вносилась красками. Въ латинскихъ книгахъ, кромѣ инiціаловъ, только собственныя имена означались большою буквою, какъ дѣлается и теперь для облегченія читателя. Въ теченіе 16-го столѣтія ввелось, сперва шатко и неопредѣленно, а потомъ уже рѣшительно — злоупотребленіе распространять это отличіе на всякое существительное, вслѣдствіе чего оно уже не достигало своей цѣли: собственныя имена сдѣлались незамѣтны во множествѣ существительныхъ и вообще письмо получило пестрый, неуклюжій видъ, такъ какъ большая буква занимаетъ вдвое или втрое болѣе мѣста, нежели маленькая. Я увѣренъ, что обезображенное письмо было въ тѣсной связи съ безполезнымъ размноженіемъ большихъ буквъ; въ этомъ искали мнимой красоты и тѣшились какъ самыми крючками, такъ и размноженіемъ ихъ.

Едва ли кто изъ читателей этого словаря будетъ недоволенъ его латинскими и маленькими буквами[1], или по крайней мѣрѣ не примирится съ ними легко; всякій же безпристрастный конечно согласится, что онѣ пріятнѣе для глазъ и сберегаютъ много мѣста. Если хоть одно поколѣніе пріучится къ новому способу письма, то въ послѣдующемъ никто и не подумаетъ возвращаться къ старому. Кто находитъ, что все равно какъ поступать въ подобныхъ вопросахъ, и всякій дурной обычай считаетъ неизмѣнною особенностью націи, тотъ не можетъ ни къ чему прикасаться и въ каждой порчѣ языка долженъ видѣть дѣйствительное улучшеніе. Но въ языкѣ нѣтъ ничего малаго, что бы не имѣло вліянія на великое, ничего неблагороднаго, что бы не наносило чувствительнаго вреда доброй его натурѣ. Вѣдь мы выводимъ же изъ обыкновенія на домахъ шпицы и выдающіяся балки, а на волосахъ пудру: зачѣмъ же намъ на письмѣ удерживать всякую дрянь?

20. Правописаніе.

Латинское письмо издавна перешло въ нашъ языкъ со стороны, и не безъ опасности оно было примѣнено къ нѣмецкимъ звукамъ; очень было дурно, что небрежный и превратный способъ писанія, вмѣсто того чтобъ примирить оба начала, ввелъ постепенно несообразности, которыхъ сперва нигдѣ не было. Въ послѣднія три столѣтія нѣмецкое письмо представляетъ такую шаткую и позорную непослѣдовательность, какой не видано ни въ какомъ языкѣ, и поправить дѣло чрезвычайно трудно. Къ этимъ несообразностямъ всѣ привыкли съ дѣтства, и никого не встрѣчаютъ такъ дурно, какъ того, кто противъ нихъ возстаетъ. Отступленія въ мелочахъ только слегка осмѣиваютъ и еще терпятъ кое-какъ, но кто предлагаетъ коренныя преобразованія, тотъ можетъ быть увѣренъ, что встрѣтитъ величайшее равнодушіе и

---

[1] Я. Гриммъ давно употребляетъ большія буквы только въ началѣ строки и въ собственныхъ именахъ. Даже послѣ точки по серединѣ строки онъ пишетъ маленькую букву.

невѣжество. Какая нужда до измѣненій писателю, который заботится только о безпрепятственномъ и непринужденномъ выраженіи своихъ мыслей, которому тяжело было бы задерживать и себя самого и своихъ читателей недоумѣніями въ формѣ, которую, какъ ему кажется, онъ давно побѣдилъ. Только втайнѣ безпокоитъ его мозоль на ногѣ, когда онъ иногда вдругъ замѣтитъ у себя неточное или невѣрное выраженіе. Совершенный переворотъ можетъ, повидимому, произойти только тогда, когда, при подготовленной грамматической основѣ, въ воспріимчивую эпоху, ему окончательно будетъ проложенъ путь словаремъ. Настоящій словарь можетъ только имѣть въ виду изрѣдка пробивать дорогу и подготовлять преобразованіе. Языкъ не можетъ терпѣть въ себѣ ничего нечистаго, что̀ противится естественному его теченію. Въ области его нѣтъ приказаній и, какъ есть république des lettres, такъ и о словахъ и способѣ писанія ихъ окончательно рѣшаетъ обычай и народный судъ; начальство и правительство могутъ только подавать добрый примѣръ, такъ же точно, какъ они иногда подавали дурной. Справедливо было прежде всего обратить вниманіе на основательное опасеніе издателей, что публика, готовая принимать частныя улучшенія правописанія, испугалась бы слишкомъ сильнаго потрясенія того, что издавна принято и утверждено обычаемъ. При всей предоставленной намъ свободѣ, мы охотно подчинились благоразумнымъ ограниченіямъ: почти всегда умѣренныя и постепенныя реформы принимались, а слишкомъ крутыя встрѣчали сопротивленіе. Во всѣхъ ли случаяхъ мы держались надлежащей мѣры, покажетъ время.

21. Удареніе.

Аделунгъ въ своемъ второмъ изданіи означилъ произношеніе многихъ отдѣльныхъ словъ посредствомъ удареній, но сомнительно, доставилъ ли онъ тѣмъ этому изданію преимущество передъ первымъ. Такое обозначеніе не совсѣмъ сходно съ употребительнымъ въ латинскомъ языкѣ и въ сущности мало приноситъ пользы. Ново-верхненѣмецкое удареніе падаетъ такъ однообразно, что оно почти всегда и безъ того извѣстно: въ простыхъ сло-

вахъ оно бываетъ на коренномъ слогѣ, въ составныхъ слѣдуетъ также опредѣленнымъ правиламъ.

(Здѣсь въ подлинникѣ слѣдуетъ краткое развитіе этихъ правилъ, подкрѣпленное примѣрами. Такъ какъ въ русскомъ языкѣ, напротивъ, удареніе чрезвычайно разнообразно и законы его до сихъ поръ еще вполнѣ не изслѣдованы, да если и будутъ опредѣлены, должны оказаться довольно сложными, то ясно, что русскій словарь наоборотъ не можетъ обойтись безъ удареній).

22. Раздѣленіе труда.

Когда два каменщика вмѣстѣ всходятъ на лѣса и одинъ работаетъ справа, а другой слѣва, то стѣны, колонны, окна и карнизы дома подымаются съ обѣихъ сторонъ совершенно единообразно, потому что все напередъ указано въ чертежѣ и размѣривается по снурку. Случается также, что по натянутому холсту пишутъ два живописца, одинъ ландшафтъ, а другой фигуры, и первый оставляетъ послѣднему сколько нужно простора для разстановки и развитія ихъ. Можно бы подумать, что такимъ же образомъ и передъ словаремъ стоятъ два человѣка, которые, начертавъ себѣ опредѣленный планъ, кладутъ слоями и направляютъ слова, попеременно подаютъ другъ другу камни и передаютъ изъ рукъ въ руки инструменты, и что одинъ занимается этимологіей и формой, а другой значеніемъ словъ.

Но изслѣдованіе словъ требуетъ сосредоточенной умственной работы и уединеннаго размышленія; кто нашелъ происхожденіе слова, тотъ видитъ и проистекающія отсюда значенія, а кто съ одушевленіемъ углубился въ значенія, тотъ долженъ составить себѣ понятіе и о происхожденіи и корнѣ слова. Одно обусловливаетъ другое, и нити рвутся, какъ скоро выпустишь ихъ изъ рукъ. Иногда грунтъ, приготовленный однимъ изъ трудящихся, не былъ бы занятъ фигурами, придуманными другимъ, иногда такого грунта было бы недостаточно для этихъ фигуръ. На этомъ поприщѣ самыя сродныя мнѣнія легко расходятся, и уступчивое согласіе столь же вредно, какъ упорная настойчивость. Требовать, чтобы каждый изъ трудящихся подвергалъ свое оконченное изслѣдованіе суду сотрудника, было бы противно чувству

самостоятельности, да притомъ такой судъ былъ бы неисполнимъ, потому что тутъ исправленіе стóитъ столько же труда, какъ и самая работа: вмѣсто того, чтобъ мнѣ шагъ за шагомъ итти по слѣдамъ другого и снисходительно взвѣшивать всѣ его пріемы, лучше я не буду беречь самого себя и одинъ пойду тѣми же путями. При томъ, когда оба работника стоятъ слишкомъ близко другъ къ другу, то они не свободны въ употребленіи инструментовъ.

Ясно, что участіе съ равными правами въ трудѣ словаря возможно только тогда, когда каждый изъ сотрудниковъ возьметъ на себя опредѣленныя части цѣлаго и на всемъ пространствѣ этихъ частей будетъ обращаться съ полною свободой. Чтó онъ отдѣлаетъ, должно безъ предварительнаго просмотра сотрудника входить въ составъ всей работы. Выборъ такихъ частей или отдѣловъ можетъ быть предоставленъ почти случаю, такъ какъ все въ области языка равно трудно и равно привлекательно. Но незамѣтно сообщество обращается къ взаимной пользѣ тѣмъ, что каждый изъ обоихъ сотрудниковъ съ своей точки зрѣнія, но при тѣхъ же средствахъ, въ то же время и, можно сказать, въ той же атмосферѣ, смотритъ, какъ товарищъ его выполняетъ общій планъ, и такимъ образомъ достигается необходимое единство цѣлаго труда. Они подобны двумъ поварамъ, которые, смѣняясь понедѣльно, подходятъ къ тому же очагу и готовятъ одинакую пищу въ той же самой посудѣ; пусть публика сама замѣчаетъ, гдѣ иногда одинъ положитъ слишкомъ мало соли, а другой пересолитъ; надѣюсь, что ни тотъ, ни другой не дастъ кушанью пригорѣть.

Въ первую недѣлю была моя очередь. Когда надо было приступить къ труду, я сказалъ Вильгельму: «Я возьму A, а ты возьми B.» — Это для меня слишкомъ скоро, отвѣчалъ онъ: дай мнѣ начать съ D. — Это казалось очень удобнымъ, потому что буквы A, B, C должны были составить первый томъ, и справедливо было предоставить каждому сотруднику особые томы. Но въ продолженіе работы оказалось, что букву B лучше раз-

бить, чтобы не дать первому тóму слишкомъ большого объема. Вотъ почему мнѣ приходилось отдѣлать еще и порядочную долю второго тома.

23. Сторонняя помощь.

Когда наконецъ дѣло должно было завязаться, то выступавшее, все еще не вполнѣ вооруженное словесное войско, въ рядахъ котораго открывались порожнія мѣста, не получало подкрѣпленій съ разныхъ сторонъ, откуда оно наиболѣе ожидало ихъ. Ящики съ карточками, устроенные друзьями, которые ежедневно обращаются съ источниками языка, оставались пусты или нетронуты: такъ было трудно поддержать, въ виду обширности предпріятія, первоначальный жаръ и не дать ему превратиться въ лѣнивую дремоту. Тѣмъ пріятнѣе была неожиданная помощь.

(Упомянувъ здѣсь о двухъ принесенныхъ ему въ даръ богатыхъ собраніяхъ словъ, которыя составлялись не съ этою цѣлью, Я. Гриммъ называетъ потомъ 83 человѣкъ, дѣлавшихъ, по его порученію, разныя выписки собственно для словаря. Между этими лицами, прибавляетъ онъ, было человѣкъ 12 профессоровъ, 2—3 пастора; всѣ остальные были филологи, и ни одного юриста или врача, чѣмъ опять подтверждается сказанное выше на стран. 219-й. Не всѣ изыскатели равно ясно сознавали цѣль задачи, не всѣ работали съ тою же постоянною настойчивостью, такъ что многіе важные писатели едва только половиною своихъ трудовъ вошли въ словарь).

III. СЛОВАРНЫЕ ТРУДЫ ДАТЧАНЪ.

Есть хорошій словарь датскаго языка, составленный покойнымъ Мольбекомъ. Сверхъ того, болѣе ста лѣтъ тому назадъ Королевское Общество наукъ въ Копенгагенѣ предприняло словарь; но онъ и до сихъ поръ не конченъ. Еще въ 1745 г., вскорѣ послѣ основанія Общества, въ немъ возникъ вопросъ о составленіи словаря; — но не прежде какъ черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1776 году, окончательно согласились въ основаніяхъ этого труда: положено было составлять словарь по идеѣ англичанина Джонсона. Въ самомъ началѣ уже дѣло шло вяло, редакторы мѣнялись, и къ концу 1780 г. отпечатана была только буква A. Первый же томъ (до конца буквы E) явился не прежде 1793 г., при чемъ тогдашній редакторъ подавалъ надежду, что весь трудъ будетъ конченъ чрезъ 15 лѣтъ. Но какимъ образомъ это могло осуществиться, когда на одинъ первый томъ употреблено было болѣе времени? Дѣйствительно, словарь и послѣ подвигался тихо; назначенная для изданія его комиссія дѣйствовала безъ всякаго одушевленія и усердія, пересматривала изготовленныя буквы медленно, часто мѣнялась въ своемъ составѣ и избирала редакторовъ не всегда удачно, такъ что выходившія части словаря справедливо подвергались строгой критикѣ и не удовлетворяли требованіямъ науки. Такъ продолжается дѣло до сихъ поръ: отпечатана только 7-я часть словаря, доведеннаго до буквы U; наконецъ уже виденъ берегъ, но это будетъ мозаика, весьма неудовлетворительная въ цѣломъ, какъ и въ частяхъ. Въ числѣ ны-

нѣшнихъ членовъ словарной комиссіи есть люди съ высокимъ ученымъ достоинствомъ и съ громкими именами, но они не могутъ смотрѣть съ любовью на дѣло, начатое безъ нихъ и успѣхъ котораго отъ нихъ уже не зависитъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія шла рѣчь о томъ, чтобъ оставить это дѣло; однакожъ ученое общество не сочло себя въ правѣ отказаться отъ предпріятія, на которое было положено столько трудовъ и издержекъ и которое сверхъ того было начато и ведено по волѣ правительства.

Словарь датскаго Общества наукъ служитъ новымъ доказательствомъ истины, въ которой мы и прежде уже убѣдились: что такое сложное и трудное дѣло, болѣе всякаго другого требующее постоянныхъ, напряженныхъ усилій и единства въ исполненіи, не можетъ быть съ успѣхомъ ведено многими; не можетъ быть также поручаемо тому или другому лицу, которое не чувствуетъ особаго къ тому влеченія и принимается за это дѣло не по призванію, а по какимъ-нибудь внѣшнимъ соображеніямъ. Вообще въ умственныхъ трудахъ, требующихъ присутствія одной мысли и таланта, коллективная работа невозможна. Идея, будто цѣлое ученое общество можетъ общими силами трудиться за однимъ какимъ-нибудь предпріятіемъ, ошибочна. Фенелонъ желалъ, чтобы Французская Академія составила піитику; но, замѣтилъ г. Вильмень, разсуждая со мною объ этомъ [1], есть ли возможность, чтобы люди, имѣющіе каждый свой самостоятельный образъ мыслей, сошлись по такому предмету, который допускаетъ наиболѣе разнообразія мнѣній и вкуса? На вопросъ мой Якову Гримму, кѣмъ онъ замѣнитъ покойнаго брата своего въ изданіи словаря, онъ отвѣчалъ мнѣ, что будетъ стараться обойтись безъ сотрудника, потому что только братъ его и былъ способенъ трудиться съ нимъ вмѣстѣ, не мѣшая ему.

Въ Копенгагенѣ нашелъ я человѣка, который въ тишинѣ и неизвѣстности съ изумительнымъ терпѣніемъ трудился надъ сло-

---

[1] Во время моего заграничнаго путешествія въ 1860 году.

варемъ своего народа. Это г. *Левинъ*, уже лѣтъ тридцать собиравшій матеріалы для такого труда. При мнѣ онъ былъ занятъ выписываніемъ словъ и выраженій изъ писателей, изъ историческихъ и юридическихъ актовъ. Составившіяся такимъ образомъ карточки—каждая носитъ одно только слово съ одною выпискою—распредѣляются по шкапикамъ, изъ которыхъ въ каждомъ по 96-ти ящичковъ. Въ выпискахъ г. Левину помогаютъ два студента, и, по его увѣренію, такіе два молодые сотрудника могутъ очень легко быть пріучены въ совершенствѣ къ подобному труду. Если г. Левинъ съ своимъ рѣдкимъ трудолюбіемъ и любовію къ избранному дѣлу соединяетъ такую же свѣтлость мысли и пониманіе дѣла, то можно надѣяться, что трудъ, который онъ совершаетъ въ одиночествѣ, далеко превзойдетъ словарь Общества наукъ[1].

---

[1] Недавно я прочелъ въ одной шведской газетѣ о смерти Левина въ маѣ 1883 года. Ему было лѣтъ 75. Къ этому извѣстію прибавлено, что онъ оставилъ богатое собраніе матеріаловъ для словаря.

IV. РУССКО-ФРАНЦУЗСКІЙ СЛОВАРЬ

Н. П. Макарова (Спб. 1867 г.).

Потребность въ подробномъ русско-французскомъ словарѣ ощущалась у насъ очень давно[1], и недостатокъ такого пособія, при значительной распространенности у насъ французскаго языка, служилъ однимъ изъ прискорбныхъ доказательствъ того, какъ бѣдна наша учебная и ученая литература и какъ мало у насъ охотниковъ предпринимать серіозные многолѣтніе труды.

Наконецъ нашелся человѣкъ, задумавшій составить такой словарь обоихъ языковъ, который въ неслишкомъ большомъ объемѣ представлялъ бы возможно-полное и надлежащимъ образомъ разработанное содержаніе. И эта нелегкая задача выполнена г. Макаровымъ въ замѣчательной степени успѣшно. Употребивъ на то не болѣе трехъ лѣтъ, г. Макаровъ подалъ отрадный примѣръ настойчивой дѣятельности. Словарь его удовлетворяетъ большей части требованій, существующихъ для пособій этого рода, и можно, кажется, съ увѣренностью предсказать, что онъ сдѣлается надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучать одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другого; особенно будетъ

---

[1] Т. е. съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ изъ продажи весьма хорошо составленный словарь И. И. Татищева, изданный въ 1824 году Глазуновымъ.

онъ нуженъ при переводахъ съ русскаго на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Одно изъ главныхъ достоинствъ въ подобномъ трудѣ есть полнота, — полнота, во 1-хъ, въ собраніи словъ объясняемаго языка, во 2-хъ — въ объясненіи этихъ словъ и въ указаніи всѣхъ случаевъ разнообразной передачи ихъ на другомъ языкѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ новый словарь довольно близко подходитъ къ цѣли своей, и притомъ въ объясненіи словъ г. Макаровъ постоянно держится разумной системы: сначала идутъ соотвѣтствующія русскому слову, въ разныхъ значеніяхъ его, французскія слова, а потомъ, въ такомъ же порядкѣ, относящіяся къ каждому значенію фразы. Со стороны фразеологіи этотъ словарь отличается рѣдкимъ богатствомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ пословицы, въ бо́льшей части случаевъ передаваемыя пословицами же; только тогда, когда недостаетъ подобозначащихъ, ихъ замѣняетъ объясненіе; то и другое всякій разъ обозначается особымъ указаніемъ. Такимъ образомъ трудъ г. Макарова, выполненный съ добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, долженъ быть признанъ заслуживающимъ одобренія. Само собою разумѣется однакожъ, что въ изданіи такого объема неизбѣжны недосмотры и неисправности. Отдавая полную справедливость достоинствамъ словаря, считаю себя не вправѣ умолчать о нѣкоторыхъ пропускахъ и промахахъ, которые въ немъ замѣчены мною. Остановиться на́ нихъ обязанъ я тѣмъ болѣе, что самъ авторъ выразилъ желаніе узнать недостатки своего словаря для исправленія ихъ въ будущемъ.

Хотя г. Макаровъ и внесъ въ свой трудъ многія общеупотребительныя русскія слова, которыхъ, по крайней мѣрѣ до толковаго словаря Даля, не было въ нашихъ лексиконахъ (напримѣръ: обусловливать, объединять, научный, клумба и др.), однакожъ и въ разсматриваемомъ словарѣ мы не находимъ еще многихъ словъ; нѣкоторыя изъ нихъ, правда, еще новы, но и тѣ уже пріобрѣли или по крайней мѣрѣ болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ право гражданства. Г. Макаровымъ, между прочимъ, пропущены слѣ-

дующія слова[1]: бытовой, водораздѣлъ, главенство *, голосованіе *, дословный, завзятый, законоположеніе, замкнутость, издѣльный (— ая повинность), корениться, крѣпостникъ *, мѣропріятіе, набросокъ *, накидокъ * (esquisse), настроеніе, непререкаемый, обрядовый, общеніе, орудовать, отступное, передвиженіе, плоскогорье, полноправный *, правомѣрный, представительство, пререканіе, принудительный, противовѣсъ (— вѣсіе) *, проходимецъ *, равноправный, самовосхваленіе *, самодуръ, самодѣятельность, самообольщеніе*, самосознаніе*, самоуправленіе*, сдержанность* (и сдержка), собственникъ *, сопоставлять, сторонникъ, стушеваться, суть (имя сущ.), творчество, хлыщъ *, цѣлесообразный *, человѣчный, численность.

Кромѣ того забыты еще нѣкоторыя слова другого рода, хотя не столь употребительныя, болѣе специальныя, но также несомнѣнно принадлежащія къ составу языка: они частью встрѣчаются у писателей не слишкомъ давняго періода (напр. займословіе, нѣщечко), частью слышатся въ общежитіи (взбуровить, ерунда, калика, живейный, неумѣлый, обознаться, посовѣть, раздробь), частью же извѣстны какъ научные или ремесленные термины (хрусталикъ, засидки[2]).

Наконецъ, между вошедшими въ русскій языкъ иностранными словами недостаетъ у г. Макарова нѣкоторыхъ весьма замѣтныхъ. Конечно, не всѣ употребляемыя современными писателями иноязычныя слова заслуживаютъ сохраненія, но многія не хуже прежде-утвердившихся; въ этомъ отношеніи важно имѣть въ виду степень потребности въ словѣ, и кажется, современный лексикографъ не можетъ отвергать такихъ словъ, какъ напр., солидарность, организовать, централизація, соціальный, принципъ, или: кепи, керосинъ и проч., которымъ однакожъ въ словарѣ г.

---

[1] Обозначаю звѣздочкой такія слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ до сихъ поръ русскихъ словарей.

[2] Описаніе засидокъ (Lichtbraten) на одной петербургской фабрикѣ см. въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866, № 232.

Макарова менѣе посчастливилось чѣмъ другимъ, въ родѣ амплуа, ангажировать, сидръ, папироска и т. п.

Объясненія и переводы въ новомъ словарѣ вообще вѣрны и удачны. Есть въ немъ однакожъ слова, которыя объяснены не во всѣхъ своихъ значеніяхъ или вообще не совсѣмъ полно и не довольно точно. Вотъ тому примѣры.

«Говоръ, le bruit de gens qui parlent». Здѣсь упущено изъ виду значеніе, усвоенное этому слову въ послѣднія десятилѣтія, именно: patois, jargon (мѣстное нарѣчіе).

«Грамотность, l'écriture et la lecture». Но *грамотность* означаетъ преимущественно *умѣнье* читать и писать.

«Дѣятель, acteur, agent». Очевидно, что ни то, ни другое изъ этихъ французскихъ словъ не годится для передачи столь общеупотребительныхъ выраженій: *дѣятель общественный, дѣятель* такой-то *эпохи*. Надобно было перифрастически объяснить употребленіе этого слова.

«Задатокъ, les arrhes». Русское слово употребляется въ смыслѣ гораздо обширнѣйшемъ, напр. въ выраженіи: задатки будущаго развитія.

«Наплясаться, danser tout son soûl, jusqu'à satiété». Это только собственное значеніе слова; но есть еще и другое: натерпѣться, намаяться.

«Направленіе, direction». Надо было прибавить: tendance.

«Насущный,—хлѣбъ, le pain quotidien». Но русское прилагательное соединяется не съ однимъ словомъ *хлѣбъ*; въ предисловіи къ своему словарю самъ г. Макаровъ употребилъ выраженіе: «одна изъ насущнѣйшихъ потребностей». Quotidien не выражаетъ кореннаго значенія слова *насущный*, которое прямо переведено съ греческаго ἐπιούσιος (*на существованіе* нужный). Слѣдовало прибавить: vital, и потомъ приведенное выраженіе съ объясненіемъ его: besoin impérieux или т. п.

«Оброчный, de redevance, payant une redevance». Забыто реченіе: *оброчныя статьи*.

«Печать, le cachet, sceau; le scellé; impression; les caractè-

res». Здѣсь недостаетъ еще presse, въ значеніи котораго слово *печать* въ недавнее время стало удачно употребляться.

«Почипъ, le commencement, étrenne; frontière». И тутъ недостаетъ недавно приданнаго слову значенія: initiative.

«Присяжный, de serment, assermenté; le juré, membre du jury». Не объясненъ терминъ *присяжный повѣренный*, котораго не находимъ и подъ словомъ *повѣренный*.

«Протестъ, protêt». Слово взято только въ самомъ спеціальномъ своемъ значеніи, какъ коммерческій терминъ, тогда какъ общій смыслъ его остался не означеннымъ.

«Путевой, de voyage». Не занесено реченіе *путевой дворъ*, которое начали употреблять въ значеніи французскаго gare du chemin de fer (нѣмецкаго Bahnhof).

«Разбирать». Между многими приведенными при этомъ глаголѣ значеніями забыто одно, соотвѣтствующее выраженію: быть разборчивымъ (напр. въ пищѣ), être difficile dans le choix de …

«Разборчивый». Здѣсь напротивъ указано значеніе, ускользнувшее при глаголѣ *разбирать*, но не приведено то, которое встрѣчается напр. въ выраженіи: довольно разборчивый почеркъ.

«Разводить». Забытъ случай употребленія этого глагола съ творительнымъ: *руками*.

«Розпь, la différence, diversité». A divergence въ смыслѣ разномыслія, несогласія, désunion, division?

«Сводиться, être mené (du haut en bas)». Не показано значеніе слова въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующему: всѣ эти толки сводятся къ одной главной мысли.

«Черный». Не выставлено названіе *черная рыба*, которымъ означаются всѣ виды мелкой рыбы въ отличіе отъ крупной, называемой *красною*, какъ и показано подъ этимъ послѣднимъ словомъ.

Фразы, которыхъ переводъ вообще свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи французскаго языка, помѣщены не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ; напр. выраженія: «Онъ очень занятъ собою, онъ занятъ чтеніемъ» должны бы находиться не подъ не-

опредѣленнымъ наклоненіемъ *занимать*, а подъ причастіемъ *занятой*, такъ-какъ оно поставлено, по общему правилу автора, особо.

Особо поставлены также косвенные падежи личныхъ мѣстоименій, и г. Макаровъ справедливо указываетъ въ предисловіи на это преимущество своего словаря. Но на томъ же основаніи слѣдовало бы помѣщать особо и тѣ глагольныя формы, которыя своими начальными буквами отличаются отъ неопредѣленнаго наклоненія. Такъ нужно бы, кромѣ *здать*, *итти*, *молоть*, *стлать*, *брать*, *жать*, *мять* и т. п. выставить на своемъ мѣстѣ, по азбучному порядку, и формы: *зижду*, *шелъ*, *мелю*, *стелю*, *беру*, *жму*, *жну*, *мну* и проч.

Выше сказано было, что нѣкоторыя фразы встрѣчаются не тамъ, гдѣ ихъ должно искать. Въ примѣръ того приведу еще одинъ случай. Пословица: «не всякое лыко въ строку» помѣщена подъ словомъ *всякій*, тогда какъ настоящее мѣсто ей было бы подъ словами *лыко* или *строка*. Притомъ и объясненіе этой пословицы: «Il ne faut pas regarder de trop près, или: il faut être indulgent quelquefois» не совсѣмъ удовлетворительно. Подъ словами *лыко* и *строка* читатель не найдетъ разгадки, почему въ народномъ изреченіи соединены эти два понятія. Имя сущ. *строка* переведено только словомъ *ligne*, но въ сущности смыслъ его гораздо обширнѣе: оно значитъ вообще *рядъ* (напр. въ шитьѣ), и на этомъ основаніи употребляется также, когда рѣчь идетъ о плетеніи лаптей. Мастеръ этого дѣла отбрасываетъ тѣ лыки, которыя кажутся ему недовольно чисты и гладки для употребленія въ строку или полосу. Вотъ начало пословицы. Уже позднѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стали говорить: «Не всякое слово въ строку». Снегиревъ объясняетъ пословицу о лыкѣ такъ: «не всякія мелочи, пустяки вводить въ дѣло». Даль даетъ ей слѣдующее толкованіе, принятое и въ разбираемомъ словарѣ: «не будь чрезмѣру строгъ и взыскателенъ». Кажется, точнѣе былъ бы такой переводъ: «не всякое слово, необдуманно сказанное, стоитъ вниманія и должно вмѣняться».

Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ словарѣ г. Макарова, охотно сознаю однакоже, что они не могутъ и не должны заслонять собою огромной массы всего хорошаго, что́ въ немъ заключается. Безъ критическихъ указаній со стороны, такой обширный трудъ никогда не можетъ приблизиться къ желаемому совершенству. Въ настоящемъ же случаѣ они казались мнѣ тѣмъ нужнѣе, что неутомимый авторъ уже перешелъ къ другому однородному предпріятію: онъ готовитъ въ тѣхъ же или, можетъ быть, еще въ бо́льшихъ размѣрахъ французско-русскій словарь. Пожелаемъ ему въ этомъ новомъ предпріятіи такого же успѣха, какого заслуживаетъ недавно изданный трудъ его.

V. ПЛАНЪ СЛОВАРЯ ВЪ НОВОМЪ РОДѢ.

Die Silbenanalyse als sprachliches Lehr- und Lern-Mittel. Ein Beitrag zur Reform der Lexicographie, von A. Castle Cleary. In ihrer Anwendung auf das Deutsche mit Belegen aus andern europäischen Sprachen dargestellt von I. Th. Dann, Ph. D. London, 1877 (8°, 48 стр.).

Автору изданной подъ этимъ громкимъ заглавіемъ брошюры и нѣмецкому ея переводчику показалось, что словари, составленные въ азбучномъ порядкѣ, не годятся, потому что неудобны для чтенія, такъ какъ при такомъ расположеніи между словами нѣтъ связи: поэтому гг. Клири и Даннъ предлагаютъ другой порядокъ, основаніемъ котораго должно служить прежде всего словопроизводство, а потомъ извѣстныя созвучія внутри и въ концѣ словъ, такъ что словарь, по этой методѣ составленный, былъ бы чѣмъ-то въ родѣ словаря рифмъ. «Устроенный такимъ образомъ словарь», говоритъ на стр. 32-й г. Даннъ, «имѣлъ бы ту неоцѣненную выгоду, что фактически представлялъ бы словарь рифмъ въ первоначальномъ значеніи (?) этого слова, а не просто алфавитный, убійственный для духа рутинный словарь». Не совсѣмъ понятно однакожъ, какъ соединить принятый сперва принципъ корнесловія съ расположеніемъ по созвучіямъ. Для большей ясности спишемъ съ той же 32-й стр. нѣсколько примѣровъ изъ представляемаго переводчикомъ, для образца, списка словъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ предполагаетъ размѣщать ихъ:

Arg,	Arche
ragen	Rache,
fragen	Rachen,
kragen	brach, (adj.)
prügeln	Fracht
tragen,	Krach и т. д.

Изъ этого видно, что мысль автора нельзя назвать особенно счастливою. Читатель, ожидающій, по заглавію брошюры, разрѣшенія важнаго вопроса, испытываетъ полное разочарованіе. Въ ней очень много словъ и разглагольствія, но мало дѣла. Самая основная идея совершенно ошибочна; словари издаются не для чтенія, а для справокъ, и главное условіе ихъ цѣлесообразности заключается въ легкости отысканія каждаго слова, а этого-то именно удобства и недоставало бы прежде всего словарю, составленному по мысли г. Клири. Было много опытовъ этимологическихъ словарей: они имѣютъ свое неоспоримое значеніе, но для практическаго употребленія самый годный словарь есть конечно чисто алфавитный, что́ было сознано и убѣдительно высказано еще Яковомъ Гриммомъ. Брошюра г. Дана, вдобавокъ, не щеголяетъ и основательностью свѣдѣній: для примѣра достаточно указать на его замѣчанія о русскомъ и славянскихъ языкахъ. Такъ на стр. 20-й, выписавъ фразу: «огонь, воздухъ, земля и вода суть четыре стихіи», онъ увѣряетъ, что «только въ словѣ *во́здухъ* удареніе падаетъ на *коренной* слогъ»; а на стр. 28-й, замѣтивъ, между прочимъ, что наша буква *г* произносится 5-ю различными способами, онъ говоритъ: «Древнеславянскій языкъ имѣетъ сорокъ два начертанія, и хотя намъ совершенно неясно ихъ истинное произношеніе въ устахъ Рюрика, не нынѣшнихъ поповъ (nicht in der heutigen Popen Munde), однакожъ мы можемъ по пріемамъ сына судить о правѣ отца и принять за вѣроятное, что въ вѣкъ Чингисхана и Тамерлана было въ этомъ отношеніи (?) столько же мало единства языка, какъ и въ наше время. Польскій и чешскій находятся въ нѣсколько лучшемъ, сербскій и кроатскій въ немного худшемъ положеніи, и одно несомнѣнно, что во второстепенныхъ языкахъ славянской семьи фонетицизмъ (вѣроятно въ правописаніи) имѣетъ такъ же мало простора, какъ и въ московитскомъ»!

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ:

КЪ СООБРАЖЕНІЮ БУДУЩИХЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

МНѢНІЕ СПЕРАНСКАГО О НОВОМЪ ИЗДАНІИ СЛАВЯНО-РОССІЙСКАГО СЛОВАРЯ[1].

I. О правилахъ.

Комитетъ принялъ къ сочиненію словаря нѣкоторыя правила: по принялъ ихъ *на первый случай*, слѣдовательно впослѣдствіи они могутъ измѣниться. Когда же измѣнятся? Когда словарь будетъ сочиненъ, и слѣдовательно надобно будетъ его передѣлывать.

Мнѣ кажется, главное состоитъ въ правилахъ, не на первый разъ, но навсегда твердо установленныхъ. Безъ сего все сочиненіе непрестанно будетъ колебаться. Безъ сего нельзя членамъ и разсматривать пробныхъ листовъ: ибо важнѣйшая часть сего разсмотрѣнія именно должна состоять въ соображеніи исполненія съ правилами.

Для установленія сихъ правилъ надлежало бы, кажется, прежде всего собрать и разсмотрѣть правила, кои наблюдаемы были въ другихъ государствахъ; не мы первые сочиняемъ словарь: нужно посмотрѣть, на какихъ основаніяхъ составляли его въ Академіи Делла Круска, въ Парижской и Джонсонъ въ Англіи. То, что тамъ придумано основательно, принять; другое смѣнить своимъ. Первое и важнѣйшее изъ сихъ правилъ есть установить съ точностію предѣлы словаря по двумъ главнымъ вопросамъ: для кого и для чего онъ сочиняется? Мнѣ кажется, онъ сочиняется для людей знающихъ языкъ русскій (всѣ изъясненія и опредѣленія его составляются по-русски), и слѣдовательно не для того, чтобъ

---

[1] Въ протоколахъ Россійской Академіи за 1831 годъ найдено мною мнѣніе М. М. Сперанскаго, незадолго передъ тѣмъ избраннаго въ дѣйствительные члены ея. Нелишнимъ считаю помѣстить здѣсь въ видѣ приложенія эти замѣчанія знаменитаго своимъ умомъ человѣка.

учить русскому языку иностранцевъ или дѣтей, но для того: 1) чтобъ мнѣніемъ цѣлаго ученаго сословія утвердить истинное значеніе русскихъ словъ, и разрѣшить сомнѣнія въ разнообразномъ или спорномъ ихъ употребленіи; 2) чтобъ изъяснить нѣкоторыя слова русскія обветшалыя или мало употребительныя; 3) чтобъ изъяснить такъ называемыя слова славянскія, т. е. церковныя. Посему въ Славяно-Россійскій словарь не должно допускать никакихъ словъ иностранныхъ, исключая только греческихъ словъ церковныхъ и малаго числа словъ, принятыхъ не обычаемъ, но закономъ, какъ-то: сенатъ, и тому подобныхъ; для иностранныхъ же словъ приложить къ словарю алфавитную роспись, съ краткимъ изъясненіемъ реченій, болѣе или менѣе употребительныхъ, но къ составу языка не принадлежащихъ. Это не есть гоненіе на слова иностранныя: обычай ихъ ввелъ, обычай и выведетъ; но Академія не должна, мнѣ кажется, укоренять ихъ, давая имъ право гражданства и вводя ихъ въ составъ нашего языка. Изъ снисхожденія къ обычаю она можетъ удѣлить имъ мѣсто при своемъ языкѣ, но мѣсто отдѣльное, означивъ ихъ въ особой росписи.

Издательный комитетъ въ защиту ихъ приводитъ то, что они обрусѣли, и что безъ нихъ обойтись не возможно. Пусть они и остаются въ употребленіи; но сіе не дастъ имъ права на помѣщеніе въ словарь Славяно-Россійскій — иначе назовите его *словаремъ реченій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, въ россійскомъ словѣ употребляемыхъ.* И какіе же будутъ словарю сему предѣлы! Кусокъ толстаго бѣлаго сукна на турецкой границѣ называется аба; но онъ вѣрно иначе называется въ Оренбургѣ, въ Сибири и проч. Почему аба будетъ стоять въ словарѣ, а другихъ названій, столько же или можетъ быть и болѣе въ другихъ мѣстахъ употребительныхъ, не будетъ?—Сколько словъ иностранныхъ, при Петрѣ Великомъ и при императрицѣ Елисаветѣ бывшихъ въ употребленіи, и нынѣ совершенно падшихъ въ забвеніе! Гдѣ нынѣ циркумстанціи, конциліумы, консидераціи, пропозиціи и множество имъ подобныхъ? Не та же ли судьба ожидаетъ и наши: абонированія, абонименты, адресованія, адресовать и проч. и проч. Они покружатся нѣсколько времени, какъ кружились наприм. выраженія: *строить куры* и тому подобныя, и исчезнутъ. Всѣхъ нелѣпостей и измѣненій обычая и небрежнаго или затѣйливаго пустословія никакимъ словаремъ обнять не возможно. Нѣкоторые изъ нихъ необходимы и можетъ быть навсегда останутся на языкѣ, и пусть остаются: отъ того, что они будутъ или не будутъ помѣщены въ словарѣ, необходимость ихъ не возрастетъ, ни уменшится. Но помѣщеніе ихъ, *во первыхъ*, обезобразитъ словарь Славяно-Россійскій; *во вторыхъ*, вмѣсто полнаго словаря представитъ сборникъ словъ весьма неполный;

ибо всѣхъ иностранныхъ словъ въ областяхъ нашихъ, русскими людьми употребляемыхъ, собрать почти не возможно; то, что въ одномъ краю считается словомъ необходимымъ, въ другомъ совсѣмъ не извѣстно, и замѣняется инымъ; *въ третьихъ*, сія смѣсь дастъ словарю видъ временнаго періодическаго сборника; ибо, какъ выше было примѣчено, сколько есть иностранныхъ словъ, кои въ свое время считались необходимыми, а теперь употребленіе ихъ показалось бы страннымъ и не совмѣстнымъ.

Во всѣхъ почти основательныхъ словаряхъ означаются корни словъ. Я не разумѣю здѣсь того высшаго изысканія корней, которое составляетъ особую и весьма важную часть филологіи; но разумѣю простое словопроизводство изъ ближайшихъ корней. На прим. *Подразумѣваю* очевидно слагается изъ предлога *подъ* и *разумѣваю*, а *разумѣваю* изъ предлога *разъ* и *умѣю*; слѣдовательно корень: *умѣю* или *умъ*. Въ ожиданіи лучшаго и глубокаго изысканія и сіе словопроизводство было бы, кажется, для утвержденія первообразнаго значенія словъ, во многихъ случаяхъ весьма полезно.

Еще одно примѣчаніе. Словарь именуется: по азбучному порядку расположеннымъ. Я не знаю, можетъ ли быть какой-либо словарь даже и словопроизводный, расположенъ иначе, какъ по азбучному порядку. Если симъ желали выразить: ordine analogico или analytico, то сіе не есть азбучный порядокъ. Должно постараться пріискать другое слово.

II. Пробные листы.

1) Послѣ двухъ первыхъ *А*, послѣдующія пять суть простые звуки, коихъ значеніе опредѣляется: 1) образомъ ихъ произношенія, и 2) послѣдующими выраженіями мыслей. Они могутъ быть безчисленны и находятся во всѣхъ языкахъ; но нигдѣ не даютъ имъ мѣста въ словаряхъ: ибо какъ описать значеніе звука, зависящее отъ голоса, и разнообразныя его сопряженія съ мыслями? *А*. союзъ противоположный, часто токмо раздѣлительный; даже первый примѣръ есть только раздѣленіе, а не противоположность: ибо нельзя тутъ поставить *но* тьму, а можно поставить: тьму *же*, — что означаетъ раздѣленіе. *А! а!* то же примѣчаніе, какъ и въ пяти предыдущихъ. Смыслы сего восклицанія безчисленны. Всѣ гласныя буквы имѣютъ свое свойство, напр. И! какой вздоръ! О! О! ты уже началъ сердиться.

2) О всѣхъ иностранныхъ словахъ, коими буква сія испещрена, выше сдѣлано одно общее примѣчаніе.

3) *Августѣйшій* не есть высочайшій: ибо *augeo* не значитъ: возвышаю, но умножаю, увеличиваю—слѣдовательно: великій, или величайшій.

4) *Авторовъ. Авторскій.* Сомнѣваюсь, чтобы сей родъ прилагательныхъ особаго устроенія могъ имѣть мѣсто въ словарѣ. Они принадлежатъ къ грамматикѣ; тамъ должно показать, какимъ образомъ и въ какихъ предѣлахъ нѣкоторыя существительныя въ родительномъ падежѣ пріемлютъ видъ прилагательныхъ. Въ старину у насъ писали даже *сіовъ*, такъ какъ нынѣ въ грубомъ просторѣчіи употребляютъ: ихные, ихныхъ; грамматика должна показать, что́ тутъ правильно, и что́ неправильно.

5) *Агнецъ* — не вижу, почему съ латинскаго: Agnus. Это просто *ягнецъ*. У насъ есть вся его фамилія и даже глаголъ *ягнюся*, коего нѣтъ въ латинскомъ. Въ концѣ сей статьи о просфорѣ нужно справиться: на одной ли той просфорѣ, изъ коей вынимается Агнецъ, находятся слова: IC. XC. NIKA. Если на всѣхъ, то изъясненіе лишнее и было бы неправильно.

6) *Адажіо.* Слово сіе, какъ и другія иностранныя, принадлежитъ къ словонстолкователю г-на Яновскаго, или къ расписанію иностранныхъ реченій. Но и тамъ не худо изъяснить, что́ собственно значитъ adagio — *на досугѣ, не спѣша, à son aise.*

7) *Адъ,* ἅδης, ᾅδης, собственно значитъ: 1) мѣсто или состояніе умершихъ, мрачное и незримое обиталище погребенныхъ. См. Lexicon Damm et Duncan. Въ семъ-то смыслѣ, а не въ смыслѣ гроба и могилы, должно понимать слова Іосифа; 2) преисподній міръ, когда пріемлется въ смыслѣ страны; 3) мѣсто мученій; 4) крайнее несчастіе и проч. Но къ чему тутъ поговорка: *этотъ домъ сущій* адъ? Мало ли что говорится! Четвертое значеніе есть излишнее потому, что оно есть именно собственное значеніе Ада. Примѣры же тутъ не нужны, ибо и безъ нихъ ясно.

8) Не *азарничать*, а *озорничать* и принадлежитъ къ буквѣ О. Иначе всѣ слова, по московскому произношенію превращаемыя изъ О въ А, должно бы было помѣщать вдвойнѣ. Въ Москвѣ говорятъ: *атлажилъ, аткинулъ.* Дѣло словаря есть именно истреблять, а не утверждать сіи отступленія.

9) *Академиковъ* — то же примѣчаніе, что и къ слову *авторовъ.* Оно принадлежитъ вообще ко всѣмъ словамъ сего рода.

10) *Академія.* Къ чему тутъ примѣры? Вообще примѣры должно приводить токмо для утвержденія значеній сомнительныхъ, рѣдкихъ или особенныхъ.

М. Сперанскій.

23 Февраля
1831 г.

ЗАМѢТКА О НАЗВАНІЯХЪ МѢСТЪ.

Въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства народнаго просвѣщенія* за 1867 годъ помѣщена замѣтка гг. Эрбена и Ламанскаго «о славянскихъ топографическихъ названіяхъ». Любопытное содержаніе ея подаетъ мнѣ поводъ поговорить о географическихъ именахъ вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе географіи пріобрѣло бы несравненно болѣе смысла и интереса, если бы встрѣчающіяся въ ней названія мѣстъ и урочищъ были, болѣе нежели до сихъ поръ дѣлалось, освѣщаемы филологіей, то-есть, по мѣрѣ возможности объясняемы и переводимы. Топографическое имя рѣдко бываетъ случайнымъ и лишеннымъ всякаго значенія. Въ немъ по большей части выражается или какой-нибудь признакъ самаго урочища, или характеристическая черта мѣстности, или намекъ на происхожденіе предмета, или наконецъ какое-нибудь обстоятельство, болѣе или менѣе любопытное для ума или воображенія. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что высочайшія горы на самыхъ разнообразныхъ языкахъ называются по имени покрывающаго ихъ *снѣга* или его *бѣлизны:* Mont-Blanc значитъ бѣлая гора; Sierra Nevada (въ Испаніи)—снѣжная цѣпь; Snowdon (въ Валлисѣ) — снѣжный холмъ; Snöhätta (на Сканд. полуостр.) — снѣжная шляпа; Schneekoppe или Sněžka (въ Чехіи)—снѣжная вершина; Бѣлуха въ Сибири; Гималааі—жилище снѣга или зимы; Давалагири — бѣлая гора[1], и проч. Для насъ наглядны стано-

[1] Можетъ-быть, и слово *Альпы* сродни латинскому albus; по мнѣнію другихъ, оно на кельтскомъ языкѣ значитъ *гора*.

вятся многія урочища, когда намъ объяснится ихъ названіе: такъ, имя длиннѣйшаго въ мірѣ горнаго хребта, Cordilleras de los Andes, перестаетъ быть мертвымъ звукомъ, когда мы узнаемъ, что Anta у туземцевъ значитъ мѣдь или вообще металлъ, а Cordillera на испанскомъ языкѣ — цѣпь, и такимъ образомъ это названіе сближается съ германскимъ Erzgebirge, Рудный хребетъ[1]. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ немногія географическія имена такъ ясны, какъ приведенныя названія горъ.

Конечно, большое число именъ, по древности своего происхожденія или по неизвѣстности языковъ, на которыхъ они возникли, уже не могутъ быть теперь объяснены; но сколько еще остается такихъ, которыхъ значеніе понятно или можетъ сдѣлаться понятнымъ при помощи лингвистики, этнографіи или исторіи, и — прибавлю — которыхъ объясненіе можетъ, наоборотъ, оказать большую услугу этимъ наукамъ. Потому очень желательно было бы, чтобъ языкознаніе болѣе и болѣе вносило въ область свою и этотъ предметъ изслѣдованія. Самою удобною формой для изложенія результатовъ изысканій надъ географическими названіями была бы форма лексикона или глоссарія въ алфавитномъ порядкѣ. Попытка этого рода сдѣлана уже въ Англіи небольшою книжкой подъ заглавіемъ: «The Geographical Word-Expositor or Names and Terms occurring in the Science of Geography, etymologically and otherwise explained by *Edwin Adams*»[2]. Но попытка эта, къ сожалѣнію, очень несовершенна: 1) «Словотолкователь» г. Адамса далеко не полонъ и не содержитъ въ себѣ даже множества такихъ именъ, которыя объяснить было бы очень легко при болѣе обширномъ знаніи языковъ, нежели какимъ рас-

---

[1] По другому толкованію, Anti на языкѣ Перуанцевъ значитъ *востокъ*.

[2] То-есть, Географическій Словотолкователь или имена и термины, встрѣчающіеся въ наукѣ землеописанія, съ этимологическими и другими объясненіями, соч. Эдвина Адамса. Книжка эта вышла въ Лондонѣ, 2-мъ изданіемъ, въ 1856 году. Впослѣдствіи появилось въ Германіи болѣе обширное и болѣе ученое по этому предмету сочиненіе д-ра Эгли: «Nomina geographica. Versuch einer allgemeinen geographischen Onomatologie. Leipzig. 1872», о которомъ читатель найдетъ нѣсколько свѣдѣній въ дополненіяхъ къ настоящей статьѣ.

полагалъ авторъ; 2) многія толкованія у него совершенно не вѣрны. Такимъ образомъ, за книжкою его остается почти только одно достоинство идеи и начала выполненія ея. Въ особенности неудовлетворительно у него все относящееся къ сѣверному и восточному міру. Такъ, напримѣръ, при имени *Muscovy* замѣчено, что оно означаетъ преимущественно тѣ части Россіи, которыя лежатъ около Чернаго и Каспійскаго морей, и что онѣ такъ названы по первобытному своему населенію, потомству шестого Іафетова сына «Meschech». Такимъ же образомъ и міръ западно-славянскій остался для автора совершенною *terra incognita*. Кромѣ названій мѣстъ собственно, онъ счелъ нужнымъ вносить въ свой словарь и *термины* географическіе, напримѣръ, reefs, straits и т. п., что́ по-настоящему уже не относится къ предмету его сочиненія, тѣмъ болѣе что эти термины объясняетъ онъ только по ихъ вещественному значенію, оставляя въ сторонѣ словопроизводство, которое при именахъ собственныхъ составляетъ главную его задачу.

Что касается до славянскихъ именъ мѣстъ, то въ нашей литературѣ уже давно была заявлена мысль о необходимости умѣть приводить ихъ въ подлинникѣ (см. *Сѣв. Пчелу* 1849, №№ 6—15 [1]); но эта мысль, теперь возобновленная въ научной обстановкѣ г-мъ Эрбеномъ, можетъ быть вполнѣ осуществлена только тогда, когда

[1] Въ № 6 авторъ статьи, *Іоаннъ Римскій*, подписавшійся С., такъ жалуется на господствующее у насъ незнаніе первобытныхъ именъ мѣстъ въ странахъ, искони населенныхъ славянскими племенами: «Географическіе учебники, по большой части передѣлываемые съ нѣмецкихъ, наполнены искаженіями именъ городовъ и мѣстечекъ славянскихъ; еслибы хоть въ скобкахъ ставили настоящее имя, какъ оно произносится тамъ славянскими туземцами, напримѣръ: Лембергъ (Львовъ), Аграмъ (Загребъ), Эссекъ (Осѣкъ) и т. д., но и того нѣтъ! Славянскій міръ, начинающій занимать любопытство всей Европы, остается совершенно неизвѣстнымъ нашему юношеству, поучающемуся изъ учебныхъ книжекъ всякаго рода ошибкамъ историческимъ и географическимъ». Въ № 15 самъ издатель *Сѣв. Пчелы*, покойный Н. И. Гречъ, хотя и глумится надъ мыслію замѣнять нѣмецкія географическія названія славянскими, однакожъ не отвергаетъ необходимости знать ихъ и приводитъ азбучный списокъ такихъ именъ (около 300), извлеченный изъ брошюры, напечатанной въ 1847 г. въ Вѣнѣ на *иллирійскомъ* языкѣ.

будетъ составленъ соотвѣтствующій практической потребности словарь такихъ именъ: надобно, чтобы возлѣ каждаго установившагося давнимъ употребленіемъ нѣмецкаго имени можно было отыскивать первоначальное славянское, и наоборотъ. Примѣромъ для подобнаго труда можетъ служить словарь латинскихъ географическихъ названій, изданный въ 1861 году въ Дрезденѣ подъ заглавіемъ: «Orbis latinus oder Verzeichniss der lateinischen Benennungen der bekanntesten Städte etc., Meere, Seen, Berge und Flüsse in allen Theilen der Erde, nebst einem deutsch-lateinischen Register derselben, von Dr. J. G. Th. *Graesse*»[1]. Въ славяно-нѣмецкомъ и нѣмецко-славянскомъ географическомъ словарѣ представилось бы много случаевъ для любопытныхъ лингвистическихъ сближеній и соображеній. Мимоходомъ позволю себѣ указать на одинъ подобный случай: мѣста, обильныя производствомъ соли, называются у Славянъ и у Нѣмцевъ подобозвучнымъ именемъ, находящимъ себѣ объясненіе въ греческомъ названіи соли, ἅλς: Галиція, Галичъ (Сольгаличъ), Halle, Hallein, Hallstadt, Reichen-Hall, и проч.

Независимо отъ общаго географическаго словотолкователя или корнеслова, о какомъ выше упомянуто, для насъ особенный интерессъ имѣлъ бы этимологическій словарь многоязычныхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россіи. Богатый матеріалъ для подобнаго словаря заключается уже въ лѣтописяхъ и въ Книгѣ Большому Чертежу. Въ древней Руси обнаруживается замѣчательное стремленіе переводить инородческія названія мѣстъ. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ лѣтопись въ своемъ первоначальномъ и не всегда легко-объяснимомъ видѣ, какъ-то: Колывань (Ревель), Ругодивъ (Нарва), Раковоръ (Везенбергъ), Кесь (Венденъ), Людеревъ (Або)[2]; но многія другія, финскія,

[1] То-есть, Списокъ всѣхъ латинскихъ названій извѣстнѣйшихъ городовъ и проч., морей, озеръ, горъ и рѣкъ во всѣхъ частяхъ земного шара, съ приложеніемъ нѣмецко-латинскаго реестра ихъ, доктора Грессе.

[2] См. объ этихъ именахъ особое примѣчаніе въ концѣ настоящей статьи.

шведскія и нѣмецкія названія являются либо переведенными по-русски, либо передѣланными на русскій ладъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ того и другого случая.

1) *Примѣры перевода.*

Подъ 1054 г. Кедшивъ, по другимъ спискамъ Кенедивъ, Декшивъ, переведено: *Солнца рука.* Это переводъ слова käde-päiwä; состоящаго изъ käsi (родит. пад. käden)—рука, и päiwä—солнце. Вѣроятно, финское слово было искажено лѣтописцемъ или переписчикомъ его. (См. Соф. Лѣт. I, 156; Никон. I, 144, и Карамз. II, пр. 144).

Подъ 1116 г. Оденпе — *Медвѣжья голова*; по-настоящему должно бы быть: Ohdonpää—городъ недалеко отъ Дерпта. (Объ этомъ во многихъ спискахъ; ср. Кар. II, прим. 217, 218).

Подъ 1300 г., при описаніи похода Торкеля Кнутсона и построенія имъ города на Невѣ, сказано: «похвалившеся окаяньніи, нарекоша его Вѣнецъ земли» (Нов. I, 67). Такъ переведено имя Landskrona; на нынѣшнемъ языкѣ точнѣе было бы: вѣнецъ края или страны.

Подъ 1311 г., въ описаніи похода на Емь, упомянуты разныя урочища, которыхъ мѣстоположеніе до сихъ поръ сомнительно, между прочимъ рѣки: Купецкая и Черная; подлинныя финскія имена нигдѣ не означены. (Новг. лѣт. I, 69; Соф. I, 295. Ср. Карамз. IV, 107 и прим. 214).

Подъ 1318 г. Auraјoki переведено: *Полная рѣка.* Настоящее финское названіе Awara joki (awara—обильный, обширный): Аурою и теперь называется рѣка, на которой стоитъ городъ Або. (Нов. I, 72. Ср. Кар. IV, 112, пр. 228, и еще Арх. Лѣт. подъ 1496 г.).

Подъ 1342, 1370, 1406 и 1444 г. Neuhausen переведено *Новый городокъ, Новгородокъ* (Новгор., Соф. и др. лѣтоп. Ср. Кар. IV, пр. 336, 338).

Подъ 1407 г. Вейсенштейнъ названъ *Бѣлый камень* (Псков.

лѣт.). Въ другихъ мѣстахъ онъ иногда означается еще и чудскимъ именемъ Пайда.

Подъ 1496 г., въ описаніи похода въ Каянскую землю, *на десять рѣкъ*, упомянуты между прочимъ рѣки: *Сиговая* и *Снѣжная*—названія, до сихъ поръ сохранившіяся въ финскихъ именахъ двухъ рѣкъ Siikajoki и Lumijoki, текущихъ по Остроботніи: обѣ впадаютъ въ Ботническій заливъ къ югу отъ Улеоборга. Имя Сикаіоки является вторично въ исторіи финляндскаго похода 1808 г. (См. Описаніе Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 84; ср. Соф., Никон., Арх. лѣт. и Кар. VI, пр. 432).

Подъ 1582 г. городъ Вольмаръ названъ *Володимерцемъ* въ спискѣ договора Запольскаго (Кар. IX, пр. 600). Это названіе встрѣчается и въ лѣтописи.

Потребность уяснять себѣ значеніе иноязычныхъ названій мѣстъ замѣчается рѣже у Шведовъ: даже названіе рѣки *Сестры*, по которой Орѣховскимъ миромъ утверждена граница между обоими смежными государствами, не переведено въ шведской редакціи договора 1323 года[1]. Тамъ рѣка эта называется *Sester*;

---

[1] Шведскій текстъ этого договора см. въ журналѣ *Suomi*, Helsingfors 1841, стр. 64, и статью о нотеборгскомъ мирѣ въ *Kongl. Vitterhets &c. Academiens, Handlingar*, XX d., Sth. 1852, стр. 179 и 180. Въ этой статьѣ г. Гильдебрандтъ, авторъ ея, упоминаетъ, что въ стокгольмскомъ Государственномъ архивѣ есть русскій текстъ орѣховскаго договора. Вслѣдствіе того я въ 1856 году письменно отнесся къ умершему недавно (1874) государственному архиваріусу Нордстрёму, бывшему сослуживцу моему по Гельсингфорсскому университету, съ просьбою доставить мнѣ свѣдѣніе объ этомъ любопытномъ документѣ, такъ какъ въ Россіи текстъ древнѣйшаго договора съ Швеціею не сохранился ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ. Г. Нордстрёмъ тогда же обязательно доставилъ мнѣ списокъ шведскаго текста; относительно же русскаго отвѣчалъ, что онъ куда-то заложенъ и его на этотъ разъ не удалось отыскать. Въ 1875 году шведскій посланникъ въ Петербургѣ г. Дуэ передалъ мнѣ на просмотръ фотографическіе снимки съ двухъ, дѣйствительно найденныхъ въ томъ архивѣ, г. Рюдбергомъ, русскихъ текстовъ означеннаго договора, изъ которыхъ одинъ носитъ всѣ признаки подлинника, а другой—переводъ съ шведскаго или латинскаго. Вскорѣ послѣ того г. Рюдбергъ издалъ оба эти текста въ книгѣ: Sverges traktater med främmande magter (Договоры Швеціи съ иностранными державами. Стокгольмъ, 1877). Снимокъ съ русскаго текста тогда же былъ приложенъ мною къ статьѣ: «Библіографическія и историческія замѣтки» въ XVIII томѣ *Сборника Отдѣленія р. яз. и сл.*

да еще и гораздо позднѣе, въ 16-мъ вѣкѣ, встрѣчается она подъ этимъ именемъ въ шведскихъ актахъ. Нынѣшнее ея переводное названіе, отчасти употребляемое и у насъ—Systerbäck—утвердилось въ шведской дипломаціи не прежде какъ во второй половинѣ 16-го столѣтія[1]. Настоящее финское имя этой рѣки—Rajajoki—явно возникло тогда, когда она сдѣлалась пограничною рѣкой (raja—граница, край[2], а joki—рѣка); впрочемъ, это значеніе имѣла она съ незапамятныхъ временъ, ибо договоръ Орѣховскій заключенъ былъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «по старой пошлинѣ», то-есть, по старинѣ.

Въ этомъ договорѣ, какъ и въ другихъ шведскихъ памятникахъ, Новгородъ постоянно называется *Nogard* или *Nougardt*; такъ и въ названіи *Нижняго* Новгорода ни Шведы, ни другіе иностранцы никогда не давали себѣ труда объяснить и перевести приданный собственному имени эпитетъ.

Касательно названія *Орѣховъ*, *Орѣховецъ* или *Орѣшекъ*, замѣтимъ, что Русскіе, построивъ эту крѣпость въ 1323 году, наименовали ее такъ потому, что Финны самый островъ звали Päähkinä-saari (Орѣховый островъ). Впослѣдствіи и Шведы, овладѣвъ этою крѣпостію, перевели на свой языкъ русское ея названіе словомъ Nöteborg.

2) *Примѣры передѣлокъ.*

Рядомъ съ переводными названіями попадаются въ древней русской географіи и такія, которыя составлены безъ всякой мысли о значеніи ихъ на другомъ языкѣ; тутъ проявляется часто та же потребность въ другомъ видѣ: чуждымъ звукамъ придается та-

---

[1] Древнѣйшее названіе этой рѣки, финское — Siestarjoki, отчасти еще и теперь употребляется рядомъ съ болѣе извѣстнымъ Rajajoki, а уже отъ финскаго произошли русское и шведское, сходныя по звукамъ названія; по-фински же *siestain* зн. черная смородина. (Альквистъ.)

[2] Любопытно это слово raja въ финскомъ языкѣ: по санскр. râjis, по русски *край* значатъ то же самое. Вѣроятно, Финны заимствовали это слово у Русскихъ, откинувъ начальную согласную, какъ часто бываетъ при переходѣ иноязычныхъ словъ въ финскій языкъ.

кая форма, въ которой бы они представляли уму какой-нибудь смыслъ, хотя бы и ни на чемъ не основанный. Это бываетъ особенно тогда, когда подлинное названіе трудно объяснить, или когда происхожденіе его сомнительно. Сюда надо отнести названіе *Сердоболя* (ф. Sortawala), города впрочемъ новаго, возникшаго уже послѣ Столбовского мира. Была высказываема догадка, что оно происходитъ отъ фин. причастія sortawa, *разсѣкающій*, потому что селеніе построено у залива, далеко вдавшагося въ берегъ Ладожскаго озера[1], слогъ же *la* служитъ часто окончаніемъ въ именахъ мѣстъ. Городъ *Стокгольмъ* называли у насъ постоянно и очень долго, даже въ началѣ 18-го столѣтія (см. «Первыя Русскія Вѣдомости»)—*Стеколна*[2]. Подлинное названіе значитъ *островъ бревна* и основано, по преданію, на томъ, что когда Новгородцы и Чудь разорили городъ Сигтуну, то жители этого города спрятали много золота и серебра въ бревно, которое и пустили по озеру Мелару, съ тѣмъ чтобы заложить новое селеніе на мѣстѣ, куда бревно будетъ прибито волнами: оно остановилось у острова, гдѣ и основался Стокгольмъ (при Биргерѣ Ярлѣ, въ 13-мъ столѣтіи). *Царское Село* первоначально называлось *Сарскимъ* отъ финскаго слова *saari*, означающаго островъ или возвышенность посреди большого ровнаго мѣста, на какой построено это селеніе; названіе: *Царское*, вѣроятно, утвердилось въ народѣ еще прежде нежели оно перешло въ оффиціальный языкъ[3]. Ливонскій городъ *Виндау* въ нашихъ лѣтописяхъ попадается подъ именемъ *Вдовъ* (Кар. IV, прим. 304).

---

[1] См. мои «Переѣзды по Финляндіи», стр. 14. Профессоръ Гельсингфорскаго университета г. Альквистъ, который обязательно сообщилъ мнѣ нѣсколько замѣтокъ къ моимъ *Разысканіямъ*, отвергаетъ это производство и полагаетъ, что корень названія города *Сердоболя* покуда долженъ считаться неизвѣстнымъ. Любопытно, что русское имя, данное ему по созвучію съ финскимъ, въ црк.-сл. яз. значитъ родственникъ, а въ сербскомъ сходное съ нимъ «срдобола»—dysenteria.

[2] Мнѣ случилось еще недавно слышать это названіе изъ устъ простолюдина.

[3] Въ оффиціальныхъ актахъ это селеніе называлось *Царскимъ* уже съ 1725 года, но въ письменномъ языкѣ употреблялось еще долго и прежнее названіе; напримѣръ, оно встрѣчается у Ломоносова и Державина.

Касательно имени *Холмогоры* были въ нашей литературѣ разныя объясненія (см. между прочимъ Карамз. II, прим. 62, и статью Верещагина въ *Иллюстраціи* 1847, № 25). Замѣтимъ, что оно въ лѣтописяхъ чаще пишется *Колмогоры*, а у Никона находимъ даже *Калмогары* (ч. IV, стр. 303). Основываясь на этомъ, покойный финляндскій профессоръ Акіандеръ (Utdrag ur Ryska Annaler, стр. 129) предлагалъ новую догадку: такъ какъ есть поводъ думать, что чудское кладбище находилось близъ Колмогаръ на Куръ-островѣ[1], то первую половину имени можно производить отъ финскаго слова *kalma*—трупъ, покойникъ. Что касается второй половины, то у Зырянъ, Пермяковъ и Вотяковъ *kar* значитъ городъ, и около рѣки Оби есть много названій, въ составъ которыхъ входитъ *kar*—Войкаръ, Уркаръ, Шеркаръ, Искаръ (см. *Книга Большому Чертежу*, изд. г. Спасскимъ, стр. 204—207); все это были имена городовъ. Въ историческомъ атласѣ Павлищева, а также на Шубертовой подробной картѣ названіе *Гари* означено во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили финскія племена, напримѣръ, близъ впаденія Унжи въ Волгу, и проч.

Нѣкоторыя имена мѣстъ являются просто передѣланными по требованіямъ народнаго слуха или выговора. Такъ, подъ 1310 г встрѣчается названіе рѣки *Узърва* (Новг. лѣт.; Урзево и Узерва по *Кн. Больш. Черт.*): оно взято съ финскаго uusi-järwi, что́ значитъ: новое озеро, то-есть, такое озеро (не рѣка), которое образовалось на глазахъ народа,—вѣроятно, нынѣшнее *Су́ванто* близъ зап. берега Ладожскаго озера. Это Су́ванто произошло, какъ думаютъ, такимъ образомъ, что рукавъ Вокши, который здѣсь также вливался въ Ладожское озеро, запрудился въ своемъ устьѣ—отъ того ли, что вода въ озерѣ убыла, или отъ устроенія искуственной плотины; притомъ же и слово *Су́санто* по фински значитъ: тихая вода въ *рѣкѣ, плесо*. Неудивительно, что лѣтописецъ по преданію назвалъ это озеро рѣкою. Въ 1850-хъ го-

---

[1] См. статью Базилевскаго въ *Сынѣ Отечества* 1847 г.

дахъ перешеекъ, отдѣлявшій Су́ванто отъ Ладожскаго озера, прорытъ, и обѣ массы воды опять слились.

Карамзинъ (ч. IV, пр. 214) говоритъ: «Нынѣ обѣ сіи рѣки, Узерва и Вокса, называются Вокшею». Остановимся нѣсколько и на этомъ послѣднемъ названіи. *Wuoksi*, финское названіе рѣки, славящейся водопадомъ Иматрою, есть нарицательное имя и значитъ: теченіе, потокъ; Русскіе называютъ ее Окса, Вокша (Кар. VII, прим. 154). Вѣроятно, того же происхожденія имя *Векса*, принадлежащее нѣсколькимъ рѣчкамъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской и Владимірской.

Названіе *Устюгъ* въ первой половинѣ своей русское, а во второй—финское: *югъ* образовалось изъ juga или правильнѣе joki (у Зырянъ ju), что́ значитъ *рѣка;* потому Устюжане въ финскихъ памятникахъ иногда зовутся joensuiset, то-есть, живущіе при *устьѣ рѣки*. Вторая половина приведеннаго имени (Устюгъ) встрѣчается и въ названіи *Пинега*, которое въ переводѣ значитъ: *малая рѣка* (pieni=маленькій, ioga=рѣка). Покойный П. Г. Бутковъ высказалъ предположеніе, что имя *Ока* есть также измѣненное финское слово *joki*. Это съ перваго взгляда можетъ показаться невѣроятнымъ потому, что Русскіе, заимствуя иностранныя слова, иногда не только не отбрасываютъ въ началѣ ихъ звукъ йота, но, напротивъ, приставляютъ его, когда слово начинается чистою гласною. Такъ имя *якорь* соотвѣтствуетъ греческому ἄγκυρα, др. шведскому ankari и проч. Но съ другой стороны, въ русскомъ языкѣ еще болѣе случаевъ противоположнаго измѣненія; то-есть, при заимствованіи собств. имени, имѣющаго въ началѣ своемъ йотъ, эта послѣдняя откидывается, и звуки *йе*, *йо* превращаются въ *о* или *а*. Такъ, изъ именъ Евстафій, Іосифъ, Евдокія, Елена образованы Остафій, Осипъ, Овдотья, Олена. Первообразомъ такого явленія служатъ нѣкоторыя нариц. имена, начинающіяся съ буквы *о*, какъ напр. озеро, олень, осень, коимъ въ церковно-славянскомъ соотвѣтствуютъ начинающіяся съ *е*: езеро, елень, есень. То же требованіе языка могло обнаружиться при передѣлкѣ слова *joki*, которое, впрочемъ, въ другихъ

частяхъ Россіи, какъ показано, перешло къ намъ въ иномъ видѣ.

Въ древнѣйшей изъ новгородскихъ подлинныхъ грамотъ (Кар. IV, прим. 114) между волостями новгородскими упоминается и *Перемь:* вотъ, слѣдовательно, первоначальная у насъ форма названія страны, которую Скандинавы переименовали въ Біармію. Объясненія имени *Пермь* должно, повидимому, искать въ сложномъ финскомъ словѣ: *Perämaa*, которое значитъ задняя, дальняя страна (perä = позади, maa = земля). Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова, подъ словомъ Пермяки, приведено сообщенное Лепехинымъ преданіе, будто на Камѣ, верстахъ въ 50-ти отъ Гойны, жилъ необыкновенный силачъ, племени чудского, который назывался *Перя*, отъ чего, по мнѣнію составителя словаря, сначала семейство этого Геркулеса получило прозваніе *Перяковъ*, а потомъ и весь народъ стали, «для удобнѣйшаго выговора», звать *Пермяками*. Коренные жители Перми сами себя называютъ *Коми* (Komi, Komilaiset, Komy)[1], по имени р. Камы или, по ихъ произношенію, *Кумы*, почему Акіандеръ и думаетъ, что Куманы, иначе Команы или Каманы, народъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Половцевъ, были одного происхожденія съ Пермяками, то-есть, Зыряне.

Здѣсь стóитъ нѣсколько остановиться на названіяхъ финскихъ народовъ вообще. По замѣчанію Кастрéна[2], они или получили имена свои отъ какой-нибудь опредѣленной водной мѣстности, или слово *вода* просто входитъ въ составъ ихъ именъ. Такъ, *Мордва* въ переводѣ значитъ: народъ у воды; *Зыряне*, *Мокшане*, *Печора*—также названія, заимствованныя отъ водъ. Отъ финскихъ словъ, означающихъ *воду*, удобно производятся также названія Води, Вотяковъ и Веси[3]. Это понятіе на финскихъ языкахъ выра-

---

[1] Кастренъ въ Suomi 1845, стр. 9, и Акіандеръ въ Utdrag, стр. 123.

[2] Suomi 1845, стр. 7.

[3] Люди народа *Водь* сами себя называютъ Watja, Watjalaiset, а *Весь*—Watjäläiset: слѣдовательно мнѣніе Кастрена, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и правдоподобное, въ отношеніи къ этимъ двумъ названіямъ не оправдывается. (Альквистъ).

жается звуками: wa (зыр.), wu (вот.), wit (черем.), wesi или собств. wete (финск.), wäd (морд.); тотъ же корень встрѣчается во многихъ индо-европейскихъ языкахъ: вода, Wasser, vatten. Нѣкоторые финскіе народы сами себя называютъ просто людьми — mort (Зыряне) или mara (Черемисы). Отъ послѣдняго изъ этихъ словъ произошло, по мнѣнію Кастрена, встрѣчающееся у Нестора названіе финскаго народа Мери, жившаго къ западу отъ Черемисы около древняго Ростова. Такъ какъ этотъ теперь исчезнувшій народъ носилъ одно имя съ своими сосѣдями, Черемисою, то можно съ вѣроятіемъ принять, что Меря находилась въ близкомъ съ ними родствѣ. Другой, также не существующій болѣе народъ жилъ къ югу отъ Мери или къ западу отъ нынѣшней Мордвы, въ странѣ, гдѣ находится городъ Муромъ. Слово *Мурома* составлено изъ *mur* (а это то же, что mort или murt — человѣкъ) и *ma*, земля, край. Итакъ, въ буквальномъ переводѣ, Мурома значитъ народъ на землѣ, какъ Мордва — народъ у воды. Такимъ образомъ, судя по этимъ названіямъ, оба народа принадлежали къ одному и тому же племени, которое раздѣлялось на двѣ отрасли: жилища одной (Мордвы) были при рѣкѣ или озерѣ, а другая (Мурома) жила въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воды. Чтобы совершенно выяснить генеалогію Мери и Муромы, надобно бы внимательно разсмотрѣть всѣ географическія имена не русскаго происхожденія, какія можно отыскать въ предѣлахъ древнихъ жилищъ обоихъ этихъ народовъ[1].

Эти замѣчанія естественно приводятъ насъ къ одному названію, употребляемому петербургскими жителями для означенія Финновъ, населяющихъ окрестныя мѣста: разумѣю названіе *Маймистъ*. Оно образовалось изъ финскаго сложнаго слова *maa mies*, или *maan-mies* (maa — земля, mies — мужъ), которое значитъ: сельскій житель, туземецъ, землякъ. Отсюда видно, какъ нелѣпо мнѣніе тѣхъ, которые объясняли приведенное названіе финскимъ словомъ *en muista* — «не понимаю».

[1] Кастренъ въ упомянутой статьѣ.

Страна, въ которой возникъ Петербургъ, издревле называлась Ижерскою землею по имени обитавшаго въ ней финскаго народа, который самъ себя называлъ Ingrikot[1], а въ нашей лѣтописи и другихъ старинныхъ памятникахъ именуется Ижерянами, Ижерцами или Ижерою. Это русское названіе очевидно передѣлано изъ иноземнаго съ опущеніемъ несвойственнаго намъ носового звука послѣ начальной гласной и съ обращеніемъ буквы *г*, по общему закону, въ *ж* передъ гласною *е* (Ingermanland). Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя географическія имена въ здѣшнемъ краю. Ладожское озеро, какъ было извѣстно и Карамзину (И. Г. Р. I, пр. 485, и III, пр. 244), нѣкогда называлось *Альдога*, отъ чего получилъ названіе и городъ *Альдейгаборгъ* (вѣроятно, старая Ладога), упоминаемый въ скандинавскихъ сагахъ. Имя Альдога легко могло обратиться у насъ въ Ладога, потому что такое перемѣщеніе звуковъ—въ духѣ славянскихъ языковъ, которые вообще не начинаютъ словъ съ буквы *а*. Но что́ за слово *Альдога?* Финск. Aalto зн. волна: озеро, грозное своими бурями, легко могло отъ этого признака получить свое названіе на языкѣ прибрежныхъ обитателей; въ такомъ случаѣ первоначальною формой имени его было бы Aaltoka. Впрочемъ надобно прибавить, что нынѣшніе Финны зовутъ это озеро, по примѣру Русскихъ — Laatoka и что съ другой стороны волна по др.-сканд. alda, откуда Финны могли заимствовать свое aalto[2].

Въ Лѣтописи и въ *Кн. Большому Чертежу* это озеро носитъ еще названіе *Нево*, которое на финскомъ языкѣ (newa) значитъ болото или топь[3]. Замѣчательно, что подобно нашей Невѣ многія рѣчки Рязанской губерніи означаются именемъ, которое на мѣстномъ нарѣчіи имѣетъ то же значеніе; это имя: *Ря́са*[4]; оно такъ

---

[1] Отъ слова inger — рѣчка (Акіандеръ въ Utdrag, стр. 54).

[2] Ср. Приложенія А. А. Куника къ статьѣ Б. А. Дорна *Каспій* въ *Зап. Ак. Наукъ*, т. XVI, стр. 393 и др. мѣста.

[3] Слово newa, по всей вѣроятности, сродни нашему *нива*, первоначальное значеніе котораго есть также — низменное, топкое мѣсто.

[4] Конечно, отсюда и названіе города Ряска, который давно забылъ свое

объяснено въ Опытѣ Областного Словаря: «топкое или просто мокрое мѣсто». Шведы передѣлали финское названіе нашей Невы въ Nyen (произн. Нюэнъ), такъ что когда въ 17-мъ столѣтіи они построили на ней новое укрѣпленіе, то наименовали его *Nyenskans*, то-есть, Невскій шанецъ. Такое сложное слово для Русскихъ было слишкомъ мудрено, и при взятіи Нюэнсканса Петромъ Великимъ, они сократили это имя и стали произносить его просто: *Канцы*[1] (см. «Первыя Русскія Вѣдомости»); государь переименовалъ новозавоеванное укрѣпленіе въ *Шлотбургъ* (шв. slott = нѣм. Schloss, зáмокъ).

Названіе озера *Ильмень*, или *Ильмерь*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, передѣлано изъ финскаго *yli-meri*, верхнее море. Можно бы также думать, что оно въ родствѣ съ финскимъ прилагательнымъ *ilmeinen* — открытый, обширный; но отъ этого сближенія заставляетъ отказаться свѣдѣніе, доставляемое Областнымъ Словаремъ. Тамъ мы находимъ слово *ильмень*, какъ нарицательное имя съ двоякимъ значеніемъ: 1) широкій разливъ рѣки, похожій на озеро; 2) озеро, обросшее камышемъ. Въ первомъ значеніи слово подслушано въ Астраханской губерніи, во второмъ оно отнесено къ Землѣ Донскихъ казаковъ. Первое напоминаетъ слово *Лиманъ;* мы и его находимъ въ Областномъ Словарѣ съ такимъ объясненіемъ: «Чистое озеро, безъ камыша и тростника. Дон.». Итакъ, и Ильмень и Лиманъ означаютъ: во 1-хъ, широкій разливъ рѣки; во 2-хъ, озеро. Отсюда рождается вопросъ: не одно ли это слово въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ послѣдняя представляетъ только перемѣщеніе звуковъ въ началѣ слова и другую гласную въ срединѣ его? Такое предположеніе совершенно подкрѣпляется Книгою Большому Чертежу, гдѣ о рѣкѣ

происхожденіе и въ книжномъ языкѣ принялъ форму *Ряжска*. Народное чутье до сихъ поръ отвергаетъ эту форму, и окрестные жители называютъ этотъ городъ всегда прилагательнымъ именемъ *Рясское* (село); они говорятъ: *изъ Рясскаго, въ Рясскомъ*.

[1] Эта форма имени заимствована, вѣроятно, съ финскаго: Финны не могутъ произнести шведскаго skans иначе какъ kansi.

Днѣпрѣ нѣсколько разъ упоминается, что она впадаетъ въ «проливу морскую въ *Ильмень*» (см. изд. Спасскаго, стр. 77, 99 и 102). Тожество обоихъ словъ было уже замѣчено г. Спасскимъ, который поставилъ ихъ рядомъ въ своемъ Указателѣ, а въ примѣчаніяхъ говоритъ: «Лиманъ, а по старинному Ильмень». Только напрасно, кажется, онъ производитъ эти названія отъ греческаго слова λίμνη — озеро, прудъ, «отъ котораго», прибавляетъ г. Спасскій, «вѣроятно получило свое имя и озеро Ильмень близъ Новгорода». Сходство звуковъ здѣсь объясняется скорѣе родствомъ языковъ одного корня: слово *Ильмень*, конечно, славянское. Вѣроятно, въ родствѣ съ нимъ находится и названіе германской рѣки Ilmenau, впадающей въ Эльбу (Лабу), по берегамъ которой нѣкогда жили Славяне (въ Ilmenau окончаніе есть нарицательное имя *au*, *aue*, которое сродни латинскому aqua, готскому ahwa и значитъ: 1) рѣка, 2) страна, лежащая при водахъ и плодородная. Есть и городъ Ilmenau.

Въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ первобытное населеніе состоитъ, или прежде состояло, изъ инородцевъ, которыхъ языки не исчезли, большое число названій объясняется очень легко. Это относится, между прочимъ, къ Сѣверной Россіи: въ Олонецкой и въ Архангельской губерніяхъ многія, повидимому, русскія мѣстныя имена образованы изъ финскихъ словъ. Нѣсколько примѣровъ тому уже приведено выше; такъ и названіе извѣстнаго водопада *Кивачъ* происходитъ отъ слова kivi (камень, порогъ); названіе *Кандалажской* губы состоитъ изъ словъ: kanta (край, уголъ, рогъ, отъ нѣм. Kante) и lahti (заливъ): это угóльная, рогообразная губа Бѣлаго моря. Легко было бы привести цѣлый рядъ такихъ именъ. Извѣстно, что иногда и коренныя русскія названія мѣстъ и урочищъ объясняются областными или и общеупотребительными нарицательными именами: напримѣръ, Кострома, Калуга, Тула, Великія Луки, Свирь, Мотыра, Лукавка (см. Словари Областной и Даля). Особенно интересную сторону дѣла представило бы сравненіе русскихъ названій мѣстъ съ западно- и южно-славянскими.

Вотъ нѣсколько, хотя и скудныхъ, матеріаловъ и намековъ для русскаго географическаго словотолкователя. Но покуда осуществится идея подобнаго труда, требующаго большой учености и даже участія нѣсколькихъ лицъ, на первый случай было бы весьма полезно издать, по мысли покойнаго академика Кеппена, простой алфавитный списокъ всѣхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи съ означеніемъ на каждомъ имени ударенія. Это было бы тѣмъ нужнѣе, что въ издаваемомъ П. П. Семеновымъ «Географическомъ и Статистическомъ Словарѣ» произношеніе именъ не отмѣчено, тогда какъ оно во многихъ случаяхъ сомнительно; напримѣръ, не всѣ знаютъ, какъ выговаривать: Сухона, Кубенское (оз.), Мезень, и къ сожалѣнію, въ общемъ употребленіи этихъ и другихъ названій преобладаетъ произношеніе ошибочное. При такихъ именахъ какъ *Мезень*, надобно бы означать и родъ ихъ (муж. или женск.).

ДОПОЛНЕНІЯ.

I (къ стр. 264).

Относительно именъ: *Колывань*, *Ругодивъ*, *Раковоръ*, *Людеревъ* и другихъ имъ подобныхъ мы находимъ объясненія и догадки въ брошюрѣ покойнаго Нейса (H. Neus), изданной въ Ревелѣ 1849 года подъ заглавіемъ: «Revals sämmtliche Namen, nebst vielen andern, wissenschaftlich erklärt».

Раковоръ образовано изъ эстонскаго Rakwer, Rakkowerre, въ которомъ, по мнѣнію Нейса, окончаніе werre соотвѣтствуетъ слогу fer въ нѣмецкихъ названіяхъ эстляндскихъ имѣній, а этотъ слогъ можно сопоставить съ гот. fera, др. верх. нѣм. fiara, страна, край, и съ финскимъ wieri, кайма, сторона. Нейсъ полагаетъ, что придуманная къ объясненію приведеннаго имени финская форма Rahkawuori (болотистая гора) произвольна.

Названіе *Ругодивъ*, какъ онъ думаетъ, можетъ происходить отъ имени Röge, которымъ въ книгѣ Liber census Daniæ озна-

чается страна по берегу Пейпуса, къ сѣверу отъ Дерпта, и которое можетъ быть объяснено эстонскимъ roog, тростникъ, камышъ.

Городъ *Людересъ* (Або), по изслѣдованіямъ Лерберга (Untersuchungen, стр. 191, 196 и д.) получилъ это имя отъ своего строителя Людера.

Что касается до названія *Колывань* (Ревель), то производство его отъ имени Св. *Олава*, которому посвящена знаменитая церковь въ этомъ городѣ, кажется мнѣ въ высшей степени натянутымъ, и такъ какъ авторъ брошюры самъ напослѣдокъ отказывается отъ этого производства, то не совсѣмъ понятно, къ чему можетъ служить длинный рядъ сближеній для покрѣпленія его. То же можно сказать и о стараніи пріурочить *Колывань* къ мифическому Kallevi. Всего важнѣе для объясненія этого имени приводимое въ книжкѣ указаніе покойнаго Святнаго на существующее въ народномъ языкѣ слово *голыванъ*, что́ значитъ скала или, въ бранномъ смыслѣ, бѣдняга, хотя впрочемъ и это сходство звуковъ еще не разрѣшаетъ вопроса: отчего бы *г* превратилось въ *к?* Но существованіе двухъ городовъ этого имени въ двухъ отдаленныхъ концахъ Россіи заслуживаетъ вниманія. Имя это можетъ быть сродни литовскому kalwas, холмъ, латыш. kalws, мысъ, эст. kaljo, скала, гора (Нейсъ, стр. 66). Съ другой стороны однакожъ надо имѣть въ виду, что въ одной изъ скандинавскихъ сагъ рѣчь идетъ о горѣ Kallava, въ которой жили два карла, самые искусные въ кузнечномъ дѣлѣ. Такъ какъ Финны славились этимъ мастерствомъ, то позволительно считать названную гору финскою[1].

Къ числу топографическихъ именъ, переведенныхъ въ русской лѣтописи, относится еще названіе *Клинъ*, встрѣчающееся подъ 1132 годомъ (I *Новг.* стр. 383. II *Новг.* стр. 15). Оно

[1] Изъ доставленной мнѣ А. А. Куникомъ рукописной замѣтки его съ выпискою изъ Saga Didriks konungs af Bern. Christiania 1853 (Гл. 58, стр. 66). Ак. Куникъ прибавляетъ, что такъ какъ въ имени Kallava первое а, судя по двойной согласной, было короткое, то оно должно было въ русской передѣлкѣ слова перейти въ о (Колывань). Впрочемъ онъ сознается, что вопросъ этимъ еще не разъясненъ.

объяснено покойнымъ академикомъ Шегреномъ, который узналъ въ немъ переводъ подобозначащаго эстонскаго имени Wagia или Waiga, служившаго названіемъ части нынѣшняго Дерптскаго округа. При этомъ Шегренъ приводитъ также имена: *Медвѣжья Голова* (см. выше стр. 265) и *Городъ Воробіинъ*, эст. Warbale (I *Новг.* стр. 451). См. Mém de l'Ac. Imp. d. Sc., VI Série, Sc. pol. &c., t. I, pag. 325.

II (къ стр. 262).

Упомянутое выше сочиненіе профессора Цюрихскаго университета д-ра Эгли, «Nomina geographica», по самой новости своего содержанія, не могло избѣгнуть многихъ пробѣловъ и даже невѣрностей въ объясненіи географическихъ именъ. Но важно то, что авторъ со времени изданія этой книги (1872 г.) остается вѣренъ своей задачѣ и не перестаетъ стремиться къ возможно удовлетворительному ея рѣшенію. Какъ скоро я узналъ о существованіи его труда вскорѣ по выходѣ перваго изданія «Филологическихъ Разысканій» (1873), я послалъ г-ну Эгли въ Цюрихъ оттиски моихъ статей: «О названіяхъ мѣстъ» и «Откуда слово Кремль». Ознакомившись съ ними черезъ переводчика, швейцарскій ученый вступилъ со мною въ переписку и недавно прислалъ мнѣ оттискъ своей статьи: «Über den gegenwärtigen Standpunkt der geographischen Onomatologie» (О настоящемъ состояніи географической ономатологіи) изъ IX тома «Geographisches Jahrbuch». Этотъ трудъ распадается на два отдѣла: общій и частный. Въ началѣ перваго авторъ съ особеннымъ сочувствіемъ останавливается на моей статьѣ о названіяхъ мѣстъ, и изложивъ ея содержаніе съ дословнымъ извлеченіемъ основныхъ мыслей, замѣчаетъ: «Gewiss hat der Verfasser das Verdienst in geschickter Weise das onomatologische Studium angeregt zu haben, und es bedarf besonderer Anerkennung, dass er in demselben keineswegs eine blosse philologische Arbeit, sondern eine allseitig zu beleuchtende Untersuchung erblickt. Es darf wohl als mehr denn ein zufälliges Zusammentreffen betrachtet werden,

dass, während der russische Sprachforscher diese Anregung schrieb, die von ihm gewünschte Arbeit schon seit Jahren in Angriff genommen war (ja bald zum Drucke gehen sollte), und zwar nicht bloss in dem Sinne eines Lexikons, sondern zugleich einer Verwerthung des Sammelmaterials zu dem Zwecke, eine förmliche Disziplin daraus hervorgehen zu lassen»[1]. Подъ этимъ трудомъ г. Эгли разумѣетъ именно свою книгу «Nomina geographica» (Лейпцигъ, 1870—1872. VIII и 928 стр.). Она состоитъ изъ двухъ частей: 1) словаря, и 2) разсужденія. Словарь содержитъ болѣе 17,000 географическихъ именъ, и при каждой статьѣ, сверхъ толкованія именъ, означено положеніе мѣста или урочища, а также сдѣлана попытка тщательно мотивировать номенклатуру. Во второй части авторъ между прочимъ приходитъ къ заключенію, что географическія названія бываютъ двоякія: естественныя и культурныя, смотря по тому, истекли ли они изъ самыхъ особенностей мѣстности, или даны извнѣ вслѣдствіе разныхъ культурныхъ соображеній. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія распадается опять на множество частныхъ видовъ, смотря по особеннымъ наклонностямъ и направленіямъ, свойственнымъ той или другой ономатологической средѣ. Общій выводъ автора тотъ, что географическая ономатологія есть результатъ духовныхъ особенностей народа или эпохи и отражаетъ какъ степень просвѣщенія, такъ и культурное направленіе различныхъ центровъ (Herde. очаговъ). Здѣсь авторъ видитъ одинъ изъ пробныхъ камней будущей психологіи народовъ; здѣсь, говоритъ онъ, географія и культурная исторія братски подаютъ другъ другу руку.

---

[1] Т. е. «Автору безспорно принадлежитъ та заслуга, что онъ умѣлъ возбудить интересъ къ изученію ономатологіи, и надо съ особенною признательностью отмѣтить, что она для него составляетъ предметъ не одной только филологіи, но область изслѣдованія, требующую всесторонняго освѣщенія. Можно видѣть не одно случайное совпаденіе въ томъ, что въ то самое время когда русскій филологъ писалъ это, трудъ, какого онъ желалъ, уже много лѣтъ подготовлялся (и даже долженъ былъ вскорѣ поступить въ печать), притомъ не въ видѣ словаря только, а съ разработкою всего матеріала, дабы послужить основаніемъ особой отрасли науки».

Далѣе г. Эгли указываетъ на другую статью свою: «Der Dienst der geographischen Namen im Unterrichte» (Услуга географическихъ именъ въ преподаваніи), напечатанную въ «Zeitschrift für Schulgeographie» (1880). Въ ней онъ весьма убѣдительно развиваетъ мысль, что объясненіе именъ можетъ придать совершенно новый интересъ изученію географіи и служить важною опорой для памяти. «Эти іероглифы, эти странныя фигуры для зрѣнія и слуха, которыя лишь по принужденію поддаются памяти, могутъ обратиться въ привѣтливыя свѣтила, въ пріятные звуки и сдѣлаться намъ родными на всю жизнь..... Вслѣдствіе многолѣтняго опыта могу завѣрить, что тутъ кроется богатый источникъ плодотворнаго интереса, которымъ до сихъ поръ вовсе не пользовались, о которомъ даже и не помышляли въ учебной практикѣ». Мысль эта отчасти уже осуществлена въ изданной тѣмъ же г. Эгли «Praktische Erdkunde» (во 2-мъ изданіи: Neue Erdkunde). Недавно (1881) нѣмецкій педагогъ Волькенгауэръ въ томъ же журналѣ сочувственно отозвался объ этой попыткѣ и замѣтилъ, что послѣ поданнаго г-мъ Эгли примѣра многіе географическіе учебники уже обратили вниманіе на эту сторону преподаванія.

Въ частномъ отдѣлѣ своей брошюры (Über den gegenwärtigen Standpunkt и пр.) г. Эгли сообщаетъ библіографическій обзоръ всѣхъ относящихся къ его предмету статей и книгъ, какія за послѣднее время (большею частью не далѣе 1870 г.) появились въ разныхъ странахъ Европы. Многія изъ нихъ заслуживали бы особеннаго вниманія и въ нашемъ ученомъ и педагогическомъ мірѣ, гдѣ до сихъ поръ вопросъ о важности объясненія географическихъ именъ оставался почти не тронутымъ.

Въ концѣ брошюры, г. Эгли обращается ко всѣмъ авторамъ и издателямъ какихъ бы ни было сочиненій, статей или матеріаловъ по географической ономатологіи, на какомъ бы ни было языкѣ, съ просьбою присылать ихъ къ нему или хоть сообщать ему точныя ихъ заглавія, адресуя: Professor J. J. Egli in Zürich.

ОТКУДА СЛОВО КРЕМЛЬ?

Укрѣпленная, стѣнами огражденная часть Москвы и многихъ другихъ старинныхъ городовъ русскихъ называется *кремлемъ*, а одно изъ укрѣпленій древняго Пскова извѣстно было подъ именемъ *крома:* не одного ли происхожденія эти два названія, столь близкія одно къ другому и по формѣ и по значенію?

Нарицательное имя *кромъ* до сихъ поръ не исчезло изъ языка, по крайней мѣрѣ въ соединеніи съ предлогомъ *за: закромъ* означаетъ «забранное досками мѣсто въ видѣ неподвижнаго ларя» (*Толковый Словарь* Даля). То же самое, но въ болѣе обширномъ смыслѣ, значило старинное слово *кромъ*, часто встрѣчающееся въ Псковской лѣтописи какъ названіе укрѣпленія. Въ первый разъ оно употреблено тамъ подъ 1393 (6901) годомъ въ слѣдующемъ извѣстіи: «Заложиша Псковичи перси[1] у крома, стѣну камену». Слѣдовательно, псковской *кромъ* былъ прежде деревянный. Кажется, онъ, согласно съ нынѣшнимъ значеніемъ *закрома*, служилъ сверхъ того запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ. Это заключеніе можно вывести изъ словъ лѣтописца при описаніи голода подъ 1422 годомъ: «А въ Псковѣ тогда быша старыхъ лѣтъ клѣтки всякаго обилія изнасыпани на *крому*» (*Пск. вторая лѣт.*). Авторъ *Историческаго описанія города Пскова* (Спб. 1790), Ильинскій, постоянно и принимаетъ это слово въ исключительномъ значеніи запаснаго хлѣбнаго магазина и пишетъ *кромъ* съ маленькой буквы (см. въ его книгѣ стр. 38 и 43). Онъ старается опредѣлить и мѣсто *крома:* по его мнѣнію, оно было «близъ соборной Троицкой церкви за Домантовой стѣной, на Псковѣ рѣкѣ». Съ конца 14-го столѣтія лѣтописецъ нерѣдко

---

[1] Брустверъ (Примѣч. издателя лѣтописи).

упоминаетъ, что на *крому* то ставили *костеръ* (башню), то закладывали *перси*. Такимъ образомъ *кромъ* получилъ значеніе укрѣпленія, но первоначально это слово означало только огороженное мѣсто, охранное строеніе.

Изъ положенія *псковского крома* наши лексикологи заключили, что *кромъ* значитъ вообще «*внѣшнее* городовое укрѣпленіе». Но это трудно доказать даже съ помощію нарѣчія *кромѣ*: въ основаніи его лежитъ конечно понятіе исключенія, — пожалуй, сторонности, внѣшности, но только въ такомъ смыслѣ, что все, заключающееся въ *крому*, будетъ находиться внѣ прочаго. Что имя *кромъ* встарину дѣйствительно употреблялось въ значеніи крѣпости *вообще*, доказывается однимъ мѣстомъ синодальной библіи 1499 года, гдѣ сказано: «Обиташе же Давидъ въ *крому*» (1 *Паралип.* 11, 7). Тутъ слово *въ крому* соотвѣтствуетъ выраженію Вульгаты «in arce» и въ Острожской библіи замѣнено словомъ: *во обдержаніи* (въ Лютеровомъ переводѣ: «auf der Burg», во французскомъ «dans la citadelle»). Противъ приведеннаго мѣста въ синодальной библіи на полѣ приписано: инъ арце или въ вышегородцѣ[1].

При словѣ *кромъ* должно упомянуть и объ особенномъ мѣстномъ употребленіи множественнаго числа его. *Кромы* во Владимірской губерніи означаетъ «ткацкій станъ со всѣмъ приборомъ и съ основою». Даль въ своемъ Толковомъ Словарѣ выводитъ изъ этого и названіе извѣстнаго города Орловской губерніи, но тутъ нашъ почтенный лексикографъ едва ли правъ: городъ *Кромы* названъ такъ по имени рѣчки *Кроми*, которая протекаетъ подъ нимъ и впадаетъ въ Оку[2].

---

[1] Указаніемъ этого мѣста изъ синодальной библіи обязанъ я И. И. Срезневскому.

[2] Въ Воскресенской лѣтописи упомянутъ городъ *Кромъ* одновременно съ Москвою, т. е. около середины 12-го столѣтія (*П. Г. Р.*, т. II, пр. 302). Вновь построенъ онъ при Θедорѣ Ивановичѣ, какъ пограничное укрѣпленіе противъ Татаръ, и тогда уже названъ *Кромы*. Заключается ли въ названіи рѣки *Кромъ* какое-нибудь понятіе, объ этомъ трудно судить безъ точнаго знакомства съ мѣстностью.

Рядомъ съ именемъ муж. р. *кромъ* есть еще имя женское, *крома* — ломоть хлѣба во всю ковригу (по Далю), или и вообще толстый ломоть чего-нибудь (по акад. словарю), и уменьшительное его *кромка* — тотъ завершенный край матеріи, гдѣ нитка не высыпается; иногда же и просто край, кайма и т. д.

Особенно любопытно записанное Востоковымъ (см. *Церк.-Слав. словарь* его) старинное слово *кромьство* — внутренность.

Изъ предложныхъ именъ этого корня замѣтимъ *укроміе* — воздержаніе.

Между другими частями рѣчи того же происхожденія первое мѣсто принадлежитъ нарѣчію *кромѣ*, которое собственно не что иное какъ мѣстный падежъ имени *кромъ*[1]. Встарину это нарѣчіе встрѣчалось еще въ формѣ *кромь* (Словарь Востокова). Его значеніе было: *опричь, внѣ, съ сторонѣ*.

Присоединимъ къ этому глаголъ *кромити* — отдѣлять, отгораживать (закромить, напр. гряду — «поставить кромки, обнести досками, чтобы не осыпалась» — Даль) и старинныя прилагательныя *кромный* и *кромѣшній* — внѣшній, также *укромный* (уютный, въ церк.-слав. воздержный) и *скромный* (воздержный, въ самомъ себѣ замкнутый). Ср. чеш. kromni, частный.

Изъ противоположности въ значеніи словъ *кромьство* и *кромѣ, кромный* слѣдуетъ, что понятіе внѣшности не есть существенное въ корнѣ слова и что *кромъ* означаетъ только нѣчто отдѣльное, само въ себѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно наружное. Понятіе внѣшности придано его производнымъ по отношенію содержанія его къ посторонним предметамъ.

Переходя теперь къ слову *кремль*, замѣтимъ, что поводъ къ сближенію обоихъ названій заключается уже въ томъ, что самое

---

[1] Будучи мѣстнымъ падежомъ и соотвѣтствуя нынѣшнему *кромѣ*, это нарѣчіе первоначально должно было выражать идею изъятія посредствомъ огражденія отъ всего окружающаго: предполагаемый именительный падежъ долженъ быть *кромъ*, а не *крома*. Впослѣдствіи исконное значеніе слова забылось, и *кромѣ* дѣйствительно сдѣлалось равносильнымъ областному *сторонѣ*, приводимому г. Буслаевымъ.

слово *кромъ* въ эрмитажномъ спискѣ *Псковской лѣтописи* написано однажды *кремъ*, что̀ и означено между варіантами текста, изданнаго Археографическою коммисіею (*Первая лѣт.* стр. 194). Эта форма *кремъ* псков. лѣтописи указана уже Шимкевичемъ подъ словомъ *кремень* и едва ли можетъ считаться простою опиской, если принять въ соображеніе, что самое нарѣчіе *кромѣ* встрѣчается въ видѣ *кремѣ* (*Изборн.* 1073 г., 253: «еже *кремѣ* сихъ то не въ роцѣ»[1]. Изъ другихъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ оно равнымъ образомъ довольно распространено, словацкій имѣетъ также форму krem, kreme (см. Линде и Юнгмана).

Весьма важно для нашего сближенія извѣстіе, прочитанное Карамзинымъ въ Троицкой (впослѣдствіи утраченной) лѣтописи: «погорѣ (1331 мая 3) городъ *Кремникъ* на Москвѣ». Здѣсь *Кремникъ* есть, кажется, не что иное какъ видоизмѣненіе знакомаго намъ слова *кромъ* чрезъ посредство прилагательнаго *кромный*, или *кремный* (замкнутый въ себѣ, огороженный). П. М. Строевъ, справедливо отвергая догадку Карамзина, будто *кремль* происходитъ отъ *кремня*, замѣчаетъ: «Въ лѣтописи могло быть *кромникъ*: цитадель псковская называлась *кромъ*»[2]. Здѣсь Строевъ уже весьма близко подходитъ къ истинѣ; но ему неизвѣстна была другая форма слова *кромъ* съ гласною *е*, и онъ не имѣлъ въ виду той легкости, съ какою звуки *о* и *е* смѣняются въ словахъ одного корня. Поэтому вѣроятно, что уже въ первые вѣки послѣ построенія Москвы укрѣпленная ея часть, вышгородъ, называлась *кремникомъ*, и такъ какъ тогда городъ еще не могъ имѣть каменныхъ стѣнъ, то ясно, что *кремникъ*, такъ же какъ и *кромъ*, вначалѣ означалъ обнесенное деревянными стѣнами укрѣпленіе. *Кремникъ* и *кремль* — конечно слова одного происхожденія. Послѣднее названіе, по замѣчанію Строева, въ нашихъ историческихъ актахъ встрѣчается не прежде времени Θедора Ивано-

---

[1] По указанію И. И. Срезневскаго.

[2] См. *Указатель при Выходахъ царей и великихъ князей*. М. 1844.

вича[1]; но слѣдуетъ ли изъ этого, что и въ народѣ оно не употреблялось ранѣе? Доказательство, что оно было извѣстно и до указанной г. Строевымъ эпохи, представляетъ опять синодальная библія 1499 г., гдѣ въ 1 *Ездр.* 6, 2, имя *кремль* придано Экватанѣ[2]. Что оно имѣло значеніе не мѣстное, не собственнаго имени, а общее, какъ имя нарицательное, въ этомъ удостовѣряетъ насъ, сверхъ появленія *кремлей* во многихъ городахъ, еще и образъ письменнаго употребленія слова: кромѣ приведеннаго случая изъ синодальной библіи, важно въ этомъ отношеніи также мѣсто, выписанное Востоковымъ изъ хронографа 16-го вѣка, гдѣ слово *кремль* означаетъ дворецъ болгарскихъ государей: «црь Никифоръ на болгары поиде.... и побѣди ихъ крѣпко, яко и г лемаго двора князя ихъ иже есть *кремль* пожещи его». Правда, Востоковъ прибавляетъ: «Не ошибка ли вмѣсто *Крумъ*, имени князя болгарскаго[3]? И дѣйствительно», продолжаетъ онъ «въ Амартолѣ 1456 г.: яко и г лемаго двора князя их иже анто крумля пожещи». Но для насъ знаменательна именно ошибка, доказывающая близкое знакомство переводчика или переписчика съ словомъ *кремль*[4].

Впрочемъ, это или подобозвучное имя, въ значеніи крѣпости, было извѣстно не однимъ Русскимъ, а и другимъ Славянамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, какъ видно изъ слѣдующаго стиха народной хорутанской пѣсни:

Oj ti preljuba kremliza, ki si nasabraniza[5].

---

[1] Тамъ же.

[2] *Историч. Грамм.* Буслаева, ч. II, стр. 9.

[3] Крумъ, или Кремъ, сильный болгарскій государь въ началѣ 9-го столѣтія (*Сл. др.* Шафарика, т. II, кн. I, стр. 281).

[4] Нужнымъ считаю однакожъ оговориться: здѣсь *кремль* могло быть и не ошибкою, а правильнымъ притяжательнымъ отъ личнаго имени *Кремъ*, какъ *Ярославль* отъ *Ярославъ*. Итакъ наше *кремль* ужъ не названіе ли болгарскаго Кремова замка, перенесенное на всѣ подобныя постройки? Допустить этого нельзя, тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ сейчасъ, и въ другихъ славянскихъ земляхъ встрѣчаются сходныя названія. Да и чѣмъ бы объяснялся тогда *кремникъ* 1331 года?

[5] Urban Jarnik, Versuch eines Etymologikons der slowenichen Mundart, Klagenfurt 1832, стр. 237.

Сюда же относится, вѣроятно, и названіе древней венгерской крѣпости Kremnitz (кремница = кремникъ). Если бъ имѣть въ рукахъ точные указатели названій мѣстъ въ разныхъ славянскихъ странахъ, то можетъ-быть, нашлись бы и другія мѣста, отмѣченныя подобными именами. По Россіи разбросано много древнихъ городовъ и селеній, въ названіяхъ которыхъ слышатся звуки, принадлежащіе, кажется, тому же корню. Не легче ли объясняются такимъ образомъ имена: *Кременецъ*, *Кременчугъ* (первоначально Кременчикъ?), *Кременчуки*, *Кременичи*, *Кременки*, *Кременскъ*, *Кременная* слобода, *Кременская* станица и *Кремлево*[1], нежели съ помощью *кремня?* Непонятно было бы, отчего въ Россіи такъ много селеній названо по имени этого твердаго камня, тогда какъ далеко не всѣ исчисленныя названія означаютъ сильныя крѣпости, да и тѣ изъ нихъ, которыя издревле составляли укрѣпленныя мѣста, въ началѣ конечно не имѣли каменныхъ укрѣпленій. Гораздо естественнѣе принять, что въ этихъ име-

[1] 1) *Кременецъ*, уѣзд. гор. Волынской губ. Полагаютъ, что онъ былъ основанъ въ 8-мъ или 9-мъ в. Дулебами. Во всякомъ случаѣ замокъ уже упоминается въ Польской исторіи подъ 1068 г., когда владѣтель его, какой-то Монсей, изъ рода Денисковъ, сдалъ его Болеславу Смѣлому.

2) *Кременчугъ*, уѣзд. гор. Полтавской губ. Время основанія достовѣрно не извѣстно, и только Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи упоминаетъ о томъ, что Кременчугъ былъ заложенъ въ 1571 г. Въ книгѣ Большому Черт. Крем. не упоминается, но Бопланъ, посѣтившій этотъ городъ въ 1635 г., нашелъ уже Крем. довольно красивымъ городомъ.

3) *Кременчуки*, небольшое село Волынской губ. Заславскаго уѣзда.

4) *Кременичи*, или *Кременецкій* погостъ Новгородской губ. Тихвинскаго уѣзда. Упоминается въ писцов. книгахъ 1582 г. (въ Обонежской пятинѣ); существуетъ и нынѣ.

5) *Кременки*, значительное село Нижегородской губ. Ардатовскаго уѣзда.

6) Тоже, значит. село Самарской губ. Ставропольскаго уѣзда.

7) Тоже, значит. село Симбирской губ. и уѣзда.

8) *Кременскъ*, небольш. село Калужской губ. Медынскаго уѣзда съ остатками стараго городища. Городъ Крем. упоминается въ Кн. Больш. Чертежу.

9) *Кременная* слобода Харьковской губ. близь города Славянска.

10) *Кременская* станица и при ней Кременецкій мон. въ области В. Донскаго Усть-Медвѣдицкаго окр.

11) *Кремлево*, значит. село Рязанской губ. Скопинскаго уѣзда въ 15 верстахъ отъ уѣздн. города. (Изъ матеріаловъ П. П. Семенова).

вахъ основное понятіе есть именно то, которое заключается въ словѣ *кромъ*, т. е. понятіе мѣста огороженнаго, обнесеннаго стѣнами, какъ бы закромленнаго. То же самое значилъ первоначально *городъ*, и мы также находимъ селенія подъ названіями *Городецъ*, *Городня*, *Городище*, и т. п. Московская крѣпость въ письменномъ языкѣ долго называлась *Городъ*, *Каменный городъ*, послѣ построенія Китая — *Старый Каменный городъ*, а по заложеніи Бѣлаго города (Царева) — *Кремль*[1]. Отсюда видно, что послѣднее названіе окончательно утвердилось только тогда, когда слово *городъ* утратило свое первобытное тѣсное понятіе и для выраженія этого послѣдняго потребовалось другое слово. Замѣчательно, что у западныхъ Славянъ, напротивъ, *градъ* сохранилъ свое первобытное значеніе и мѣстами соотвѣтствуетъ нашему *кремлю (Градчаны* въ Прагѣ).

Чтобы убѣдиться въ этимологическомъ родствѣ *кремля* съ *кромомъ*, надобно разсмотрѣть первое изъ этихъ словъ: а) со стороны его значенія, и б) со стороны его формы.

Въ разсужденіи значенія имени *кремль*, мы находимъ близкія къ нему слова, которыя безъ всякаго отношенія къ укрѣпленной постройкѣ заключаютъ въ себѣ, такъ же какъ и производныя отъ *крома*, понятіе отдѣльности, особности въ пространствѣ. Первообразное жен. р. *кремь* значитъ, по академическому словарю, «ту часть засѣки, гдѣ растетъ лучшій строевой лѣсъ», слѣдовательно нѣчто выдѣляющееся изъ цѣлаго; оттуда *кремлевое* дерево — которое растетъ на краю лѣса, одиноко и на просторѣ, крѣпкое, здоровое (по Далю), и *кремлевникъ* — хвойный лѣсъ на болотистомъ мѣстѣ (Обл. Словарь). Мы не знаемъ, съ достаточною ли точностью опредѣлены здѣсь эти слова, и догадываемся, что въ опредѣленіи первыхъ двухъ нѣсколько участвовало предвзятое понятіе, что они происходятъ отъ имени *кремль* въ значеніи крѣпости, тогда какъ они только параллельныя съ нимъ отрасли того же корня. Замѣчательно, что и по-польски слово

[1] Строевъ.

«krem» означаетъ дерево, отобранное для улья, но еще не выдолбленное (см. Словарь Линде)[1].

Что касается до формы слова *кремль*, то для удостовѣренія въ возможности его родства съ именемъ *кромъ* стоитъ только припомнить, какъ часто въ славянскихъ нарѣчіяхъ одни и тѣ же слова, или слова одного корня, принимаютъ въ помощь, при своемъ образованіи, то *о*, то *е*, напр. *моръ* — *смерть*, *воля* — *велѣть*, *доля* — *дѣлить*, *звонить* — *звенѣть*, и т. п. Правда, что все это слова глагольнаго корня; однакожъ есть подобные случаи и другого рода, напр. *Волосъ* и *Велесъ*, и въ ц.-слав. языкѣ слова: *столя* и *стеля* (потолокъ), *громъ* и *гремъ* (въ значеніи куста, см. Сл. Востокова)[2]. Не говорю уже о томъ, что есть слова, которыя въ одномъ славянскомъ нарѣчіи являются съ *о*, а въ другомъ съ *е*, напр. осень, озеро, — есень, езеро. Букву *л* въ концѣ слова *кремль* надобно признать слѣдствіемъ умягченія согласной, какъ въ словахъ *земля* (земь, оземь), *журавль* (журавъ) и др. *Кремль* относится къ *крому* точно такъ же, какъ *граждь* (церк.-слав. = огражденіе) къ *граду*.

Начиная отъ словаря Россійской академіи, всѣ наши лексиконы при опредѣленіи слова *кремль* ограничиваютъ его понятіе признакомъ *внутренней* крѣпости. Даль, пріурочивая названіе *кремль* по-прежнему къ *кремню* (впрочемъ съ вопросительнымъ знакомъ), даже противополагаетъ *кремль крому*, какъ означаю-

---

[1] Любопытно, что какъ у насъ слова *кремь*, *кремлевый* (у Поляковъ также krem), употребляются въ отношеніи къ лѣсу, такъ у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ къ тому же служатъ *гремъ* (серб. дубъ), germ (хорут. кустъ): въ церк.-слав. *громъ* и *гремъ* знач. кустъ. Вниманія заслуживаетъ также слѣдующее обстоятельство: по сербски гра̑д зн. крѣпость, а гра̑ђа—строевой лѣсъ; гра̑ђевина — строеніе, постройка изъ строевого лѣса (какъ по-русски слово *деревня* первоначально значило: постройка изъ дерева). Поэтому могутъ еще спросить: не значило ли первоначально и названіе *кремль*—строеніе изъ *кремя*, т. е. лучшаго строевого лѣса?

[2] Явленіе это замѣчается особенно при согласныхъ *р* и *л*. Ср. Johannes Schmidt. Zur Geschichte des indo-germanischen Vocalismus. II, 54. 55. Къ этой же категоріи словъ можно отнести нѣсколько именъ съ другими гласными буквами, напр. кудесникъ и чудо (кюдо), кукла и чучела (кюкьла).

щему *наружное укрѣпленіе.* Отвергнувъ такое ограниченіе при словѣ *кромъ*, я долженъ отвергнуть его и при словѣ *кремль*, которое, по моему мнѣнію, значитъ вообще крѣпость: въ этомъ нельзя не согласиться съ г. Буслаевымъ (*Истор. Грам.* ч. II, § 109). Если обратимъ вниманіе на кремли разныхъ городовъ, то увидимъ, что и въ дѣйствительности они далеко не вездѣ находятся внутри города, напр. въ Нижнемъ.

Но что же мы сдѣлаемъ съ словомъ *кремень?* Неужели точно столь явное для многихъ сродство его съ словомъ *кремль* есть только видимое? Кажется, этотъ результатъ самъ собой вытекаетъ изъ предыдущихъ замѣчаній. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе слова *кремень*, которое повело бы меня слишкомъ далеко, позволю себѣ только заявить сильное сомнѣніе, чтобы имя *кремень* можно было этимологически сближать съ глаголомъ *кресать*, какъ обыкновенно дѣлаютъ. Во-1-хъ, невѣроятно, чтобы первоначальное названіе этой породы камня дано было ей отъ самаго случайнаго ея свойства; правда, кремень и по-гречески называется πυρίτης и по-нѣмецки Feuerstein, но это уже позднѣйшія его названія, какъ по-русски *кресиво* или *огниво*, исконное же названіе кремня и у Грековъ и у Нѣмцевъ совсѣмъ другое (κόχλαξ, Kiesel). Во-2-хъ, какъ могло *кресать* перейти въ *кремень:* гдѣ же осталось коренное *с*, и откуда окончаніе *мень?* Нельзя согласиться съ тѣми, которые въ этомъ слогѣ видятъ другую форму окончанія *мя* именъ *сѣмя*, *племя*, *пламя* или *пламень.* Нѣтъ примѣра, чтобы такое окончаніе носило удареніе, и въ родит. падежѣ принимало признакъ мужескаго рода съ исключеніемъ гласной *е (мня)*[1]. По виду, въ какомъ попадается *кремень* внутри известковыхъ холмовъ (кругляками) и по легкости его отдѣленія отъ нихъ можно бы прямо признать это слово происходящимъ отъ того же корня, какъ имена *кромъ* и *кремль*,

---

[1] Напротивъ, слово *кремень* по образованію подходитъ къ именамъ *камень, ремень, кистень, плетень*, гдѣ окончаніе составляютъ буквы *снь;* предыдущая же буква принадлежитъ къ корню.

если бъ не останавливало то соображеніе, что въ чешскомъ и польскомъ языкахъ въ словѣ *кремень р* является умягченнымъ, чего не предполагаютъ слова *кромъ* и *кремль*.

По поводу моего изслѣдованія о словѣ *кремль*, въ *Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн.* 1873 года (кн. IV) появилась длинная статья г. Кубарева. Въ ней онъ старается доказать, что это слово передѣлано изъ греческаго κρημνός, но забываетъ, что изъ другихъ языковъ заимствуются только слова́, означающія именно то понятіе, для котораго на родномъ языкѣ не достаетъ выраженія. Какимъ же образомъ для понятія отдѣльно стоящей крѣпости Русскіе могли заимствовать слово, значащее *скатъ*, *крутизну*, *пропасть?* Г. Кубаревъ, желая придать правдоподобіе своему увѣренію, весьма упорно имъ защищаемому, считаетъ достаточнымъ слѣдующее объясненіе: «Въ мечтахъ моихъ, говоритъ онъ, я воображаю, что нѣкоторый именитый греческій гость изъ Царяграда пріѣхалъ посѣтить юную столицу единовѣрнаго князя. Князь приглашаетъ гостя къ себѣ, роскошно угощаетъ его и потомъ ведетъ его съ собой прогуляться по окраинѣ горы, возвышающейся надъ рѣкою, гдѣ спрашиваетъ: какъ такое мѣсто называется по-гречески? Гость отвѣчаетъ: κρημνός»... Вообще изъ статьи г. Кубарева видно, что ему вовсе не знакомы ни главныя основанія, ни пріемы сравнительной филологіи, а при такомъ условіи научныя пренія въ этой области безполезны. Доказательствомъ, какъ мало авторъ вникъ въ прочитанныя имъ соображенія, служитъ между прочимъ то, что онъ приписываетъ мнѣ такія мнѣнія, которыхъ я вовсе не выражалъ. Такъ ему кажется, что я утверждаю будто имя московскаго *кремля* заимствовано отъ названія псковскаго *крома*, и онъ серьезно ратуетъ противъ этой мысли, которая конечно и не приходила мнѣ въ голову. Нѣтъ, для заключенія, что такое-то слово заимствовано изъ другого языка, мало одного звукового сходства его съ иноземнымъ словомъ. Тѣмъ способомъ, какой описываетъ г. Кубаревъ, слова́ не пе-

реходятъ изъ одного языка въ другой. Для перехода къ намъ греч. слова нужно было бы, чтобъ оно значило именно то, что́ выражаетъ наше *кремль*, и чтобы оно въ этомъ значеніи было у насъ извѣстно; такъ перешли къ намъ напр. названія *цитадель* и нѣкогда употреблявшееся *фортеція*. Существенное значеніе слова *кремль*, какъ вытекаетъ изъ моего изслѣдованія, не имѣетъ никакого отношенія къ понятіямъ *ската*, *крутизны* и проч., для которыхъ Славяне всегда обладали своими вполнѣ равносильными словами. Вдобавокъ замѣтимъ, что въ 11-мъ или 12-мъ столѣтіи, когда могло бы произойти предполагаемое заимствованіе, буква *η* въ *κρημνός* произносилась какъ *и*, а этимъ однимъ разрушается вся гипотеза г. Кубарева.

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ СТАРИННЫХЪ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Гравированье началось въ Россіи съ 1647 года. При оружейной серебряной палатѣ въ Москвѣ состояли фряжскихъ рѣзныхъ дѣлъ мастера. Гравёры въ то время подписывали: *рѣзалъ;* гравюры назывались *рѣзными* листами, упоминались также *рѣзныя* доски. Петръ Великій, во время своего перваго путешествія за границу, пригласилъ въ Россію находившихся тогда въ Амстердамѣ гравёровъ Шонебека и Пикара. Въ челобитной, поданной первымъ въ 1697 году боярину Головину, еще встрѣчается выраженіе: «могу служить въ *рѣзаніи* мѣдныхъ досокъ»; и въ письмѣ Головина 1698 года, говорится о Шонебекѣ, какъ о *рѣзномъ* мастерѣ, упоминается о *рѣзаніи* на мѣди и о мастерствѣ *рѣзьбы*[1].

Но въ 1701 году подана челобитная Алексѣемъ Зубовымъ, который въ ней уже называетъ себя ученикомъ *градировальнаго* дѣла, учителя же своего Шонебека пріѣзжимъ иноземцемъ, *грыдоровальнаго* дѣла мастеромъ. Въ подкрѣпленіе просьбы своей о прибавкѣ жалованья Зубовъ приложилъ гравюру своей работы. У Шонебека потребовали свидѣтельства о справедливости этого показанія, и онъ удостовѣрилъ, что представленный Зубовымъ листъ печатанъ *грыдоровальною* доскою, которую ученикъ его *грыдоровалъ* самъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ томъ же году,

[1] См. Д. Ровинскаго *Русскіе граверы*, стр. 29, 70, 73. Автору этой книги обязанъ я и нѣкоторыми рукописными указаніями, которыхъ въ ней нѣтъ.

другой ученикъ Шонебска, Петръ Бунинъ, представилъ свою работу, названную въ тогдашнихъ актахъ листомъ *грыдорованья*[1]. Съ тѣхъ поръ граверы, въ подписяхъ подъ трудами своими, стали употреблять это слово въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, какъ-то: *градировалъ*, *грыдировалъ*, *грыдоровалъ*, *гридоровалъ*.

Въ указѣ Петра Великаго 1724 года объ учрежденіи Академіи сказано между прочимъ: «Безъ живописца и *градировальнаго* мастера обойтися невозможно будетъ, понеже изданія, которыя въ наукахъ чиниться будутъ (ежели оныя сохранять и публиковать), имѣютъ рисованы и *градированы* быть[2]. Въ 1754 году, въ спискахъ лицамъ и учрежденіямъ при Академіи наукъ показаны между прочимъ типографіи *гридорованныхъ* фигуръ, *грыдоровальный* департаментъ или *грыдоровальная* палата, и объ ученикахъ говорится, что они *грыдоруютъ* или *грыдеруютъ* ландкарты, литеры, проспекты «и прочія всякія дѣла и портреты»[3].

При письмѣ своемъ въ академическую канцелярію отъ 28-го ноября 1750 года Тредьяковскій приложилъ, «Прожектъ *грыдорованнаго* листочка, имѣющаго быть при моей трагедіи»[4] и т. д.

Въ 1757 году Ломоносовъ писалъ къ И. И. Шувалову о своемъ *нагрыдорованномъ* портретѣ, и, прилагая нѣсколько экземпляровъ его, говорилъ: «стыжусь, что я *нагрыдорованъ*»[5].

Слово это давно уже вышло изъ употребленія и не занесено ни въ одинъ изъ нашихъ словарей; но оно остается въ исторіи русскаго языка и требуетъ объясненія. Начала его надобно искать въ нѣмецкихъ глаголахъ *gradieren* и *radieren*. Первый означаетъ рѣзанье при помощи крѣпкой водки, способъ, которымъ преимущественно работалъ Шонебекъ съ своими учениками, а значеніе второго видно, напр., изъ скульптурнаго термина

[1] Тамъ же, стр. 75.
[2] П. С. З. VII, 4443, стр. 223.
[3] *Русскіе граверы*, стр. 84 — 98.
[4] Пекарскаго *Исторія Академіи Наукъ*, II, стр. 157.
[5] Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову. *Зап. Ак. Н.*, т. X.

Gradier-Eisen, подъ которымъ разумѣется особенный родъ рѣзца[1]. Глаголъ *gradieren* происходитъ отъ нѣмецкаго существит. *Grath* или *Grad*, означающаго между прочимъ полоски мѣди, которыя выковыриваются изъ доски рѣзцомъ[2]. Такимъ образомъ два термина, которые, кажется, и у самихъ Нѣмцевъ по сходству звуковъ смѣшивались въ употребленіи, могли оба участвовать въ образованіи искаженныхъ русскихъ формъ этого слова[3].

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія терминъ *грыдоровать* начинаетъ уступать мѣсто взятому съ французскаго слову *гравировать*, которое первоначально обязано этимъ чуть ли не знаменитому граверу Шмидту, выписанному къ намъ при Елисаветѣ Петровнѣ и до того долго жившему въ Парижѣ. На портретѣ графа М. Л. Воронцова въ 1758 году подписано: gravé par G. F. Schmidt. Изъ учениковъ его Герасимовъ, первый, подписалъ въ 1771 году по-русски: *гравировалъ*. Съ этого времени послѣдняя подпись дѣлается уже почти исключительною и замѣняетъ другія, какъ-то: *сдѣлалъ*, *вырѣзалъ* (Чемесовъ), *гридоровалъ* (Васильевъ 1759).

Въ отношеніи къ стариннымъ типографскимъ терминамъ весьма важно и любопытно замѣчаніе г. Румянцова, сдѣланное въ 1869 году на московскомъ археологическомъ съѣздѣ, объ итальянскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ. Г. Гат-

---

[1] Gradier-Eisen od. Meissel der Bildhauer (franz. gradine) ein stählener Meissel mit drei breiten Zähnen, welcher den Bildhauern... nöthig ist (Krünitz. Oekonomisch-technologische Encyklopädie. Th. LXXXVIII, *Meissel*).

[2] Рукописное показаніе г. Ровинскаго. Въ приведенномъ словарѣ Крюница (Ч. XIX) слово Grad или Grath объяснено между прочимъ такъ: «die Späne kleiner Aeste u. s. f, welche beim Fällen und Bearbeiten des Holzes abgehn». Относительно корня слова Grad или Grath Крюницъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе лексикографы (Аделунгъ, Гейзе) полагаютъ, что оно одного происхожденія съ лат. radius, и только случайно приняло въ началѣ звукъ g, какъ это нерѣдко встрѣчается и въ другихъ словахъ. Послѣднее замѣчаніе можетъ относиться и къ сходству словъ *radieren* и *gradieren*.

[3] Есть еще третій нѣмецкій глаголъ, относящійся къ гравированію, именно grundieren (наводить лакъ для приготовленія грунта къ вытравленію водкой), который могъ бы также содѣйствовать къ образованію слова *грыдоровать*, но для этого предположенія нѣтъ однакожe достаточнаго основанія.

цукъ, въ статьѣ «Очеркъ исторіи книгопечатнаго дѣла въ Россіи»[1], хотя и не допускаетъ, чтобы эти названія были заимствованы непосредственно изъ Италіи, и именно изъ Венеціи, однакожъ приводитъ ихъ съ указаніемъ тѣхъ итальянскихъ словъ, изъ которыхъ они передѣланы: *тередорщикъ* отъ tiratore (нѣм. drucker, печатникъ); *батырщикъ*, накладчикъ краски на литеры, набойщикъ—отъ battitore; *маца*—отъ mazza (ново-нѣм. ballen); *марзанъ*—margina (нѣм. stege); *тимпанъ*—отъ timpano (нѣм. deckel); *фрашкетъ*—отъ frascato; *пунсонъ*, рѣзанная на стали буква для выбиванія изъ мѣди матрицъ,—отъ punzone (нѣм. stempel); *штанба*, книгопечатный станокъ и всѣ вообще принадлежности—отъ stampa (нѣм. druckerei).

Авторъ названной статьи не хочетъ вмѣстѣ съ г. Румянцовымъ видѣть въ этихъ терминахъ доказательство мнѣнія, что книгопечатаніе перенесено въ Москву изъ Италіи и что вообще строителями, учителями, и руководителями здѣсь книгопечатанія были итальянскіе мастера. Хотя рѣшеніе этого вопроса и не относится къ предмету настоящей замѣтки, позволю себѣ однакожъ упомянуть, что если и въ самомъ дѣлѣ приведенные термины изъ Италіи перешли ранѣе въ другія страны, то они въ этихъ послѣднихъ передѣлывались по мѣстному выговору, и оттуда были бы перенесены къ намъ въ другомъ видѣ: слово *пунсонъ*, напр., Нѣмцы передѣлали въ *Bunze*[2], и конечно оттуда не явилось бы оно у насъ въ своей первоначальной, чистой формѣ. Да и почему же невѣроятно, чтобы эти термины были заимствованы Русскими прямо изъ источника, когда сношенія съ Италіею и знакомство Москвы съ итальянскимъ искуствомъ начались уже за цѣлое столѣтіе до введенія книгопечатанія въ Россіи?

---

[1] *Русскій Вѣстникъ* 1872, май, стр. 333.

[2] По словарю братьевъ Гриммовъ—«Signum, forma, stempel, franz. matrice» (Wb. II, 531).

О ПРОИЗНОШЕНІИ БУКВЪ Э, Е, Ѣ.

Употребленіе трехъ буквъ, означенныхъ мною въ заглавіи этой статьи, представляетъ не мало затрудненій. Есть случаи, въ которыхъ особенно нелегко опредѣлить, правильнѣе ли написать *е* или *ѣ*. Но здѣсь я намѣренъ разсматривать ихъ не со стороны этого вопроса, а въ отношеніи собственно къ звуку ихъ. Прежде всего постараюсь рѣшить, есть ли въ произношеніи разница между *ѣ* и *е* (когда е не превращается въ ё, о чемъ здѣсь и не будетъ рѣчи). Многіе отвѣтятъ на это утвердительно; но если бъ было такъ, то природное русское ухо должно бы во всѣхъ случаяхъ указывать, гдѣ слѣдуетъ писать *е* и гдѣ *ѣ*; между тѣмъ мы видимъ, что люди, въ одинаковой степени знающіе языкъ и въ произношеніи которыхъ не замѣтно особенной разности, не всегда согласны между собой касательно употребленія *е* и *ѣ* (напр. въ словахъ: хмель, затменіе, лѣкарь). Случается, что одинъ и тотъ же человѣкъ перемѣняетъ въ этомъ отношеніи прежнее свое правописаніе на новое, хотя въ выговорѣ его не произошло никакой перемѣны. Отсюда надобно вывести заключеніе, что буквы *е* и *ѣ* произносятся совершенно одинаково. Въ этомъ всякому легко убѣдиться, произнося одно за другимъ, напр., слѣдующія слова: *лѣнь* и *олень*, *въ морѣ* и *въ море*, *членъ* и *плѣнъ*, *ѣли* и *ели*.

Итакъ надобно согласиться, что какъ въ началѣ, такъ и въ серединѣ и въ концѣ слога, *е* и *ѣ* суть, по произношенію, буквы тожественныя; въ началѣ слога каждая изъ нихъ служитъ двугласною (съ помощію *й* передъ звукомъ), въ серединѣ же и въ концѣ гласною. Буквой *э* изображается тотъ же звукъ, когда онъ

въ началѣ слога долженъ быть произносимъ чисто, безъ помощи *й*: *это*, *поэтъ*.

Въ произношеніи каждой изъ этихъ трехъ буквъ есть одинъ общій законъ, о которомъ кажется еще не было упоминаемо въ русской грамматикѣ. Чтобы яснѣе представить его, напомню, что въ русскомъ языкѣ какъ гласныя, такъ и согласныя раздѣляются на твердыя и мягкія. Гласныя *а*, *о*, *у*, *ы* справедливо называть твердыми въ противоположность мягкимъ: *э*, *е*, *ѣ*, *і*, *и*[1]; точно такъ же и согласныя, въ свою очередь, бываютъ либо: *бъ*, *въ*, *дъ*, либо: *бь*, *вь*, *дь* и проч. Далѣе надобно замѣтить, что согласныя бываютъ то твердыми, то мягкими или сами по себѣ (напр. въ концѣ словъ), или отъ присоединенія къ нимъ мягкихъ гласныхъ, напр. въ сочетаніяхъ: *бѣ*, *ве*, *ти*.

Если станемъ внимательно сравнивать слова, въ которыхъ встрѣчаются буквы *э*, *е*, *ѣ*, то найдемъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ *двоякій* звукъ, смотря по тому, стоитъ ли она передъ твердою, или передъ мягкою буквою, гласною или согласною. Сличите напр. слова:

э-то и *э-ти*
чле-ны и *въ чле-нѣ*
вѣ-ру и *вѣ-рю*
мѣ-ръ и *мѣ-рь*.

Чтобы увѣриться, какъ несходны по выговору буквы *ѣ*, *е*, *э* первой колонны съ тѣми же буквами во второй, стóитъ только попробовать, начавъ произносить первый слогъ одной изъ колоннъ, приставлять къ нему второй слогъ изъ другой; произнеся

---

[1] Употребленные здѣсь термины не совсѣмъ согласны съ теоріей звуковъ, выработанной мною въ послѣднее время на физіологическомъ основаніи и изложенной въ новомъ моемъ изслѣдованіи о звукахъ и письмѣ; но такъ какъ вся статья «о произношеніи буквъ *э*, *е*, *ѣ*» принадлежитъ другому времени, то я оставляю и эту частность безъ измѣненія. Впрочемъ, при первомъ изданіи *Филологическихъ Разысканій*, въ этой статьѣ сдѣланы были мною легкія измѣненія вслѣдствіе одного замѣчанія академика Бётлинга (см. *Уч. Зап. по I и III Отд. Ак. Н.*, т. I, стр. 90).

ѣ (первой колонны) — прибавьте *рю*, и наоборотъ, произнеся *ѣ* (второй колонны) — прибавьте *ру*: не ясно ли, что звукъ *ѣ* въ первомъ случаѣ совсѣмъ не тотъ, какой слышится во второмъ?

Вотъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ (чтобы показать разницу ощутительнѣе, буду раздѣлять слова не всегда по слогамъ, а какъ удобнѣе для моей цѣли):

поэ-тъ	*поэ*-зія
Эл-лада	*Эл(ль)*-лины
бре-нъ	*бре*-ніе
пе-ры	*пе*-ри
сѣ-ла	*сѣ*-ли
свѣ-тъ	*сѣ*-тикъ

Отсюда должно вывести общее правило, что передъ твердыми звуками буквы *э*, *е*, *ѣ*, произносятся широко, близко къ тому какъ во французскомъ языкѣ выговариваютъ букву *e*, когда надъ нею accent grave, а передъ звуками мягкими сжато, какъ бы французское é — accent aigu.

Несправедливо было бы думать, будто въ такихъ словахъ, какъ напр. *звѣрь* и *звѣрскій*, вся разница произношенія ограничивается несходствомъ звуковъ *рь* и *ръ*: внимательное наблюденіе покажетъ, что отъ различія этихъ звуковъ зависитъ и неодинаковое произношеніе буквы *ѣ*. При этомъ случаѣ надобно нѣсколько распространиться вообще о мягкихъ согласныхъ, встрѣчаемыхъ въ серединѣ слова и произносимыхъ такъ, какъ бы за ними слѣдовалъ *ь*, хотя этотъ знакъ часто и опускается. Мы пишемъ *задній*, *горница*, *мысли*, *поздній*, *гвозди*, а выговариваемъ: *задьній*, *горьница*, *мысьли*, *позьдній*, *гвозьди*. На чемъ же это основывается? На томъ, что послѣ согласной, оканчивающей одинъ слогъ, слѣдуетъ другой съ мягкою гласной. По общему закону, изложенному мною касательно буквъ *э*, *е*, *ѣ* происходитъ, что когда одна изъ нихъ случится въ первомъ слогѣ, то и самое ея произношеніе сообразуется съ натурою слѣдующаго слога. Оттого въ

словахъ *привътствіе, бъдствіе, наслъдникъ* не только *т* и *д*, но и *ъ* произносится не такъ, какъ въ словахъ: *привътъ, бъдствовать, наслъдство*. Обратимъ также вниманіе на слова: *черви, вътви, терпитъ, наперсникъ, сверстникъ, если*, произносимыя такъ, какъ будто бы написано было *черьви, вътьви* и т. д.

Впрочемъ не всѣ согласныя передъ мягкою гласной имѣютъ всегда такое вліяніе на предыдущій слогъ; буквы: *к, х, г, ж, ш, ч, ц*, лишены часто этого дѣйствія, чтó видно въ словахъ: *крѣпки, дѣвки, ветхи, биржи, вершина, старческій, въ сердцѣ*. Найдутся можетъ-быть и другіе случаи, въ которыхъ согласная передъ мягкимъ слогомъ остается твердой, а оттого и предшествующее *е* или *ѣ*, ежели оно въ словѣ есть, выговаривается широко. Общее положеніе только то, что произношеніе буквъ *э, е, ѣ* зависитъ отъ мягкаго или твердаго звука, непосредственно за нимъ слѣдующаго. Въ нѣкоторыхъ словахъ не видно, почему согласная произносится такъ или иначе, но законъ выговора *е* и *ѣ* остается неизмѣннымъ. Такъ *е* произносится сжато въ словахъ: *верхъ, церковь, первый, четвергъ*, оттого что тутъ *р* мягкое, хотя это въ правописаніи и не означается[1]. Въ словахъ: *рѣжь, ѣшь, тѣшь* буква *ѣ* произносится широко, потому что *ж* и *ш* нельзя выговорить мягко, хотя послѣ нихъ и стоитъ *ь*. Напротивъ, въ словахъ: *мечь, свѣчь, овощь, лещь* слышится сжатое *е*, потому что тутъ знакъ *ь* соотвѣтствуетъ дѣйствительному смягченію согласныхъ *ч* и *щ* въ выговорѣ[2].

Замѣчательно, что и послѣ такъ называемыхъ шипящихъ буквъ, *е* можетъ быть произносимо двояко; сравнимъ *шестъ* и *шесть, тщетный* и *дщери, чествовать* и *честь, жертва* и *жерди*.

---

[1] Объ этомъ случаѣ см. слѣдующую за симъ статью.

[2] Очень было бы хорошо, если бъ слова на *ж, ш, ч, щ*, писались какъ въ старину со знакомъ *ь*, а не *ъ* въ концѣ. Тогда и въ правилахъ склоненія именъ существительныхъ на *ъ* было бы однимъ исключеніемъ меньше: всѣ слова, кончащіяся на эти шипящія буквы, имѣютъ въ родител. падежѣ множ. числа окончаніе *ей*, какъ всѣ имена на *ь*, у которыхъ этотъ падежъ составляетъ собственно единственное отличіе склоненія противъ именъ на *ъ*.

Въ концѣ слова *е* и *ѣ* всегда произносятся широко; напротивъ, слѣдующія за ними буквы *и*, *й*, *е*, *ѣ*, *ю*, *я* придаютъ имъ произношеніе сжатое, напр. *вообще—кащей*, *въ добрѣ—добрѣй*, *на столѣ—веселѣй*, *въ шалашѣ—шея*.

Указанный здѣсь законъ произношенія буквъ *э*, *е*, *ѣ* тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что мы не находимъ его въ другихъ языкахъ, гдѣ открытое *е* можетъ, такъ же какъ и сжатое, предшествовать слогу съ мягкою гласной и наоборотъ. Нѣмцы говорятъ: verschmähen, Ähren, Французы — arrêter, mêler, pêcheur. Оттого произношеніе подобныхъ словъ въ иностранныхъ языкахъ особенно затрудняетъ Русскаго, если онъ не преодолѣлъ этой трудности съ дѣтства.

Конечно этотъ законъ въ подробностяхъ требуетъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія и развитія, мое намѣреніе было только указать на него въ общихъ чертахъ.

ПО ПОВОДУ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬИ.

Etymologische Beiträge und die Aussprache des betonten russischen e, von Dr. Friedrich Haag. Zürich 1880, 8-o. 83 S.

Не останавливаясь на этимологическихъ сближеніяхъ, которыя занимаютъ первую половину этой интересной брошюры и могли бы подать поводъ къ кое-какимъ возраженіямъ, я позволю себѣ нѣсколько замѣчаній только на изслѣдованіе о произношеніи ударяемаго *е*. Прежде всего надо отдать полную справедливость наблюдательности автора и признать, что онъ пополнилъ ученіе объ этомъ предметѣ многими новыми указаніями въ частностяхъ. Но что касается самой сущности явленія, то въ наблюденіяхъ г. Хаага оказывается пробѣлъ, который ему трудно будетъ устранить, если онъ не усвоитъ себѣ болѣе глубокаго практическаго знакомства съ звуковыми особенностями русскаго языка. Только недостаткомъ такого знакомства и происшедшимъ отъ того недоразумѣніемъ можно объяснить то обстоятельство, что авторъ отвергаетъ сдѣланное мною и вскорѣ послѣ того ак. Бётлингомъ[1] наблюденіе, что чистый звукъ *е* (передается ли онъ на письмѣ начертаніемъ *е*, *ѣ*, или *э*) произносится двояко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый, или мягкій звукъ. Для боль-

[1] Моя замѣтка: «О произношеніи буквъ э, е, ѣ» появилась въ первый разъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 г. (№ 173), а статья академика Бётлинга, въ которой онъ изложилъ свое наблюденіе, не зная о моей статьѣ, напечатана въ Bulletin Академіи Наукъ 1851 г. (т. IX), и позднѣе въ «Уч. Запискахъ I и III Отд.» (т. I).

шей ясности приведу изъ брошюры г. Хаага слѣдующее мѣсто (стр. 43):

«Въ русскомъ языкѣ *е*, замѣнившее прежнее *ѣ*, да и въ другихъ случаяхъ, какъ мы увидимъ, часто не подвергается подъему въ *о*, хотя бы за послѣдующею согласною стоялъ твердый гласный; въ такомъ случаѣ *е* звучитъ какъ латышское *е* передъ твердыми гласными послѣ чистаго согласнаго, въ немногихъ словахъ, как напр. въ нѣтъ, но по большей части какъ перерванное (ein gebrochenes) *i*, — какъ *i*, при произношеніи переходящее въ *е*: въ словѣ хлѣбъ я произношу гласную совершенно такъ, какъ произносится гласная въ lieb у швейцарскихъ Нѣмцевъ. Или возьмемъ словечко это, которое мы безпрестанно слышимъ въ разговорѣ Русскихъ; кто когда-нибудь слышалъ, чтобъ они произносили äto? Когда я пробовалъ такъ выговаривать, то надо мной смѣялись, потому что *э* въ словѣ это произносится указаннымъ мною образомъ. Поэтому я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что Гротъ говоритъ въ своихъ «Филологическихъ Разысканіяхъ» (2-е изд. т. I, стр. 267): «Отсюда должно вывести общее правило, что передъ твердыми звуками буквы *э*, *е*, *ѣ* произносятся широко, близко къ тому какъ во французскомъ языкѣ выговариваютъ букву *е*, когда надъ нею accent grave, а передъ звуками мягкими сжато, какъ бы французское é — accent aigu».

Не считая себя достаточно знакомымъ съ швейцарско-нѣмецкимъ нарѣчіемъ чтобы рѣшить, вполнѣ ли правильно предложенное здѣсь сравненіе, я оставляю его въ сторонѣ. Но я настаиваю на томъ, что́ сказано мною о двоякомъ произношеніи *е* въ русскомъ языкѣ и ссылаюсь въ этомъ на всякаго, кто родился въ Россіи, съ дѣтства говоритъ на этомъ языкѣ и обладаетъ мало-мальски тонкимъ слухомъ. Сравненіе съ французскими è и é я, разумѣется, позволилъ себѣ только для болѣе нагляднаго уясненія разности обоихъ русскихъ звуковъ, и это замѣчаніе, mutatis mutandis, остается въ своей силѣ[1].

---

[1] Оно подтверждено уже многими филологами, изъ числа которыхъ назову гг. Миклошича и Ягича.

Во второмъ томѣ «Филологическихъ Разысканій» (стр. 31—32) я возвратился къ этому предмету и старался подкрѣпить свое наблюденіе новыми примѣрами. Всякій непредубѣжденный Русскій согласится, что въ словахъ грѣть и грѣть звукъ ε слышится неодинаково. Укажу еще на нѣсколько поразительныхъ случаевъ. Оспариваемое различіе не можетъ не быть замѣчено въ слѣдующихъ попарно приводимыхъ словахъ:

вѣ̀тръ	вѣ́теръ.	плѣ̀нъ	плѣ́нникъ.
свѣ̀тъ	свѣ́тникъ.	колѣ̀на	колѣ́ни.

Особенно ясно обнаруживается разность звука ε въ словахъ вѐсъ и ве́сь, въ которыхъ она зависитъ конечно не отъ различнаго произношенія буквъ *ѣ* и *е*, выговариваемыхъ, какъ всѣми признано, совершенно одинаково, а единственно отъ несходнаго качества послѣдующихъ согласныхъ. Замѣчательно, что твердо звучащее ε въ словѣ нѣтъ становится мягкимъ, когда за этимъ отрицаніемъ слѣдуетъ вопросительная частица *ли:* нѣтъ ли коренными Русскими произносится: нѣ́тьли.

Относительно перехода *е* въ *о*, какъ явленія послѣдственнаго (secundär), надо принять во вниманіе два обусловливающіе его первичные момента: во-первыхъ, твердое или мягкое произношеніе послѣдующаго согласнаго; во-вторыхъ, зависящее отъ того произношеніе самаго звука ε. При этомъ оказывается, что обыкновенно только широкое ε (è) и лишь весьма рѣдко тонкое (é) способно обращаться въ ɔ: изъ ѐлка происходитъ ёлка, е́ль же не можетъ превратиться въ ёль, и непосредственная тому причина заключается не столько въ произношеніи послѣдующей согласной, сколько въ проистекающемъ отъ того свойствѣ самаго звука ε. Это ускользнуло и отъ моего вниманія во 2-мъ томѣ «Филологическихъ Разысканій», гдѣ я разсматриваю произношеніе звука *е* какъ ɔ.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ частностяхъ въ изслѣдованіи г. Хаага. На стр. 37 говорится о мульированіи (Mouillirung) русскихъ согласныхъ. Прежде уже было замѣчено мною, что я

никакъ не могу признать отвѣчающимъ сущности дѣла выраженіе «mouillirter Laut» въ примѣненіи къ русскимъ мягкимъ согласнымъ. Ссылаюсь въ томъ на «Фил. Раз.» II, 23—24 (2-е изд.).

Стр. 38: Правило, что произношеніе *е* какъ *о* явилось только вслѣдствіе ударенія, справедливо лишь въ отношеніи къ московскому нарѣчію и образованному языку. Извѣстно, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи народъ зачастую произноситъ и неударяемое *е* какъ ё. Примѣры тому приводитъ Колосовъ [1], замѣчая: «Начальное *іе* въ *йо* переходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ независимо отъ ударенія, какъ и *е* въ *о*. Даже начальное *ѣ*, слившееся по звуку съ *е*, иногда переходитъ въ *йо*: ѣдя́, ѣзжа́ти» и проч.

Еще нѣсколько мелкихъ поправокъ. Произношеніе умёръ (стр. 38) невѣрно: это слово слышится всегда у́меръ. Вмѣсто того можно было привести здѣсь упёръ. Народъ мѣстами говоритъ: моёй, твоёй (стр. 41). Начертанія: пчёльный, пчёльникъ (47), кавёрзникъ (50), пёристый, пёра (51), вылёживать (52), бёмскій (55), рѣшётечка (60), подзёмный (74), вéтошь (83) ошибочны. Ихъ слѣдуетъ такъ исправить: пчéльный, пчéльникъ, ка́верзникъ, пери́стый, пера́, вылéживать, бѐмскій, рѣшёточка, подзѐмный, вётошь. Разчёмистый, разчёмъ — опечатки: вмѣсто *ч* слѣдуетъ читать *г*. Менѣе значительныя погрѣшности опускаю.

---

[1] Какъ-то ёлóха, ёлбзить, дёржи, мóрё, пóлё, воскресéньё, бѣлыё. (Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава. 1878. Стр. 71—84).

О НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ВЪ СИСТЕМѢ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Въ двухъ предыдущихъ статьяхъ: «О произношеніи буквъ *э, е, ѣ*» было показано, что въ русскомъ языкѣ звукъ ε (на письмѣ э, е, ѣ) выговаривается двояко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій звукъ.

Академикъ Бётлингъ въ своей статьѣ: «Beiträge zur Russischen Grammatik», напечатанной въ академическомъ «Бюллетенѣ»[1], остановился между прочимъ на томъ же явленіи, подмѣченномъ имъ изъ собственнаго наблюденія. О моей замѣткѣ г. Бётлингъ узналъ не прежде, какъ когда его разсужденіе почти все уже было набрано; разсказывая о томъ въ приписке къ своей статьѣ, авторъ добросовѣстно признаетъ, что я уже за нѣсколько лѣтъ до того указалъ на особенность русскаго языка, о которой, какъ думалъ онъ прежде, у насъ никто еще не упоминалъ[2].

Но у г. Бётлинга есть другое замѣчаніе, въ которомъ я не могу вполнѣ согласиться съ нимъ. Онъ находитъ, что умягченію передъ мягкой буквой подвергается не только звукъ ε, но и другія гласныя: *а, о, у, і, ы*. Объ этомъ говорится и въ самой его статьѣ, и въ припискѣ къ ней. «Звукъ *а* въ словѣ *бани*» — сказано въ статьѣ

---

[1] Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, № 195, 196. T. IX, № 3, 4. Впослѣдствіи та же статья, въ русскомъ переводѣ, напечатана въ *Ученыхъ Записк. I и III Отд. Ак. Н.*, т. I, стр. 58.

[2] См. тамъ же, стр. 90.